ОЧЕРКИ

ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

В. В.

Роль рынка.—Что такое цѣнность.—Капиталистическая эволюція промышленности.—Русскій марксизмъ.

176392.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

ЗК

Room 232
Library, Social Science

Первые два очерка настоящаго изданія были напечатаны въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» за 1887 г.; остальные, за исключеніемъ нѣсколькихъ страницъ, являются въ печати впервые. Отдавая свой трудъ на благосклонный судъ читателя, мы считаемъ не лишнимъ, въ виду имѣющейся на с. 90 настоящаго изданія ссылки на приготовляемую къ печати III книгу сочиненія Маркса «Капиталъ»— разъяснить, что въ настоящее время эта книга уже вышла въ свѣтъ и потому читатель имѣетъ возможность убѣдиться въ томъ, насколько наша попытка примиренія трудовой теоріи цѣнности съ закономъ равенства нормы прибыли во всѣхъ предпріятіяхъ или, иначе говоря, указанный нами путь превращенія производственной цѣнности въ рыночную (стран. 92—93), по основной его мысли, близокъ къ тому рѣшенію вопроса, какое дается Марксомъ. Убѣдившись вмѣстѣ съ тѣмъ въ простотѣ и, такъ сказать, элементарности этого рѣшенія, читатель, надѣюсь, согласится и съ высказанной на стр. 208—9 нашей книги мыслью о безплодности поклоненія, воздаваемаго этому замѣчательному мыслителю его многочисленными и горячими послѣдователями.

I. Роль рынка.

Въ наукѣ принято подраздѣлять всю совокупность экономическихъ явленій на три группы: производство, распредѣленіе и потребленіе продуктовъ. Намъ кажется, что въ этой классификаціи не совершенно выясненъ вопросъ о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ потребленіемъ, какъ актомъ общественной, а не личной дѣятельности человѣка. Потребленіе, какъ заключительный результатъ экономической дѣятельности, состоитъ въ уничтоженіи предмета съ цѣлью удовлетворенія потребностей организма. Въ этомъ смыслѣ потребленіе является, во-первыхъ, дѣломъ личнымъ, а не общественнымъ; во-вторыхъ—явленіемъ біологическимъ, а не соціальнымъ. Или подъ потребленіемъ нужно разумѣть совокупность мѣръ, принимаемыхъ каждымъ для того, чтобы придать продукту, пріобрѣтенному на рынкѣ, форму, наиболѣе удобную для удовлетворенія потребности; а въ такомъ случаѣ или это составитъ предметъ домашней, а не общественной экономіи, или,—если приготовленіе совершается общественнымъ путемъ (кухмистерскія, булочныя, библіотеки и т. д.),—этотъ приготовительный процессъ скорѣе долженъ быть отнесенъ къ производству продукта, а не къ потребленію. Сказанное ясно видно на такихъ предпріятіяхъ, какъ хлѣбопекарни. Послѣднія взяли на себя операцію, входящую въ отдѣлъ домашней экономіи; но этимъ онѣ только растянули тотъ общественный процессъ, который заключается въ добываніи изъ природы нужныхъ человѣку продуктовъ и приданіи имъ наиболѣе удобной формы, и который называется производствомъ. Этотъ процессъ можетъ совершаться частью общественнымъ, частью домашнимъ путемъ, и вторая его половина уже не называется производствомъ. Но очевидно, что такое дѣленіе совершенно искусственно, и печеніе, напримѣръ, хлѣба,—совершается-ли оно въ пекарнѣ или домашней печи,—одинаково составляетъ продолженіе того же

процесса производства, который раньше заканчивался дѣятельностью мельника. Если же домашнюю экономію отнести къ отдѣлу производства, а не потребленія,—послѣднее будетъ обнимать процессы, которые врядъ-ли можно назвать экономическими и тѣмъ болѣе общественными. При такой невыясненности понятій нѣтъ ничего удивительнаго въ жалобахъ экономистовъ на то, что вопросъ о потребленіи, не смотря на его важность, совсѣмъ не разработанъ въ наукѣ, не удивительно и то, что соотвѣтствующій отдѣлъ въ курсахъ политической экономіи не имѣетъ строго опредѣленнаго содержанія. Совершенно противное нужно сказать о двухъ другихъ классахъ экономическихъ явленій: развитіе ихъ законовъ составляетъ почти все содержаніе политической экономіи, и въ предлагаемыхъ очеркахъ мы думаемъ лишній разъ напомнить читателю главнѣйшія понятія, относящіяся къ явленіямъ производства и распредѣленія.

I.

Въ явленіяхъ распредѣленія слѣдуетъ различать двѣ стороны: 1) опредѣленіе долей, достающихся рабочимъ, капиталистамъ, землевладѣльцамъ и т. д.; 2) превращеніе идеальной доли каждаго въ матеріальную, дѣйствительное расчлененіе національнаго продукта между участниками производства, переходъ его отъ производителя къ потребителю. Что касается перваго, то здѣсь, въ свою очередь, нельзя смѣшивать внутреннюю и внѣшнюю стороны явленія, его содержаніе и форму обнаруженія. Сущность распредѣленія заключается въ тѣхъ доляхъ общаго продукта страны, которыя достаются соучастникамъ въ производствѣ; формальная сторона обнимаетъ способы, которыми опредѣляются эти доли. Законы обоихъ порядковъ явленій настолько несходны и даже несоизмѣримы, на сколько несравнимы между собой сущность явленія и его форма. Эти законы, равно какъ и способы перехода продукта отъ производителя къ потребителю, различаются по эпохамъ и экономической организаціи общества. Для уясненія этого обстоятельства возьмемъ три различныхъ экономическихъ типа: семейную ассоціацію, какую-нибудь захолустную великороссійскую общину и новѣйшую товарно-капиталистическую страну.

Законъ распредѣленія продукта, свойственный семейной ассоціаціи, это: каждому по его потребностямъ; обнаруживается этотъ законъ отчасти свободнымъ потребленіемъ членами семьи продуктовъ общаго производства въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ потребностями каждаго, частью путемъ прямого учета нужды каждаго члена семьи ея главою. По закону распредѣленія, присущему русской общинѣ, каждому участнику въ производствѣ принадлежитъ весь продуктъ его труда; осуществляется этотъ законъ непосредственнымъ примѣненіемъ права пользованія и собственности, такъ какъ трудящіеся, владѣя средствами производства, естественно оставляютъ въ свою пользу и продукты послѣдняго. Въ современномъ товарно-капиталистическомъ обществѣ положеніе дѣлъ гораздо сложнѣе и запутаннѣе. Продуктъ раздѣляется на три категоріи дохода: заработную плату, прибыль и ренту; размѣры этихъ частей опредѣляются особыми законами („желѣзный" законъ заработной платы, законъ ренты Рикардо), и эти законы устанавливаются на рынкѣ.

Но рыночныя отношенія не составляютъ сущности явленій распредѣленія въ товарно-капиталистическомъ обществѣ, не служатъ даже ихъ причиною (по крайней мѣрѣ единственной и главной). Они представляютъ собой лишь методы, помощью которыхъ выясняются и опредѣляются внутреннѣе законы экономической дѣятельности общества: при другой организаціи послѣдняго даже тѣ же самые законы будутъ установлены инымъ путемъ. Такъ, законъ заработной платы, приблизительно, одинъ и тотъ же въ крѣпостномъ и капиталистическомъ обществахъ, по крайней мѣрѣ въ томъ типѣ послѣднихъ, который характеризуется отсутствіемъ организаціи рабочаго класса; тамъ и здѣсь рабочій получаетъ сколько необходимо для поддержанія и воспроизведенія рабочей силы (хотя уровень этотъ въ обоихъ случаяхъ и неодинаковъ). Но при крѣпостной организаціи производства доля трудящагося опредѣляется владѣльцемъ, прямо учитывающимъ потребности своихъ работниковъ и наблюдающимъ вліяніе того или другого содержанія на сохраненіе ихъ силы и на ихъ размноженіе. Въ свободномъ же современномъ обществѣ такому одностороннему учету нѣтъ мѣста, и та же величина заработной платы устанавливается на рынкѣ, конкурренціей рабочихъ и капитали-

стовь. Рента, какъ избытокъ дохода нѣкоторыхъ производителей, обязанный своимъ происхожденіемъ неравенству производительности силъ природы, существуетъ вездѣ, гдѣ земля находится въ частномъ пользованіи, слѣдовательно, и тамъ, гдѣ нѣтъ товарнаго производства. Но тогда какъ въ послѣднемъ случаѣ она прямо поступаетъ къ собственнику вмѣстѣ съ остальной массой его продукта,—въ современномъ обществѣ ея величина опредѣляется независимо отъ другихъ частей трехчленнаго распредѣленія продукта и путемъ той же конкурренціи на рынкѣ.

И такъ, рынокъ въ товарно-капиталистическомъ обществѣ является счетной машиной, аппаратомъ, учитывающимъ доли продукта, приходящіяся каждому экономическому классу общества. Какъ счетную машину его нельзя считать причиною того или другого числа, получаемаго въ итогѣ; онъ не рождаетъ его, а только выясняетъ. Но если рынокъ не имѣетъ опредѣляющаго значенія, если онъ образуетъ только поверхность экономическаго океана, служитъ формою проявленія отношеній, создающихся въ глубинахъ народной жизни, зато сфера его вліянія простирается далеко за предѣлы распредѣленія продукта. Всѣ общественно-экономическія отношенія при товарной организаціи выясняются черезъ посредство рынка. Рынкомъ опредѣляется та доля, какую получатъ капиталистъ, рабочій и землевладѣлецъ; рынокъ же дастъ и матеріальное содержаніе этихъ долей, опредѣляемое цѣнами различныхъ предметовъ потребленія, установленными на рынкѣ же. Такимъ образомъ распредѣленіе продукта обѣими своими сторонами осуществляется черезъ посредство рынка. Но и производство получаетъ необходимыя указанія отъ него же. Производитель не имѣетъ непосредственныхъ сношеній съ потребителемъ; размѣры и направленіе производства опредѣляются по явленіямъ, совершающимся на рынкѣ. Подобно тому, какъ раньше мы видѣли рынокъ выясняющимъ величину долей рабочаго, капиталиста и землевладѣльца, — теперь мы его наблюдаемъ учитывающимъ потребности общества; опредѣляющимъ, какихъ продуктовъ произведено слишкомъ много, какихъ недостаточно; что нужно сократить и чего прибавить. Словомъ, рынокъ является ареной, на которой разыгрываются экономическія отношенія членовъ общества, складывающіяся гдѣ-то внѣ его; онъ служитъ органомъ сношеній

всѣхъ участниковъ промышленной жизни, но органомъ, имѣющимъ оригинальную физіономію, особый языкъ, на который должны переводить свои требованія всѣ, прибѣгающіе къ его услугамъ. Этотъ языкъ рынка, та форма, въ которую должна облечься всякая потребность для того, чтобы получить общественное выраженіе, т.-е. чтобы вступить въ сношеніе съ другими потребностями и пріобрѣсть такимъ образомъ возможность удовлетворенія,—есть конкурренція съ ея закономъ спроса и предложенія.

Всякій членъ общества, имѣющій экономическія потребности, предъявляетъ на рынкѣ спросъ на предметы, служащіе для удовлетворенія таковыхъ. Одному нужны продукты потребленія, и онъ спрашиваетъ ихъ на рынкѣ, другой представляетъ запросъ на рабочую силу, третій на капиталъ и т. д. Но каждый спросъ есть въ то же время и предложеніе: предложеніе денегъ, продукта и т. п., которые должны поступить взамѣнъ спрашиваемаго. Такимъ образомъ, на рынкѣ постоянно совершается обмѣнъ и наемъ; объектами сдѣлки служатъ элементы производства или потребленія; механизмъ рыночныхъ сдѣлокъ заключается въ игрѣ интересовъ контрагентовъ; результатомъ дѣятельности этого механизма будетъ установленіе отношенія, въ какомъ средства потребленія или производства обмѣняются между собою.

И такъ, что ни поступаетъ на рынокъ—принимаетъ форму продаваемаго или нанимаемаго, форму товара; рыночныя сдѣлки заключаются въ уравненіи противуставляемыхъ другъ другу объектовъ, въ установленіи между ними опредѣленнаго количественнаго отношенія. Каждый предметъ, поступившій на рынокъ, пріобрѣтаетъ тамъ опредѣленную мѣновую силу, отъ которой зависитъ количество другихъ предметовъ, съ какимъ онъ можетъ обмѣняться. Эта сила есть мѣновая цѣнность, выражающаяся въ цѣнѣ—единственный и окончательный результатъ дѣятельности рыночнаго механизма, такъ какъ, по установленіи цѣны, роль рынка, какъ такового, заканчивается и совершается лишь механическое передвиженіе товара отъ продавца къ покупателю.

Хотя на рынкѣ мы видимъ продажу и наемъ, но важнѣйшимъ, опредѣляющимъ явленіемъ слѣдуетъ признать первое, т.-е. обмѣнъ матеріальныхъ продуктовъ (производства); отъ цѣны таковыхъ зависятъ и условія найма или аренды. Такъ, цѣна труда (случай

найма), опредѣляемая издержками по содержанію и воспроизведенію рабочей силы, въ своемъ рыночномъ выраженіи будетъ зависѣть оттого, каковы цѣны предметовъ потребленія рабочаго. Рента, измѣряемая разницей стоимости производства хлѣба на худшихъ и лучшихъ почвахъ, колеблется въ размѣрахъ сообразно колебанію стоимости зерна и т. д. Слѣдовательно, основнымъ рыночнымъ матеріаломъ, опредѣляющимъ разнообразнѣйшія экономическія отношенія общества, является продуктъ производства, фигурирующій въ формѣ товара. А рыночное выраженіе этой формы—цѣна—заключаетъ, какъ зародышъ, элементы, развивающіеся затѣмъ въ тѣ сложныя формулы, которыя фигурируютъ въ наукѣ подъ именемъ экономическихъ законовъ.

И такъ, рыночныя отношенія, повидимому, крайне просты и бѣдны содержаніемъ: товаръ узнаетъ на рынкѣ только свою цѣну, и однако этого достаточно для того, чтобы опредѣлить все разнообразіе текущей экономической дѣйствительности. Руководствуясь цѣною продукта, производитель принимаетъ рѣшеніе, какое количество товара нужно произвести, чтобы удовлетворить потребности общества. Эта же цѣна продукта, регулирующая производство предметовъ потребленія многомилліоннаго населенія страны, регулируетъ и распредѣленіе богатствъ. Рынокъ говоритъ только: ситецъ стоитъ столько-то, шерсть—столько-то и т. д.; а это значитъ, что фабриканту достанется такая-то доля произведеній страны, землевладѣльцу—другая, потребителю—третья и т. д.

Ослѣпленные видной ролью, какую законъ спроса и предложенія играетъ въ экономической жизни, нѣкоторые экономисты безъ мѣры преувеличивали его значеніе и принимали, что ему принадлежитъ главное, опредѣляющее вліяніе, что онъ служитъ настоящей причиной явленій, которыя они видѣли ему подчиненными на рынкѣ. Если производство и распредѣленіе продуктовъ совершается по указанію цѣны товара; если распредѣленіе и прямо подвергается опредѣляющему вліянію конкурренціи, то что же такое эта послѣдняя, какъ не причина, а производство и распредѣленіе—ея слѣдствія? Минутнаго размышленія, однако, достаточно, чтобы убѣдиться въ ошибочности этого заключенія.

Первичной причиной экономическихъ явленій служатъ человѣческія потребности; онѣ вызываютъ производство и распредѣ-

леніе продуктовъ. Формы, принимаемыя тѣмъ и другимъ, обусловливаются естественной и соціальной обстановкой обжежитія: почвою, климатомъ, густотой населенія, культурнымъ и въ частности техническимъ развитіемъ, политическимъ устроиствомъ страны и ея формами землевладѣнія. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ многообразныхъ факторовъ складывается экономическая жизнь общества; ими опредѣляется родъ и количество производимыхъ продуктовъ и доли, выпадающія каждому производителю. Это вліяніе не побочное на ряду, напримѣръ, съ конкурренціи, которая служитъ будто бы главнымъ опредѣляющимъ моментомъ, а тѣ— слегка колеблющими равновѣсіе, приданное ею экономическимъ отношеніемъ. Они являются единственными дѣятелями, придающими явленію его настоящій смыслъ, имѣвшими бы тѣ же послѣдствія, даже если бы законъ спроса и предложенія отсутствовалъ или прилагался не систематически, а болѣе или менѣе случайно. Вынесется-ли трудъ на рынокъ или рабочій будетъ крѣпостнымъ и потому не подчиняющимся вліянію конкурренціи— его вознагражденіе (на извѣстной стадіи капиталистической эволюціи) все равно будетъ опредѣляться средствами, необходимыми для поддержанія и воспроизведенія рабочей силы. Причиной существованія этого закона являются не рыночныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ, а формы продукціи, разобщеніе трудящагося со средствами производства, отсутствіе организаціи рабочаго класса, въ свою очередь выросшія не на экономическомъ законѣ спроса и предложенія, а на извѣстномъ направленіи культурнаго развитія, на политическихъ мѣропріятіяхъ опредѣленнаго характера, на развитіи техники и т. д. Гдѣ же заработная плата отступаетъ отъ этого закона, причина отступленія лежитъ не въ рынкѣ, а въ соціальныхъ отношеніяхъ: въ существованіи свободнаго доступа для работника къ землѣ (Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты), въ растущей организаціи пролетаріата и т. п.

Рента, какъ разность въ количествѣ продуктовъ, получаемыхъ на худшихъ и лучшихъ почвахъ, существовала всегда: ея размѣръ всегда зависѣлъ отъ почвенныхъ и экономическихъ условій производства, независимо отъ того, подчинялась-ли она дѣйствію конкурренціи или нѣтъ. Но если естественныя условія опредѣляютъ величину ренты, то общественныя направляютъ ее въ

тѣ или иныя руки: тамъ, гдѣ земля составляетъ собственность производителя—рента принадлежитъ трудящемуся; гдѣ же она находится въ рукахъ особыхъ владѣльцевъ—рента переходитъ къ послѣднимъ. Такимъ образомъ и величина ренты, и ея юридическая принадлежность являются результатомъ не игры спроса и предложенія, а естественныхъ и социальныхъ условій общежитія. Послѣднія, поэтому, служатъ истинными причинами какъ названныхъ, такъ и подразумѣваемыхъ явленій экономической жизни.

Удовлетвореніе потребностей человѣка требуетъ цѣлесообразнаго приложенія его силъ къ внѣшнему міру. Эта цѣлесообразность выражается въ томъ стремленіи, какимъ руководствуется человѣкъ въ своей дѣятельности и которое можно выразить формулой: достиженіе наибольшихъ результатовъ при наименьшей затратѣ силъ. На первоначальныхъ ступеняхъ развитія общества, когда его организація проста, и человѣкъ, какъ потребитель, прямо сносится съ природою, указаннымъ личнымъ мотивомъ прямо же опредѣляется производительная дѣятельность человѣка. Въ этомъ случаѣ форма дѣятельности будетъ измѣняться сообразно внѣшнимъ, естественнымъ и общественнымъ, условіямъ, требующимъ такого или иного расположенія силъ человѣка для удовлетворенія его нуждъ. Дѣло общественной науки, поэтому, разъяснить—вслѣдствіе какихъ условій экономическая жизнь страны сложилась извѣстнымъ образомъ, и найти формулу для выраженія существующихъ отношеній. Элементами ея построеній при этомъ будутъ, главнымъ образомъ, факты общественной жизни, затѣмъ почвенныя, климатическія и біологическія (потребности человѣка) данныя. Психологическій же мотивъ дѣятельности человѣка — его стремленіе достигнуть наибольшихъ результатовъ съ наименьшей затратой силъ—примется ею, какъ необходимое условіе соціальной жизни, существующее при всякой комбинаціи обстоятельствъ обнаруживающееся въ каждомъ фактѣ экономической жизни и уже потому неспособное объяснить всего разнообразія наблюдаемыхъ явленій, причины которыхъ, напротивъ того, нужно искать внѣ мотива личной выгоды, въ расположеніи общественныхъ силъ, обычаѣ и т. д.

То же самое приходится сказать и о болѣе сложной организаціи общества, основанной на раздѣленіи труда, ведущемъ къ

товарному производству. И здѣсь личный мотивъ дѣятельности— тоже стремленіе человѣка къ достиженію наибольшихъ результатовъ при наименьшей затратѣ силъ; и здѣсь направленіе его дѣятельности зависитъ отъ окружающихъ условій; и здѣсь каждая категорія экономическихъ явленій должна имѣть свой законъ, формулированный внѣ зависимости отъ личнаго мотива. Но на этой ступени развитія общества между человѣкомъ, какъ активнымъ дѣятелемъ въ окружающей средѣ, и обстановкой или предметомъ его дѣятельности, между субъектомъ и объектомъ стоитъ лишняя инстанція, это — рынокъ. Рыночныя явленія, движущіяся въ рамкахъ спроса и предложенія, прерываютъ непосредственное общеніе человѣка съ внѣшними условіями его экономической дѣятельности. При болѣе простой общественной организаціи между потребностями человѣка и его производительной дѣятельностью стоитъ личный мотивъ, психологическое выраженіе активной природы человѣка; въ товарнокапиталистическомъ обществѣ этотъ личный мотивъ получаетъ общественное выраженіе, преобразуется въ общественный мотивъ (законъ спроса и предложенія). Но этимъ дѣло существенно не измѣняется: причинами явленій остаются все-таки факторы общественные и естественные; формулированіе законовъ экономической жизни все-таки должно быть сдѣлано на основаніи этихъ послѣднихъ; эти законы—не рыночные, а внѣ рыночные, законъ же рыночной жизни, замѣняя личный мотивъ простѣйшихъ обществъ, подобно этому послѣднему, сопутствуетъ всѣмъ экономическимъ столкновеніямъ членовъ общества и уже поэтому не можетъ быть закономъ каждаго изъ отношеній, вытекающихъ изъ этихъ столкновеній.

Хотя все, что мы сейчасъ говорили—совершеннѣйшая истина, хотя текущая экономическая дѣйствительность опредѣляется естественными и соціальными вліяніями, но это не даетъ намъ права выкинуть за бортъ конкурренцію, какъ совершенно излишнюю для объясненія закона интересующихъ насъ явленій и не принимающую въ установленіи такового никакого участія. Не можемъ этого сдѣлать потому, что стоитъ намъ только выйти на рынокъ — и мы убѣдимся въ противномъ. Мало того! Мы не можемъ избѣгнуть затруднительнаго положенія,—проистекающаго

изъ противорѣчія между нашимъ убѣжденіемъ въ томъ, что причиной текущихъ экономическихъ явленій служатъ глубокіе социальные факторы, и видимой зависимостью этихъ явленій отъ спроса и предложенія.—предложивъ какой-либо компромиссъ; признавъ, напримѣръ, что конкурренція, не составляя главной причины экономическихъ отношеній, достаточно, однако, сильна, чтобы колебать уровень жизни, опредѣляемый другими, болѣе важными вліяніями; что она является однимъ, хотя и не главнымъ, факторомъ, придающимъ экономической жизни опредѣленную физіономію. Словомъ, мы не можемъ поставить ее на одну доску съ другими экономическими дѣятелями, считать одною изъ причинъ разсматриваемыхъ явленій и только. Слѣдя за *рыночными* отношеніями, мы убѣждаемся въ томъ, что конкурренція является единственнымъ, а не однимъ изъ многихъ дѣятелей въ подлежащей сферѣ. Это вамъ разъяснитъ любой промышленный практикъ.

Фабрикантъ, нанимающій рабочаго, скажетъ вамъ, что онъ не высчитываетъ стоимости содержанія послѣдняго, съ цѣлью опредѣленія уровня необходимаго его вознагражденія, и даже не заботится, чтобы это вознагражденіе соотвѣтствовало потребностямъ нанимающагося. Работникъ, въ свою очередь, разъяснитъ, что, хотя онъ и хорошо знаетъ, во что ему обходится жизнь, но не настаиваетъ непремѣнно на соотвѣтствующемъ этой стоимости вознагражденіи. Оба они стремятся къ противуположнымъ крайностямъ, примиреніе которыхъ, повидимому, немыслимо: одинъ— какъ можно больше получить, другой — поменьше дать; а та или другая заработная плата установилась вслѣдствіе извѣстнаго отношенія на рынкѣ между предложеніемъ труда и спросомъ на него. Измѣнимъ это отношеніе въ одну сторону, сдѣлаемъ такъ, чтобы преобладало предложеніе труда, — и заработная плата понизится, какъ бы велики ни были потребности рабочаго; и наоборотъ. Отсюда видно, что личный интересъ контрагентовъ является единственнымъ рыночнымъ дѣятелемъ; столкновеніе этихъ интересовъ, фигурирующее подъ формою спроса и предложенія—единственной поэтому причиной тѣхъ явленій, которыя мы только что приписали дѣйствію совершенно другихъ факторовъ.

И такъ, изучая данное явленіе въ связи со всей совокуп-

ностью фактовъ общественной жизни, мы находимъ ему одно объясненіе; слѣдя же за нимъ на рынкѣ, встрѣчаемся съ другимъ, дѣлающимъ первое излишнимъ. Примирить это противорѣчіе можно лишь положеніемъ, что истинныя причины экономическихъ явленій дѣйствуютъ на нихъ не прямо, а черезъ посредство рынка; что эти причины, комбинируясь другъ съ другомъ, объединяются въ законѣ спроса и предложенія, который и передаетъ ихъ вліяніе явленіямъ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, на рынкѣ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ другихъ дѣятелей, кромѣ спроса и предложенія, кромѣ личнаго мотива, который поэтому можетъ быть принятъ за единственную причину подлежащихъ явленій. Но этимъ вовсе не уничтожается и даже нисколько не умаляется значеніе основныхъ причинъ, такъ какъ и самъ законъ спроса и предложенія служитъ отраженіемъ этихъ послѣднихъ. Это значитъ, что основные факторы экономической жизни не воздѣйствуютъ на текущую дѣйствительность непосредственно, а сносятся съ нею при помощи закона спроса и предложенія, который поэтому отражаетъ собой вліяніе болѣе глубокихъ причинъ. Законъ спроса и предложенія,—это передаточный механизмъ, орудіе, направляемое основными мотивами. Наблюдая текущую дѣйствительность на ея поверхности, мы видимъ за нею только этотъ механизмъ и ему приписываемъ опредѣляющую роль. И онъ точно играетъ ее; онъ—причина явленія, но причина ближайшая и потому несамостоятельная. Въ глубинѣ же общественной жизни кроются другіе дѣятели, которыми въ концѣ-концовъ и обусловливается все то, что мы видимъ на ея поверхности.

И такъ, спросъ и предложеніе есть механизмъ, направляемый основными естественными и соціальными вліяніями; это — способъ, которымъ выясняются экономическія отношенія въ товарно-капиталистическомъ обществѣ; но только выясняются, а не образуются, ибо причины ихъ, повторяемъ, другія. Нельзя сказать, чтобы это положеніе было прочно и ясно установлено въ наукѣ. Правда, оно скрывается за всѣми изслѣдованіями о рентѣ, заработной платѣ, цѣнности и т. д., такъ какъ, если согласиться съ противоположнымъ мнѣніемъ и признать, что связь явленій, наблюдаемая на рынкѣ, есть генетическая, т.-е., что законъ спроса

и предложенія является настолько же дѣйствительной причиной ренты, цѣнности, на сколько онъ кажется таковою поверхностному наблюдателю, то не будетъ надобности въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи предмета, и политическая экономія превратится въ торговую экономію. Тѣмъ не менѣе, это положеніе настолько еще необщепринято, что существуетъ возможность появленія такихъ экономистовъ, какъ, напримѣръ, Маклеодъ, а теорія, сводящая цѣнность къ игрѣ спроса и предложенія, имѣетъ даже не малое число послѣдователей.

II.

Въ предыдущемъ изложеніи мы разсматривали рыночный механизмъ, какъ орудіе, направляемое извѣстными вліяніями. Но, признавая такую его роль, не слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ забывать, что онъ—не мертвый механизмъ, послушно повинующійся внѣшнему импульсу и лишь выражающій чужое движеніе, а живой и самостоятельный организмъ со специфическими чертами и своими законами существованія. Въ силу названныхъ особенностей онъ находится не въ полной гармоніи съ отношеніями, выразителемъ которыхъ служитъ, такъ какъ слѣдуетъ за ними, не безропотно повинуясь ихъ велѣніямъ, а воспринимая послѣднія самостоятельно, сообразно съ своей организаціей. Это значитъ, что онъ не только отвѣчаетъ на чужія требованія, но и самъ вноситъ нѣчто оригинальное; что онъ не только выражаетъ чуждыя ему отношенія, но и самъ принимаетъ участіе въ ихъ образованіи.

Механизмъ спроса и предложенія не изобрѣтенъ нарочно для того, чтобы точнѣйшимъ образомъ выражать существующія отношенія. Онъ не былъ созданъ сознательно и планомѣрно общественной мыслью, а явился самъ собою и на почвѣ личнаго интереса, а не соціальнаго.

Въ первоначальную эпоху товарнаго производства, когда общественное раздѣленіе труда только еще зарождалось — видны попытки общества сознательно регулировать тѣ экономическія отношенія, которыя въ настоящее время вѣдаются конкурренціей. Но по мѣрѣ приближенія къ новѣйшей эпохѣ эти попытки оставлялись, какъ несоотвѣтствующія началамъ капиталистической организаціи. Основной принципъ послѣдней—свобода во взаимно-

отношеніяхъ всѣхъ членовъ общества,—выразившійся въ извѣстной формулѣ: laisser faire, laisser passer—не допускалъ сознательнаго и планомѣрнаго регулированія производства и распредѣленія продуктовъ. До новѣйшаго времени считалось азбукой экономической науки, что свободная игра частныхъ интересовъ лучше всего обезпечиваетъ взаимоприспособленіе различныхъ экономическихъ отношеній. На этомъ основаніи не только не допускалось новое вмѣшательство извнѣ въ сферу послѣднихъ, но по возможности устранялись и тѣ остатки регламентаціи, какіе новѣйшее общество наслѣдовало отъ среднихъ вѣковъ.

Такимъ образомъ, механизмъ выясненія и удовлетворенія общихъ экономическихъ потребностей въ новѣйшихъ обществахъ долженъ былъ образоваться самъ собою, и элементами его явились личные интересы соучастниковъ общежитія. Такое происхожденіе общественно-экономическаго регулятора ясно отражается въ его дѣятельности. Не будучи созданнымъ сознательно-цѣлесообразно, съ разсчетомъ, чтобы по возможности лучше выполнять свое дѣло, искомый механизмъ оказался не точно приноровленнымъ къ выполненію поставленной цѣли. Вмѣсто того, чтобы прямо учитывать подлежащія явленія—единственный путь къ вѣрному выраженію существующаго—нашъ механизмъ сносится съ ними чрезъ посредство частнаго интереса; строитъ свои выводы изъ данныхъ, составляющихъ отраженіе дѣйствительной жизни въ сознаніи лицъ, преслѣдующихъ исключительно свои личныя цѣли. Эти данныя по необходимости субъективны, т.-е. не вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, почему и выводы, на нихъ построенные, лишь приблизительно истинны. Иначе говоря, настоящій законъ явленія, открываемый при помощи научныхъ методовъ изслѣдованія, не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому его формулированію, которое сдѣлано рынкомъ; теорія не сходится съ практикой. Отсюда же и другая характеристическая черта итоговъ дѣятельности регулирующаго механизма. Въ своемъ проявленіи частный интересъ не представляетъ чего-то устойчиваго, точно опредѣленнаго. Онъ приноравливается ко всѣмъ измѣненіямъ текущей дѣйствительности, отражаетъ въ себѣ даже случайныя колебанія многообразныхъ явленій внутренней и внѣшней жизни. Оттого и рѣшенія рынка не отличаются постоянствомъ,

а представляютъ непрерывное колебаніе около извѣстнаго средняго уровня, который и составляетъ истинное выраженіе искомаго отношенія.

И такъ, обычный для нашего времени механизмъ обнаруженія общественно-экономическихъ отношеній—игра спроса и предложенія—не отличается особеннымъ совершенствомъ конструкціи и потому не даетъ вполнѣ вѣрныхъ и опредѣленныхъ указаній ни для производства, ни для распредѣленія продуктовъ.

Законъ спроса и предложенія дѣйствуетъ съ одинаковою правильностью и безстрастіемъ при всевозможныхъ, самыхъ неестественныхъ комбинаціяхъ условій, создавшихъ то или иное явленіе. Рынокъ также спокойно и также законно назначитъ цѣну продукта, напримѣръ, втрое превышающую нормальную, какъ онъ устанавливаетъ и эту послѣднюю. Въ обоихъ случаяхъ онъ дѣйствуетъ одинаково правильно, т.-е. одинаково въ согласіи съ своими собственными законами; но тогда, какъ однажды его проявленіе отпечатлѣваетъ естественное теченіе вещей, т.-е. положеніе, удовлетворяющее всѣхъ членовъ общества; въ другомъ случаѣ онъ разоряетъ одну сторону и обогащаетъ другую. Въ этомъ случаѣ законъ спроса и предложенія дѣйствуетъ въ разрѣзъ съ личнымъ мотивомъ; онъ недостаточно безпристрастно выразилъ всѣ интересы, представителемъ которыхъ является, и создалъ положеніе, при которомъ правильное теченіе экономической жизни невозможно. Обиженный личный интересъ возмущается и стремится произвести въ дѣйствительной жизни измѣненія, прямо противуположныя наставленіямъ рынка. Рынокъ и на это согласенъ, и съ одинаковой безпринципностью приведетъ нарушенное явленіе къ нормѣ, какъ онъ прежде отклонилъ его отъ естественнаго уровня.

Въ виду такихъ свойствъ рынка можетъ-ли спросъ и предложеніе регулировать общественно-экономическую жизнь, могутъ-ли его законы и указанія замѣнить всякія другія опредѣленія? Нѣтъ; дѣйствительная жизнь подчиняется рынку, т.-е. сохраняетъ отношенія, запечатлѣвшіяся на немъ, лишь когда онъ выражаетъ постоянныя потребности общежитія (напр., когда рыночная цѣнность, т.-е. цѣна предмета соотвѣтствуетъ дѣйствительной цѣнности ея) и нарушаетъ его постановленія, когда они идутъ

въ разрѣзъ съ установившимися отношеніями (если, напр., цѣна предмета значительно возвысится или упадетъ сравнительно съ его цѣнностью). Она ищетъ въ немъ лишь указаній на то, правильно-ли прилажены одна къ другой всѣ части общественнаго организма; смотритъ на него, лишь какъ на свое отраженіе, гдѣ надѣется встрѣтить и прямое, и кривое; первое сочтетъ оправданіемъ существующаго, вторымъ воспользуется для того, чтобы измѣнить расположеніе своихъ элементовъ въ направленіи, лучше удовлетворяющемъ требованіямъ общежитія.

Рыночный механизмъ построенъ, какъ мы знаемъ, на борьбѣ частныхъ интересовъ, въ основѣ которыхъ лежатъ личныя потребности, т.-е. данныя біологическія. Эти потребности образуютъ самостоятельное явленіе, истекающее изъ человѣка, а не общества, почему и частный интересъ не зависитъ отъ послѣдняго. Равнымъ образомъ и общественное выраженіе совокупности частныхъ интересовъ—законъ спроса и предложенія — составляетъ явленіе, независимое отъ общественныхъ отношеній, образуетъ самостоятельный факторъ въ ряду другихъ общественно-экономическихъ дѣятелей. Его значеніе въ соціальномъ мірѣ опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ служитъ непосредственнымъ выраженіемъ индивидуальныхъ интересовъ лицъ, составляющихъ общество. Чтобы войти въ отношенія съ другими членами послѣдняго, безъ чего невозможно получить удовлетвореніе, каждый частный интересъ долженъ выступить въ качествѣ элемента, совокупность которыхъ дастъ игру спроса-предложенія. Это значитъ, что послѣдній служитъ прежде всего непосредственно общественнымъ выраженіемъ личныхъ интересовъ членовъ общества: а такъ какъ эти интересы лежатъ въ основѣ экономической дѣятельности, то законъ спроса и предложенія является однимъ изъ факторовъ послѣдней. Отсюда его самостоятельность въ ряду другихъ экономическихъ дѣятелей.

И такъ, законъ спроса и предложенія, какъ основанный на игрѣ психологическихъ мотивовъ, составляетъ самостоятельную фигуру въ ряду другихъ общественно-экономическихъ факторовъ. Какъ же примирить эту его самостоятельность съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что онъ является выразителемъ чуждыхъ ему

общественныхъ отношеній, орудіемъ, направляемымъ другими социальными вліяніями?

Дѣло вотъ въ чемъ.

Личный интересъ—основной элементъ спроса и предложенія—не представляетъ на рынкѣ полной независимости отъ общества. Онъ имѣлъ бы таковую, если бы контрагенты рынка заявляли только о своихъ потребностяхъ, какъ человѣческихъ организмовъ. Но съ такими естественными біологическими требованіями они выступаютъ лишь въ качествѣ потребителей, т.-е. при покупкѣ предметовъ, непосредственно удовлетворяющихъ потребностямъ человѣка. Въ большей же части рыночныхъ сдѣлокъ личный интересъ освободился отъ своей естественно-біологической оболочки: контрагентъ, продолжая преслѣдовать свои личныя цѣли, является представителемъ уже не индивидуальнаго, а общественнаго интереса. Рабочій, фабрикантъ, землевладѣлецъ, устанавливая соперничествомъ цѣну труда, товара, величину ренты, не переставая заботиться исключительно каждый о себѣ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ представителями цѣлыхъ классовъ, цѣлыхъ общественныхъ отношеній. Интересъ каждаго рабочаго есть въ то же время интересъ всѣхъ рабочихъ; выгода одного фабриканта—выгода группъ таковыхъ. А такъ какъ эти группы изъ солидарныхъ единицъ дѣйствуютъ одновременно и на рынкѣ, и внѣ его, то и оказывается, что личный интересъ рыночныхъ контрагентовъ отражаетъ внѣрыночныя отношенія производства и распредѣленія, слѣдовательно существенныя экономическія отношенія, а окончательный результатъ движенія этихъ интересовъ (на рынкѣ) даетъ, какъ мы знаемъ, указанія для будущей дѣятельности членовъ общества. Если игра спроса и предложенія привела къ рѣшенію какого-либо вопроса производства или распредѣленія продуктовъ, несоотвѣтствующему господствующимъ общественно-экономическимъ отношеніямъ, то отъ этого не только пострадаетъ чей-либо личный интересъ, но и нарушится установившаяся правильность теченія общественно-экономической жизни. Слѣдующія затѣмъ рыночныя сдѣлки, будучи выразителями этихъ измѣнившихся отношеній, окажутся не тожественными съ предыдущими; игра спроса и предложенія произойдетъ при другихъ внѣшнихъ условіяхъ, и новое рѣшеніе вопроса будетъ лучше соотвѣтство-

вать сущности явленія. Если, напримѣръ, цѣна извѣстнаго продукта, благодаря сложившемуся отношенію между спросомъ на него и его предложеніемъ, упадетъ ниже стоимости производства, то это отразится на цѣлой однородной группѣ лицъ и, производители, потерпѣвъ убытки, увидятъ въ этомъ явленіи признакъ того, что названнаго продукта произведено больше, чѣмъ слѣдуетъ, и постараются сократить свою дѣятельность. Въ слѣдующій моментъ рыночной жизни, поэтому, отношеніе между спросомъ и предложеніемъ исправится въ пользу производителя; а послѣ нѣсколькихъ подобныхъ же колебаній оно установляется такъ, чтобы выражать дѣйствительную стоимость товара. Законъ спроса и предложенія оперировалъ съ одинаковой самостоятельностью въ каждый моментъ разсмотрѣннаго періода.—какъ въ началѣ его, когда онъ далъ уклоненіе цѣны отъ ея естественнаго уровня, такъ и въ концѣ, когда онъ явился выразителемъ постоянныхъ отношеній,— и однако результаты его дѣятельности совершенно противоположны. Въ первомъ случаѣ онъ былъ дѣйствительно самостоятельнымъ агентомъ, опредѣлившимъ послѣдующія явленія производства; во второмъ—онъ только выразилъ постоянныя отношенія, установившіяся внѣ рынка. Изъ этого видно, какимъ образомъ между двумя самостоятельными явленіями устанавливается такая гармонія, что одно изъ нихъ (рынокъ), сохраняя формальную независимость, становится, однако, выразителемъ другого. Законы производства и распредѣленія продуктовъ, будучи результатомъ формы производства, землевладѣнія и т. д., пользуются для своего осуществленія закономъ спроса и предложенія, заставляя его приноравливаться въ своихъ рѣшеніяхъ къ ихъ требованіямъ, путемъ измѣненія условій, отъ которыхъ зависитъ или спросъ, или предложеніе. Такой исходъ столкновенія между явленіями, совершающимися въ глубинѣ и на поверхности экономической жизни, возможенъ, потому что двигателемъ тамъ и здѣсь является одинъ и тотъ же, личный интересъ, въ формѣ интересовъ группъ и классовъ.

Такимъ образомъ, конкурренція съ ея закономъ спроса и предложенія имѣетъ два лица: однимъ она обращена къ человѣку, другимъ къ обществу. Какъ представитель личнаго интереса, законъ спроса и предложенія является самостоятельнымъ факторомъ

и кажется наблюдателю имѣющимъ опредѣляющее значеніе для текущей экономической дѣйствительности. Какъ выразитель же существующихъ отношеній, онъ служитъ отраженіемъ этой дѣйствительности, исполняетъ роль механизма, устанавливающаго отношенія между лицами, какъ они вырабатываются въ глубинахъ народной жизни. Экономисты, занимаясь конкурренціей, интересовались по преимуществу первой ея стороной. Вслѣдствіе указаннаго обстоятельства соперничеству нерѣдко придавали значеніе большее, чѣмъ оно имѣетъ въ дѣйствительности; считали его всесильнымъ тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ оно только подчиняется чужому вліянію. Когда вы обсуждаете феноменъ ренты или цѣнности— вы скажете, что происхожденіе первой кроется въ неодинаковой производительности земли, а источникъ цѣнности (мѣновой) станете искать въ необходимости произвести затрату труда для того, чтобы получить нужные человѣку предметы. Сообразно указанному происхожденію разсматриваемыхъ явленій, законъ ихъ вы будете искать тамъ, гдѣ лежитъ и ихъ причина, и вамъ незачѣмъ обращаться къ спросу и предложенію для его формулированія. Правда, ни ренты, ни цѣнности не существовало бы, если бы не человѣкъ съ его личными потребностями и личнымъ стремленіемъ достигать наибольшихъ результатовъ при наименьшей затратѣ силъ. Но разъ это личное основаніе общественныхъ отношеній признано— оно и фигурируетъ въ наукѣ, какъ условіе, безъ котораго невозможна законосообразная дѣятельность человѣка и которое служитъ психологическимъ основаніемъ правильнаго теченія экономической жизни. Но содержаніе этой послѣдней, законы, опредѣляющіе отношенія, складывающіяся въ различныхъ ея отдѣлахъ въ форму, удовлетворяющую указанному мотиву дѣятельности человѣка, зависятъ отъ тѣхъ естественныхъ и соціальныхъ вліяній, совокупность которыхъ образуетъ данное явленіе. Не будь указаннаго личнаго мотива—цѣнность продукта не имѣла бы постоянной величины; но разъ она вдвинута въ правильныя рамки, очерченныя вокругъ нея личнымъ интересомъ, ея колебанія будутъ опредѣляться условіями производства, и при данныхъ условіяхъ самъ человѣкъ не въ силахъ противодѣйствовать закону цѣнности. Съ этой точки зрѣнія, проявленіе личнаго мотива, не смотря на его независимость отъ общества, опредѣляется законами подле-

жащей сферы экономической жизни и имѣетъ цѣлью способствовать происхожденію явленія, уже предопредѣленнаго въ своихъ свойствахъ. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о законѣ спроса и предложенія, который представляетъ личный интересъ на рынкѣ, между тѣмъ какъ тотъ не перестаетъ дѣйствовать и внѣ послѣдняго. Въ рабскомъ обществѣ, какъ и въ капиталистическомъ, рента существуетъ и опредѣляется одними и тѣми же условіями производительности почвы; въ индійской общинѣ, гдѣ царствуетъ обычай, и въ Англіи, подчиняющейся принципамъ соперничества, цѣнность обмѣниваемыхъ продуктовъ одинаково опредѣляется расходами ихъ производства. Въ обоихъ указанныхъ случаяхъ законъ явленія выросталъ не изъ личнаго мотива или его общественнаго выраженія (спроса и предложенія), а изъ различій въ производительности земли, изъ техническихъ и экономическихъ условій производства продуктовъ. Спросъ и предложеніе не можетъ надолго установить цѣнность предмета ниже издержекъ его производства, ибо это будетъ равносильно уничтоженію соотвѣтствующей промышленной отрасли. Не можетъ онъ на долго же произвести и противоположное явленіе, такъ какъ это значило бы подвергнуть убытку производителей другихъ предметовъ Слѣдовательно, цѣнность опредѣляется не рыночными отношеніями, а условіями производства, которыя нельзя разрушить ни личнымъ произволомъ, ни общественнымъ выраженіемъ личнаго мотива,—спросомъ и предложеніемъ.

Такую же независимость отъ рыночнаго механизма приходится наблюдать и въ другихъ сферахъ экономической жизни, подчиненныхъ не такимъ самостоятельнымъ вліяніямъ, каковы производительныя силы почвы или техническія условія производства, а считающихся до нѣкоторой степени зависимыми отъ воли человѣка, какъ-то заработная плата или прибыль. И та, и другая имѣютъ одинъ источникъ: избытокъ произведеннаго продукта надъ затратами на матеріалъ и другія средства производства. Этотъ избытокъ распредѣляется между трудомъ и капиталомъ, и очевидно, что, разсуждая теоретически, такое распредѣленіе можетъ быть совершено въ различныхъ пропорціяхъ, и естественно предположить, что то или другое отношеніе между долями капитала и труда опредѣляется исключительно соперничествомъ въ

области того и другого, т.-е. закономъ спроса и предложенія. Однако, обращаясь къ попыткамъ формулированія этихъ законовъ, мы увидимъ, что послѣдніе строятся изъ объективныхъ данныхъ, существующихъ внѣ рыночныхъ отношеній. Пробовали, напримѣръ, поставить заработную плату въ зависимость отъ такъ называемаго рабочаго фонда, который считался величиной устойчивой; подчиняли ее привычкамъ населенія къ тому или другому уровню благосостоянія, быстротѣ размноженія, требованіямъ производства и т. д. Всегда искали прочныхъ условій для ея обоснованія, не считая достаточнымъ довольствоваться тѣми явленіями конкурренціи, которыя наблюдаются на рынкѣ. Читатель, можетъ быть, скажетъ, что неопредѣленность формулы заработной платы оттого именно и зависитъ, что ее хотѣли построить на прочномъ основаніи, на условіяхъ внѣрыночныхъ, между тѣмъ какъ она опредѣляется исключительно спросомъ и предложеніемъ труда. Однако, минутное размышленіе убѣдитъ насъ въ томъ, что это невѣрно, и покажетъ, гдѣ искать настоящихъ законовъ распредѣленія продуктовъ между участниками производства.

Почему заработная плата въ Америкѣ выше, чѣмъ, напримѣръ, въ Англіи? Потому, скажете вы, что предложеніе труда въ первой странѣ отстаетъ отъ спроса, а въ послѣдней обгоняетъ его. Я нѣсколько измѣню формулированіе того же положенія: относительная высота американской заработной платы осуществляется черезъ посредство закона спроса и предложенія. Но почему одинъ и тотъ же законъ въ двухъ странахъ ведетъ къ различнымъ результатамъ? Потому, что въ одной изъ нихъ рабочій имѣетъ свободный доступъ къ землѣ, гдѣ онъ можетъ трудиться въ качествѣ самостоятельнаго хозяина, а въ другой—единственнымъ источникомъ средствъ его существованія служитъ продажа имъ своей рабочей силы, что, въ свою очередь, происходитъ отъ того, что въ Америкѣ земля принадлежитъ государству, а въ Англіи она составляетъ собственность нѣсколькихъ тысячъ семействъ. И такъ, благодаря, главнымъ образомъ, различію въ формахъ и размѣрахъ землевладѣнія, различна и заработная плата въ двухъ великихъ странахъ; одно изъ главныхъ вліяній, опредѣляющихъ цѣну труда, мы нашли въ условіяхъ землевладѣнія. Нѣтъ-ли и другихъ подобныхъ же вліяній?

Установленіе стоимости рабочей силы въ Америкѣ и Англіи производится на рынкѣ, игрою спроса и предложенія. Въ Англіи экономическая организація даетъ перевѣсъ спрашивающимъ, въ Америкѣ—предлагающимъ рабочую силу въ продажу. И всякое другое обстоятельство, усиливающее ту или другую сторону, произведетъ соотвѣтствующее уклоненіе въ цѣнѣ труда. Сторона спрашивающая, при прочихъ равныхъ условіяхъ, сильнѣе, потому что она богаче и ея члены солидарнѣе. Если продающіе трудъ пріобрѣтутъ тѣ же свойства, ихъ силы уравняются съ противникомъ. и заработная плата подымется. И дѣйствительно, мы знаемъ, что цѣлесообразная, совмѣстная дѣятельность рабочихъ приводитъ къ возвышенію заработной платы и укороченію рабочаго дня, что значитъ въ сущности то же самое.

И такъ, второе условіе, вліяющее на распредѣленіе продуктовъ, это—солидарность членовъ группъ, дѣлящихъ его между собою. При этомъ, капиталъ страны не увеличивается, населеніе ея—также, а между тѣмъ съ организаціей рабочихъ заработная плата растетъ. Правда, ростъ этотъ обнаруживается черезъ посредство рынка: рабочіе уменьшаютъ предложеніе труда, отчего заработная плата и повысится. Но очевидно, что рыночныя явленія здѣсь направляются цѣлесообразной дѣятельностью трудящихся; послѣдніе овладѣли предложеніемъ труда и устанавливаютъ отношеніе между спросомъ и предложеніемъ въ свою пользу. Законъ спроса и предложенія служитъ здѣсь выраженіемъ отношеній между группами внѣ рынка, отраженіемъ ихъ относительнаго значенія, которое дается не рынкомъ, а богатствомъ. знаніемъ, солидарностью и т. д.

До чего суть дѣла кроется въ общественно-экономическихъ отношеніяхъ, а рынокъ служитъ лишь выраженіемъ послѣднихъ—видно изъ того приниженія закона спроса и предложенія, какое мы замѣчаемъ въ случаѣ удачнаго исхода рабочихъ стачекъ. Положимъ, что непосредственной причиной возвышенія платы въ этихъ случаяхъ является тотъ же законъ спроса и предложенія, элементы котораго рабочими располагаются такимъ образомъ, чтобы равнодѣйствующая сложилась въ ихъ пользу, такъ какъ стакнувшіеся не только сами не соглашаются на прежнія условія найма, но мѣшаютъ и другимъ рабочимъ замѣнить ихъ на рынкѣ, уве-

личить предложеніе труда до размѣровъ спроса на него. Но стачка прекратилась, вліяніе рабочей организаціи—тоже. Предложеніе труда возвращается къ уровню, существовавшему раньше и опредѣлившему ту высоту заработной платы, противъ которой вооружились трудящіеся. Отношеніе между спросомъ и предложеніемъ труда, слѣдовательно, осталось старое, дававшее извѣстную цифру его стоимости, а между тѣмъ послѣдняя возвысилась. Законъ спроса и предложенія парализованъ, не дѣйствуетъ; и общество не страдаетъ, промышленность процвѣтаетъ по прежнему.

Этотъ случай достаточно ясно показываетъ несамостоятельность рыночныхъ явленій вообще и въ частности закона спроса и предложенія. Но новѣйшая исторія отношеній рабочихъ и предпринимателей свидѣтельствуетъ, что господствующій методъ рыночной жизни можетъ быть совсѣмъ устраненъ, и законъ спроса и предложенія, какъ регуляторъ отношеній между классами, замѣненъ непосреднымъ соглашеніемъ представителей обѣихъ сторонъ. Извѣстно, напр., что въ Англіи существуютъ особыя учрежденія, составленныя изъ представителей рабочихъ и фабрикантовъ, вліяніе которыхъ отражается и на высотѣ заработной платы. Скажутъ, что это соглашеніе покоится на почвѣ того же рыночнаго закона и не можетъ дать результатовъ, находящихся въ рѣзкомъ съ нимъ противорѣчіи. Правда. Если по какимъ-либо причинамъ предложеніе труда значительно превыситъ спросъ, никакія усилія заинтересованной стороны не повысятъ заработную плату. Но при среднемъ отношеніи спроса и предложенія труда заработная плата въ нѣкоторыхъ, или даже во всѣхъ занятіяхъ можетъ повыситься черезъ соглашеніе хозяевъ и рабочихъ и, слѣдовательно, вопреки неорганизованному спросу и предложенію.

И въ самомъ дѣлѣ, если заработная плата опредѣляется болѣе глубокими вліяніями, а законъ спроса и предложенія служитъ лишь выраженіемъ послѣднихъ, то понятно, что онъ—не единственно возможный регуляторъ отношеній, что выразить существующее можно и другими способами и что мирное соглашеніе контрагентовъ, понимающихъ свои и чужіе интересы, приведетъ къ цѣли не хуже обычной конкурренціонной борьбы. Вы можете называть это соглашеніе формою того же спроса и предложенія. Но это не помѣшаетъ ему быть оригинальнымъ явленіемъ, гдѣ

между личными интересами контрагентовъ вставлена липшяя инстанція, гдѣ происходитъ совмѣстное обсужденіе вопроса, оцѣнка положенія обѣихъ сторонъ; гдѣ, наконецъ, одной стороной могутъ быть принимаемы сознательныя мѣры для того, чтобы избѣжать слишкомъ большого предложенія труда, если таковое имѣетъ мѣсто, и этимъ устранить условія, влекущія заработную плату внизъ. Словомъ, здѣсь наблюдаются явленія, отличныя отъ обыкновенныхъ рыночныхъ, а ихъ результатомъ будетъ установленіе одной и той же величины. Очевидно, что послѣдняя опредѣляется не ими; они лишь выясняютъ ее.

Рыночный механизмъ по своей конструкціи очень простъ, а между тѣмъ онъ совершаетъ весьма сложныя и разнообразныя функціи. Достаточно сказать, что на его обязанности лежитъ подведеніе итоговъ совершившемуся и составленіе смѣты будущему производству; иначе говоря, онъ распредѣляетъ готовый продуктъ между промышленными дѣятелями и опредѣляетъ размѣры будущаго производства. То и другое онъ совершаетъ, такъ сказать, однимъ ударомъ, выражаетъ однимъ словомъ, и это слово—цѣна товара. Правда, доли рабочаго, капиталиста и землевладѣльца учитываются отдѣльно, но ихъ величина, такъ сказать, предопредѣлена цѣною продукта. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о доляхъ фабриканта и землевладѣльца: доходы того и другого измѣняются изъ года въ годъ въ зависимости отъ измѣненій цѣны фабриката и хлѣба.

И такъ, назначеніе цѣны товара, соотвѣтствующей издержкамъ его полученія, распредѣленіе продуктовъ прошлаго труда между участниками производства и опредѣленіе размѣровъ будущей продукціи—вотъ три главнѣйшія функціи рынка, исполняемыя имъ, какъ мы сказали, однимъ ударомъ, именно установленіемъ цѣны товара. Трудно надѣяться, чтобы одинъ и тотъ же механизмъ равно совершенно разрѣшалъ три столь несходныя задачи. Напротивъ того, естественнѣе ожидать, что ни одна изъ нихъ не будетъ разрѣшена совершенно правильно. Представьте себѣ, напримѣръ, что нашъ механизмъ приспособленъ для точнаго выраженія стоимости продукта и всегда назначаетъ цѣну товара въ строгомъ соотвѣтствіи съ издержками производства. Въ такомъ случаѣ этотъ механизмъ не годился бы для нормированія

самаго производства, которое именно въ цѣнѣ товара, уклоняющейся отъ стоимости, и находитъ нужныя ему указанія; и для этой цѣли нужно было бы другое приспособленіе. Теперь же то и другое выполняется однимъ механизмомъ, который только и умѣетъ говорить языкомъ цѣнъ. Рынокъ имѣетъ дѣло съ фактами совершившимися; установляя цѣну продукта, онъ заявляетъ, что, при существующихъ условіяхъ производства, одна вещь требуетъ такихъ-то затратъ, другая—иныхъ. А мы ожидаемъ, что тѣмъ же словомъ онъ опредѣлитъ и размѣры будущей продукціи, т.-е. въ цѣнѣ готоваго товара укажетъ, сколько еще нужно его заготовить. Удовлетворить предъявленному требованію онъ не въ силахъ; онъ ставитъ приговоръ совершившемуся, а не тому, что еще ожидается; и потому единственно, что онъ можетъ предложить, это—сужденіе о томъ, много или мало уже произведено продукта сравнительно съ требованіемъ на него. По этому сужденію о томъ, что есть, мы уже составляемъ приблизительное понятіе о томъ, что должно быть.

И такъ, назначая цѣну товару соотвѣтственно условіямъ его производства,—въ видахъ удовлетворенія другому требованію,—рынокъ долженъ отступить отъ истины. Чтобы показать, что даннаго продукта произведено больше, чѣмъ нужно, онъ понижаетъ его естественную стоимость, а при противоположныхъ условіяхъ—повышаетъ ее. Очевидно, что, по крайней мѣрѣ, функцію нормированія цѣнъ нашъ механизмъ выполняетъ при этомъ далеко не совершенно; онъ выражаетъ цѣну продукта точнымъ образомъ лишь въ томъ случаѣ, если его произведено ровно столько, сколько это требуется потребителями. Но такъ какъ при современномъ направленіи промышленности такое полное равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ продукта осуществляется лишь случайно, обыкновенно же наблюдается отклоненіе производства въ ту или другую сторону, то и рыночная цѣна товара рѣдко когда соотвѣтствуетъ естественной стоимости продукта, а постоянно нѣсколько колеблется около нея. Но этими колебаніями, смыслъ которыхъ заключается въ нормированіи производства, рыночный механизмъ плохо выполняетъ и эту послѣднюю функцію. Происходитъ это оттого, что рынокъ не устанавливаетъ точнаго соотношенія между отклоненіемъ цѣны продукта отъ естественнаго

уровня и уклоненіемъ его производства отъ размѣровъ, требуемыхъ обществомъ, и не вмѣшивается въ самую организацію производства. Рынокъ говоритъ: этого произведено много, того мало; пожалуй, добавитъ: очень много или мало, и только. Болѣе точнаго указанія на количество требуемыхъ продуктовъ онъ не даетъ, почему по рыночнымъ отношеніямъ можно составить себѣ лишь приблизительное понятіе о томъ, какимъ образомъ общество должно распредѣлить свои производительныя силы. Иначе говоря, отступивъ отъ истины въ дѣлѣ выраженія цѣнности продукта, рынокъ не далъ точнаго плана организаціи производства; въ обоихъ случаяхъ онъ далъ полуистину.

Послѣ всего вышесказаннаго нечего объяснять, что рыночный механизмъ будетъ несовершенно исполнять и третью свою функцію,—распредѣленіе продукта между участниками производства. Если цѣна товара сегодня подымается выше нормы, завтра падаетъ ниже ея, то и доходъ предпринимателя колеблется отъ нуля или даже отрицательной величины до ненормально высокаго плюса. Подтвержденіе сказаннаго можно наблюдать ежедневно, видя, какъ сегодня промышленныя предпріятія лопаются, завтра процвѣтаютъ и наоборотъ.

И такъ, хотя спросъ и предложеніе и не можетъ быть названъ совершеннымъ регулирующимъ механизмомъ, но зато онъ имѣетъ универсальное примѣненіе, служитъ для выраженія всѣхъ общественно-экономическихъ отношеній. Такая его универсальность, повторяемъ, покоится на томъ фактѣ, что самъ онъ не есть продуктъ тѣхъ отношеній, выразителемъ которыхъ является. Если бы это было иначе, если бы въ своемъ генезисѣ онъ зависѣлъ отъ существующихъ общественно-экономическихъ отношеній, онъ выражалъ бы ихъ совершенно точно, но въ такомъ случаѣ не могъ бы одновременно быть представителемъ всѣхъ, нерѣдко противуположныхъ, требованій. Но теперь, когда среди другихъ общественно-экономическихъ факторовъ онъ является самостоятельной фигурой—его можно приспособить для выраженія всѣхъ существующихъ отношеній. Возможность эта дана тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ служитъ непосредственнымъ выраженіемъ того самаго основного (личнаго) мотива, который скрывается и за всѣмъ видимымъ разнообразіемъ явленій экономической жизни.

Если бы личные интересы всѣхъ членовъ общежитія, прежде чѣмъ выразиться активно, были согласованы между собой,— рыночное выраженіе существующихъ отношеній было бы правильнѣе, регулированіе текущей жизни сообразнѣе съ истинными потребностями общества; но зато и понадобилось бы для этого не одинъ механизмъ, какъ нынѣ, а нѣсколько. Цѣнность продукта не могла бы тогда быть выражена тѣмъ же знакомъ, который служитъ и для нормированія производства, ибо въ одномъ случаѣ подводился бы итогъ издержкамъ производства, въ другомъ—потребностямъ общества. Если бы, напримѣръ, выраженіе цѣнности товара было, какъ и теперь, предоставлено конкурренціи,—нормированіе производства перешло бы въ другія руки, и обѣ функціи выполнялись бы лучше. Прямой учетъ потребностей общества и его производительныхъ силъ позволилъ бы, разумѣется, цѣлесообразнѣе распредѣлить послѣднія для удовлетворенія первыхъ. А правильный ходъ производства, какъ результатъ цѣлесообразной его организаціи—не нарушалъ бы дѣятельности спроса и предложенія, почему и цѣны продуктовъ не испытывали бы постоянныхъ колебаній и отклоненій отъ нормы.

Подобная организація промышленности не представляетъ чего-либо невиданнаго. Мы ее встрѣчаемъ въ настоящее время господствующею въ обществахъ, находящихся на низкой ступени промышленнаго развитія, а какъ частное явленіе, она наблюдается повсюду. При ремесленной организаціи производства размѣры послѣдняго опредѣляются не такимъ колеблющимся признакомъ, какъ цѣна уже готоваго продукта, а прямымъ учетомъ потребностей членовъ общества: всякій, нуждающійся въ какомъ-либо предметѣ, идетъ къ мастеру и заказываетъ его. Такимъ образомъ, нормированіе производства не лежитъ на обязанности рынка, изъято изъ вѣдѣнія конкурренціи и совершается непосредственно самими потребителями. Здѣсь невозможно, поэтому, то перепроизводство въ одной отрасли промышленности и недопроизводство—въ другой, которое составляетъ характеристическую черту товарной организаціи народнаго хозяйства. А вслѣдствіе этого отсутствуютъ вліянія, вѣчно колеблющія цѣну продукта, отклоняющія ее отъ естественной стоимости, опредѣляемой издержками производства. Поэтому, цѣна предмета ремесленнаго труда отличается,

во-первыхъ, постоянствомъ, во-вторыхъ, соотвѣтствіемъ съ условіями производства. Это соотвѣтствіе достигается тѣмъ, что она устанавливается или обычаемъ, или обоюднымъ соглашеніемъ заказчика и ремесленника до начала производства, т.-е. когда еще нѣтъ готоваго продукта, котораго могло-бы быть произведено слишкомъ мало или много и потому той или другой сторонѣ вѣчно грозитъ опасность остаться съ неудовлетворенной потребностью или непроданнымъ товаромъ. Кромѣ того, условія производства продукта ремесленнымъ способомъ заказчику обыкновенно извѣстны развѣ немногимъ менѣе, чѣмъ мастеру, почему оцѣнка его стоимости одной стороной совершается подъ опытнымъ контролемъ другой. Читатель видитъ, что нормированіе производства и установленіе цѣны продукта совершается здѣсь двумя раздѣльными актами, въ совокупности образующими заказъ. Эти акты неизбѣжно слѣдуютъ другъ за другомъ, но содержаніе одного изъ нихъ не предопредѣляется другимъ, почему каждый можетъ совершеннымъ образомъ выполнить функцію, для которой предназначенъ. Цѣна предмета можетъ быть назначена большая или нѣтъ, но это не отразится на размѣрахъ производства расширеніемъ его сверхъ потребности общества или сокращеніемъ до возможнаго минимума. Продуктовъ можетъ быть произведено много или мало, а стоимость ихъ въ обоихъ случаяхъ будетъ одна и та же: совершеннѣйшая противуположность тому, что имѣетъ мѣсто въ случаяхъ, когда обѣ функціи—установленіе стоимости предмета и нормированіе производства—совершаются однимъ актомъ назначенія цѣны, гдѣ высокое назначеніе весьма легко связано съ послѣдующимъ перепроизводствомъ продукта, а низкое—съ недостаткомъ его. Если даже цѣна продукта ремесленнаго труда, по причинѣ избытка или недостатка мастеровъ, и подпадаетъ вліянію конкурренціи и, слѣдовательно, легко отклонится отъ естественнаго уровня, то этимъ нарушается только правильность выраженія одного изъ общественно-экономическихъ отношеній; что же касается нормированія производства, то оно совершается въ такомъ же согласіи съ потребностями членовъ общества и потому такъ же чуждо крайностямъ недостатка или избытка продукта, какъ и въ случаѣ, когда назначеніе цѣны послѣдняго вѣрно сообразовалось съ его естественной стоимостью.

Въ наше время господства производства на неизвѣстнаго потребителя, такое предварительное согласованіе личныхъ интересовъ членовъ общества не имѣетъ мѣста. Каждый вмѣшивается въ жизнь исключительно отъ себя, не принимая никакихъ согласованныхъ мѣръ для регулированія своихъ столкновеній съ другими; закономъ послѣднихъ служитъ личная борьба, рыночнымъ выраженіемъ которой является конкурренція съ ея механизмомъ спроса и предложенія. Чтобы понять, почему при этомъ образуется одинъ механизмъ, исполняющій одновременно нѣсколько функцій и дѣйствующій помощью цѣны товара — представимъ себѣ такое производство, гдѣ нѣтъ раздѣленія на хозяевъ и рабочихъ, гдѣ поэтому производитель является единственнымъ обладателемъ продукта поля или мастерской.

Въ экономическомъ отношеніи каждый членъ такого общества является производителемъ или потребителемъ, продавцемъ или покупателемъ. Въ той и другой роли онъ дѣйствуетъ изолированно, не вникая въ интересы другихъ, не пытаясь согласовать съ ними своихъ собственныхъ. Продавая или, что то же, мѣняя свой продуктъ на чужой, онъ не заботится о томъ, чтобы сдѣлка была обоюдовыгодна; поэтому не заботится правильно самъ учесть стоимость чужого продукта и дать вѣрное понятіе о своемъ контрагенту. У нихъ нѣтъ поэтому согласованной дѣятельности, они только борятся за цѣну товара и лишь до тѣхъ поръ сносятся другъ съ другомъ, пока купятъ или продадутъ. Затѣмъ начинается процессъ производства. И здѣсь опять каждый дѣйствуетъ самостоятельно, не входя въ соглашеніе съ другими о размѣрахъ производства, не нуждаясь, слѣдовательно, въ органѣ для такого соглашенія.

И такъ, экономическія столкновенія промышленныхъ дѣятелей въ разсматриваемомъ обществѣ происходятъ только при посредствѣ товаровъ, выражаются подъ формой столкновенія послѣднихъ, а товарныя отношенія суть отношенія цѣнностей. Понятно, почему въ товарномъ обществѣ, построенномъ на принципѣ индивидуализма, отношенія членовъ общества выражаются подъ формою цѣны. И эта форма должна отвѣчать на всѣ вопросы жизни: ею должна быть установлена цѣна товара, совершено распредѣленіе общаго продукта страны между участ-

никами производства и даны указанія для будущей продукціи.

Такъ какъ при установленіи цѣны товара и производствѣ его, на рынкѣ и внѣ рынка, орудуетъ одно и то же личное стремленіе достигнуть наибольшихъ результатовъ съ наименьшей затратой силъ; такъ какъ по существу экономической дѣятельности это достиженіе происходитъ въ области производства и только реализуется, обнаруживается на рынкѣ, то дѣлается понятнымъ, какимъ образомъ цѣны товаровъ опредѣляютъ направленіе производства. Производитель, потерпѣвъ на рынкѣ убытокъ и видя, кто преуспѣваетъ, измѣняетъ соотвѣтствующимъ образомъ свои внѣрыночныя операціи, приспособляетъ свою промышленную дѣятельность къ поученіямъ, вынесеннымъ изъ наблюденія рыночныхъ цѣнъ товаровъ.

III.

Здѣсь мы естественно подошли къ вопросу о болѣе точномъ опредѣленіи роли рынка въ экономической жизни общества. До сихъ поръ мы его называли то выразителемъ, то регуляторомъ существующихъ отношеній, между тѣмъ какъ всякому понятно, что это — не одно и то же. А если такъ, то въ чемъ же заключается истинное назначеніе закона спроса и предложенія? Регулируетъ-ли онъ общественно-экономическую жизнь или только выясняетъ тѣ ея отношенія, для окончательнаго формулированія которыхъ требуется санкція общества.

Регулировать движеніе — значитъ направлять его къ извѣстной цѣли или по опредѣленному плану, а для этого требуется, во-первыхъ, существованіе такой цѣли, во-вторыхъ, обладаніе силой, способной направить, повелѣть. Есть-ли у рынка и то, и другое?

Единственная дѣйствительная операція рынка, это — назначеніе цѣны, по которой что-либо покупается или нанимается. И это назначеніе обязательно къ исполненію, т.-е. всѣ сдѣлки между членами общества совершаются по рыночнымъ цѣнамъ. Но цѣна есть окончательный результатъ экономической дѣятельности, а не сама эта послѣдняя. Сказаннымъ, однако, нисколько не умаляется

ея опредѣляющее значеніе, такъ какъ въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи жизнь отправляется отъ пункта, достигнутаго наканунѣ: итоги прошедшаго служатъ ей свѣточемъ будущаго. Рыночная цѣна указываетъ, каковы были, а, косвенно, каковы и должны быть размѣры и направленіе производства и какъ распредѣлится продуктъ между участниками послѣдняго. Эти указанія подлежатъ обязательному исполненію въ томъ смыслѣ, что нарушеніе ихъ противорѣчитъ личному интересу, ведетъ за собой потери для нарушителя. Но затѣмъ вліяніе рынка на производство и распредѣленіе продукта имѣетъ далеко не одно и то же значеніе.

Производство есть важнѣйшее проявленіе экономической жизни общества; оно имѣетъ извѣстную цѣль—удовлетвореніе потребностей общества; совершается по опредѣленному плану, соотвѣтствующему указаннымъ потребностямъ. Правда, эта цѣль не вполнѣ достигается, такъ какъ нужды членовъ общества измѣряются здѣсь не дѣйствительными потребностями его членовъ, а ихъ покупательной силой; планъ производства не совершененъ, потому что рынокъ не даетъ вполнѣ опредѣленныхъ на этотъ счетъ предписаній. Но это все-таки цѣль и планъ, и потому законъ спроса и предложенія, направляющій производительную дѣятельность на путь выполненія этого плана, можетъ быть признанъ регуляторомъ производства. Правда, окончательное рѣшеніе вопроса зависитъ отъ отдѣльныхъ промышленныхъ дѣятелей; но ихъ рѣшеніе есть производное рѣшенія рынка, переходная ступень, связывающая скрывающееся въ послѣднемъ постановленіе съ его исполненіемъ. Если бы распоряженіе производительными силами общества находилось въ рукахъ спеціальнаго учрежденія, руководящагося въ своей дѣятельности общественной пользой—распредѣленіе этихъ силъ могло быть предоставлено его усмотрѣнію, и задача рынка или другого соотвѣтствующаго механизма состояла бы только въ указаніи того, что есть. Въ этомъ случаѣ помянутое учрежденіе съ полнымъ правомъ могло быть названо регуляторомъ производительной дѣятельности общества. Но теперь, когда производствомъ для удовлетворенія всеобщей потребности распоряжаются отдѣльныя лица, повинующіяся исключительно личному интересу,—указанія рынка на необходимыя перемѣны въ распредѣленіи производительныхъ силъ страны, не

поддержанныя повелительной силой, могутъ не произвести должнаго эффекта, разбиться объ эгоизмъ, инертность и непониманіе индивида, отчего общество вѣчно бы испытывало недостатокъ въ одномъ продуктѣ, избытокъ въ другомъ. Современная организація рынка избавляетъ общество отъ такой альтернативы; указанія рынка на неправильный ходъ производства сопровождаются повелительнымъ импульсомъ: кто будетъ продолжать приготовленіе товара, оказавшагося въ излишкѣ, продастъ его по низкой цѣнѣ и понесетъ убытки. Поэтому каждый стремится слѣдовать указаніямъ рынка, относится къ нимъ не какъ къ простому заявленію о существующихъ цѣнахъ, а какъ къ предписанію, повелѣнію. Рынокъ здѣсь не только счетная машина, но и регуляторъ экономической дѣятельности, состоящей въ производствѣ товаровъ.

Повелительный характеръ заявленій рынка о результатахъ его учета производительной дѣятельности страны вытекаетъ изъ той же характеристической черты въ конструкціи этого механизма, которая дѣлаетъ его способнымъ исполнять сразу нѣсколько функцій. Указывая недостатки существующаго направленія производства продуктовъ, онъ тѣмъ же словомъ опредѣляетъ и распредѣленіе богатства: цѣна товара не только свидѣтельствуетъ объ излишкѣ его или недостаткѣ, но и реализируетъ доходы промышленныхъ дѣятелей, даетъ однимъ изъ нихъ много, другимъ слишкомъ мало. Этой своей стороной рынокъ возбуждаетъ активную дѣятельность послѣднихъ, имѣющую цѣлью такое измѣненіе въ сферѣ производства, при которомъ они бы получили наибольшій доходъ, что значитъ — при которомъ потребности членовъ общества въ предѣлахъ ихъ покупательной силы обрѣтутъ наилучшее удовлетвореніе. Производительная дѣятельность страны направляется по извѣстному руслу; и это — благодаря рынку, что и даетъ ему право считаться регуляторомъ производства.

Такова-ли его роль въ другой сферѣ экономическихъ явленій? Можно-ли назвать рынокъ регулирующимъ распредѣленіе продуктовъ, подобно тому, какъ мы только что наблюдали его регулирующимъ ихъ производство?

Одно изъ условій, необходимыхъ для такой роли рынка,

осуществлено въ дѣйствительности; его постановленія приводятся обязательно въ исполненіе: рабочій, капиталистъ и землевладѣлецъ получаютъ именно столько, сколько это опредѣлено закономъ спроса и предложенія. Но сказаннымъ не рѣшается вопросъ о значеніи этого закона, какъ регулятора распредѣленія. Правда, та или иная высота заработной платы и прибыли въ различныхъ промышленныхъ отрасляхъ ведетъ къ перемѣщенію труда и капитала изъ однихъ предпріятій въ другія; и это имѣетъ такое же значеніе для производства, какъ и измѣненія его, проистекающія изъ указаній цѣны предукта. Ненормально возросшая въ какой-либо отрасли производства заработная плата, свидѣтельствующая о недостаткѣ рабочихъ, за которымъ, вѣроятно, послѣдуетъ и недостатокъ продукціи, привлечетъ сюда трудящійся персоналъ и облегчитъ приспособленіе производства продуктовъ къ потребностямъ общества. Но это будетъ регулированіе производства, а не распредѣленія, дополняющее подобную же функцію рынка, выполняемую назначеніемъ цѣны товара. Мы же теперь интересуемся вліяніемъ рынка на распредѣленіе продуктовъ.

Регулировать движеніе, мы сказали, значитъ направлять его къ извѣстной цѣли, по опредѣленному плану. Экономическая жизнь общества слагается изъ производства и распредѣленія продуктовъ. То и другое составляютъ двѣ послѣдовательныя ступени къ достиженію одной и той же цѣли—удовлетворенію потребностей общества. Въ виду сказаннаго естественно ожидать, что какъ производство, такъ и распредѣленіе продуктовъ окажутся построенными по опредѣленному плану, отдѣльныя части котораго извѣстнымъ образомъ приспособлены другъ къ другу, а въ цѣломъ наблюдается единство и цѣлесообразность. Это мы дѣйствительно и наблюдаемъ въ одной сферѣ экономической дѣятельности: производительныя силы страны распредѣлены между отдѣльными промышленными отраслями такимъ образомъ, чтобы лучше удовлетворить потребности членовъ общества, въ предѣлахъ ихъ покупательной силы. Наблюдаемъ-ли мы что-либо подобное въ сферѣ распредѣленія продуктовъ? Извѣстенъ-ли принципъ, объединяющій отдѣльные акты этого процесса; указана-ли цѣль, къ достиженію которой стремится рынокъ, назначая доли участникамъ производства?

Какой бы принципъ распредѣленія мы ни взяли, экономическая организація современнаго западнаго общества не подходитъ къ нему. Каждому по его потребностямъ! Развѣ можно искать чего-либо подходящаго въ Англіи, гдѣ масса производителей не можетъ удовлетворить важнѣйшія потребности, а амбары ломятся отъ заключеннаго товара? Каждому по его труду, способностямъ или достоинству! Но въ той же странѣ скорѣе можно подмѣтить законъ вознагражденія, обратно-пропорціональнаго затратамъ труда; а огромное большинство населенія находится въ положеніи, при которомъ оно и не можетъ выказать ни способностей, ни своего достоинства. Всѣ подобные принципы въ Европѣ не признаются; не видно начала, объединяющаго отдѣльные акты распредѣленія. Вмѣсто цѣльной и согласованной системы, проникнутой однимъ духомъ, истекающимъ изъ существа общежитія, мы встрѣчаемъ рядъ самостоятельныхъ актовъ, построенныхъ каждый на независимомъ основаніи, связанныхъ другъ съ другомъ только тѣмъ, что всѣ они относятся къ тому же объекту—массѣ продуктовъ, подлежащихъ потребленію. Въ разсматриваемомъ обществѣ нѣтъ закона, регулирующаго распредѣленіе въ его цѣломъ, какъ это наблюдается въ производствѣ товаровъ. Въ немъ есть нѣсколько отдѣльныхъ правилъ, соотвѣтственно тѣмъ частямъ, на которыя распадается масса произведенныхъ продуктовъ. Распредѣленіе въ наше время до того освободилось отъ цѣлей, которыя, повидимому, должны бы преслѣдоваться людьми, соединенными въ общества, что законы, по которымъ оно совершается, не имѣютъ уже никакого соотношенія къ задачамъ послѣдняго. Возьмите, напримѣръ, законъ ренты: разница въ доходѣ на почвахъ, обрабатываемыхъ при болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ производства. Вытекаетъ этотъ законъ, во-первыхъ, изъ естественныхъ различій плодородія земли, во-вторыхъ, изъ не менѣе естественныхъ условій размноженія населенія и, наконецъ, изъ техническихъ условій производства. Но онъ не стоитъ ни въ какой зависимости отъ потребностей разныхъ экономическихъ классовъ, между тѣмъ какъ распредѣленіе именно и имѣетъ цѣлью удовлетвореніе этихъ послѣднихъ; онъ не знаетъ этихъ потребностей, несогласованъ съ ними. Онъ—самъ по себѣ; онѣ—сами по себѣ.

То, что останется за вычетомъ ренты, распредѣляется между рабочими и капиталистами. И опять-таки, это распредѣленіе совершается не по какому-нибудь принципу, разсчитанному на удовлетвореніе потребности тѣхъ и другихъ, а сообразно тому значенію, какое пріобрѣла та и другая сторона. Это видно изъ того, что частные законы прибыли и заработной платы до сихъ поръ еще не установлены окончательно; та и другая могутъ колебаться и постоянно колеблются, и нельзя дать формулу этихъ колебаній, построенную на потребностяхъ членовъ общества.

И такъ, распредѣленіе продуктовъ совершается на основаніи частныхъ правилъ или пожалуй законовъ, которые даже еще не сформулированы окончательно и не подчиняются какому-либо объединяющему началу. Поэтому и нѣтъ возможности регулировать распредѣленіе, направлять его по извѣстному плану. Такой планъ, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстенъ. Распредѣленіе можетъ колебаться ежеминутно, въ зависимости отъ колебаній сравнительнаго значенія классовъ, образующихъ общество; можетъ стремиться измѣняться въ пользу одной стороны, если историческое развитіе общества возвышаетъ именно эту послѣднюю. И рынокъ будетъ слѣдовать за этими колебаніями, не пытаясь удержать положеніе, созданное раньше.

Представьте себѣ небольшую область, уединенную отъ остального міра, въ экономическомъ отношеніи сходную, напримѣръ, съ Англіей. Представьте затѣмъ, что ея правительство владѣетъ большими пространствами земли, не подвергавшейся обработкѣ, потому что она состояла изъ болотъ, но затѣмъ превращенной въ удобныя угодья и раздаваемой на льготныхъ условіяхъ мелкимъ землевладѣльцамъ. Какой эффектъ произведетъ это на распредѣленіе богатствъ? Масса наемныхъ рабочихъ различныхъ предпріятій оставитъ заводы, фабрики, фермы и устремится на свободныя поля, которыя они получили возможность обрабатывать въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ. Предложеніе труда на рынкѣ сократится, спросъ на него останется прежній, и заработная плата повысится. Рабочіе получатъ большую часть продукта, производимаго ими, доля фабрикантовъ уменьшится. Распредѣленіе богатствъ между классами станетъ совершаться по новой пропорціи; и это положеніе дѣлъ можетъ сохраниться на

неопредѣленное время, и рынокъ не возмутится такимъ нарушеніемъ признанныхъ законовъ. Онъ не сдѣлаетъ попытки вернуть прежнее положеніе; онъ не въ силахъ сдѣлать это, потому что и новое положеніе столь же правомѣрно, столько же въ согласіи съ принципами товарной организаціи, какъ и прежнее. Распредѣленіе продуктовъ въ современномъ обществѣ не преслѣдуетъ какого-либо опредѣленнаго плана, покоющагося на учетѣ чьихъ-либо правъ или потребностей. Оно опредѣляется относительнымъ значеніемъ въ обществѣ образующихъ его группъ. Это значеніе, въ свою очередь, не зависитъ отъ роли той или другой стороны въ экономіи общества, т.-е. отъ существенныхъ экономическихъ отношеній; почему и рынокъ, выясняя доли производителей, выражаетъ этимъ отношенія, для существа дѣла болѣе или менѣе случайныя. Трудъ и капиталъ (средства производства) всегда играютъ одинаковую роль въ общественной экономіи; но распредѣленіе продуктовъ измѣняется въ зависимости отъ измѣненія соціально-политическихъ отношеній.

И такъ, за отсутствіемъ прочно установленнаго и строго опредѣленнаго плана распредѣленія продуктовъ между классами, это распредѣленіе не можетъ подлежать регулированію. Но рынокъ не способенъ къ такой роли въ разсматриваемой сферѣ и по другой причинѣ, составляющей слѣдствіе его конструкціи, какъ механизма. Его регулированіе производительной дѣятельности, напримѣръ, основано на перемѣщеніи элементовъ производства изъ той промышленной отрасли, которая даетъ избытокъ продукта, въ другую, гдѣ въ немъ чувствуется недостатокъ. Если такое перемѣщеніе невозможно, если составныя части цѣлаго отдѣлены другъ отъ друга рамками, не допускающими свободнаго ихъ смѣшенія, то или регулированіе этой группы явленій совсѣмъ невозможно, или оно будетъ совершаться путемъ уничтоженія и нарожденія элементовъ, входящихъ въ составъ цѣлаго, подлежащаго регулированію. Если-бы, напримѣръ, перемѣщеніе факторовъ производства изъ одной промышленной отрасли въ другую было невозможно,—регулированіе производительной дѣятельности общества могло бы имѣть мѣсто лишь въ случаѣ, когда есть возможность сокращать и расширять приготовленіе извѣстнаго продукта, не привлекая труда или капитала изъ другихъ промышленныхъ отра-

слей, а путемъ уничтоженія или нарожденія названныхъ элементовъ только даннаго промысла.

Обращаясь къ тѣмъ классамъ общества, которые распредѣляютъ между собой продукты производства, мы увидимъ, что за ними стоятъ три самостоятельные и равно важные факторы производства—трудъ, капиталъ и силы природы. Всѣ эти три элемента участвуютъ въ производствѣ одновременно и самостоятельно; нѣтъ возможности одного изъ нихъ замѣнить другимъ; перемѣщеніе за перегородки, раздѣляющія ихъ, немыслимо, а вслѣдствіе этого становится крайне затруднительнымъ регулировать между ними отношеніе, если бы даже формула этого отношенія была установлена. Представьте себѣ, что, вслѣдствіе извѣстнаго расположенія элементовъ спроса и предложенія, доля труда ненормально возвысилась въ ущербъ капиталу. По общему методу рыночнаго регулированія явленій, это должно бы повести къ увеличенію предложенія въ одной сферѣ (въ данномъ случаѣ въ сферѣ труда) и уменьшенію его въ другой (въ данномъ случаѣ капитала), что въ области производства совершается прямымъ перемѣщеніемъ элементовъ послѣдняго. Здѣсь же такое перемѣщеніе невозможно въ данномъ случаѣ, напримѣръ, для этого потребовалось бы превращеніе капитала въ трудъ. При возвышеніи же процента на счетъ заработной платы, приведеніе того и другой къ прежней нормѣ потребовало бы, наоборотъ, сокращенія предложенія труда и расширенія предложенія капитала путемъ превращенія перваго во второй. Очевидно, что это невозможно; а если такъ, то рыночное регулированіе распредѣленія продукта между капиталомъ и трудомъ мыслимо только при условіи, чтобы границы каждой изъ этихъ областей могли сжиматься и расширяться независимо другъ отъ друга, т.-е. не путемъ перемѣщенія изъ одной области въ другую, а вытѣсненіемъ излишка въ сторону или привлеченіемъ недостающаго количества изъ запаса. До извѣстной степени это имѣетъ мѣсто при всякомъ рѣзкомъ измѣненіи заработной платы или доли капитала. При паденіи первой нѣкоторая часть рабочихъ бросаетъ занятіе и находитъ средства существованія въ благотворительности или преступленіи. При возвышеніи второй—производительное назначеніе получаютъ такія средства, которыя прежде растрачивались безслѣдно. Но очевидно, что регулирова-

ніе распредѣленія, построенное на указанномъ началѣ обмѣна между дѣятельными и инертными частями факторовъ промышленной жизни, заключено въ довольно узкія границы, которыя однако нѣсколько раздвигаются возможностью перемѣщенія капитала и труда изъ одного государства въ другое. Если, напримѣръ, доля труда значительно возвысится, не смотря на то, что къ производству привлечена вся резервная армія рабочихъ; если заграницей капиталъ получаетъ не больше, и отливъ его туда, поэтому, не заключаетъ въ себѣ ничего привлекательнаго,—въ такомъ случаѣ рынокъ лишается и послѣднихъ средствъ регулированія распредѣленія, и если измѣненія въ сферѣ послѣдняго имѣли прочную основу (какъ это было, напримѣръ, въ случаѣ страны, взятомъ нами для примѣра), новое отношеніе между долями труда и капитала можетъ сохраниться на неопредѣленное время.

Экономисты сознавали недостаточность вооруженія рынка для борьбы съ явленіями, нарушающими равновѣсіе, установившееся въ сферѣ распредѣленія продукта, они видѣли, что при извѣстныхъ условіяхъ возвышеніе, напримѣръ, заработной платы не можетъ быть своевременно парализовано, за неимѣніемъ свободнаго контингента трудящихся, способнаго усилить предложеніе труда. Въ этомъ случаѣ пришлось бы примириться съ безсиліемъ рынка въ дѣлѣ регулированія распредѣленія и признать, что существующій планъ расчлененія массы продуктовъ между участниками производства покоится не на вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законахъ, поддерживаемыхъ авторитетнымъ словомъ конкурренціонной борьбы, а на вѣчно колеблющемся и легко измѣняемомъ отношеніи экономическихъ классовъ общества. Политическая экономія не скоро доросла до этого воззрѣнія, и потому, для поддержанія авторитета рыночнаго механизма и увѣковѣченія принциповъ промышленной организаціи общества, она принимала, что измѣненіе предложенія труда, необходимое для приведенія сильно отклонившагося распредѣленія продуктовъ къ уровню, считаемому за норму, совершается путемъ размноженія или вымиранія населенія. Заработная плата, такъ учитъ старая школа, зависитъ отъ привычекъ рабочаго и равняется суммѣ средствъ, необходимыхъ для поддержанія существованія трудящагося населенія и воспитанія подростающаго поколѣнія. Если уровень ея отклонится внизъ—

размноженіе населенія замедлится частью уменьшеніемъ дѣторожденія, частью усиленіемъ смертности; это поведетъ къ сокращенію предложенія труда, за которымъ послѣдуетъ возвышеніе заработной платы до прежней нормы. Отклоненіе ея въ противную сторону будетъ имѣть и противоположные результаты: размноженіе населенія быстро двинется впередъ, предложеніе труда возрастетъ, и доля рабочаго класса въ общей массѣ продукта опять возвратится къ прежнему уровню.

Легко видѣть слабыя стороны этого воззрѣнія. Слѣдуя ему, нужно будетъ признать, что измѣненія предложенія труда, приводящія заработную плату къ уровню, считаемому за нормальный, совершаются столь же медленно, сколь медленны вообще процессы движенія населенія. Но въ теченіе такого длиннаго промежутка времени, подготовляющаго, такъ сказать, средства регулированія рынкомъ распредѣленія продуктовъ, могутъ произойти такія большія измѣненія въ условіяхъ производства, что возвращеніе доли рабочаго къ прежнему уровню сдѣлается совершенно излишнимъ. Затѣмъ, рабочій классъ за это время можетъ привыкнуть къ уровню благосостоянія, опредѣляемому отклоненнымъ отъ нормы вознагражденіемъ его труда, вслѣдствіе чего возвращеніе заработной платы къ прежней нормѣ не будетъ уже имѣть значенія ея регулированія по закону, формулированному выше, а сдѣлается, напротивъ того, нарушеніемъ закона вознагражденія трудящагося соотвѣтственно его потребностямъ и привычному уровню благосостоянія.

Въ самомъ дѣлѣ, если заработная плата уклонилась сильно вверхъ и для приведенія ея къ „нормѣ“ нужно ждать соотвѣтствующаго размноженія населенія, то вѣдь этотъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго приготовится добавочный персоналъ рабочихъ, нужно считать, по крайней мѣрѣ, въ 15—20 лѣтъ. А это такой періодъ, въ теченіе котораго старыя поколѣнія привыкнутъ, а молодыя сроднятся съ уровнемъ благосостоянія, возвышающимся надъ тѣмъ, который соотвѣтствовалъ яко бы нормальной величинѣ заработной платы. Иначе говоря, теперь этотъ новый уровень, а не прежній становится нормальнымъ, т.-е. тѣмъ, который опредѣляетъ высоту вознагражденія рабочаго; рынокъ опоздалъ съ своимъ регулирующимъ воздѣйствіемъ; ему остается

только идти за событіями, а не направлять ихъ. Если же. тѣмъ не менѣе, слѣдуя плану экономистовъ, онъ таки уменьшитъ долю рабочаго—это будетъ нарушеніемъ закона, установленнаго для величины заработной платы, и такое вліяніе рынка нужно будетъ уже признать не регулирующимъ распредѣленіе по извѣстному плану или, что то же, закону, а слѣпымъ проявленіемъ дѣятельности слѣпого механизма.

И такъ, если намъ неизвѣстенъ общій планъ, по которому совершается распредѣленіе продуктовъ между классами общества; если рынокъ самостоятельно вмѣшивается въ распредѣленіе лишь когда это оказывается слишкомъ поздно; если, наконецъ, еще подвержено сомнѣнію и самое существованіе вмѣшательства съ цѣлью приведенія долей къ опредѣленному отношенію, то мы имѣемъ право сдѣлать заключеніе, что механизмъ спроса и предложенія служитъ только для *выясненія* частей, изъ общей массы продукта страны достающихся каждому классу, участвующему въ распредѣленіи; само же распредѣленіе (по крайней мѣрѣ это нужно сказать о дѣленіи продукта между рабочими и капиталистами) находится почти совершенно внѣ регулирующаго вліянія рынка.

Но если расчлененіе продукта между классами совершается безъ активнаго участія рынка, то нельзя того же сказать о роли спроса и предложенія при дальнѣйшемъ ходѣ разсматриваемаго процесса. Коль скоро доля, достающаяся рабочимъ или капиталистамъ, опредѣлена, ея распредѣленіе между членами той же группы совершается подъ контролемъ рынка. Это ему доступно, потому что перемѣщенія съ мѣста на мѣсто элементовъ группы, какъ единицъ однородныхъ, не представляетъ тѣхъ затрудненій, какія стоятъ на пути обмѣна между составными частями разныхъ группъ. Въ виду сказаннаго, капиталъ и рабочія руки могутъ оставлять занятія, дающія уменьшенный доходъ, и помѣщаться въ другія, гдѣ найдутъ лучшее вознагражденіе. Такимъ образомъ, въ случаѣ отклоненія въ какой-либо промышленной отрасли заработной платы или прибыли отъ обычнаго уровня, тотчасъ же произойдетъ соотвѣтствующее перемѣщеніе капитала или труда; результатомъ его явится такое расположеніе элементовъ спроса и предложенія, которое возвратитъ отклонившуюся долю къ нормѣ, уравняетъ прибыль или заработную плату въ различныхъ

предпріятіяхъ, на сколько, разумѣется, такое уравненіе допускается условіями, опредѣляющими не одинаковый уровень вознагражденія труда и капитала въ различныхъ занятіяхъ.

И такъ, рынокъ является выразителемъ, а отчасти регуляторомъ экономическихъ отношеній членовъ общества, складывающихся подъ вліяніемъ естественныхъ и искусственныхъ условій общежитія. Въ обоихъ случаяхъ законъ спроса и предложенія играетъ подчиненную роль: устанавливая цѣну продукта, онъ выражаетъ условія ихъ производства; регулируя послѣднее, онъ направляется потребностями членовъ общества. Будучи по существу орудіемъ, отвѣчающимъ чуждымъ вліяніямъ, спросъ и предложеніе по своему генезису и конструкціи является, какъ мы видѣли, самостоятельнымъ механизмомъ, дѣйствующимъ въ каждый данный моментъ по свойственнымъ ему одному законамъ, не справляясь съ тѣмъ, что совершается внѣ рынка, не пытаясь выразить или урегулировать существенныя экономическія отношенія. Если же, не смотря на такую независимость отъ общественныхъ теченій, спросъ и предложеніе, тѣмъ не менѣе, играетъ роль выразителя и регулятора явленій, совершающихся въ глубинахъ общественной жизни — это благодаря тому обстоятельству, что основнымъ активнымъ экономическимъ факторомъ на рынкѣ и внѣ его служитъ одинъ и тотъ же личный интересъ. Но если въ каждый моментъ рынокъ ставитъ свой приговоръ совершенно самостоятельно, не смотря на то, что по существу этотъ приговоръ является выраженіемъ закона, выработаннаго внѣрыночной жизнью, то понятно, что приговоръ становится возможнымъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣдняя не доставляетъ достаточныхъ для него данныхъ и даже гдѣ по существу дѣла явленіе не принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которымъ естественно появиться на рынкѣ. Отношенія половъ, напримѣръ, покоятся на взаимномъ влеченіи двухъ лицъ и устанавливаются путемъ индивидуальныхъ сношеній, безъ активнаго участія общества. Но при извращеніи чувства, любовь можетъ быть вынесена на рынокъ, а тамъ уже она подпадаетъ подъ дѣйствіе спроса и предложенія, который заклеймитъ ее тѣмъ же знакомъ цѣнности, какимъ онъ выражаетъ стоимость производства матеріальнаго предмета и который является единственнымъ непосредственнымъ результатомъ дѣятельности ры-

ночнаго механизма. Любовь приравнивается къ деньгамъ что, можетъ быть нелѣпѣе этого? И, однако, эта нелѣпость существуетъ. и рынокъ санкціонируетъ ее, какъ и самыя естественныя явленія. Это, повторяемъ, становится возможнымъ, потому что, по своей конструкціи, рыночный механизмъ независимъ отъ явленій. выраженіемъ которыхъ служитъ; что онъ построенъ на игрѣ спроса и предложенія, которые, будучи обыкновенно выраженіемъ экономическихъ отношеній между лицами, могутъ прилагаться ко всякой потребности человѣка, ищущей удовлетворенія общественнымъ, а не личнымъ путемъ.

Прилагаются они и къ тѣмъ экономическимъ явленіямъ, которыя лишены прочной основы въ дѣйствительной жизни. Въ этихъ случаяхъ, повторяемъ, рынокъ дѣйствуетъ совершенно самостоятельно, и его опредѣленія уже не выражаютъ какихъ-либо существенныхъ общественно-экономическихъ отношеній, а отвѣчаютъ минутному настроенію потребителя. Такова его роль при установленіи цѣны древнихъ статуй, дорогихъ картинъ, рѣдкостей, драгоцѣнныхъ камней и вообще всѣхъ предметовъ, снабженіе которыми безусловно ограничено. Одни изъ этихъ предметовъ теперь вовсе не производятся, другіе попадаютъ въ руки человѣка болѣе или менѣе случайно, третьи (сюда относятся и такъ называемые естественно-монопольные) добываются въ ограниченномъ количествѣ. Во всѣхъ случаяхъ предложеніе товара не удовлетворяетъ спроса, и рыночная его цѣнность освобождается отъ вліянія важнѣйшихъ внѣ-рыночныхъ факторовъ.

Такова же роль рынка и при установленіи цѣны продуктовъ искусственно-монопольныхъ предпріятій. По техническимъ свойствамъ послѣднихъ, соотвѣтствующіе продукты могли бы производиться въ неограниченномъ количествѣ, вполнѣ такимъ образомъ удовлетворять запросу, что дало бы рынку возможность играть въ этомъ случаѣ ту же роль выразителя цѣнности продукта и регулятора его производства, какую онъ проявляетъ по отношенію къ большей части товаровъ и которая составляетъ его спеціальное назначеніе. Но по нѣкоторымъ причинамъ разсматриваемыя отрасли производства попали въ исключительное распоряженіе ограниченнаго числа лицъ, которыя находятъ для себя болѣе выгоднымъ продавать меньше, но по дорогой цѣнѣ,

чѣмъ въ полной мѣрѣ удовлетворить запросу потребителей и за то довольствоваться барышами, какіе можетъ доставить производство товара, продаваемаго по его естественной стоимости. Они достигаютъ своей цѣли, производя продуктъ въ размѣрахъ недостаточныхъ, повышая интензивность спроса, за которой слѣдуетъ неестественное возвышеніе цѣны товара. Въ этомъ случаѣ рынокъ повинуется велѣніямъ кучки предпринимателей, точно также, какъ раньше онъ подчинялся вліяніямъ, исходящимъ изъ общества въ его цѣломъ. Монополисты овладѣли механизмомъ спроса и предложенія и диктуютъ рынку такую цѣну продукта, какая всего больше отвѣчаетъ ихъ стремленію къ обогащенію.

II. Что такое цѣнность?

I.

Цѣлью экономической дѣятельности является удовлетвореніе потребностей человѣка; сама эта дѣятельность заключается въ производствѣ и распредѣленіи предметовъ потребленія. Для правильнаго хода общественно-экономической жизни то и другое должно совершаться по извѣстному плану, а за отсутствіемъ сознательно-согласованной дѣятельности производителей,—за неимѣніемъ спеціальнаго института, вырабатывающаго планъ производства и распредѣленія продуктовъ и слѣдящаго за его выполненіемъ, — планомѣрность общественно-экономической дѣятельности регулируется рынкомъ, который, однако, есть ничто иное, какъ поле столкновенія отдѣльныхъ экономическихъ дѣятелей, преслѣдующихъ исключительно свои личные интересы, стремящихся достигнуть наибольшихъ результатовъ съ наименьшей затратой силъ. Такимъ образомъ, общественный планъ вырабатывается безсознательно, не нарочно, выростаетъ самъ собою на почвѣ узкаго личнаго интереса.

Чтобы понять, какъ это происходитъ—нужно лучше познакомиться съ явленіями рыночной жизни. Въ первомъ очеркѣ мы описали внѣшній механизмъ дѣятельности рынка; теперь приступимъ къ изученію его роли въ дѣлѣ регулированія производства.

Всматриваясь въ рыночную жизнь, изучая способы, коими рынокъ заставляетъ индивидуума дѣйствовать въ этой области согласно извѣстному общественному плану, мы увидимъ, что рѣшающимъ моментомъ, феноменомъ, направляющимъ дѣятельность милліоновъ лицъ по одному руслу, является цѣна товара. Руководясь послѣдней, производитель рѣшаетъ, сколько нужно про-

извести того или иного продукта: отклоненіе массы послѣдняго отъ требуемаго размѣра сейчасъ же колеблетъ его цѣну, измѣняетъ этимъ въ ту или другую сторону доходы производителей, что заставляетъ ихъ внести соотвѣтствующія поправки въ производство. Отсюда видно, какое важное значеніе въ товарномъ хозяйствѣ имѣетъ феноменъ цѣны; становится понятнымъ, почему ученіе о цѣнности занимаетъ центральное положеніе въ наукѣ и нѣтъ болѣе или менѣе виднаго экономиста, который, внося что-либо новое въ науку, не приложилъ бы свою руку и къ объясненію явленій цѣны. Но цѣна не есть самостоятельное явленіе; она—денежное выраженіе чего-то другого, именуемаго стоимостью, цѣнностью, и интересующій насъ вопросъ заключается вѣ томъ—что же такое эта цѣнность предметовъ потребленія?

Еще недавно многіе экономисты считали, что поставленный вопросъ разрѣшенъ удовлетворительно наукой. Русскій читатель, напримѣръ, встрѣчалъ у любимаго своего автора такое утвержденіе: „въ законахъ цѣнности не остается ничего, требующаго разработки отъ меня или какого-нибудь послѣдующаго писателя; теорія этого предмета развита вполнѣ; единственное затрудненіе—изложить ее такъ, чтобы тутъ же рѣшались главныя трудности, встрѣчающіяся при ея примѣненіи". Не знаемъ, подписался ли бы Милль подъ этимъ мнѣніемъ въ настоящее время; но всякому очевидно, что общепринятая теорія цѣнности (Смита-Рикардо) испытываетъ значительныя колебанія, хотя и не касающіяся сущности ея принципа, но совершенно измѣняющія ту его формулировку, какая господствовала въ наукѣ и которая служила для объясненія явленій, такъ или иначе связанныхъ съ изучаемымъ феноменомъ.

Человѣкъ, наблюдающій внѣшнюю экономическую жизнь и размышляющій надъ нею, имѣетъ три слѣдующихъ рода данныхъ для объясненія явленія цѣнности. Онъ видитъ, что цѣнный предметъ, во-1-хъ, полезенъ человѣку, т.-е. способенъ удовлетворить какой-либо изъ его потребностей; во-2-хъ, что онъ не получается отъ природы даромъ, а требуетъ затраты труда, и, въ-3-хъ, что его рыночная цѣна устанавливается извѣстнымъ процессомъ, называемымъ конкурренціей. При построеніи теоріи

цѣнности можно всѣмъ названнымъ сторонамъ предмета отвести мѣсто, соотвѣтствующее ихъ дѣйствительному значенію; но можно и взглянуть односторонне, возвеличить въ ущербъ истинѣ одну какую-либо сторону явленія. Такъ именно и шло изслѣдованіе разсматриваемаго феномена. Еще до сихъ поръ ученые держатся на этотъ счетъ различныхъ взглядовъ, и всѣ циркулирующія теоріи цѣнности, соотвѣтственно вышеуказаннымъ элементамъ, такъ или иначе прикосновеннымъ къ разсматриваемому явленію, могутъ быть раздѣлены на три слѣдующія группы:

1) рыночная теорія, считающая образователемъ цѣнности законъ спроса и предложенія;

2) теоріи потребительной цѣнности, ставящія послѣднюю въ зависимость отъ того значенія, какое предметъ имѣетъ для потребностей человѣка;

3) теорія производственной цѣнности, считающая регуляторомъ послѣдней усилія и затраты человѣка на добываніе нужнаго ему предмета.

Остановимся нѣсколько на всѣхъ этихъ теоріяхъ.

Ученіе рыночной цѣнности всего послѣдовательнѣе развито Маклеодомъ.

Говорятъ, пишетъ этотъ ученый, что цѣнность предмета измѣряется затратами на его производство труда, издержками производства товара. По мнѣнію Маклеода, между цѣнностью и издержками существуетъ какъ разъ противоположное отношеніе: не потому предметъ цѣненъ, что на его добываніе затрачено много труда, а потому онъ привлекаетъ трудъ и допускаетъ большія затраты, что обладаетъ высокою цѣнностью. Такимъ образомъ, между цѣнностью и издержками производства существуетъ прямое соотношеніе, причемъ цѣнность является первичной причиной, а затраты—ея слѣдствіемъ; экономисты же поняли вопросъ наоборотъ и создали теорію, сводящую цѣнность на трудъ или издержки производства. Если эта теорія вѣрна, если трудъ есть дѣйствительно мѣрило цѣнности, то почему ничего не стоитъ мусоръ, вынутый изъ вырытаго колодца, на который вѣдь затрачено такъ много труда; почему не удесятерится цѣнность предмета, если мы нарочно десять разъ перевеземъ его съ мѣста на мѣсто; и почему, съ другой стороны, такъ дорогъ алмазъ, поднятый мною на

улицѣ, т.-е. стоившія мнѣ лишь усилія согнуться и разогнуться? Не очевидно-ли, что цѣнность того или другого предмета опредѣлена заранѣе, и производителю остается лишь рѣшить вопросъ: стоитъ-ли, въ виду данной стоимости товара, тратить средства на его добываніе.

Обращаясь къ положительной сторонѣ вопроса, мы прежде всего увидимъ, что цѣнность предмета не опредѣлена разъ навсегда, а зависитъ отъ условій, при которыхъ происходитъ купля-продажа. „Такъ, если бы человѣку, который только-что съѣлъ роскошный обѣдъ, предложили корку хлѣба и стаканъ воды, то такое предложеніе, сдѣланное не во время, возбудило бы въ немъ чувство, близкое къ отвращенію. Но если бы тотъ же человѣкъ былъ покинутъ на необитаемомъ островѣ въ состояніи, близкомъ къ голодной смерти, то съ какимъ восторженнымъ чувствомъ онъ принялъ бы то же самое предложеніе! При такихъ обстоятельствахъ лицо, имѣющее въ распоряженіи подобные предметы, могло бы вынудить у страдальца всякую цѣну, какую бы только онъ былъ въ состояніи заплатить". Одинъ и тотъ же предметъ въ двухъ различныхъ случаяхъ оказался такой различной цѣны, и это лишь потому, что его значеніе для покупателя тогда и теперь неодинаково; потребность или услуга во второмъ случаѣ была гораздо напряженнѣе, нежели въ первомъ. Если бы, вмѣсто одного человѣка, предлагающаго голодному хлѣбъ, явилось такихъ два-три, то власть продавца надъ покупателемъ не достигла бы указанной силы, и, при той же напряженности потребности, конкурренція продавцевъ низвела бы цѣнность хлѣба до меньшей величины. „И такъ, законъ, опредѣляющій цѣну, можетъ быть выраженъ такимъ образомъ: цѣна измѣняется въ прямомъ отношеніи къ напряженности оказанной услуги и въ обратномъ отношеніи къ власти покупщика надъ продавцемъ". „Эта формула есть, очевидно, измѣненное выраженіе, что цѣнность обусловливается отношеніемъ между предложеніемъ и спросомъ и при правильномъ ея истолкованіи можетъ имѣть всеобщее примѣненіе и обнимать сдѣлки всякаго рода, будетъ-ли идти рѣчь о цѣнахъ при покупкѣ, или о заработанной платѣ, или о рентѣ, или о процентѣ". Такова-ли теорія издержекъ производства? Самъ Рикардо считаетъ ее примѣнимой лишь въ случаяхъ, гдѣ возможно увеличеніе производства до неопредѣлен-

ныхъ размѣровъ; да и здѣсь—лишь при постоянныхъ условіяхъ со стороны спроса и предложенія. Съ измѣненіемъ же послѣднихъ и впредь до установленія между ними надлежащаго равновѣсія, а также въ отношеніи предметовъ, не могущихъ быть умножаемыми до безконечности, цѣнность, по ученію Рикардо, управляется тѣмъ же закономъ спроса и предложенія, который только что былъ установленъ. Такимъ образомъ, продолжаетъ Маклеодъ, приверженцы теоріи издержекъ производства въ своихъ объясненіяхъ подлежащихъ явленій не удерживаются на разъ принятой точкѣ зрѣнія и примѣняютъ не одну, а двѣ гипотезы. Поступать такимъ образомъ въ экономической наукѣ столь же основательно, какъ и создавать астрономическую систему, гдѣ бы нѣкоторыя явленія объяснялись по теоріи Птоломея, а другія—по теоріи Коперника и Ньютона. Всякая рыночная цѣна (даже та, которая соотвѣтствуетъ издержкамъ производства) подчиняется закону спроса и предложенія, а коль скоро этотъ законъ примѣнимъ ко всѣмъ случаямъ, соотвѣтствующая теорія получаетъ преимущество надъ другой, годной только для объясненія одной серіи фактовъ. „Всякій, кто понимаетъ законы философскаго мышленія, примѣняемые ко всѣмъ вообще наукамъ, кто желаетъ соблюсти послѣдовательность въ научныхъ изысканіяхъ, къ которой такъ стремился Баконъ,—тотъ, конечно, замѣтитъ, что предшествующія соображенія вполнѣ выказываютъ ошибочность политико-экономической системы Рикардо. Если есть возможность вывести общій философскій законъ, то законъ этотъ долженъ прилагаться ко всѣмъ случаямъ. Испытаніе вѣрности несогласныхъ между собой теорій производится объясненіемъ посредствомъ ихъ отдѣльныхъ случаевъ. Истинная теорія должна прилагаться ко всѣмъ явленіямъ. Если оказывается хотя одинъ фактъ, совершенно неподходящій къ теоріи, то состоятельность этой теоріи черезъ то уже подорвана“. На основаніи этихъ соображеній, Маклеодъ считаетъ законъ спроса и предложенія установленнымъ научнымъ индуктивнымъ путемъ и единственно вѣрной теоріей цѣнности [1]).

Такова теорія цѣнности Маклеода (впервые построенная, впро-

[1]) Г. Маклеодъ. Основанія политической экономіи.

чемъ, задолго до появленія этого ученаго), и мы не можемъ не сказать, что въ извѣстномъ отношеніи она вполнѣ истинна. Разоблачая ее отъ научной претенціозности, нужно будетъ признать, что она довольно точно описываетъ то, что совершается на рынкѣ. Законъ рыночныхъ отношеній есть дѣйствительно—законъ спроса и предложенія; и такъ какъ цѣнность предмета устанавливается на рынкѣ, то и она подчиняется этому закону. Въ этомъ Маклеодъ правъ; но онъ ошибается, если думаетъ, что, сформулировавъ законъ рыночнаго механизма, можно почить на лаврахъ и считать дѣло изслѣдованія цѣнности законченнымъ. Такъ можетъ думать нашъ авторъ, сводящій политическую экономію на науку объ обмѣнѣ, не видящій за рынкомъ ничего, достойнаго вниманія ученаго; но не такъ должны поступать мы, зная, что рынокъ служитъ лишь механизмомъ выясненія отношеній, слагающихся гдѣто въ другомъ мѣстѣ. Рынокъ выясняетъ цѣнность, но не образуетъ ее. Законъ спроса и предложенія, на которомъ настаиваетъ Маклеодъ, есть дѣйствительно законъ цѣнности; но законъ ея установленія, выясненія—не больше. Признаніе этого закона ни мало не исключаетъ необходимости отысканія тѣхъ нормъ, къ которымъ приводится цѣнность его примѣненіемъ; и ученые, съ которыми полемизируетъ Маклеодъ, именно и занимались изслѣдованіемъ этихъ нормъ, иначе говоря, отысканіемъ истиннаго закона цѣнности.

Въ научныхъ пріемахъ Маклеода ярко бросается въ глаза погрѣшность, заключающаяся въ выборѣ ненадлежащаго времени и мѣста наблюденія изучаемаго явленія. Аргументы, имъ приводимые, основаны на фактахъ невозможныхъ, невѣроятныхъ (торговля съ лицомъ, находящимся на необитаемомъ островѣ, продажа никому ненужнаго мусора) или случайныхъ (поднятіе алмаза на улицѣ). „Авторъ вырываетъ изъ дѣйствительности изолированный фактъ, разсматриваетъ его внѣ всякой связи съ другими фактами, съ которыми онъ входитъ въ опредѣленныя іерархическія соотношенія, и, не долго размышляя, дѣлаетъ заключеніе ко всей дѣйствительности, т.-е. къ тому сложному цѣлому, отъ котораго отрѣзалъ данный фактъ. Вопросъ не въ томъ—могутъ или не могутъ въ томъ или другомъ случаѣ производиться извѣстныя операціи, а въ томъ, какъ производятся онѣ вообще,

среднимъ числомъ и проч. *Вообще же* алмазовъ не поднимаютъ на улицахъ, а ищутъ и тратятъ на это долговременный и усиленный трудъ. *Вообще* предмета не возятъ по нѣсколько разъ туда и обратно, а сразу доставляютъ его куда нужно и берутъ за это столько, сколько потрачено труда". Если же взять то, что дѣлается *обыкновенно, вообще;* если взять „типическую, среднюю мѣновую сдѣлку, представляющую извѣстное равновѣсіе какъ затратъ рабочей силы, такъ и удовлетворенія потребностей"—въ такомъ случаѣ окажется, что за спиной спроса и предложенія стоятъ другія отношенія, которыя и надлежитъ выяснить [1]).

Другая ошибка Маклеода, изъ которой вытекаетъ и первая, заключается въ исключительномъ вниманіи, отдаваемомъ имъ частному хозяйству и игнорированіи общественнаго. На рынкѣ цѣнность устанавливается борьбою отдѣльныхъ производителей; окончательный результатъ борьбы зависитъ отъ тѣхъ условій, въ которыхъ находятся въ моментъ сдѣлки индивиды; здѣсь можетъ имѣть свое вліяніе и напряженность услуги для одной стороны, и степень власти, какую имѣетъ другая. Маклеодъ только и видитъ эти конкурренціонныя отношенія и даетъ формулу цѣнности, выражающую относительное положеніе контрагентовъ, охватывающую тѣ стороны предмета, которыя имѣютъ важное значеніе для той и другой изъ борющихся личностей. Но вѣдь за личностью стоитъ общество, за личными отношеніями—общественныя, и для послѣднихъ цѣнность имѣетъ не менѣе важное значеніе, чѣмъ для первыхъ. Въ обществѣ, не прерываясь и на сутки, идутъ процессы производства и потребленія богатствъ. Для правильнаго хода этихъ процессовъ должно существовать извѣстное соотношеніе, во-1-хъ, между затратами средствъ на различныя промышленныя предпріятія, во-2-хъ, между потребностями въ продуктахъ и ихъ производствомъ. Это соотношеніе устанавливается рынкомъ и именно чрезъ посредство цѣнности товара. Ясно, какое значеніе имѣетъ послѣдняя для общественно-экономической дѣятельности; очевидно, что существованіе общества невозможно, если цѣнность не будетъ выражать отношеній, имѣю-

---

[1]) Зиберъ. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ.

щихъ большую важность въ общественно-экономическомъ, а не индивидуальномъ смыслѣ.

И такъ, если бы отъ насъ зависѣло укрѣпить за цѣнностью личный (въ смыслѣ теоріи Маклеода) или общественный характеръ—мы бы не колеблясь рѣшились на послѣднее. Къ сожалѣнію, исторія рѣдко когда слѣдуетъ указаніямъ разума, и въ данномъ случаѣ она вручила цѣнность—этотъ свѣточъ производства и распредѣленія продуктовъ цѣлаго общества—въ руки отдѣльнаго индивида, предоставивъ ему устанавливать ея величину грубой борьбой личныхъ интересовъ. Такимъ образомъ цѣнность какъ бы отдана на произволъ случая; но относительная правильность теченія общественно-экономической жизни, постоянное усложненіе экономическихъ отношеній, требующее сугубой правильности взаимодѣйствія отдѣльныхъ частей общественнаго организма, доказываютъ, что личный мотивъ сумѣлъ приспособиться къ требованіямъ общества; что вмѣсто создавателя цѣнности, какимъ онъ оказывается по формѣ, личный интересъ превратился въ выразителя цѣнности, образованіе которой происходитъ за предѣлами рынка. Только подъ этимъ условіемъ—служитъ выразителемъ (хотя и несовершеннымъ) общественныхъ потребностей,—личность со своими исключительными интересами и сохранила выдающуюся роль въ механизмѣ обмѣна.

И такъ, путемъ игры личныхъ интересовъ цѣнность продукта приводится на рынкѣ къ такимъ размѣрамъ, которыми обезпечивается правильный ходъ производства и распредѣленія богатствъ; иначе говоря, личность устанавливаетъ цѣну, но диктуетъ ее общество. Поставленный такимъ образомъ, вопросъ о цѣнности распадается на два слѣдующіе: 1) въ чемъ состоитъ рыночный механизмъ установленія цѣнъ, и 2) къ какой величинѣ приводится, иначе говоря, чѣмъ измѣряется цѣнность предмета? Маклеодъ обратилъ свое вниманіе и считаетъ существенно важнымъ первый вопросъ; Рикардо и другіе экономисты придаютъ наибольшее значеніе второму. Какъ бы то ни было, но очевидно, во-1-хъ, что изслѣдованію подлежитъ не одинъ, а два вопроса, и потому, во 2-хъ, что между теоріей цѣнности „спроса и предложенія“ и другими гипотезами нѣтъ антагонизма. Теорія спроса и предложенія относится къ механизму *установленія* цѣны; другія гипо-

тезы даютъ ученіе объ *образованіи и составѣ* цѣнности. Это — двѣ совершенно различныя стороны вопроса, и если мы ихъ смѣшаемъ воедино, то станемъ въ ложное положеніе относительно различныхъ ученій о цѣнности. Маклеодъ, не допуская указаннаго различія между установленіемъ и образованіемъ цѣнности, отнесся отрицательно къ теоріи затратъ производства, признавая въ то же время существованіе соотвѣтствія между размѣрами послѣднихъ и цѣнностью. Многіе экономисты, исповѣдывающіе противное ученіе, не обнаруживаютъ такой исключительности; тѣмъ не менѣе и они недостаточно безпристрастно относятся къ противной теоріи и либо не признаютъ всеобщаго значенія закона спроса и предложенія, либо въ крайнемъ случаѣ замалчиваютъ и недостаточно оттѣняютъ это значеніе и такимъ образомъ вмѣсто примиренія двухъ ученій, становятся къ одному изъ нихъ въ полуотрицательное отношеніе. Возьмемъ два-три примѣра.

Въ своихъ „Началахъ политической экономіи“ Рикардо полемизируетъ съ Лодердалемъ, Сэемъ и другими экономистами, ставящими цѣнность въ исключительную зависимость отъ игры спроса и предложенія. Мѣстами онъ выражается при этомъ такимъ образомъ, какъ будто бы признаетъ оспариваемый законъ, какъ служащій для установленія цѣны предмета и только отрицаетъ его исключительное значеніе, считая, что его роль—приводить цѣну товара къ издержкамъ производства. Такъ, онъ говоритъ, что „цѣна товара регулируется въ *конечномъ счетѣ* издержками производства, а не отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ“, какъ бы признавая, что, не добираясь до конца изслѣдованія, а ограничиваясь поверхностнымъ наблюденіемъ предмета, увидишь только дѣйствіе игры спроса и предложенія. Затѣмъ, соотвѣтствіе цѣнности товара издержкамъ его производства, Рикардо ставитъ въ прямую зависимость отъ соперничества, утверждая, что „цѣны товаровъ, подвергаемыхъ соперничеству и количество которыхъ можетъ быть увеличено въ какой бы то ни было степени, зависятъ въ конечномъ счетѣ не отъ положенія спроса и предложенія, но отъ увеличенія или уменьшенія издержекъ на производство ихъ“. Если этотъ законъ цѣнности оказываетъ свое вліяніе, благодаря соперничеству и возможности увеличить количество товара до требуемыхъ размѣровъ, то значитъ то и другое

условіе способствуетъ обнаруженію приведеннаго закона. Но чѣмъ же обнаруживается само соперничество, какъ не борьбою за цѣну, и какое у него орудіе, какъ не сжиманіе и расширеніе спроса и предложенія товаровъ? Отсюда, кажется, естественно бы заключить, что законъ спроса и предложенія представляетъ постояннаго дѣятеля рыночной жизни, и что это обстоятельство ни мало не противорѣчитъ ученію о цѣнности, защищаемому названнымъ ученымъ. Но Рикардо не сдѣлалъ этого логическаго шага и сталъ доказывать, что для приспособленія цѣны товара къ измѣнившимся издержкамъ производства нѣтъ надобности въ измѣненіи въ сферѣ спроса и предложенія, оставивъ такимъ образомъ открытымъ вопросъ, помощью какого механизма издержки производства отражаются на цѣнѣ предмета. Рикардо, конечно, не только зналъ, но и самъ объяснялъ, какимъ образомъ это происходитъ. Мы только что приводили его слова, изъ которыхъ видно, что процессъ установленія цѣнъ онъ приписываетъ соперничеству. А если такъ, то возникаетъ вопросъ о механизмѣ этого процесса, механизмѣ, приводящемъ цѣну къ издержкамъ. Но если какой-либо механизмъ устанавливаетъ цѣны по извѣстному образцу,— нельзя отрицать его участія въ процессѣ оцѣнки предмета. Напротивъ, такое участіе необходимо, и если бы не было соперничества—пришлось бы создавать новый механизмъ, выполняющій то же назначеніе. Ибо издержки производства не могутъ вліять на цѣну непосредственно; необходимо существованіе спеціальныхъ органовъ, выясняющихъ стоимость производства и приводящихъ къ нимъ цѣну предмета. Такимъ органомъ въ товарно-капиталистическомъ обществѣ и служитъ рынокъ съ его закономъ спроса и предложенія—обстоятельство, иногда упускаемое изъ виду какъ Рикардо, такъ и другими экономистами.

Беремъ другого англійскаго экономиста, Милля. Судя по многимъ выраженіямъ его „Основаній политической экономіи“, трудно заподозрить, чтобы онъ позабылъ о роли спроса и предложенія въ дѣлѣ приведенія цѣнности предмета къ ея естественному уровню. Онъ, напримѣръ, прямо заявляетъ: „въ каждое данное время цѣнность предмета—результатъ запроса и снабженія и всегда бываетъ такова, какая нужна на то, чтобы существующее снабженіе находило себѣ сбытъ“. „Тайное вліяніе, за-

ставляющее цѣнности вещей въ среднемъ выводѣ быть сообразными со стоимостью производства,—это тайное вліяніе состоитъ въ томъ, что иначе измѣнился бы размѣръ снабженія товаромъ". И однако, черезъ двѣ страницы мы у него встрѣчаемъ слѣдующее положеніе: „такимъ образомъ, цѣнность предметовъ, количество которыхъ можетъ увеличиваться по произволу, опредѣляется (мы бы прибавили „исключительно") уравненіемъ запроса и снабженія лишь иногда, да и то лишь на срокъ, нужный для ихъ производства; а общій ходъ дѣла иной: не цѣнность этихъ предметовъ опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія, а, напротивъ, самое это уравненіе опредѣляется цѣнностью—таковъ точный законъ. Есть запросъ на извѣстное количество товара по его естественной цѣнѣ, и снабженіе постоянно стремится сообразоваться съ этою цѣною". Здѣсь уже говорится нѣчто иное, находящееся въ противорѣчіи (по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны) съ тѣмъ, что утверждалось раньше. Противорѣчіе явилось оттого, что Милль не ставитъ прямо вопроса о необходимости различать процессъ установленія цѣнности отъ процесса ея образованія. Самъ онъ излагаетъ законы образованія цѣнности и въ предѣлахъ своей задачи вполнѣ правъ, ограничивая роль спроса и предложенія управленіемъ ея колебаніями. Но онъ недостаточно подчеркнулъ значеніе этого закона, какъ выяснителя цѣнности и при изложеніи предмета безразлично употребляетъ выраженія: „управляетъ", „опредѣляетъ", „устанавливаетъ" цѣнность и т. п.

Такое же замѣчаніе примѣнимо и къ воззрѣніямъ русскаго экономиста, Зибера. Онъ прямо говоритъ, напримѣръ, слѣдующее: „соперничество между той и другой стороной типической, средней сдѣлки стремится единственно къ тому, чтобы удержать мѣновую пропорцію на извѣстномъ уровнѣ, отвѣчающемъ относительнымъ затратамъ труда. Орудіе его—возможность перехода изъ одной отрасли въ другую". Но переходъ контрагента отъ одной промышленности къ другой имѣетъ прямымъ слѣдствіемъ измѣненіе спроса и предложенія товара; поэтому игру послѣднихъ и слѣдуетъ считать тѣмъ механизмомъ, при помощи котораго мѣновая пропорція удерживается на извѣстномъ уровнѣ. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ Зиберъ говоритъ о случаяхъ цѣнности, вполнѣ подчиняющихся закону спроса и предложенія, онъ

употребляетъ форму выраженія, способную укрѣпить увѣренность, что онъ признаетъ всеобщее вліяніе этого механизма. Въ этихъ случаяхъ роль спроса и предложенія онъ называетъ „активной", „самостоятельной",—какъ бы оттѣняя этими терминами мысль, что въ остальныхъ случаяхъ мѣновыхъ сдѣлокъ законъ спроса и предложенія не устраняется съ поля дѣйствія, а лишь играетъ подчиненную роль, направляется другими вліяніями. Тѣмъ страннѣе встрѣтить у разсматриваемаго автора мысль, совершенно противоположную указанному воззрѣнію,—мысль, развиваемую, напримѣръ, на стр. 151 его извѣстнаго сочиненія [1]): „Мальтусъ ошибается, говоря, что законъ спроса и предложенія столь общъ, что обнимаетъ всѣ возможные случаи. Въ каждой мѣновой сдѣлкѣ дѣйствительно состоятъ на лицо спросъ и предложеніе. Но спрашивается, можно-ли утверждать, что законъ, управляющій движеніемъ того и другого, распространяется и на случаи (которыхъ однакожъ большинство), гдѣ нѣтъ никакого взаимнаго движенія этихъ элементовъ"? Отвѣтить на поставленный вопросъ не трудно: если при равновѣсіи спроса и предложенія цѣнность товара не находится подъ вліяніемъ ихъ игры, какъ это хочетъ сказать Зиберъ своимъ постѣднимъ вопросомъ, то спрашивается, какимъ механизмомъ эта цѣнность удерживается на извѣстномъ уровнѣ (издержекъ производства, затраты труда)? Очевидно, что этотъ механизмъ—тѣ же спросъ и предложеніе, и что разъ достигнутый уровень цѣнности сохраняется именно равенствомъ одного изъ нихъ другому.

Такимъ образомъ, у массы экономистовъ мы не находимъ прямо и ясно поставленнаго вопроса о двойномъ законѣ цѣнности: законѣ ея установленія и образованія. Этимъ въ значительной степени объясняется борьба между теоріями, по существу составляющими двѣ стороны того же ученія и та популярность, какою до сихъ поръ пользуется теорія спроса и предложенія, отвергаемая во имя другихъ принциповъ цѣнности, вмѣсто того, чтобы только быть поставленной на надлежащее мѣсто. Отрицаніе этой теоріи заключаетъ полу-истину, и не мудрено, что другая ея половина отвѣчаетъ тѣмъ же.

---

[1]) Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ.

О другой теоріи цѣнности, въ основу которой положена полезность предмета, мы скажемъ нѣсколько словъ, такъ какъ и пользуется она меньшимъ распространеніемъ, и менѣе состоятельна, чѣмъ первая.

Исходя изъ того положенія, что мѣновую цѣнность имѣютъ только предметы, способные удовлетворить потребностямъ или желаніямъ человѣка, а можетъ быть, нѣсколько путаясь терминологіей (мѣновая сила предмета и его полезность обозначаются тѣмъ же терминомъ „цѣнность“ съ присоединеніемъ прилагательнаго: въ первомъ случаѣ „мѣновая“, во второмъ — „потребительная“), нѣкоторые экономисты (напр. Шторхъ) утверждаютъ, что представленіе, какое составляетъ себѣ человѣкъ о годности даннаго предмета для удовлетворенія его потребностей и опредѣляетъ мѣновую цѣнность послѣдняго; что, покупая товаръ, человѣкъ готовъ дать за него тѣмъ больше, чѣмъ онъ ему нужнѣе. Не останавливаясь долго на этой теоріи, мы заимствуемъ критику ея у Зибера. Разсматриваемая теорія, говоритъ онъ вслѣдъ за Баумштаркомъ, бросается въ частности и на нихъ строитъ цѣлое ученіе. Если бы мѣновая цѣнность основывалась на потребительной, то, какъ замѣтили еще физіократы, наиболѣе необходимые предметы были бы и самыми дорогими. Это и бываетъ временами, когда, по случайнымъ причинамъ, снабженіе какимъ-нибудь товаромъ уменьшается. При неурожаѣ, напримѣръ, цѣнность хлѣба можетъ подняться до неопредѣленной высоты и подняться именно потому, что потребность въ этомъ продуктѣ непреодолима. Но подобныя явленія, гдѣ настоящая основа цѣнности перестаетъ оказывать свое естественное вліяніе, и человѣкъ при обмѣнѣ руководствуется исключительно настоятельностью той или другой потребности, — представляютъ исключительные моменты, отклоненіе отъ нормальнаго теченія жизни. Въ средній же моментъ, когда производство разныхъ продуктовъ находится въ соотвѣтствіи съ потребностями общества (насколько онѣ выражаются покупательной силой его сочленовъ), настоятельность потребности ничѣмъ не обнаруживается: въ эти періоды хлѣбъ, одежда, книги, картины, словомъ, все, что составляетъ предметъ обыкновеннаго потребленія даннаго лица, одинаково желательны и требуются на рынкѣ съ равной настоятельностью, съ одина-

ковой энергіи. Въ этотъ средній, обычный моментъ экономическаго существованія общества, поэтому, другія условія, а не потребительная цѣнность предмета, опредѣляютъ его мѣновую стоимость. И съ этимъ согласны сами основатели опровергаемой теоріи. Такъ, напримѣръ, Шторхъ, утверждающій, что мѣновая цѣнность предмета устанавливается запросомъ, т.-е. потребностью покупателя, въ то же время допускаетъ, что цѣна товара, которая служитъ лишь болѣе точнымъ выраженіемъ его мѣновой цѣнности, устанавливается уже спросомъ и предложеніемъ. „Если бы цѣны товаровъ зависѣли единственно отъ спроса, продолжаетъ Шторхъ, то онѣ были бы *совершенно произвольны;* но, будучи дѣйствіемъ соглашенія предложенія и спроса, онѣ имѣютъ твердое основаніе, къ которому всегда стремятся и отъ котораго надолго не могутъ уклониться безъ уничтоженія предложенія. Этимъ основаніемъ служатъ *издержки производства* [1]).

И такъ, если стоимость предмета, основанная на оцѣнкѣ покупателемъ его полезности, совершенно произвольна, а когда она пріобрѣтаетъ устойчивость, то уже оказывается подчиненною закону спроса и предложенія и приведенной къ издержкамъ производства, то спрашивается—что же остается отъ разбираемой теоріи, кромѣ болѣе или менѣе остроумнаго логическаго упражненія или риторической фигуры?

Мы видимъ, что, по мнѣнію Шторха, считающаго истинной теорію потребительной основы мѣновой стоимости, послѣдняя въ концѣ-концовъ измѣряется издержками производства. Такого же мнѣнія держатся и представители теоріи спроса и предложенія. Такъ, Маклеодъ, столь горячо ратовавшій съ Рикардо и другими адептами теоріи издержекъ производства, въ концѣ-концовъ высказываетъ слѣдующее признаніе: „въ тѣхъ случаяхъ, когда производство можетъ быть увеличено безпредѣльно, люди пріучаются соображать размѣры предложенія съ размѣрами спроса, такъ что цѣнность предмета близко подходитъ тогда къ издержкамъ производства“ [2]). Такое же признаніе вы встрѣтите, напримѣръ, и у русскаго экономиста, г. Пихно, объявляющаго себя привер-

---

[1]) Курсъ Политической экономіи, с. 25.
[2]) Маклеодъ. id. с. 130.

женцемъ ученія о спросѣ и предложеніи Мальтуса и Германа [3]). Съ другой стороны, представители ученія объ образованіи цѣнности въ теченіе процесса производства (Рикардо, Милль, Зиберъ) признаютъ, какъ мы видѣли выше, и законъ спроса и предложенія. Такимъ образомъ, вмѣсто разнообразія взглядовъ на феноменъ мѣновой цѣнности, проявляющагося въ постоянномъ обращеніи экономистовъ къ этому вопросу и полемикѣ, какою наполнены сочиненія, трактующія о предметѣ, ближайшее изслѣдованіе послѣдняго показываетъ, что воззрѣнія различныхъ ученыхъ отличаются замѣчательнымъ согласіемъ. По крайней мѣрѣ почти всѣ они признаютъ: во-1-хъ, что цѣна предмета устанавливается игрою спроса и предложенія, во-2-хъ, что въ извѣстной и наиболѣе обширной категоріи товаровъ она приводится къ затратамъ на производство. Разногласіе экономистовъ начинается тамъ, гдѣ они приступаютъ къ оцѣнкѣ феноменовъ, формулированныхъ выше, классификаціи ихъ по степени важности и взаимной зависимости. Одни утверждаютъ, что настоящій законъ цѣнности, это—отношеніе спроса и предложенія; что издержки производства образуютъ лишь одинъ, хотя и главнѣйшій изъ элементовъ, комбинація которыхъ даетъ игру спроса и предложенія. Другіе закономъ цѣнности считаютъ ея соотвѣтствіе съ затратами производства, а спросу и предложенію приписываютъ второстепенную роль,—считаютъ его способнымъ лишь колебать уровень цѣнности, но не опредѣлять его. Кто правъ и кто ошибается?

Изъ того, что намъ извѣстно до сихъ поръ, мы можемъ утверждать одно,—что правда не на сторонѣ теоріи спроса и предложенія. Это было бы такъ, если бы обмѣнъ составлялъ сущность экономическихъ отношеній. Но по воззрѣнію, отводящему мѣновымъ явленіямъ второстепенное мѣсто, считающему ихъ присущими опредѣленному экономическому строю, признающему, что и при мѣновомъ хозяйствѣ цѣнность продукта можетъ устанавливаться не однимъ соперничествомъ (такса, цѣнность правительственныхъ услугъ и т. п.), при этомъ воззрѣніи, когда рынокъ съ его механизмомъ спроса и предложенія служитъ для

[3]) Законъ спроса и предложенія

выясненія отношеній, складывающихся подъ вліяніемъ сложной комбинаціи естественныхъ и общественныхъ факторовъ экономической жизни—искать закона какого-либо явленія въ рыночныхъ отношеніяхъ можно лишь послѣ того, какъ будетъ доказано, что для него нѣтъ болѣе глубокихъ основъ. Врядъ-ли можетъ оказаться въ такомъ положеніи феноменъ цѣнности. Мы знаемъ, что это—единственный реальный результатъ дѣятельности рыночнаго механизма; что цѣна товара служитъ центральнымъ пунктомъ, въ которомъ сталкиваются интересы производства и распредѣленія богатствъ; и трудно предположить, чтобы этотъ жизненный нервъ товарно-капиталистическаго общества находился въ полномъ распоряженіи непостояннаго и прихотливаго механизма обмѣна. А если такъ, то основныхъ вліяній, опредѣляющихъ изучаемый нами феноменъ, нужно искать внѣ рынка; законъ цѣнности долженъ быть выраженъ въ элементахъ производства богатствъ, ихъ распредѣленія или того и другого вмѣстѣ. Обратимся же къ третьей теоріи цѣнности и посмотримъ, насколько она удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ ей съ точки зрѣнія настоящихъ основъ общежитія.

II.

Понятіе цѣнности возникло изъ наблюденія мѣнового хозяйства, что и выражается терминомъ „мѣновая цѣнность“. Но изъ этого никоимъ образомъ не слѣдуетъ заключать, что явленіе, обозначаемое приведеннымъ словомъ, свойственно лишь товарному укладу общества; что внѣ этой организаціи исчезаетъ надобность въ свойствѣ предмета, называемомъ цѣнностью, въ томъ „нѣчто“, что составляетъ сущность цѣнности и скрыто подъ денежною ея формою. Думать такимъ образомъ—значитъ смотрѣть слишкомъ узко на роль рынка въ современномъ обществѣ; считать, что его задача — выражать не существенныя экономическія отношенія, присущія обществу на всѣхъ ступеняхъ его развитія, а лишь тѣ, которыя свойственны только товарной его формѣ. Считая мѣну—механическое передвиженіе предметовъ частнаго обладанія изъ однѣхъ рукъ въ другія—единственной функціей рынка, естественно заключить, что и орудіе, при помощи котораго совер-

шается обмѣнъ—цѣна и скрывающаяся за ней цѣнность—имѣютъ смыслъ только пока предметъ является на рынокъ представителемъ отдѣльнаго, самостоятельнаго производителя. Но послѣ того, что мы уже говорили о роли рынка, такое представленіе о немъ невозможно, а потому и цѣнность, черезъ посредство которой совершаются всѣ существеннѣйшія отправленія экономической жизни, отправленія, безъ которыхъ немыслимо существованіе общества, утрачиваетъ элементъ случайности, какой можно ей придать при поверхностномъ наблюденіи рынка, становится въ нашихъ глазахъ феноменомъ, безъ котораго врядъ-ли можетъ обойтись какая-либо болѣе или менѣе сложная экономическая организація общества.

Въ самомъ дѣлѣ, мы уже знаемъ, что цѣною товара, а слѣдовательно и лежащею въ ея основѣ цѣнностью, регулируется производство предметовъ потребленія. Потребность въ такомъ регулированіи существуетъ не только при товарной организаціи общества; она сопровождаетъ послѣднее на всѣхъ ступеняхъ его промышленнаго развитія, оказывается на лицо при всѣхъ формахъ болѣе или менѣе развитой общественной жизни. Иначе говоря, функція цѣнности вѣчна. Цѣнность—одинъ изъ элементовъ, лежащихъ въ основаніи общества; понятіе болѣе или менѣе сложнаго общества въ его экономическихъ отношеніяхъ немыслимо безъ понятія цѣнности. Въ зародышевомъ состояніи мы его найдемъ на всѣхъ ступеняхъ развитія соціальнаго организма. Вездѣ, гдѣ только существованіе человѣка не покоится на случайности,—чувствуется потребность регулировать производство, съ цѣлью дать людямъ возможность привычнымъ образомъ удовлетворять свои потребности.

Можно, правда, замѣтить, что если регулированіе производительной дѣятельности и составляетъ необходимое условіе общественной жизни, то способы этого регулированія, при неодинаковыхъ общественно-экономическихъ формахъ будутъ различны; различны могутъ быть и основы, на которыхъ построено регулированіе производства; поэтому и цѣнность предмета—основа его регулированія при товарной организаціи общества—можетъ быть совершенно излишней при другихъ его формахъ. Не смотря на свою внѣшнюю благообразность, приведенное замѣчаніе, однако,

не выдерживаетъ критики. При регулированіи производства приходится руководствоваться не случайными его чертами, а тѣми отношеніями, которыя составляютъ существо этой области экономической дѣятельности. Но, каковы бы ни были разногласія ученыхъ въ мнѣніяхъ относительно распредѣленія продуктовъ — всѣ признаютъ, что законы производства не зависятъ отъ экономическаго типа общества, что они, по выраженію Милля, „имѣютъ характеръ истинъ, о коихъ говорятъ естественныя науки". А если въ самомъ процессѣ производства человѣкъ дѣйствуетъ въ сущности одинаково—стоитъ-ли онъ на низшей или высшей ступени культурнаго развитія; если при всѣхъ экономическихъ типахъ производительная дѣятельность основывается на тѣхъ же элементахъ, подчиняется тѣмъ же законамъ и лишь мѣняетъ внѣшнюю оболочку, то очевидно, что регулированіе этой дѣятельности можетъ принимать различныя общественныя формы, но всюду должно быть построено на однихъ и тѣхъ же производственныхъ отношеніяхъ.

Проникнувъ въ существо понятія цѣнности, зная, что функціей послѣдней является регулированіе производства и имѣя въ виду, что такое регулированіе можетъ быть построено лишь на существеннѣйшихъ производственныхъ отношеніяхъ, остается сдѣлать одинъ логическій шагъ и заключить, что цѣнность предмета и есть именно представитель тѣхъ отношеній производства, безъ которыхъ немыслима эта область экономической дѣятельности, которыя присущи обществу на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Въ товарной организаціи она принимаетъ общественную форму мѣновой цѣнности, въ патріархальной — сохраняетъ трудовую форму. И при товарной организаціи, смотря по ея типу и степени достигнутаго развитія, она можетъ принять денежную или натуральную форму, и т. д. Такое различіе выраженія существенныхъ отношеній производства служитъ причиною разнообразія способовъ регулированія промышленной дѣятельности, не смотря на то, что по существу это регулированіе всюду основано на одномъ и томъ же феноменѣ—цѣнности.

И такъ, мы сдѣлали важный шагъ въ пониманіи цѣнности; мы узнали, что она не составляетъ явленія, свойственнаго одному какому-либо экономическому типу цивилизованнаго общества, а

присуща послѣднему на всѣхъ ступеняхъ его развитія и служитъ ему для регулированія производства предметовъ потребленія.

Но регулировать производство—значитъ распредѣлить производительныя силы общества такимъ образомъ, чтобы получилось соотвѣтствіе между массою различныхъ продуктовъ и тѣми потребностями, удовлетворить которымъ они призваны. Для достиженія же указанной цѣли регулированіе должно основываться на отношеніи, существующемъ между различными предметами потребленія и производительными усиліями, необходимыми для доставленія ихъ человѣку: производительныя силы общества должны быть распредѣлены между промышленными отраслями сообразно съ затратами этихъ силъ, требующимися для производства соотвѣтствующихъ продуктовъ. Такимъ образомъ, для правильнаго теченія экономической жизни, планъ производства долженъ основываться на учетѣ тѣхъ усилій, помощью которыхъ достигается приготовленіе людьми различныхъ предметовъ потребленія; и рынокъ, давая свои указанія производителю, по необходимости долженъ пользоваться тѣмъ же средствомъ. Отсюда видно, что цѣнность, это—сумма затратъ производительныхъ силъ, требующаяся для доставленія человѣку даннаго предмета или нѣчто, находящееся въ прямомъ количественномъ соотвѣтствіи съ этою затратой. Въ обоихъ случаяхъ сущность дѣла, то, что характеризуетъ разсматриваемый феноменъ по существу и изъ чего вытекаетъ рядъ явленій, въ результатѣ которыхъ оказывается соотвѣтствіе произведенныхъ продуктовъ потребностямъ общества—заключается именно въ издержкахъ производства, тратѣ производительныхъ силъ.

Представленіе цѣнности, развитое на предыдущихъ страницахъ, было бы легко усвоено людьми при такой организаціи общества, гдѣ всѣ отношенія между лицами просты и ясны, какъ то при господствѣ патріархальнаго, общиннаго быта и т. д. Здѣсь предметъ цѣнился бы людьми тѣмъ выше, чѣмъ большихъ затратъ стоило его полученіе, и отношеніе къ предмету съ точки зрѣнія его затратъ служило бы всѣмъ очевиднымъ основаніемъ для производства. На ремесленной ступени промышленной организаціи наблюдалось бы приблизительно то же самое: при непосредственныхъ сношеніяхъ потребителей съ производителями отсутствовали

бы условія, нарушающія соотвѣтствіе производства продуктовъ ихъ потребленію и тѣмъ отклоняющія цѣнность отъ естественнаго уровня; при этомъ заказчикъ ясно бы видѣлъ, что цѣна требуемаго имъ предмета назначается соотвѣтственно издержкамъ его производства. Въ виду сказаннаго становится понятнымъ, *почему писатели XVII и XVIII* вѣковъ строили теоріи цѣнности, болѣе приближающіяся къ только что развитому представленію, нежели ученіе многихъ экономистовъ XIX вѣка. Эти послѣдніе создавали свои построенія въ такое время, когда раздѣленіе труда сдѣлалось господствующимъ принципомъ промышленной организаціи; когда оно обнимало не только ближайшія части той же страны, но еще можетъ быть въ большей степени чуждыя другъ другу области земного шара; когда изъ національнаго оно превратилось въ международное. При этихъ условіяхъ разобщеніе потребителя и производителя достигло высшихъ степеней развитія; продуктъ, прежде чѣмъ попасть къ потребителю, проходитъ много рукъ, служащихъ посредниками между послѣднимъ и производителями, и во время этого продолжительнаго путешествія его цѣнность окончательно утрачиваетъ всякій слѣдъ своего происхожденія. На послѣднемъ рынкѣ стоимость товара устанавливается лицами, вовсе чуждыми производству, устанавливается путемъ борьбы личныхъ интересовъ, безъ всякихъ справокъ объ издержкахъ добыванія предмета, безъ заботы о достиженіи равенства и справедливости; устанавливается на основаніи закона спроса и предложенія. Правильное регулированіе производства при названной организаціи промышленности становится труднѣе и труднѣе; то, что называется случайнымъ отклоненіемъ количества произведенныхъ продуктовъ отъ потребностей общества, становится болѣе и болѣе частымъ, отчего учащаются и колебанія цѣнъ товаровъ, хотя бы условія ихъ производства оставались неизмѣнными. Всѣ эти обстоятельства колеблютъ представленіе о цѣнности, выросшее на почвѣ открытаго регулированія производства и склоняютъ умъ поверхностнаго наблюдателя къ принятію теорій, представляющихъ простое обобщеніе фактовъ рыночной жизни, безъ попытки проникновенія въ существо экономическихъ отношеній общества.

Но, можетъ быть, такое отношеніе къ предмету заслуживаетъ

уваженія; можетъ быть, въ широко-мѣновомъ хозяйствѣ цѣнность товара представляется чѣмъ-либо отличнымъ отъ затратъ его производства; можетъ быть, требованія товарнаго общества настолько отличаются отъ требованій другихъ экономическихъ типовъ, что и обмѣнъ здѣсь строится на иныхъ, самостоятельныхъ принципахъ? Посмотримъ, можно-ли допустить такое заключеніе.

Нельзя не сознаться, что число обстоятельствъ, нарушающихъ правильность мѣновыхъ отношеній и колеблющихъ законъ цѣнности, выше нами установленный дедуктивно, увеличивается по мѣрѣ развитія общественнаго раздѣленія труда. Но нельзя также не признать и того обстоятельства, что,—вмѣстѣ съ расширеніемъ области, охватываемой товарной организаціей, по мѣрѣ того, какъ общественное раздѣленіе труда идетъ въ ширь и глубь,—потребность въ правильномъ теченіи производительной дѣятельности становится все болѣе настоятельной. Тамъ, гдѣ натуральное хозяйство сохраняетъ много характеристическихъ чертъ, гдѣ на рынокъ нерѣдко выносятся лишь избытки, и обращеніе къ нему покупателей служитъ скорѣе удобству, чѣмъ необходимости, гдѣ, въ случаѣ надобности, каждый членъ общества можетъ обойтись безъ помощи чужихъ производителей, каждая семья съумѣетъ, хотя бы съ грѣхомъ пополамъ, сама удовлетворить главнѣйшія свои потребности—здѣсь, говоримъ, отклоненіе массы покупаемыхъ продуктовъ отъ нормы не произведетъ рѣзкихъ измѣненій въ потребленіи общества, правильное рыночное регулированіе производства не составляетъ настоятельной необходимости, размѣнъ продуктами съ нарушеніемъ закона цѣнности въ значительной степени можетъ быть терпимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ осуществленіе этого закона здѣсь легче, потому что обстоятельствъ, нарушающихъ правильное теченіе рыночной жизни, немного, отношеніе же членовъ общества другъ къ другу и къ производимымъ имъ предметамъ просты и удобопонятны. Въ новѣйшемъ же обществѣ и, особенно, въ типическихъ его представителяхъ, натуральное хозяйство почти исчезло; цѣлыя страны—не только отдѣльныя лица—устраняются отъ производства необходимыхъ продуктовъ въ надеждѣ получить ихъ въ обмѣнъ за другіе, составляющіе спеціальный предметъ ихъ промышленной дѣятельности. Наруше-

ніе правильнаго хода всемірнаго производства угрожаетъ здѣсь самому существованію отдѣльныхъ лицъ и грозитъ неисчислимыми бѣдствіями цѣлымъ государствамъ. Что случится съ Англіей, если Россія и Америка перестанутъ поставлять ей хлѣбъ, безъ котораго половина ея населенія въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ умерла бы съ голоду? Какъ могла она согласиться превратиться въ одну огромную фабрику, если не была увѣрена, что предметы питанія будутъ ей своевременно доставляться другими странами и что производимыхъ ею самою товаровъ достаточно для пріобрѣтенія хлѣба, мяса и другихъ необходимыхъ продуктовъ иностранной промышленности? Не ясно-ли, что—не будь рыночнаго регулятора производительной дѣятельности—современныя общества должны были бы озаботиться учрежденіемъ какихъ либо спеціальныхъ для этого приспособленій,—такъ важно, такъ необходимо для нихъ правильное теченіе дѣлъ въ этой сферѣ? Не менѣе ясна однако и трудность достиженія этой правильности путемъ рыночныхъ столкновеній производителей и потребителей, по причинѣ существованія цѣлой массы обстоятельствъ, нарушающихъ гармонію отношеній явленій рыночной и внѣрыночной жизни. Какъ бы однако ни было, но регулированіе производства составляетъ главнѣйшую, мы бы сказали, *заботу* общества и наиболѣе видную функцію рынка. А такъ какъ рынокъ дѣйствуетъ чрезъ посредство цѣны, служащей выраженіемъ цѣнности, то послѣдняя должна истекать изъ условій производства.

Но производство имѣетъ цѣлью потребленіе и само невозможно безъ послѣдняго. Оба процесса совершаются одновременно и обусловливаютъ другъ друга: когда идетъ приготовленіе продуктовъ, идетъ же и ихъ потребленіе; и наоборотъ—пока потребляются предметы, произведенные въ предшествующій періодъ — приготовляются предметы будущаго потребленія. Оба момента суть двѣ стадіи того же процесса потребленія въ широкомъ смыслѣ слова, они обусловливаютъ другъ друга, и цѣнность продукта служитъ представителемъ затратъ по обѣимъ линіямъ.

Дабы производство въ слѣдующій хозяйственный періодъ велось въ тѣхъ же размѣрахъ (хорошо удовлетворяющихъ потребности общества), что и въ истекающій—необходимо, чтобы послѣ

размѣна своими продуктами, производители очутились въ томъ же положеніи, въ какомъ они были до начала истекшаго производства. Если весь оборотъ производства вплоть до продажи продукта совершается, напримѣръ, въ теченіе мѣсяца, то при началѣ новаго промышленнаго періода, ведущагося на средства, доставляемыя продажей продукта прошлаго труда, должны оказаться на лицо тѣ же матеріальныя его условія, какія существовали въ прошедшемъ и которыя позволили довести процессъ до благополучнаго окончанія. Отчуждая продуктъ прошлаго труда, производитель долженъ получить за него такую цѣну, чтобы у него оказалась возможность воспроизвести весь процессъ отъ начала до конца, т.-е. купить матеріалъ, орудія и средства потребленія, достаточныя для поддержанія нужной энергіи труда во все время производства. Но какой размѣръ потребленія необходимъ для указанной цѣли? Беря для простоты случай простой организаціи общества—гдѣ производитель одновременно и рабочій, и хозяинъ предпріятія—мы можемъ утверждать, что послѣдній не станетъ трудиться больше, чѣмъ это нужно для удовлетворенія его потребностей и желаній. Энергія его труда будетъ зависѣть оттого, насколько масса получаемыхъ имъ продуктовъ, въ размѣрѣ вышеуказанныхъ потребностей, соотвѣтствуетъ затратамъ его труда и средствъ производства. А объ этомъ соотвѣтствіи онъ судитъ по сравненію своего хозяйства съ окружающими. Если ему приходится работать больше другихъ, а получать столько же; если онъ наблюдаетъ диспропорцію между своимъ доходомъ и затратами—онъ недоволенъ, энергія его труда ослабѣваетъ, онъ станетъ думать о перемѣнѣ занятія. Это значитъ, что для поддержанія энергіи труда въ напряженіи, необходимомъ для правильнаго теченія производства, потребленіе производителя въ настоящемъ должно быть таково же, какъ и въ прошедшемъ, и отношеніе объема этого потребленія къ усиліямъ, затраченнымъ на производство, должно соотвѣтствовать среднему отношенію тѣхъ же величинъ въ данномъ обществѣ. При господствѣ раздѣленія труда все это должно осуществиться путемъ обмѣна, основаннаго на противупоставленіи цѣнностей. Поэтому предметъ является на рынокъ съ цѣнностью, равною всѣмъ тѣмъ затратамъ, какія имѣли мѣсто до момента его окончательнаго образо-

ванія. Если же извѣстный производитель каждый разъ будетъ выручать меньше — ему придется сократить потребленіе или истощать средства производства; въ обоихъ случаяхъ онъ вскорѣ откажется отъ дѣла, и общество лишится необходимыхъ предметовъ. Если обнаружится противуположное явленіе — кто нибудь другой испытаетъ тѣ же потери, и прекращеніе грозитъ другой промышленной отрасли. Небольшія колебанія, по непремѣнно въ обѣ стороны, возможны: недовыручка сегодня восполняется перевыручкой завтра. Но это, повторяемъ, должны быть маятникообразныя колебанія около средней линіи, которая и выражаетъ затрату, необходимую для производства продукта.

Для простоты мы брали случай некапиталистическаго производства: но очевидно, что осложненіе промышленной организаціи, явившееся результатомъ выдѣленія капитала, не нарушаетъ сущности явленій, опредѣляющихъ цѣнность предмета. Капиталистъ-предприниматель точно также будетъ измѣрять производительность своего занятія его сравненіемъ съ чужими предпріятіями и согласится продолжать дѣло лишь въ томъ случаѣ, если его доходы будутъ находиться въ извѣстномъ среднемъ отношеніи съ расходами производства. И здѣсь, слѣдовательно, цѣнность продукта будетъ измѣряться затратами производства.

Но что же значатъ эти „затраты силъ, издержки производства“ и другія выраженія, которыя мы употребляли для характеристики цѣнности? До сихъ поръ мы разумѣли подъ ними и человѣческій трудъ, и матеріальныя условія производства, и даже предметы потребленія трудящагося. Но если всѣ эти элементы входятъ въ составъ цѣнности, а послѣдняя есть количественная категорія, надъ которой производятся операціи сравненія и уравненія, то очевидно, что цѣность разныхъ продуктовъ должна быть приведена къ одной и общей единицѣ. И такъ, какая же единица лежитъ въ основѣ затратъ производства, какую бы соціальную форму ни имѣло послѣднее? Что общаго можно найти въ личныхъ усиліяхъ человѣка, затрачиваемыхъ имъ въ производствѣ, и въ тѣхъ матеріальныхъ расходахъ, которыя онъ дѣлаетъ для той же цѣли? Этотъ вопросъ сводится къ другому: въ чемъ заключается сущность затратъ человѣка, когда онъ добываетъ нужные ему продукты?

Производительная дѣятельность состоитъ въ преобразованіи предметовъ внѣшняго міра въ форму, годную для удовлетворенія потребностей человѣка. При этомъ послѣдній тратитъ, расходуетъ, уничтожаетъ (для себя) только свою силу; предметъ же внѣшняго міра, надъ которымъ онъ оперируетъ, во-первыхъ, произведенъ не имъ, а природой; во-вторыхъ, не тратится, не пропадаетъ, а такъ сказать, возрождается въ новомъ видѣ, удобномъ для потребленія человѣка. Такимъ образомъ, въ каждомъ продуктѣ человѣческой дѣятельности заключается вещественная матерія, достающаяся (какъ матерія) даромъ и извѣстный запасъ труда, затрата человѣческой силы. Для правильнаго распредѣленія своихъ силъ между промышленными отраслями общество должно знать, какіе сырые матеріалы существуютъ въ природѣ и какой расходъ труда потребенъ для производства того или другого нужнаго ему предмета. Качествомъ естественныхъ матеріаловъ, иначе говоря, естественными условіями мѣстности, опредѣляется характеръ промышленной дѣятельности, характеръ потребительныхъ стоимостей производимыхъ предметовъ; цѣлесообразное же распредѣленіе производительныхъ силъ общества, трудовой силы совокупности его рабочихъ членовъ между различными промышленными отраслями основывается на учетѣ расхода труда для производства единицы каждаго вида товара. Этотъ расходъ совершается въ двухъ формахъ: въ формѣ текущаго или непосредственно-приложеннаго труда и въ формѣ труда, затраченнаго на производство матеріала, орудій и другихъ средствъ производства. Въ каждомъ продуктѣ заключается опредѣленное количество труда, прилагаемаго въ двухъ указанныхъ формахъ, а сумма обоихъ этихъ количествъ и составляетъ тѣ затраты, которыми регулируется производство; она и образуетъ цѣнность предмета.

На это возражаютъ, что продуктъ производства является результатомъ не одного только труда. Одно и то же количество послѣдняго создаетъ очень разнообразную массу и качественно различныхъ предметовъ въ зависимости отъ того, какими орудіями работаетъ человѣкъ. Можно сказать даже, что весь прогрессъ промышленности состоитъ въ усовершенствованіи орудій производства, и настоящимъ благосостояніемъ человѣчество обязано не

труду, а этимъ послѣднимъ, или тому, что называется капиталомъ. На этомъ основаніи утверждаютъ, что цѣнность продукта создается не только трудомъ, но и другими факторами производства, и что она должна измѣряться совокупностью всѣхъ этихъ факторовъ (независимо отъ той доли стоимости продукта, которая соотвѣтствуетъ изнашиванію орудій и измѣряется соотвѣтственной долей труда, затраченнаго на производство машины).

На это мы должны отвѣтить слѣдующее. Все вышесказанное объ участіи въ производствѣ капитала доказываетъ, что товаръ, какъ потребительная стоимость, какъ полезный предметъ, есть результатъ совмѣстной дѣятельности силъ природы, капитала и труда. Но мы въ настоящее время интересуемся не его потребительной, а мѣновой стоимостью, истекающей изъ того обстоятельства, что для полученія нужнаго ему предмета, человѣкъ долженъ произвести извѣстныя затраты, а какія же могутъ быть другія траты *со стороны человѣка*, со стороны общества, какъ не траты труда! Если бы и капиталъ создавалъ (*создавалъ*, а не переносилъ на предметъ, цѣнность пропорціональную своему изнашиванію и измѣряемую также трудомъ) цѣнность продукта, въ такомъ случаѣ отъ усиленнаго его приложенія слѣдовало бы ожидать вздорожанія послѣдняго, между тѣмъ какъ смыслъ всѣхъ техническихъ усовершенствованій (съ которыми связано и возрастаніе участія капитала въ производствѣ), равно какъ и привлеченія силъ природы къ производству заключается въ уменьшеніи цѣнности предмета. Съ другой стороны, намъ извѣсто, что вмѣстѣ съ пониженіемъ цѣны послѣдняго, какъ результатомъ участія въ производствѣ машинъ, уменьшается и количество труда, непосредственно приложеннаго и овеществленнаго въ средствахъ производства—потребнаго на приготовленіе предмета. А если съ возрастаніемъ участія въ производствѣ одного фактора (въ данномъ случаѣ капитала) и уменьшеніемъ другого (труда) мы наблюдаемъ одновременно увеличеніе массы продукта и пониженіе его стоимости, то не логично-ли заключить, что первое обязано своимъ существованіемъ капиталу, второе—труду; т.-е., что привлеченіе къ производству машинъ дало въ результатѣ увеличеніе массы продукта, а стоимость единицы послѣдняго понизилась по причинѣ уменьшенія затратъ на производство труда;

иначе говоря, что только трудъ, а не капиталъ является образователемъ цѣнности продукта?

Выражаясь такимъ образомъ, отрицая самостоятельное участіе капитала въ образованіи цѣнности, мы не хотимъ сказать, что послѣдняя равняется только труду, непосредственно приложенному для производства предмета. Нѣтъ, трудовая теорія понимаетъ, что, насколько въ процессѣ производства истрачивается машина и т. п., настолько же возрастаетъ цѣнность товара. Но это возрастаніе имѣетъ мѣсто на томъ основаніи, что и сама машина создана трудомъ и потому обладаетъ цѣнностью, измѣряемой затратой труда на ея приготовленіе. Эту-то цѣнность она и передаетъ продукту, въ производствѣ котораго принимаетъ участіе; и каждая единица товара, произведеннаго машиной, получаетъ отъ нея такую величину цѣнности, какая соотвѣтствуетъ труду, овеществленному въ части машины, изношенной при производствѣ названной единицы. Здѣсь мы встрѣчаемся не съ созданіемъ новой цѣнности, а съ перенесеніемъ существующей съ машины на окончательный продуктъ. Тѣ же лица, которыя оспариваютъ трудовую теорію цѣнности, утверждаютъ нѣчто другое; они говорятъ, что машина участвуетъ въ образованіи цѣнности предмета не только пропорціонально труду, затраченному на ея собственное производство; что кромѣ перенесенія на товаръ цѣнности въ размѣрахъ своего изнашиванія,—что вполнѣ признается и трудовой теоріей,—она еще *подымаетъ* стоимость продукта на извѣстную единицу, подымаетъ не какъ представитель прошлаго труда, а *самостоятельно*, потому именно, что это—машина, что безъ ея помощи трудъ человѣка не имѣлъ бы такой производительности.

Оставляя въ сторонѣ противорѣчіе, существующее между признаніемъ производительнаго значенія машины и мнѣніемъ, что она, какъ машина, возвышаетъ цѣнность предмета,—противорѣчіе, о которомъ шла рѣчь выше,—мы укажемъ другое затрудненіе для принятія предлагаемаго дополненія трудовой теоріи цѣнности.

Если въ составъ цѣнности товара входитъ не только трудъ, непосредственно-приложенный и овеществленный въ средствахъ производства, но и еще нѣчто, исходящее изъ этихъ послѣднихъ, какъ необходимаго фактора производства и потому будто бы са-

мостоятельнаго образователя цѣнности, то спрашивается, что же такое это „нѣчто“; какъ его соизмѣрить съ элементомъ цѣнности, создаваемымъ человѣкомъ; въ какой, общей обоимъ факторамъ, единицѣ нужно будетъ тогда представить цѣнность товара? Цѣнность—количественная категорія; къ какой же количественной мѣрѣ привести затраты на производство труда и капитала?

Для составленія правильнаго понятія о размѣрахъ затраченнаго труда есть вполнѣ объективныя данныя: продолжительность труда и его напряженность. Если нужно, — количество затрачиваемой человѣческой силы можно бы измѣрить точно и матеріально, собравъ выдѣленія организма въ теченіи процесса труда. Это мы говоримъ къ тому, чтобы пояснить, что трата человѣческой силы въ производствѣ есть нѣчто реальное и измѣримое различными способами; есть нѣчто, издержанное ради продукта, прибавляемое къ цѣнности обрабатываемаго матеріала и такимъ образомъ увеличивающее значеніе продукта, какъ представителя производственныхъ затратъ.

И такъ, непосредственно приложенный трудъ придаетъ цѣнность продукту потому и настолько, насколько онъ расходуется. На этомъ же принципѣ расхода придаетъ цѣнность предмету и капиталъ. изнашиваясь въ производствѣ, онъ не теряетъ цѣнности безслѣдно; послѣдняя перешла на продуктъ и въ соотвѣтствующей мѣрѣ увеличила его стоимость. Что же придаетъ онъ продукту сверхъ этой части, измѣряемой трудомъ же, затраченнымъ на производство капитала?

Кромѣ кристаллизованнаго труда, средства производства представляютъ извѣстную комбинацію предметовъ природы, имѣющихъ тѣ или другія физическія и химическія свойства. Такъ какъ ихъ производительное значеніе зависитъ именно отъ этой комбинаціи, приданной предметамъ природы искусствомъ человѣка. то, повидимому, въ ней-то и слѣдуетъ искать источника цѣнности. Этимъ однако не облегчается разрѣшеніе вопроса: какимъ образомъ соизмѣрить затраты матеріи, составляющей капиталъ, съ затратами человѣческой силы и какъ будутъ сравниваться между собою затраты различныхъ видовъ капитала при образованіи цѣнности продукта?

Въ процессѣ производства трудъ и капиталъ фигурируютъ при одномъ, общемъ обоимъ условіи, и на этомъ пунктѣ сходства дѣйствительно пробовали объединить оба элемента производства въ дѣлѣ образованія цѣнности; это общее условіе—время. Если ткачъ занятъ въ теченіи дня, то столько же времени работаетъ и его станокъ. Повидимому, почва для соизмѣренія труда и капитала найдена; но это лишь повидимому.

Продолжительность труда можетъ служить мѣриломъ затраты рабочей силы подъ условіемъ равенства его напряженія въ теченіе разсматриваемаго періода. День труда легкаго и тяжелаго, простого и квалифицированнаго представляетъ не одинаковыя единицы; и это обстоятельство отражается на цѣнности. Отсюда слѣдуетъ, что и день работы одной машины не равенъ дню работы другой, а тѣмъ болѣе—такому же періоду затраты человѣческой силы. Иначе говоря, найдя во времени условіе, общее работѣ труда и капитала, мы не избѣжали этимъ необходимости отыскивать соизмѣрителя расхода того и другого, способовъ приведенія ихъ къ одной общей единицѣ. Гдѣ же, повторяемъ, эта единица мѣры? Ея нѣтъ и быть не можетъ!

Какъ комбинація естественныхъ силъ природы, машина не можетъ сравниваться съ человѣкомъ, который интересуетъ насъ не какъ естественное тѣло, а въ его общественной функціи—образователя цѣнности. Какъ сотрудникъ человѣка въ дѣлѣ созданія нужныхъ ему предметовъ—машина представляется массою послѣднихъ, но такъ же не можетъ быть соизмѣряема съ трудомъ, какъ нельзя соизмѣрять участіе въ образованіи воды кислорода и водорода. Какъ представитель прошедшихъ затратъ, она фигурируетъ въ цѣнности продукта въ размѣрахъ своего изнашиванія, и въ этомъ смыслѣ приводится къ одной единицѣ съ трудомъ, непосредственно приложеннымъ. Остается значеніе машины, какъ возвышающей производительность труда; но это значеніе ея и выражается матеріально—въ массѣ продукта, общественно—въ уменьшеніи цѣнности послѣдняго. Можно было бы сказать, что это удешевленіе предметовъ потребленія, идущее параллельно съ примѣненіемъ машинъ, и доказываетъ участіе капитала въ образованіи цѣнности: въ двухъ случаяхъ производительности труда человѣкъ остается тотъ же, измѣняется орудіе—

и цѣнность продукта падаетъ: значитъ, она падаетъ подъ вліяніемъ машины. Послѣднее заключеніе совершенно правильно. Но продолжая анализъ дальше, сравнивая цѣнность взятыхъ предметовъ въ отношеніи содержанія безспорнаго ея элемента—труда, мы получимъ достаточное объясненіе указаннаго явленія. Мы узнаемъ, что единица новаго товара содержитъ меньше текущаго и прошедшаго труда (овеществленнаго въ капиталѣ) сравнительно съ продуктомъ, произведеннымъ при прежнихъ техническихъ условіяхъ, и выразимся, что роль машины въ дѣлѣ пониженія цѣнности продукта заключается въ увеличеніи производительности труда; что, работая машиной, человѣкъ добываетъ нужные ему предметы съ меньшей затратой силы—обстоятельство, выражающееся пониженіемъ цѣнности товара.

И такъ, если роль капитала въ дѣлѣ измѣненія цѣнности достаточно объясняется его вліяніемъ на производительность труда; если всѣ измѣненія, претерпѣваемыя цѣнностью предмета вслѣдствіе замѣны однихъ техническихъ пріемовъ другими, сопровождаются соотвѣтствующими измѣненіями количества овеществленнаго въ немъ труда; если привлеченію капитала въ качествѣ самостоятельнаго элемента цѣнности препятствуетъ невозможность соизмѣрить его съ другимъ ея элементомъ—трудомъ, то спрашивается, для чего создавать гипотезу объ участіи въ образованіи цѣнности на ряду съ трудомъ еще природы и капитала? Для объясненія регулированія производства продуктовъ въ этомъ нѣтъ надобности. Что же касается нѣкоторыхъ явленій распредѣленія (о которыхъ рѣчь впереди).—нужно попытаться объяснить ихъ, исходя изъ началъ, уже твердо установленныхъ и прибѣгать къ новымъ гипотезамъ лишь при невозможности справиться съ ними наличнымъ оружіемъ. А это твердое начало—выразимъ его въ смягченной формѣ—таково: трудъ, затраченный на производство предмета, участвуетъ въ образованіи его стоимости. Такъ какъ на основаніи всего вышеизложеннаго мы пока не можемъ рядомъ съ трудомъ поставить другихъ образователей цѣнности, то примемъ, что онъ—единственный ея элементъ и этой гипотезой попытаемся объяснить всѣ явленія, связанныя съ изучаемымъ феноменомъ.

III.

Трудовая теорія цѣнности, развивавшаяся на предыдущихъ страницахъ—не новость въ наукѣ; она принимается выдающимися экономистами, но до послѣдняго времени не проводилась строго систематически: развивая ее во вступительной, такъ сказать, части ученія о цѣнности, экономисты замѣняли „трудъ“ „издержками производства“, когда обращались къ приложенію теоріи къ объясненію явленій текущей дѣйствительности. Подъ издержками же производства понимались матеріальныя затраты, сдѣланныя предпринимателемъ-капиталистомъ. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь смѣшеніе частной точки зрѣнія съ общественный, и что трудъ и издержки производства, понимаемыя въ указанномъ смыслѣ, не одно и то же. Тѣмъ не менѣе ученіе объ издержкахъ производства способно было объяснить нѣкоторыя явленія обмѣна не хуже трудовой теоріи цѣнности; и это потому, что между матеріальными затратами капиталиста на производство какого-либо предмета и количествомъ труда, овеществленнаго въ немъ, существуетъ прямое соотношеніе: чѣмъ больше потребно для производства труда (въ непосредственной его формѣ и подъ видомъ матеріала, орудій и т. п.), тѣмъ выше и денежныя затраты капиталиста. Теорія издержекъ производства даже лучше согласовалась съ явленіемъ мѣновой цѣнности, какъ она обнаруживалась на рынкѣ, потому что, въ сущности, эта „теорія“ есть простое описаніе рыночныхъ явленій, какъ они понимаются при поверхностномъ наблюденіи. Это—почти повтореніе того разсчета, который производится каждымъ фабрикантомъ, когда онъ устанавливаетъ цѣну своего товара. Онъ высчитываетъ при этомъ издержки на матеріалъ и орудія производства (которые ученымъ экономистомъ разлагаются на заработную плату и прибыль предпринимателя, приготовляющаго эти предметы), присоединяетъ къ нимъ расходъ на рабочихъ и начисляетъ обычную прибыль. Сумма этихъ элементовъ составитъ естественную цѣну предмета, которую стремится установить конкурренція. Экономистъ повторяетъ приведенный расчетъ предпринимателя, сдѣлавъ къ нему, какъ сказано, поясненіе, что затраты на матеріалъ и орудія производства сводятся къ тѣмъ же заработной платѣ и прибыли. Такимъ образомъ, ученіе объ издержкахъ

производства въ сущности есть воспроизведеніе мѣновыхъ явленій, какъ они отражаются въ представленіи предпринимателя. Это—чисто внѣшнее объясненіе фактовъ, объясненіе съ точки зрѣнія практическаго дѣятеля, а не мыслящаго изслѣдователя. Теорія эта настолько же поверхностна и недостаточна, насколько недостаточно для пониманія существенныхъ экономическихъ отношеній наблюденіе явленій только рыночной жизни, представляющихъ, какъ мы знаемъ, внѣшнюю сторону экономической дѣйствительности. Говоря проще, это—не теорія цѣнности, а ученіе о сложеніи цѣны.

Дѣйствительно, правильная теорія цѣнности должна объяснить всѣ явленія, такъ или иначе связанныя съ обмѣномъ, относящіяся какъ къ производству, такъ и къ распредѣленію. Удовлетворяетъ-ли этому условію теорія издержекъ производства? Что касается производства—да. Регулированіе производительной дѣятельности человѣка возможно и на основаніи этой теоріи цѣнности, ибо, повторяемъ, она есть воспроизведеніе процесса мысли предпринимателя, учитывающаго свои прибыли и убытки. Иное слѣдуетъ сказать объ отношеніи разсматриваемой теоріи къ явленіямъ распредѣленія. Рента объясняется ею достаточно хорошо; но это ни мало не говоритъ въ пользу истинности теоріи, потому что рента есть премія производителя, находящагося въ особенно благопріятныхъ условіяхъ производства; рыночнымъ образомъ она выражается *разностью* между цѣною продукта и его стоимостью производителю, получающему ренту, съ присоединеніемъ обычной прибыли, а эта разность будетъ существовать, что бы мы ни положили въ основу цѣнности продукта. Будетъ-ли таковая трудомъ, издержками производства или чѣмъ-нибудь третьимъ—во всѣхъ случаяхъ останется вѣрнымъ положеніе, что на рынкѣ не можетъ быть двухъ цѣнъ для того же предмета, а отсюда логически слѣдуетъ, что производитель, работающій при болѣе выгодныхъ условіяхъ, получитъ большій доходъ по сравненію съ своими товарищами. А эта разница производительности затратъ различныхъ предпринимателей и даетъ происхожденіе какъ земледѣльческой рентѣ, такъ и болѣе высокой прибыли нѣкоторыхъ производителей въ сферѣ обрабатывающей промышленности, каковое явленіе многими экономистами сближается съ феноменомъ земледѣльческой ренты.

И такъ, многія явленія распредѣленія достаточно объясняются теоріей матеріальныхъ издержекъ производства, но другія не укладываются въ рамки этого ученія. Къ таковымъ слѣдуетъ причислить феноменъ прибыли (хотя онъ-то именно и былъ ближайшей причиной замѣщенія трудового начала цѣнности издержками производства). Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ господствующая школа связываетъ прибыль съ цѣнностью? Возьмемъ одного изъ наиболѣе мыслящихъ ея представителей—Милля. Цѣнность предмета, говоритъ этотъ авторъ, устанавливается спросомъ и предложеніемъ; „но производство товара не будетъ продолжаться, если эта цѣнность недостаточна на вознагражденіе стоимости производства съ прибавленіемъ прибыли по обыкновенному расчету. Капиталисты не захотятъ производить въ убытокъ, не станутъ производить и съ прибылью, меньшей той, какая имъ нужна, чтобы жить ею. Поэтому, стоимость производства съ прибавленіемъ обыкновенной прибыли можно назвать необходимою *цѣною или цѣнностью* всѣхъ предметовъ, производимыхъ трудомъ и капиталомъ“. Остановимся на минуту и посмотримъ, что намъ объяснилъ Милль.

Прибыль, правда, оказалась на лицо; но почему? Потому что Милль просто включилъ ее заранѣе въ составъ цѣнности. Онъ сдѣлалъ это, воспроизведя буквально расчетъ фабриканта, который руководствуется при этомъ соображеніями не научнаго, а практическаго интереса, стремленіемъ не объяснить феноменъ цѣнности, а установить данныя для конкурренціонной борьбы. Онъ по прежнимъ опытамъ знаетъ, что стоимость его товара возвращаетъ издержки производства и даетъ прибыль, т.-е. что она разложится на соотвѣтствующія части; но по своей некомпетентности въ научныхъ вопросахъ *разложеніе* онъ считаетъ за *составленіе* и думаетъ, что прибыль ему дается за участіе въ производствѣ, а не наоборотъ — онъ берется за послѣднее, потому что оно неизбѣжно даетъ прибыль. Въ приведенномъ расчетѣ предпринимателя (а за нимъ и ученаго экономиста) прибыль получается въ заключеніи мѣноваго процесса не какъ логическое слѣдствіе принципа, лежащаго въ основѣ цѣнности, а какъ образующая одну изъ составныхъ частей послѣдней. Прибыль, дѣйствительно, существуетъ до начала мѣны: она образуется въ теченіи производ-

ства и только выясняется и выдѣляется изъ всей массы товара на рынкѣ. Она — результатъ цѣнности, одинъ изъ продуктовъ распаденія послѣдней при распредѣленіи продукта между экономическими классами; но она—не причина, не элементъ цѣнности. Въ приведенной же аргументаціи Милля не выяснено это обстоятельство; напротивъ того, авторъ доказываетъ необходимость прибыли, какъ элемента цѣнности, тѣмъ, что—не будь ея—фабрикантъ отказался бы отъ производства; такъ что—продолжаемъ сами развивать мысль автора — если бы предприниматели были сговорчивѣе и согласились получать половинную долю прибыли, то цѣнность всѣхъ товаровъ понизилась бы на соотвѣтствующую величину. Такой выводъ предполагаетъ, что прибыль образуется путемъ обмѣна, что она получается продавцемъ отъ покупателя, можетъ быть уступлена первымъ послѣднему; а въ такомъ случаѣ позволительно спросить, кто же этотъ покупатель, вознаграждающій фабриканта за его участіе въ производствѣ? Устраняя небольшую часть потребителей, живущихъ на жалованье и другіе доходы, получаемые внѣ производства, не будетъ-ли вѣрно, что масса покупателей—въ то же время и продавцы, что рынокъ есть мѣсто столкновенія производителей; что операціи рынка заключаются въ размѣнѣ продуктами, произведенными различными лицами? А если такъ, если сегодняшній покупщикъ завтра фигурируетъ въ роли продавца и наоборотъ; если, уплативъ сегодня прибыль своему контрагенту, онъ завтра получаетъ ее обратно, вслѣдствіе чего доходъ всей массы участвующихъ въ мѣнѣ приводится такимъ противупоставленіемъ каждому плюсу минуса къ нулю,—то можно-ли утверждать, что прибыль есть результатъ обмѣна и что ея размѣръ зависитъ отъ воли контрагентовъ? Очевидно, нѣтъ! Прибыль получаютъ всѣ производители, хотя они продаютъ товары другъ другу; это значитъ, что она существуетъ въ предметѣ прежде, чѣмъ онъ будетъ вынесенъ на рынокъ; а такъ какъ этому вынесенію предшествовалъ процессъ производства, то, слѣдовательно, прибыль образовалась въ теченіи этого послѣдняго. Игнорируя аргументацію Милля и беря только его заключеніе, что цѣнность предмета равняется стоимости производства съ прибавленіемъ обыкновенной прибыли, мы въ сущности имѣемъ констатированіе именно того факта, что прибыль обра-

зуется въ процессѣ производства, что, впрочемъ, разъясняетъ и самъ Милль въ главѣ, посвященной прибыли. Но въ такомъ случаѣ, нельзя же брать ея рыночную величину, какъ первоначальное данное, и ею опредѣлять размѣръ стоимости товара, а наоборотъ, цѣнностью послѣдняго (въ совокупности съ извѣстными соціальными отношеніями) слѣдуетъ пользоваться для объясненія рыночной величины прибыли. А если такъ, то вопросъ о составѣ и размѣрахъ стоимости остается открытымъ.

Давая свою формулу цѣнности, Милль, кромѣ того, впадаетъ въ противорѣчіе съ другимъ представленіемъ объ этомъ феноменѣ, проповѣдываемымъ нашимъ же авторомъ.

Если цѣнность предмета разлагается на составныя части, имѣющія опредѣленную величину (заработная плата и прибыль), значитъ и она сама есть величина абсолютная, а между тѣмъ, по ученію Милля и массы другихъ экономистовъ, цѣнность есть понятіе относительное; оно предполагаетъ всегда два предмета, сравниваемые другъ съ другомъ. Цѣнность товаръ имѣетъ только по отношенію къ другому, и она равняется той массѣ послѣдняго, какая можетъ быть получена въ обмѣнъ за первый. Безъ этого отношенія нѣтъ цѣнности, поэтому и вышеприведенная формула Милля, какъ выражающая цѣнность въ общей всѣмъ мѣрѣ, безотносительно (издержки производства + прибыль), не соотвѣтствуетъ основному представленію объ этомъ феноменѣ. Это и выражается въ дальнѣйшемъ изложеніи Милля слѣдующей формулой, гдѣ цѣнность фигурируетъ уже въ качествѣ понятія относительнаго. „Предметы имѣютъ тенденцію *обмѣниваться другъ на друга* по такимъ цѣнностямъ, которыя оплачиваютъ каждому производителю стоимость производства съ обычною прибылью, иными словами, которыя даютъ всѣмъ производителямъ одинаковый процентъ прибыли на ихъ расходъ. Но чтобы на равный расходъ, т. е. на равную стоимость производства, была равная прибыль, предметы должны въ среднемъ выводѣ обмѣниваться другъ на друга *пропорціонально* стоимости своего производства".

Эта формула цѣнности объясняетъ равенство прибыли контрагентовъ обмѣна, но не показываетъ, какимъ образомъ послѣдняя образуется. Если стоимость производства извѣстнаго продукта равняется 60 единицамъ, то онъ можетъ обмѣняться на всякій

другой товаръ. издержки производства котораго равняются также 60; прибыль всѣхъ контрагентовъ будетъ одной и той же величины; но откуда же видно, что здѣсь есть прибыль? 60 мѣняется на 60, издержки производства на издержки производства — гдѣ же мѣсто прибыли? Дѣло объясняется тѣмъ, что прибыль образовалась въ теченіи процесса производства, и предметъ, поступающій въ обмѣнъ, имѣетъ уже цѣнность не 60, а больше. Во второй формулѣ цѣнности однако этого не видно, да и не можетъ быть видно, если цѣнность есть понятіе относительное. Поэтому, разсматриваемое ученіе о цѣнности не объясняетъ рыночной метаморфозы чистаго дохода. А между тѣмъ отъ теоріи цѣнности мы требуемъ такого объясненія.

Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро продуктъ распадается на части, служащія, во-1-хъ, возмѣщеніемъ затратъ на матеріалъ, орудія и т. п., во-2-хъ, вознагражденіемъ рабочаго и, въ-3-хъ, прибылью предпринимателя; коль скоро это распаденіе совершается на рынкѣ, т.-е. движется въ границахъ цѣнности предмета; коль скоро поэтому послѣдняя является количественной категоріей, то истинная теорія цѣнности должна дать намъ возможность разбить продуктъ производства на три указанныя части; она должна представить всѣ эти части продукта въ томъ количественномъ отношеніи, въ какомъ онѣ оказываются, когда разобщены другъ съ другомъ. Теорія издержекъ производства второй своей формулой не даетъ такого количественнаго выраженія составныхъ частей цѣнности, потому что количество (издержки производства) фигурируютъ въ ней не какъ самостоятельная и существенная часть, а только какъ мѣра отношенія двухъ массъ (обмѣнивающихся предметовъ); а извѣстно, что отношеніе не мѣняется съ измѣненіемъ его членовъ, если только знаменатель отношенія остается прежній. Въ силу этого правила мы можемъ издержки производства сравниваемыхъ товаровъ увеличивать и уменьшать путемъ ихъ умноженія и дѣленія на одинъ и тотъ же факторъ, и это не измѣнитъ цѣнности (которая есть относительная) обмѣнивающихся предметовъ. Но этимъ измѣняется цѣнность, какъ величина абсолютная; измѣняется абсолютная величина издержекъ производства и прибыли, т. е. послѣдняя оказывается чѣмъ-то неопредѣленнымъ.

Первая формула лучше удовлетворяетъ выставленному требованію: она состоитъ изъ опредѣленныхъ величинъ, и въ ней есть мѣсто прибыли. Но зато цѣнность здѣсь получаетъ абсолютное выраженіе (стоимость производства+прибыль), слѣдовательно противорѣчитъ понятію о цѣнности, какъ отношеніи— это во-1-хъ; во-2-хъ она выражена въ денежной мѣрѣ, т.-е. передъ нами формула не цѣнности, а цѣны. Но всѣ экономисты признаютъ, что цѣна не есть цѣнность; а если такъ, то вполнѣ умѣстно попытаться освободить цѣнность отъ той денежной оболочки, въ какую она облечена Миллемъ. Если „цѣнность всѣхъ предметовъ, производимыхъ трудомъ и капиталомъ", равняется „стоимости производства съ прибавленіемъ обыкновенной прибыли", если денежное выраженіе этой цѣнности есть цѣна и потому не удовлетворяетъ насъ, ищущихъ цѣнности, то является логически необходимымъ отыскать, чѣмъ же еще, кромѣ золота, измѣряется стоимость производства и какое представленіе о цѣнности существовало бы тамъ, гдѣ нѣтъ денегъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вы найдете у Милля же и другихъ экономистовъ классической школы. Они вамъ скажутъ, что „цѣнность товара главнымъ образомъ опредѣляется количествомъ труда, требующимся на его производство", т.-е. они разовьютъ передъ вами ту же трудовую теорію цѣнности, о которой шла рѣчь и у насъ. Если не смотря на это принципіальное признаніе трудового начала, экономисты сбиваются на теорію издержекъ производства,—это потому, что въ наукѣ еще недостаточно прочно установилось воззрѣніе, недопускающее смѣшиванія общественнаго хозяйства съ частнымъ, обще-экономической точки зрѣнія съ личной. Вслѣдствіе этого экономисты легко переходятъ съ одной на другую, какъ это случилось и въ данномъ примѣрѣ: относясь къ предмету, какъ къ общественному явленію, ученые увидѣли за мѣновою цѣнностью трудъ, какъ ея образователь и мѣрило; вслѣдъ за этимъ они становятся на точку зрѣнія капиталиста-предпринимателя, а для него „слово трудъ можно замѣнить словомъ рабочая плата, предметъ обходится производителю во столько, сколько рабочей платы пошло на него". Мы прибавимъ даже больше: для предпринимателя слово трудъ не *можно*, а *должно* замѣнить словомъ рабочая плата, такъ какъ для него важны и

понятны только матеріальныя траты и ничего больше. Но вѣдь ученый—не предприниматель. Онъ долженъ понять то, о чемъ не заботится практикъ; ему нужно проникнуть въ сущность вещей, а не ограничиваться изслѣдованіемъ формы, которою пользуется практикъ для своихъ практическихъ задачъ; нужно пояснить, что лежитъ въ основѣ этой формы, а не повторять того внѣшняго выраженія явленія, какое необходимо практику для его цѣлей. Если въ дѣйствительности, какъ утверждаетъ Милль, въ цѣнности каждаго предмета нужно видѣть только то, что истекаетъ изъ труда; если замѣна послѣдняго заработной платой важна только для капиталиста; если, не смотря на эту замѣну, трудъ, количество затраченной человѣческой силы, остается по прежнему образователемъ цѣнности предмета, то логика требуетъ, чтобы мы оставались на этомъ утвержденіи, а не замѣняли дѣйствительную причину явленія той фиктивной, какая воображается научно непроницательному уму дѣльца-практика.

И такъ, анализъ ученія экономистовъ, признающихъ только мѣновую, т.-е. относительную, цѣнность и находящихъ ее въ матеріальныхъ издержкахъ производства, привелъ насъ къ заключенію, что за признаваемымъ ими основаніемъ цѣнности лежитъ другое, составляющее сущность явленія; что ихъ теорія способна объяснить нѣкоторыя явленія мѣны, потому что основаніе цѣнности по этому ученію (издержки производства) находится въ опредѣленномъ количественномъ отношеніи къ настоящей ея основѣ (труду, овеществленному въ продуктѣ); что объясненныя разсматриваемой теоріей явленія принадлежатъ къ категоріи соотносительныхъ; но что когда дѣло касается не отношенія между явленіями, а происхожденія извѣстныхъ феноменовъ—общепринятое ученіе экономистовъ оказывается безсильнымъ, и формула относительной цѣнности превращается ими въ абсолютную. Но такъ какъ при этомъ превращеніи экономистъ остается на частно-предпринимательской точкѣ зрѣнія, т.-е. даетъ формулу не цѣнности, а цѣны предмета, то его новая формула оказывается не объясняющей, а лишь констатирующей факты, требующіе объясненія.

Посмотримъ, какъ отнесется къ интересующему насъ явленію трудовая теорія цѣнности.

IV.

Мы видѣли, что, отвлекая денежное выраженіе цѣнности въ формулѣ ея, данной Миллемъ (издержки производства + прибыль), мы приходимъ къ трудовой теоріи, признаваемой и названнымъ экономистомъ; но при этомъ замѣчается не одно только замѣщеніе одной формы цѣнности другою (денежной трудовою), но и измѣненіе количественнаго состава цѣнности. По трудовой теоріи стоимость даннаго продукта состоитъ изъ труда, овеществленнаго въ матеріалѣ и орудіяхъ производства, и труда, непосредственно приложеннаго, слѣдовательно, изъ двухъ главныхъ частей. По денежной же формулѣ цѣнности, гдѣ трудовые элементы превращены въ матеріальныя затраты, она состоитъ изъ расходовъ на матеріалъ и орудія+расходъ на заработную плату+прибыль, т.-е. изъ 3-хъ частей. Расходы на матеріалъ и орудія этой формулы цѣнности соотвѣтствуютъ количеству труда, овеществленнаго въ тѣхъ же средствахъ производства первой формулы; расходъ на заработную плату соотвѣтствуетъ труду непосредственно приложенному (такъ смотритъ на дѣло предприниматель, а за нимъ и ученый); третья же часть денежной формулы—прибыль—въ первомъ выраженіи цѣнности отсутствуетъ. И такъ, формула трудовой теоріи цѣнности характеризуется большей простотой, большимъ однообразіемъ состава сравнительно съ формулой теоріи издержекъ производства (содержитъ два члена вмѣсто трехъ). Уже въ этомъ великое ея преимущество. Затѣмъ, она выростаетъ непосредственно изъ тѣхъ же отношеній, въ которыхъ образуется и сама цѣнность. Предметъ создается производствомъ, тутъ же образуется и его цѣнность. Производство состоитъ въ затратахъ человѣческой силы, и трудовая теорія цѣнности даетъ формулу, выражающую эту затрату; она формулируетъ, слѣдовательно, существенныя отношенія производства, присущія ему на всѣхъ ступеняхъ экономическаго развитія общества. Формула матеріальныхъ затратъ, напротивъ того, во-1-хъ, предполагаетъ опредѣленный экономическій порядокъ (основанный на наемномъ трудѣ), во-2-хъ, построена на комбинаціи отношеній производства и распредѣленія: на ряду съ затратами на матеріалъ и орудія мы въ ней находимъ заработную плату и прибыль, т.-е. категоріи распредѣленія.

И такъ, исходя изъ одного и того же положенія, что стоимость продукта создается процессомъ производства, понимая одинаково этотъ послѣдній процессъ, разлагая его на тѣ же стадіи и элементы, двѣ теоріи цѣнности дали двѣ различныя формулы, причемъ одна изъ нихъ послѣдовательно развиваетъ исходную точку зрѣнія и не выбивается изъ сферы отношеній производства, надѣясь, и оставаясь на этой почвѣ, удовлетворительно объяснить явленія распредѣленія, другая не въ силахъ устоять на разъ признанномъ основаніи и заранѣе притягиваетъ изъ другой области элементы, которые, напротивъ того, должны бы сами естественно вылиться изъ нея. Нечего объяснять — гдѣ истина, излишне доказывать и то, что ошибка одного ученія вытекаетъ изъ ложнаго шага, заключающагося въ замѣнѣ общей точки зрѣнія частно-предпринимательской. Точка зрѣнія предпринимателя избрана имъ не съ цѣлью объяснить сложныя явленія экономической жизни, понять цѣнность въ ея существѣ; онъ не докапывается до основанія, до сущности явленія. Напротивъ того, предпринимателю, какъ практику, интересны тѣ внѣшнія, рыночныя формы, въ какихъ явленіе представляется сознанію каждаго. Задачи же рынка не теоретическія, а практическія. Товаръ, будучи собственностью одного производителя, принимаетъ на рынкѣ формы, удобныя для его распредѣленія между классами. Такъ какъ при этомъ происходитъ количественное расчлененіе его стоимости, то послѣдняя и представляется состоящей, между прочимъ, изъ ренты, прибыли и заработной платы, т.-е. изъ долей, приходящихся лицамъ, такъ или иначе, прикосновеннымъ къ производству. Поэтому, ученому, стоящему на точкѣ зрѣнія предпринимателя, т.-е. копирующему свое ученіе цѣнности съ картины рыночной жизни, вмѣсто объясненія явленія остается дать лишь точное его описаніе, вмѣсто теоріи цѣнности представить описаніе сложенія цѣны. Такой именно описательный характеръ и имѣетъ формула цѣнности, считающая послѣднюю состоящею изъ затратъ на производство+прибыль.

Цѣнность товара образуется въ теченіи его производства; поэтому истинная формула цѣнности должна выражать отношенія производства. Но и распредѣленіе богатствъ есть въ сущности распаденіе той же стоимости; поэтому, истинная формула послѣд-

ней должна обладать и другимъ свойствомъ: быть способной обратиться въ новую, охватывающую отношенія распредѣленія. Если такая формула существуетъ, то теорія, давшая ей происхожденіе, оказывается способной объяснить явленія распредѣленія. Теорія издержекъ производства не даетъ формулы, способной къ такому превращенію. Правда, она выставила два выраженія цѣнности: производственную формулу (относительной стоимости: издержки производства) и распредѣлительную (стоимость средствъ производства+заработная плата+прибыль). Но обѣ не связаны генетически одна съ другой, а созданы раздѣльно для объясненія двухъ категорій явленій: мѣновой цѣнности и распредѣленія. Неспособность разсматриваемой теоріи дать такую формулу затратъ производства, которая могла бы превратиться въ другую, охватывающую распредѣленіе, выразилась необходимостью при построеніи формулы цѣнности включить въ нее заранѣе то, что должно бы быть ея слѣдствіемъ. Соотвѣтственно этому, какъ намъ извѣстно, названная теорія оказывается неспособною объяснить явленія распредѣленія, указать происхожденіе прибыли.

Совершенно иное представляетъ трудовая теорія цѣнности. Она, во-1-хъ, логически вытекаетъ изъ существенныхъ условій производства, товаръ является на рынокъ представителемъ опредѣленнаго количества труда; во-2-хъ, одного этого оказывается достаточно для объясненія главнѣйшихъ феноменовъ рыночной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ прибыли. Когда товаръ превращается въ деньги и затѣмъ опять въ матеріальные предметы, при всѣхъ этихъ метаморфозахъ величина стоимости остается неизмѣнной, но открывается возможность распредѣлить продуктъ между участниками производства. Это распредѣленіе совершается путемъ извѣстныхъ метаморфозъ стоимости. Послѣдняя, превращаясь въ денежную и затѣмъ опять въ товарную форму, распадается на двѣ части: одна, соотвѣтствующая труду, овеществленному въ средствахъ производства, возвращаетъ предпринимателю (беремъ существующую организацію производства) то, что онъ израсходовалъ на матеріалъ, орудія и т. п.; другая—трудъ непосредственно приложенный—подлежитъ раздѣленію между хозяиномъ и рабочимъ. Если бы эта часть стоимости продукта, т.-е. время,

отдаваемое рабочимъ производству, равняясь тому времени, какое онъ получаетъ въ формѣ заработной платы, въ такомъ случаѣ весь излишекъ стоимости продукта надъ цѣнностью средствъ производства оставался бы въ рукахъ рабочаго, и предприниматель никакими ухищреніями рыночной политики не получилъ бы прибыли. Если же послѣдняя существуетъ, то это значитъ, что количество труда, овеществленнаго въ предметахъ, составляющихъ заработную плату, меньше того его количества, какое тратитъ нанятый рабочій въ процессѣ производства: что онъ работаетъ 12 часовъ въ день (и такую стоимость прибавляетъ къ продукту) въ то время, какъ его вознагражденіе добыто, напримѣръ, шестью часами труда.

И такъ, трудовая теорія даетъ формулу цѣнности (производственную), которая легко можетъ быть превращена въ распредѣлительную, и потому она лучше ученія объ издержкахъ производства объясняетъ главнѣйшія явленія текущей экономической жизни; но на ея сторонѣ и другія преимущества.

Теорія издержекъ производства приложима лишь къ извѣстному типу экономической организаціи, между тѣмъ какъ трудовая теорія вѣрна для всевозможныхъ эпохъ и стадій развитія общества. Возьмемъ для примѣра двѣ системы организаціи производства: капиталистическую и противуположную — назовемъ ее народной. Трудовая теорія равно приложима къ обѣимъ: и тамъ, и здѣсь количество труда, необходимаго для производства единицы разныхъ продуктовъ, будетъ опредѣлять распредѣленіе рабочей силы между различными промышленными предпріятіями; расчлененіе продукта между классами во второмъ обществѣ крайне упрощается его организаціей, не допускающей раздѣленія производителей на владѣльцевъ капитала и рабочей силы, а трудовая формула цѣнности, разбивающая послѣднюю на двѣ части — трудъ овеществленный въ средствахъ производства, и трудъ, непосредственно приложенный, — не предрѣшаетъ вопроса о судьбѣ второй половины цѣнности, которая можетъ раздѣлиться между 2—3 классами или остаться въ рукахъ одного. Иное дѣло съ краткой формулой матеріальныхъ затратъ или распространенной, но того же типа: матеріальныя затраты + прибыль. Прежде всего является вопросъ: что понимать подъ издержками или матеріальными за-

тратами производства. Въ капиталистическомъ обществѣ это будутъ затраты предпринимателя на матеріалъ, орудія и т. п. и на заработную плату. Эти затраты дѣлаются только ради производства, и не будь послѣдняго—не были бы произведены и первыя. То-ли самое наблюдается при другой промышленной организаціи? Гдѣ заработная плата русскаго крестьянина-земледѣльца, работающаго на собственной нивѣ и безъ участія наемной силы? Если считать таковою его расходы на прокормленіе себя, на одежду и т. д., то будетъ-ли соотвѣтствовать дѣйствительности примѣнять къ этимъ расходамъ самостоятельнаго хозяина,—расходамъ, имѣющимъ значеніе сами по себѣ и даже служащимъ *цѣлью* производства,—понятіе о заработной платѣ фабриканта-капиталиста, расходуемой исключительно ради производства и потому служащей *средствомъ* послѣдняго? Если же въ личныхъ тратахъ трудящагося самостоятельнаго хозяина различать тѣ, которыя необходимы для поддержанія его здоровья и силы и, слѣдовательно, необходимы для производства, отъ другихъ, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе его прихотямъ и стремленію къ комфорту, и лишь первыя приравнять къ заработной платѣ капиталистическихъ обществъ и включить въ счетъ издержекъ производства; иначе говоря, если разграничить производительное потребленіе отъ непроизводительнаго, то этимъ мы станемъ въ противорѣчіе съ отношеніями современнаго общества. Въ послѣднемъ заработная плата включается въ издержки производства вся цѣликомъ, не обращая вниманія на то, какая ея часть расходуется на поддержаніе силы рабочаго, необходимой для его участія въ производствѣ, и какая составляетъ его непроизводительное потребленіе. Примѣняя тотъ же принципъ къ народной (въ нашемъ условномъ смыслѣ) организаціи, считая издержками производства всѣ личныя траты трудящагося и его семьи, мы должны признать, что тогда исчезаетъ прибыль, ибо все, что добудетъ такой хозяинъ сверхъ затратъ на матеріалъ, орудія и другіе вещественные элементы производства, будетъ имъ потреблено; иначе говоря, онъ станетъ работать, лишь насколько это необходимо для удовлетворенія его потребностей.

И такъ, посмотримъ-ли мы на потребленіе трудящагося при народной организаціи промышленности съ точки зрѣнія этого по-

слѣдняго или примѣнимъ къ нему взглядъ предпринимателя-капиталиста — въ обоихъ случаяхъ формула цѣнности, созданная для капиталистическаго строя общества (издержки производства + прибыль), не годится для другого, разсматриваемаго нами образца. Въ первомъ случаѣ мы должны уменьшить членъ „издержки производства" этой формулы на всю сумму заработной платы, которую причислить къ прибыли и назвать эту часть цѣнности доходомъ. Во второмъ—весь доходъ самостоятельнаго хозяина причислить къ издержкамъ производства и уничтожить такимъ образомъ прибыль. Въ обоихъ случаяхъ разсматриваемая формула цѣнности оказывается непригодной, требующей измѣненія, и это служитъ доказательствомъ, что она не уловила существенныхъ моментовъ явленія, а скользитъ по его поверхности. Ничего подобнаго не представляетъ трудовая теорія, такъ какъ она выражаетъ отношенія одного производства, а не путаетъ его съ распредѣленіемъ. Ея приложимость ко всѣмъ случаямъ свидѣтельствуетъ, что ея основы кроются въ существенныхъ отношеніяхъ экономической жизни, что она выражаетъ явленіе, какъ оно образуется по неизмѣннымъ законамъ общежитія.

Общераспространенная и опровергаемая нами теорія цѣнности грѣшитъ еще въ методологическомъ отношеніи. Элементами цѣнности, по этому ученію, являются прибыль и заработная плата. Это—составныя части цѣнности, ими она образуется. Если такъ, если прибыль и заработная плата служатъ для измѣренія цѣнности, то, значитъ, сами они представляютъ величины строго опредѣленныя; между тѣмъ какъ, по ученію тѣхъ же экономистовъ, величина ихъ опредѣляется игрою спроса и предложенія и подвержена постояннымъ колебаніямъ, отчего и цѣнность предмета становится чѣмъ-то непрочнымъ, неустойчивымъ, дисгармонирующимъ съ тою опредѣленностью, какою обладаетъ товаръ, какъ предметъ потребленія и какъ представитель производственныхъ отношеній. Мало того, экономисты же учатъ, что колебанія величины прибыли и заработной платы совершаются въ противоположныхъ направленіяхъ, что насколько уменьшается одна, настолько возростаетъ другая, и что постоянной остается только сумма этихъ величинъ; а сумма эта (съ присоединеніемъ другой опредѣленной части—расхода на матеріалъ и орудія) и есть цѣн-

ность. И такъ, начавъ съ утвержденія, что цѣнность—величина не самостоятельная, что она опредѣляется въ зависимости отъ размѣровъ заработной платы и прибыли, мы закончили положеніемъ, что именно она-то и есть то постоянное, что остается неизмѣннымъ при всѣхъ колебаніяхъ, постигающихъ ея предполагаемыя составныя части. Иначе говоря, не ее слѣдуетъ измѣрять прибылью и заработной платой, а наоборотъ, послѣднія величины въ совокупности предопредѣлены размѣрами той цѣнности, представителями которой онѣ служатъ. И въ самомъ дѣлѣ, цѣнность образуется не на рынкѣ, а въ процессѣ производства. На рынкѣ происходитъ ея дѣлежъ между экономическими классами; и прибыль, рента, заработная плата суть тѣ доли, какія изъ общаго богатства страны достаются капиталистамъ, землевладѣльцамъ и рабочимъ. Очевидно, что сначала *производится* богатство (а, слѣдовательно, и цѣнность) и уже потомъ оно *распредѣляется*. Вмѣсто того, чтобы разсуждать о стоимости единичнаго товара, стоитъ только взять общую цѣнность продуктовъ потребленія страны,— и всѣмъ сдѣлается очевиднымъ, что не эта общая цѣнность составляется изъ долей всей массы, достающихся землевладѣльцамъ, капиталистамъ и рабочимъ, а, наоборотъ, доли названныхъ классовъ выдѣляются изъ общей массы продукта страны, т.-е. общая цѣнность послѣднихъ распадается на три части, достающіяся тремъ классамъ общества. Что вѣрно по отношенію ко всему богатству общества — приложимо и къ отдѣльнымъ его частямъ, т.-е. къ цѣнности любого товара.

Что сказать о человѣкѣ, который—на вопросъ: какъ великъ и какимъ способомъ образуется доходъ извѣстнаго лица?—попытался бы удовлетворить нашей любознательности обратившись, къ счетамъ его расходовъ, и спискамъ его тратъ на провизію, одежду, удовольствія и т. д. Собравъ всѣ расходы, онъ дѣйствительно опредѣлилъ бы величину дохода, но очевидно—далъ бы совершенно ложное понятіе о его происхожденіи. Оказалось бы именно, что доходъ г. X. составляется не изъ суммъ, какія онъ получаетъ, а изъ другихъ, которыя онъ выплачиваетъ своимъ кредиторамъ. Тотъ же пріемъ изслѣдованія примѣняютъ экономисты, составляя цѣнность предмета, образующую частицу общественнаго дохода, изъ прибыли и заработной платы, т.-е. расхо-

довъ, совершаемыхъ обществомъ изъ готоваго продукта страны. Цѣнность не составляется изъ этихъ частей, а распадается на нихъ. Между нею и ими существуетъ зависимость, какъ разъ обратная той, какой насъ поучаютъ многіе экономисты: цѣнность есть первичное явленіе, а прибыль и заработная плата—вторичныя; она—причина, а они—слѣдствіе. Составъ цѣнности нужно искать тамъ, гдѣ она образуется, т.-е. не на рынкѣ, а въ производствѣ. Рыночныя категоріи здѣсь не у мѣста; издержки производства, сводимыя на заработную плату и прибыль, — какъ вытекающія изъ цѣнности, а не дающія ей начало,—оказываются непригодными для уясненія интересующаго насъ феномена. Нужно обратиться къ тому, что лежитъ въ основѣ учета всѣхъ издержекъ, что составляетъ затрату, дѣйствительно дорогую для человѣка—къ его силѣ, помощью которой онъ вырываетъ изъ мощныхъ рукъ природы предметы своего потребленія.

И такъ, трудовая теорія цѣнности, въ отличіе отъ ученія объ издержкахъ производства, характеризуется слѣдующими выгодными признаками: во-1-хъ, она есть теорія цѣнности, а не цѣны; во-2-хъ, даетъ стоимости прочную и объективную мѣру (трудъ), а не измѣряетъ ее такой неопредѣленной и несамостоятельной величиной, какъ заработная плата и прибыль; въ-3-хъ, выражаетъ тѣ именно вѣчныя и существенныя отношенія производства, которыми цѣнность образуется, а не путаетъ производство съ распредѣленіемъ, измѣняющимся въ зависимости отъ промышленной организаціи общества; въ-4-хъ, ея основная (производственная) формула даетъ производную, выражающую распредѣленіе богатствъ, и потому эта теорія способна объяснить происхожденіе прибыли; между тѣмъ какъ ученіе объ издержкахъ производства отказывается отъ этого и потому уже заранѣе, формулируя законъ цѣнности, включаетъ такіе элементы, которые только *могутъ* выдѣлиться изъ нея и то при наличности извѣстныхъ соціальныхъ условій.

V.

Такъ какъ наша задача — дать общее понятіе о предметѣ, установить принципы изучаемыхъ отношеній, не вдаваясь въ подробности; такъ какъ, съ другой стороны, изъ всѣхъ теорій цѣн-

ности трудовая всего лучше объясняетъ подлежащія явленія, то, казалось бы, установивъ основанія этой теоріи, мы вправѣ считать свою цѣль выполненною и оставить вопросъ, которому посвященъ настоящій очеркъ. Но мы не сдѣлаемъ этого, не разъяснивъ одного обстоятельства, которое служитъ главѣйшимъ основаніемъ для отрицанія трудовой теоріи, какъ она формулирована на предыдущихъ страницахъ, и которое было одною изъ главныхъ причинъ, заставившихъ экономистовъ-классиковъ отклониться отъ установленнаго ими трудового начала цѣнности и создать теорію издержекъ производства. Обстоятельство это — неравномѣрность чистаго дохода разныхъ производителей, неизбѣжная въ случаѣ, если мѣновая цѣнность будетъ точной копіей внутренней (подъ которой мы понимаемъ количество труда, затраченнаго на производство товара).

По трудовой теоріи средства производства не даютъ прибыли, такъ какъ цѣнность ихъ (матеріала, орудій и т. п.) лишь воспроизводится въ продуктѣ, не образуя никакого излишка стоимости. Чистый же доходъ фабриканта образуется трудомъ, непосредственно приложеннымъ, и образуется потому, что стоимость содержанія рабочаго (заработная плата) меньше стоимости, прибавляемой имъ къ продукту. Если рабочій, получая плату, произведенную 6 часами, работаетъ 12 часовъ, чистый доходъ будетъ 6 часовъ. Представимъ же двухъ предпринимателей, занятыхъ въ промышленныхъ отрасляхъ, различающихся по техническому совершенству. Въ силу этого различія, въ цѣнности продукта одного изъ нихъ трудъ, овеществленный въ средствахъ производства, будетъ составлять большую часть сравнительно съ другимъ. Беря стоимость, равную 6 днямъ, окажется, что въ одной промышленной отрасли продуктъ указанной цѣнности будетъ состоять изъ 4 дней прошлаго труда (средства производства) и 2 дней текущаго; въ другой—изъ 2 дней прошлаго и 4 дней текущаго. Если предприниматели размѣняются названными стоимостями al pari, то одинъ изъ нихъ окажется затратившимъ на производство 5 дней (4 дня средства производства и 1 день заработной платы—считая норму прибавочной стоимости равную 100) и получающимъ 6, т.-е. чистый доходъ его 1 день или $^1/_5$ ($20^0/_0$) расходовъ; другой истратилъ 4 дня (2 дня средства про-

изводства и 2 дня заработная плата), а получилъ 6, оказался, слѣдовательно, съ чистымъ доходомъ 2 дня, что составитъ $^2/_4$ ($50^0/_0$) расхода. Прибыль въ обоихъ занятіяхъ неодинакова, а такая организація промышленности существовать не можетъ: первый предприниматель или потребуетъ себѣ равной прибыли, или броситъ занятіе и перенесетъ капиталъ въ отрасль, дающую большій доходъ. Иначе говоря, конкурренція не допуститъ положенія дѣлъ, вытекающаго изъ послѣдовательнаго приложенія къ обмѣну трудового начала цѣнности; она видоизмѣнитъ это начало въ интересахъ распредѣленія.

Экономисты-классики не съумѣли выити изъ затрудненія, встрѣчаемаго трудовой теоріей цѣнности при объясненіи равенства прибыли въ разныхъ занятіяхъ. Не могли они и отказаться отъ трудового начала, единственнаго, способнаго дать цѣнности реальную и прочную основу. И вотъ, они оставляютъ это начало въ видѣ первичной причины явленія, а для объясненія указаннаго затрудненія прибѣгаютъ къ теоріи издержекъ производства. Только Родбертусъ и Марксъ рѣшились послѣдовательно проводить разъ признанное начало цѣнности, и мы знаемъ, какихъ блестящихъ успѣховъ они уже достигли на этомъ пути. Что же касается вопроса, интересующаго насъ нынѣ, Марксъ даетъ его объясненіе лишь въ III книгѣ, еще не вышедшей въ свѣтъ. Въ ожиданіи ея появленія мы выскажемъ нѣсколько соображеній въ пользу возможности примиренія трудовой теоріи цѣнности съ явленіемъ, повидимому, находящимся въ полномъ съ нею противорѣчіи.

Мы сказали, что указанное затрудненіе, встрѣчаемое на своемъ пути трудовой теоріей цѣнности, относится къ сферѣ распредѣленія, а не производства богатствъ.

Въ новѣйшемъ типическомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ основано не на принципѣ труда или потребностей, а на началѣ частной собственности. Землевладѣлецъ получаетъ ренту въ зависимости отъ количества и качества его угодій, доходы фабриканта измѣряются размѣрами его капитала. Каждая единица послѣдняго должна дать опредѣленный и одинаковый доходъ, и задача рынка—привести доходы предпринимателей въ извѣстное соотношеніе съ расходами производства (капиталомъ). Эти расходы состоятъ изъ стоимости орудій, матеріала и дру-

гихъ средствъ производства и изъ заработной платы; на равныя суммы этихъ затратъ различныхъ предпринимателей должны получиться равные доходы. Чистый доходъ производства образуется тою частью стоимости продукта, которая соотвѣтствуетъ прибавочному труду, т.-е. труду рабочаго, уже возвратившаго стоимость своего содержанія и теперь тратящаго силу на созданіе новой цѣнности. Эта же часть стоимости не находится въ какомъ-либо опредѣленномъ отношеніи къ затратамъ капитала: въ отрасляхъ промышленности, развитыхъ технически, рабочій преобразовываетъ бо́льшую массу матеріала (слѣдовательно, бо́льшую стоимость) сравнительно съ отсталыми сферами труда; въ другихъ—высокая затрата капитала требуется по причинѣ дороговизны сырья, подлежащаго обработкѣ, и т. д.; число же рабочихъ, занятыхъ тамъ и здѣсь, не зависитъ отъ размѣра затраченнаго капитала. То же слѣдуетъ сказать и о прибавочной стоимости, доставляемой ими. Отношеніе этой стоимости къ капиталу въ технически развитыхъ отрасляхъ промышленности или въ тѣхъ, гдѣ перерабатывается дорогое сырье, будетъ ниже сравнительно съ такимъ же отношеніемъ въ промыслахъ, характеризующихся противуположными условіями. Поэтому, одна отрасль промышленности какъ бы обѣщаетъ капиталу меньшій процентъ, чѣмъ другая и производители имѣютъ основаніе избѣгать невыгодныхъ промысловъ, что можетъ имѣть слѣдствіемъ пополненіе рынка товаромъ другой группы производствъ. Рынокъ не допускаетъ такого нарушенія интересовъ производства, и конкурренція уравниваетъ прибыль во всѣхъ предпріятіяхъ. Она заставляетъ производителей, получающихъ высокую прибавочную стоимость, довольствоваться только частью ея, а другую уступить предпринимателю, вложившему капиталы въ менѣе выгодныя отрасли промышленности. Такъ какъ предприниматели сталкиваются между собой черезъ посредство товаровъ, то указанное уравненіе прибыли происходитъ путемъ измѣненія цѣнъ послѣднихъ. Мѣновая цѣнность продукта, дающаго высокую прибавочную стоимость, понизится сравнительно съ внутренней (трудовой); товаръ съ низкой прибавочной стоимостью увеличитъ свою мѣновую цѣнность на ту же величину.

Беремъ старый примѣръ и произведемъ въ немъ требуемыя

измѣненія. Внутренняя цѣнность сравниваемыхъ предметовъ—6 дней, но прибавочная стоимость въ одномъ изъ нихъ—1 день или $^1/_5$ затраченнаго капитала; въ другомъ—2 дня или $^1/_2$. На рынкѣ они явятся уже не съ одинаковою цѣною: первый будетъ имѣть цѣну, соотвѣтствующую стоимости въ $6^2/_3$ дня, т.-е. получитъ прибавку въ $^2/_3$ дня; второй понизится въ цѣнѣ на ту же величину и будетъ представлять покупательную силу въ $5^1/_3$ дня. Мѣновая стоимость перваго товара будетъ состоять изъ 4 дней (цѣнность орудій, матеріала и т. п.) + 1 день (заработная плата) + $1^2/_3$ дня (чистый доходъ) = $6^2/_3$ дня; отношеніе чистаго дохода ($1^2/_3$) къ капиталу (5) равняется $33^0/_0$. Мѣновая цѣнность другого товара будетъ 2 дня (цѣнность орудій, матеріала и т. д.) + 2 дня (заработная плата) + $1^1/_3$ день (чистый доходъ) = $5^1/_3$ дня; отношеніе чистаго дохода ($1^1/_3$) къ затратамъ капитила (4) — тоже $33^0/_0$. Сумма внутренней цѣнности обоихъ товаровъ осталась неизмѣнной ($6^2/_3 + 5^1/_3$ д. = 12 дней), но она иначе распредѣлилась между слагаемыми (обоими товарами). Это измѣненіе въ распредѣленіи цѣнности произошло путемъ метаморфозы прибавочныхъ стоимостей: сумма ихъ тоже не измѣнилась (3 дня), но тогда какъ прежде одинъ изъ производителей получилъ бы изъ нея 1 день, а другой—два; теперь послѣдній передалъ первому $^2/_3$ дня и самъ остался съ $1^1/_3$ дня. Очевидно, что передъ нами случай распредѣленія прибавочнаго продукта страны между предпринимателями, и что отклоненіе мѣновой цѣнности товара отъ внутренней (производственной) есть тотъ пріемъ, помощью котораго достигается равномѣрность этого распредѣленія. Необходимость такого отклоненія при современной организаціи промышленности уясняется путемъ слѣдующихъ разсужденій.

Въ современномъ обществѣ капиталистъ участвуетъ въ предпріятіи изъ-за прибыли, изъ-за $^0/_0$ отношенія дохода къ затратамъ капитала, изъ-за того, чтобы получить такое же $^0/_0$ отношеніе, какъ и остальные капиталисты страны. Товаръ же, вырабатываемый въ различныхъ отрасляхъ промышленности, даетъ прибавочную стоимость (источникъ чистаго дохода), стоящую въ различномъ $^0/_0$ отношеніи къ затратамъ капитала; и еслибы прибавочная стоимость, образующаяся въ различныхъ предпріятіяхъ,

поступала цѣликомъ собственнику соотвѣтствующаго капитала, послѣдній бросалъ бы однѣ отрасли и переполнялъ другія. Рынокъ беретъ на себя задачу уравнять выгоды капиталистовъ. Онъ заставляетъ однихъ производителей уступить часть своего дохода другимъ; распредѣляетъ между ними общую массу прибавочнаго продукта иначе, чѣмъ это сдѣлано техническими условіями различныхъ промышленныхъ отраслей; и такъ какъ въ его распоряженіи имѣется только одно орудіе—цѣна товара, то и требуемаго распредѣленія барышей онъ достигаетъ, отклоняя мѣновыя стоимости продуктовъ отъ ихъ внутренней цѣнности, повышая рыночную стоимость одного, понижая—другого.

Уравненіе прибылей, сдѣланное нами для двухъ товаровъ, совершается въ капиталистическомъ обществѣ во всей массѣ послѣднихъ. Общій прибавочный продуктъ страны извѣстнымъ образомъ распредѣляется между всѣми производителями, для чего мѣновыя цѣнности товаровъ отклоняются отъ внутреннихъ. Предѣломъ этого отклоненія служитъ достиженіе одинаковаго отношенія дохода къ расходу во всѣхъ предпріятіяхъ—таковъ законъ мѣновой цѣнности въ капиталистическомъ обществѣ.

Выслушавъ это, читатель, можетъ быть, скажетъ, что здѣсь онъ видитъ противорѣчіе трудовой теоріи цѣнности. Если эта теорія создана для объясненія мѣновой стоимости, и если затѣмъ оказывается, что послѣдняя отклоняется отъ того, что выдается за ея основу, то спрашивается, что побуждаетъ считать трудовую теорію истинной и зачѣмъ создавать ученіе, завѣдомо не согласующееся съ фактами, подлежащими объясненію?

Это замѣчаніе врядъ-ли можетъ быть признано справедливымъ.

Начать съ того, что теорія цѣнности имѣетъ цѣлью объяснить не одинъ только голый фактъ обмѣна, а весь циклъ экономическихъ явленій, обнаруживающихся въ товарномъ обществѣ чрезъ посредство рынка. Затѣмъ, политическая экономія — наука абстрактная, а не конкретная, она открываетъ начала, присущія обществу, какъ организму вообще, а не какъ особенной только его формѣ товарно-капиталистическаго уклада. Эта особенная форма, какъ и всякая другая, потребуетъ нѣкотораго измѣненія основныхъ началъ общежитія, открытыхъ наукой, и это не будетъ противорѣчить теоріи, которая ищетъ общее, абстрактное и

объясняетъ помощью его частное, конкретное. Поэтому, мы должны заранѣе примириться съ тѣмъ, что принципы организаціи, присущіе обществу на всѣхъ ступеняхъ его развитія и которые пытается открыть экономическая наука, потерпятъ въ той или другой его конкретной формѣ извѣстное измѣненіе. Это относится и къ закону цѣнности, и въ особенности въ примѣненіи къ капиталистическому обществу. Изъ перваго очерка намъ извѣстно, какова роль рынка и сколько различныхъ операцій выполняетъ онъ однимъ фактомъ назначенія цѣны. Уже въ силу одного этого, послѣдняя не можетъ быть постоянной и точнымъ образомъ отражающей какое-нибудь основное начало общежитія. Но она не можетъ и не имѣть такого начала, потому что ея функція—регулированіе отношеній, свойственныхъ не одному только разсматриваемому типу общества, а и такихъ вѣчныхъ и постоянныхъ, напримѣръ, какъ производство. Поэтому, напрасно будетъ искать теорію цѣнности, которая бы, во-1-хъ, обладала свойствомъ объяснять всю совокупность явленій, такъ или иначе связанныхъ съ феноменомъ цѣны, и, во-2-хъ, буквально повторялась на рынкѣ. Мы должны быть удовлетворены, если намъ удастся построить гипотезу, *объясняющую* происхожденіе и составъ цѣны и въ то же время удовлетворяющую другимъ требованіямъ, предъявляемымъ теоріи. Изъ всѣхъ же предложенныхъ гипотезъ этому условію всего лучше удовлетворяетъ трудовая теорія цѣнности.

Теорія спроса и предложенія относится лишь къ рыночному регулирующему механизму, и сама указываетъ на издержки производства, какъ на мѣру стоимости товара. Формула ученія объ издержкахъ производства дѣйствительно тожественна съ формулою мѣновой стоимости; но, во-1-хъ, отношеніе между ними какъ разъ обратное тому, какое требуется отъ причины и слѣдствія: теорія издержекъ производства не даетъ объясненія рыночной (мѣновой) формы стоимости, а сама служитъ отраженіемъ рыночныхъ явленій; во-2-хъ, ученіе объ издержкахъ производства, какъ это достаточно выяснено на предыдущихъ страницахъ, не объясняетъ ни прибыли, ни обратнаго отношенія между нею и заработной платой и, напротивъ того, предполагаетъ существованіе чего-то другого, что остается постояннымъ при всѣхъ колебаніяхъ послѣднихъ и что, поэтому, должно быть признано ихъ источни-

комъ, а не слѣдствіемъ. Это ученіе, слѣдовательно, не теорія цѣнности, а описаніе сложенія цѣны, какъ оно представляется уму капиталиста-практика, независимо отъ того, что лежитъ въ основѣ цѣнности, какова настоящая теорія послѣдней. Наконецъ, сами приверженцы ученія объ издержкахъ производства для объясненія сложныхъ экономическихъ явленій, прибѣгаютъ къ труду, какъ первоначальному источнику стоимости. Это даетъ намъ право утверждать, что трудъ служитъ по крайней мѣрѣ однимъ изъ элементовъ цѣнности. До сихъ поръ мы его признавали за единственный, и тѣмъ не менѣе объяснили такія важныя явленія, какъ прибыль и обратное отношеніе величины послѣдней къ заработной платѣ. Но вотъ мы наталкиваемся на одно явленіе, стоящее, *повидимому*, въ противорѣчіи съ теоріей, и въ насъ возникаетъ сомнѣніе въ истинности послѣдней. Мы подчеркнули слово „повидимому", и это—не напрасно. Нельзя сказать, что, признавая трудовое начало цѣнности, придется оставить необъясненнымъ фактъ однообразія прибыли въ различныхъ занятіяхъ. Примѣрный расчетъ, сдѣланный нами выше, показываетъ, что, оставаясь на почвѣ трудового начала, названное явленіе объясняется очень удовлетворительно, но что приходится при этомъ признать, что въ капиталистическомъ обществѣ мѣновая цѣнность отклоняется отъ внутренней. Отсюда никоимъ образомъ нельзя вывести заключенія, что трудовая теорія цѣнности невѣрна. Это можно было бы утверждать лишь въ случаѣ, если бы явилась теорія, такъ же хорошо объясняющая важнѣйшія экономическія явленія, какъ и трудовая, и которая въ то же время непосредственно прилагалась бы къ объясненію мѣновой стоимости, т.-е., по которой мѣновая стоимость товара всегда бы соотвѣтствовала внутренней. Такому требованію могла бы удовлетворить гипотеза, что цѣнность товара создается не однимъ трудомъ, но и капиталомъ, если бы нашелся ученый, развившій ее такъ же, какъ Марксъ развилъ трудовую теорію цѣнности. Къ сожалѣнію, названная гипотеза если и высказывается, то въ самыхъ общихъ чертахъ. Ея проповѣдники не пытаются отыскать общую мѣру стоимости, создаваемой трудомъ и капиталомъ, а въ самомъ капиталѣ—матеріаломъ, орудіемъ и т. д. Они только утверждаютъ, что машина, *увеличивая* производительность труда, тѣмъ самымъ

участвуетъ въ образованіи цѣнности продукта. Пусть такъ! Ну, а матеріалъ,—играющій въ производствѣ совершенно пассивную роль, не производящій товара, а самъ перерабатываемый машиной и человѣкомъ—тоже создаетъ новую цѣнность, сверхъ той, какую прибавляетъ къ продукту въ размѣрахъ своей собственной? Если—да, то, во-1-хъ, почему ему приписывается такая роль, коль скоро признается, что онъ не вліяетъ на производительность труда, и, во-2-хъ, чѣмъ вы соизмѣрите въ такомъ случаѣ цѣнность, создаваемую матеріаломъ и машиной? Если—нѣтъ, если измѣненіе въ цѣнности продукта—какъ результатъ техническихъ усовершенствованій—зависитъ лишь отъ измѣненій въ приложеніи труда и орудій; если только эти два фактора производства *создаютъ* новую цѣнность и, слѣдовательно, чистый доходъ предпринимателя, то спрашивается, почему же этотъ чистый доходъ (прибыль) образуетъ опредѣленное отношеніе ко всему затраченному капиталу, а не къ той лишь его части, которая израсходована на трудъ и орудія, какъ на дѣйствительные создатели стоимости. Такимъ образомъ, противорѣчіе между фактомъ равенства во всѣхъ предпріятіяхъ прибыли, какъ отношенія чистаго дохода къ затратѣ капитала и трудовой теоріи цѣнности, остается и въ томъ случаѣ, когда образователемъ цѣнности сдѣлается не только трудъ, но и машина. Очевидно, что сущность вопроса объ этомъ противорѣчіи кроется не въ теоріи цѣнности, а въ фактѣ распредѣленія.

Гдѣ бы ни лежалъ источникъ цѣнности—распредѣленіе продукта совершается по своимъ собственнымъ законамъ, обусловливаемымъ всей организаціей общества. При извѣстной, господствующей нынѣ, формѣ его мѣриломъ участія каждаго члена въ пользованіи чистымъ доходомъ служатъ размѣры его капитала; это значитъ, что $^0/_0$-е отношеніе дохода къ капиталу повсюду должно быть одинаково. Будетъ-ли цѣнность покоиться на затратахъ труда или капитала, или обоихъ вмѣстѣ, на потребительной стоимости предмета, равенствѣ спроса и предложенія и т. п.—во всѣхъ случаяхъ капиталъ потребуетъ себѣ опредѣленной доли, и эта доля должна распредѣлиться между всѣми капиталами страны, приблизительно, равномѣрно. А такъ какъ при товарной организаціи промышленности распредѣленіе совершается черезъ

посредство цѣны товара, то послѣдняя и должна обладать свойствами, дѣлающими ее способной къ выполненію указанной функціи. Она, слѣдовательно, должна перестать быть точнымъ выразителемъ внутренней стоимости, чѣмъ бы послѣдняя ни образовывалась. Въ нашемъ случаѣ, признавая ея образователемъ трудъ, затраченный на производство, и считая, что учетъ этихъ затратъ необходимъ для правильнаго распредѣленія производительныхъ силъ общества между различными отраслями; настаивая, слѣдовательно, на томъ, что цѣна продукта должна выражать эти затраты, мы вмѣстѣ съ тѣмъ соглашаемся, что для равномѣрнаго распредѣленія прибавочной стоимости между отдѣльными капиталами страны, цѣна каждаго товара должна нѣсколько отступить отъ внутренней его стоимости, и указываемъ, въ какомъ размѣрѣ и направленіи произойдетъ это отступленіе. Можно-ли сказать послѣ этого, что трудовая теорія не *объясняетъ* феномена мѣновой цѣнности? Очевидно—нѣтъ! Это было бы прямымъ игнорированіемъ факта. Самое большее, что можно сдѣлать, это—на время признать трудовую теорію недостаточной и пожелать построенія новой гипотезы, находящейся въ большемъ согласіи съ мѣновой стоимостью товара. Но изъ какихъ же элементовъ строить эту новую теорію цѣнности? И почему предполагается, что мѣновая цѣнность сама по себѣ есть нѣчто, столь постоянное и существенное, что она непремѣнно буквально повторяетъ какое-либо основное начало общественной жизни?

Изъ всего, что намъ до сихъ поръ извѣстно, слѣдуетъ, что есть цѣнность производственная и цѣнность рыночная, мѣновая. Первая выражаетъ отношенія постоянныя, присущія обществу на всѣхъ ступеняхъ его развитія; отношенія наиболѣе важныя, потому что производствомъ продуктовъ опредѣляется удовлетвореніе потребностей человѣка. Вторая есть равнодѣйствующая всѣхъ вліяній, оказавшихся въ данный моментъ на рынкѣ; главнѣйшія изъ нихъ—отношенія производства и распредѣленія продуктовъ: мѣновая цѣнность должна примирить требованія производства и распредѣленія. И вотъ, предлагается отыскать такое начало цѣнности, исходя изъ котораго можно было бы объяснить всю совокупность подлежащихъ явленій и которое въ то же время было бы вполнѣ тожественно съ началомъ, скрывающимся за мѣновой

цѣнностью и составляющимъ его основу. Это требованіе предполагаетъ, между прочимъ, что, какова бы ни была организація общества и законы распредѣленія продукта, рыночная цѣнность послѣдняго представляетъ постоянную величину. Такое предположеніе намъ кажется неосновательнымъ, и именно вотъ почему. Если бы мѣновая цѣнность выражала только отношенія производства — цѣна какого-либо продукта была бы та же самая при всевозможныхъ организаціяхъ общества, если только техническія условія производства въ сравниваемыхъ случаяхъ одинаковы! Но коль скоро мѣновая стоимость должна отступать отъ производственной ради удовлетворенія требованіямъ распредѣленія, — естественно предположить, что размѣръ этого отступленія будетъ зависѣть отъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ распредѣленія. А если такъ, то мѣновая стоимость лишается постоянства и слѣдовательно теряетъ надежду получить какое-либо неизмѣнное основаніе. Мы видѣли, какъ мѣновая стоимость образуется изъ производственной въ капиталистическомъ обществѣ; посмотримъ, такою-ли точно останется она въ обществѣ инаго распредѣлительнаго типа, хотя бы, по техническому совершенству промышленности, оно находилось на одной ступени съ первымъ.

Въ капиталистическомъ обществѣ цѣль, къ которой стремятся предприниматели, заключается въ полученіи возможно большаго дохода, и предѣломъ этого возвышенія служитъ норма прибыли другихъ предпринимателей, т.-е. такое $^0/_0$ отношеніе дохода къ затраченному капиталу, какое является господствующимъ въ данное время. Въ обществахъ съ товарной некапиталистической организаціей мотивомъ производительной дѣятельности служитъ не безграничное возрастаніе дохода, а удовлетвореніе потребностей производителей, приблизительно одинаковыхъ у одного и у другого. Если предѣломъ возрастанія капиталистическаго чистаго дохода и мѣриломъ выгодности капиталистическаго предпріятія является *процентное отношеніе дохода* къ расходу, то мѣриломъ выгодности предпріятія въ обществѣ некапиталистическомъ служитъ *абсолютная величина дохода*, допускающая болѣе или менѣе полное и равное съ другими удовлетвореніе потребностей трудящагося. Капиталистъ станетъ расширять производство, какъ бы полно ни были удовлетворены его потребности; точно также

не зависитъ отъ послѣдняго обстоятельства и его стремленіе къ возможно большей нормѣ прибыли, и онъ удовлетворится лишь тогда, когда его прибыль (% отношеніе къ затратамъ) уравняется съ прибылью остальныхъ предпринимателей. Производитель, работающій не наемнымъ трудомъ, стремится къ болѣе опредѣленной цѣли: получить массу продуктовъ, удовлетворяющую его потребности, при условіи, чтобы его затраты не превосходили таковыхъ же затратъ другихъ производителей. Добившись своего, онъ не станетъ расширять производства и мѣнять его на другое. Если, за расходомъ на матеріалъ и орудія производства, у него останется столько продукта, сколько онъ потребляетъ въ теченіи трудового періода и сколько потребляется за такой же промежутокъ времени другимъ производителемъ; иначе говоря, если цѣнность его товара возвратитъ матеріальныя затраты (цѣнность матеріала и орудій производства) и дастъ массу продуктовъ, по цѣнности равную его личному труду, израсходованному въ теченіи разсматриваемаго періода (и достаточному для удовлетворенія его потребностей), то цѣль его стремленій достигнута. Судить же о процентномъ отношеніи чистаго дохода къ расходу онъ не можетъ уже потому, что, работая безъ участія наемнаго труда, онъ не имѣетъ и того расхода на заработную плату, какой несетъ фабрикантъ; не можетъ поэтому вычислить того, что называется прибылью, не знаетъ ея процентнаго отношенія къ расходамъ. Поэтому его товаръ явится на рынокъ съ иной мѣрой эквивалентнаго, нежели продуктъ дѣятельности крупнаго предпринимателя. Правда, и здѣсь мѣновая цѣнность товара не будетъ совпадать съ внутренней. Если стоимость матеріальныхъ затратъ, допускающихъ тотъ же расходъ текущаго труда, въ одной промышленной отрасли вдвое больше, чѣмъ въ другой; если, напримѣръ, въ теченіи мѣсяца работы въ одномъ производствѣ расходуется матеріала изнашивается орудій цѣнностью въ 2 недѣли труда, а въ другомъ—1 недѣлю, то при соотвѣтствіи мѣновой цѣнности товара внутренней (трудовой), оба производителя получатъ для потребленія одинаковую массу продуктовъ, по стоимости равную мѣсяцу труда. Но для достиженія этого результата первый рабочій долженъ расходовать лишнюю недѣлю труда, овеществленнаго въ средствахъ производства. Это значитъ, что было время, когда онъ

долженъ былъ воздержаться отъ потребленія продукта, цѣнностью въ одну недѣлю или затратить труда одной недѣлей больше другихъ производителей только для того, чтобы обезпечить себѣ возможность такого же потребленія въ будущемъ, какое имѣютъ остальные промышленники. Не видно, что побудитъ его на лишнюю затрату труда, если такое же удовлетвореніе своихъ потребностей онъ найдетъ, приспособившись къ производству, требующему всего одну недѣлю скопленнаго труда. Иначе говоря, необходимо, чтобы производители, работающіе въ промышленныхъ отрасляхъ, требующихъ высшей затраты средствъ производства, получали за свой текущій трудъ больше, чѣмъ остальные производители, т.-е. чтобы часть стоимости, созданной послѣдними, была ими передана первымъ. А при товарной организаціи, гдѣ распредѣленіе совершается черезъ посредство цѣны, послѣдняя, какъ и въ капиталистическомъ обществѣ, должна отклоняться отъ внутренней цѣнности (трудовой). Какихъ размѣровъ будетъ это отклоненіе—мы сказать не можемъ; но врядъ-ли оно будетъ точной копіей уклоненія, наблюдаемаго въ капиталистическомъ обществѣ. Мы основываемъ это на томъ, что, во-1-хъ, мотивы производства въ обоихъ обществахъ различны (безграничный ростъ чистаго дохода—въ одномъ, удовлетвореніе ограниченныхъ, хотя и развивающихся потребностей организма—въ другомъ), во 2-хъ, затраты, требующія спеціальнаго вознагражденія, тоже неодинаковы: въ капиталистическомъ обществѣ это дополнительныя затраты всего капитала (расходъ на матеріалъ, орудія+заработную плату), сдѣланныя нѣкоторыми предпринимателями; въ некапиталистическомъ—добавочный расходъ лишь на средства производства, такъ какъ заработной платы здѣсь не существуетъ. Но мы можемъ представить себѣ и такую организацію общества, при которой, даже при существованіи работы на рынокъ, мѣновыя стоимости вполнѣ бы соотвѣтствовали внутренней. Для этого достаточно, чтобы добавочное вознагражденіе производителя за затрату лишнихъ, сравнительно съ другими, средствъ производства, взяло на себя правительство, получающее нужныя для этого средства путемъ общаго налога.

Итакъ, при одинаковыхъ техническихъ условіяхъ производства рыночная цѣна товара (а слѣдовательно и мѣновая его стои-

мость) будетъ различна въ зависимости отъ принциповъ, лежащихъ въ основаніи распредѣленія продукта. Если мѣновую стоимость считать важнѣйшимъ и основнымъ экономическимъ феноменомъ и достоинство теоріи цѣнности измѣрять полнымъ совпаденіемъ ея формулы съ формулою цѣны, въ такомъ случаѣ нужно признать, что теорій цѣнности будетъ столько же, сколько существуетъ различныхъ промышленныхъ организацій. Если же согласиться съ мнѣніемъ, что теорія цѣнности должна дать формулу, объясняющую цѣлую массу явленій экономической жизни, что феноменъ цѣны есть только одно изъ этихъ явленій, и что искомая теорія должна лишь объяснить превращеніе внутренней стоимости товара въ мѣновую, а не отождествить ихъ непремѣнно другъ съ другомъ.—въ такомъ случаѣ нельзя не признать, что трудовая теорія лучше всѣхъ доселѣ предложенныхъ удовлетворяетъ поставленному требованію.

III. Капиталистическая эволюція промышленности.

Капиталистическій законъ производства, распредѣленія и потребленія.

I.

Со временъ Огюста Конта твердо установилось различеніе понятія наукъ абстрактныхъ (въ смыслѣ общихъ) и конкретныхъ. Первыя изслѣдуютъ общіе законы данной категоріи отношеній, имѣющіе приложеніе къ разнообразнымъ формамъ этихъ послѣднихъ; вторыя изучаютъ проявленія этихъ общихъ законовъ въ конкретныхъ случаяхъ, частные законы, свойственные спредѣленной формѣ данной категоріи явленій. Но такое рѣзкое раздѣленіе наукъ, допускаемое теоріей, далеко еще не осуществилось на практикѣ, между прочимъ, потому, что изученіе многихъ областей явленій не настолько подвинулось впередъ, чтобы получился матеріалъ, достаточный для обобщенія, могущаго быть признаннымъ за законъ, имѣющій общее для данной категоріи явленій значеніе. Пока наука находится на этой ступени развитія, она сохраняетъ частный характеръ, даетъ обобщенія, не могущія быть распространяемыми на всѣ явленія данной категоріи; она еще не доросла до положенія науки общей.

Огюстомъ же Контомъ были разъяснены причины той послѣдовательности, въ какой отдѣльныя научныя дисциплины достигаютъ ступени развитія, когда онѣ становятся науками общими, причемъ дѣлается совершенно понятнымъ, что общественныя науки, какъ занимающіяся наиболѣе сложными явленіями, должны позже другихъ достичь положенія, при которомъ устанавливаемые ими законы получаютъ всеобщее значеніе.

Сказанное относится къ научной постановкѣ вопроса о част-

ныхъ и общихъ законахъ извѣстной категоріи явленій; но люди, своимъ воображеніемъ, сплошь и рядомъ предвосхищаютъ естественный ходъ вещей и частную науку, устанавливающую пока только законы опредѣленной формы изучаемыхъ отношеній, начинаютъ считать за науку всеобщую, положенія которой примѣнимы всюду, гдѣ встрѣчаются явленія данной категоріи отношеній. Такъ именно смотрѣли въ теченіи первой половины XIX вѣка англійскіе представители политической экономіи на эту послѣднюю науку. Въ то время, какъ классическая экономія устанавливала законы, свойственные одной, торжествовавшей въ Англіи, формѣ промышленной организаціи и совершенно игнорировала отношенія, господствующія на девяти-десятыхъ поверхности земного шара, ученые ея представители гордо заявляли, что ихъ наука „не принадлежитъ никакой націи, никакой странѣ. Это — наука о законахъ производства, распредѣленія и потребленія богатствъ. Она будетъ существовать — желаете вы этого или нѣтъ. Она основана на свойствахъ человѣческой природы, и нѣтъ силы, способной измѣнить ея заключенія“.

Въ настоящее время отъ этихъ гордыхъ претензій не осталось и слѣда. Новѣйшіе представители политической экономіи въ Англіи (Бэджготъ, Сиджвикъ и др.) признали, что созданное ихъ великими соотечественниками стройное зданіе теоретической экономіи воспроизводитъ отношенія только опредѣленнаго экономическаго типа — большихъ промышленныхъ предпріятій (great-commerce), господствующаго въ немногихъ, такъ называемыхъ, коммерческихъ странахъ, и приложимо къ объясненію явленій въ какой-либо отсталой странѣ лишь настолько, насколько послѣдняя измѣняетъ свою организацію соотвѣтственно именно этому типу. Это значитъ, что классическая политическая экономія есть наука не общихъ, а частныхъ экономическихъ законовъ, что, однако, не мѣшаетъ существованію въ ней немногихъ, настолько широкихъ обобщеній, что они могутъ считаться имѣющими всеобщее значеніе и въ свое время войдутъ составной частью въ отдѣлъ экономическихъ знаній, который по справедливости будетъ носить названіе общей экономики.

Различеніе общаго и частнаго въ экономической наукѣ не можетъ, однако, ограничиться вышеуказаннымъ развѣнчаніемъ по-

литической экономіи въ ея цѣломъ; оно должно проникнуть въ самую глубь науки, изучающей капиталистическія отношенія, отдѣляя здѣсь положенія общія, приложимыя ко всякой капитализующейся странѣ въ соотвѣтствующій моментъ ея эволюціи, отъ частныхъ, выражающихъ состояніе изучаемыхъ отношеній при опредѣленной комбинаціи условій. Нельзя не сознаться, что въ этомъ отношеніи политическая экономія заставляетъ желать очень многаго. Многое изъ того, что ею считается за общій законъ капиталистическаго строя, подлежащій распространенію на всѣ страны, по мѣрѣ ихъ пріобщенія къ капитализму, на самомъ дѣлѣ есть только частная формула послѣдняго, приложимая къ обществамъ, капитализующимся при опредѣленныхъ условіяхъ, и не могущая имѣть значенія для націй, гдѣ развитіе индивидуально-предпринимательскаго строя совершается при иной комбинаціи обстоятельствъ. Для примѣра, укажемъ на фактъ быстраго роста національнаго богатства, составляющій выдающееся явленіе въ новѣйшей исторіи передовыхъ промышленныхъ странъ. Такъ какъ этотъ фактъ не только сопутствуетъ капиталистической эволюціи, но и получаетъ въ принципахъ соотвѣтствующей науки раціональное объясненіе, то онъ и считается за законъ разсматриваемаго метода промышленнаго развитія, признаваемый даже противниками послѣдняго, горько жалующимися на то, что современная промышленная организація народное благосостояніе приноситъ въ жертву національному богатству, что для буржуазной политической экономіи богатство значитъ все, человѣкъ—ничто.

По мѣрѣ хода промышленнаго развитія націй, прежде другихъ выступившихъ на этотъ путь, и съ пріобщеніемъ къ нему многихъ новыхъ обществъ, въ особенности такой обширной страны, какъ Россія, экономическая наука обогащается новыми данными и лучше можетъ проникать въ глубь изучаемой жизни. Въ старыхъ обществахъ въ это время обнаружились отношенія, прежде неизвѣстныя; въ новой обстановкѣ многія явленія получили другое развитіе; международная экономическая атмосфера потерпѣла значительныя измѣненія, отразившіяся на важнѣйшихъ и, повидимому, прочно установившихся отношеніяхъ. Всѣ эти жизненныя вліянія, все обиліе фактическаго матеріала, врывающагося

въ тѣсныя рамки абстрактной по характеру науки и нарушающаго ея логическія построенія, ведутъ къ необходимости пересмотра общепринятой теоріи, и этотъ пересмотръ, при огромномъ разнообразіи въ новѣйшее время формъ, подлежащихъ изученію, можетъ дать цѣнные результаты лишь при широкомъ пользованіи пріемами не только дедуктивнаго, но и индуктивнаго метода изслѣдованія. А это значитъ, что основаніемъ для успѣшнаго развитія политической экономіи въ настоящее время должно служить тщательное изученіе фактовъ; при этомъ,—такъ какъ факты русской жизни, во всемъ обиліи и многообразіи собраннаго матеріала,— могутъ быть извѣстны, за рѣдкими исключеніями, только русскимъ ученымъ,—а между тѣмъ развитіе новыхъ началъ экономической жизни не можетъ не обнаружить въ нашей странѣ много оригинальныхъ варіацій капиталистической эволюціи промышленности, способныхъ внести лучшее пониманіе сущности послѣдней,—то становится очевиднымъ, насколько важно, чтобы въ развитіи теоретической экономіи принимали участіе русскіе, а это значитъ, чтобы послѣдніе стремились къ освѣщенію явленій русской жизни съ точки зрѣнія научной теоріи, или, иначе говоря, къ провѣркѣ научныхъ положеній данными русской дѣйствительности и къ соотвѣтствующему измѣненію теоретическихъ научныхъ построеній. Послѣднее пятнадцати-лѣтіе, характеризующееся необыкновеннымъ оживленіемъ въ нашей странѣ мѣстныхъ экономическихъ изслѣдованій, накопило такую массу матеріаловъ, что представляется не только полная возможность, но и рѣшительная необходимость приступить къ той работѣ освѣщенія жизни и исправленія теоріи, о которой мы только что говорили. А результаты, достигнутые на этомъ пути немногими имѣющимися работами подобнаго рода, показали, что такой трудъ дѣйствительно не пройдетъ безслѣднымъ ни для теоріи, ни для практики. Къ сожалѣнію, среди молодыхъ силъ нашего общества преобладаетъ тенденція не критическаго отношенія къ послѣднимъ выводамъ западно-европейской науки, тенденція не провѣрять и исправлять теорію, сообразно даннымъ русской жизни, а конструировать послѣднюю соотвѣтственно указаніямъ теоріи. При такомъ подчиненіи критической мысли догмѣ и доктринѣ нельзя ожидать ни настоящаго пониманія изучаемой жизни, ни замѣтныхъ успѣховъ

въ дѣлѣ развитія науки. И если уже мы не можемъ обходиться безъ крайности, то въ интересахъ научной производительности нашей интеллектуальной работы слѣдуетъ предпочесть крайность отрицанія, предполагающаго послѣдующую самостоятельную работу построительнаго характера, крайности подчиненія доктринѣ или теоріи.

Попытки примѣненія къ объясненію явленій русской жизни нѣкоторыхъ общепринятыхъ положеній политической экономіи показали, что эти послѣднія не могутъ считаться, какъ это за ними признается наукой, имѣющими общее значеніе, а это обстоятельство побуждаетъ глубже вникнуть въ теорію, обратить вниманіе на такія ея стороны, которыя не были разработаны въ достаточной степени въ Европѣ, потому что соотвѣтствующія имъ явленія жизни въ ряду другихъ отступали на задній планъ, но которыя не могутъ не обращать на себя особеннаго вниманія въ Россіи. Однимъ изъ такихъ подверженныхъ сомнѣнію положеній науки является положеніе о томъ, что капиталистическая эволюція или,—какъ обыкновенно выражаются,—промышленное развитіе страны, если не всегда несетъ съ собой возвышеніе народнаго благосостоянія, зато обезпечиваетъ быстрый ростъ національнаго, т.-е. принадлежащаго гражданамъ страны, богатства. Да и относительно самаго народнаго благосостоянія обыкновенно признается, что его пониженіе или сохраненіе низкаго statu quo есть явленіе временное, свойственное переходному состоянію національной промышленности изъ одной формы въ другую. Впослѣдствіи же быстрый ростъ капиталистической продукціи дастъ возможность и простой массѣ населенія подняться на такую ступень зажиточности, какой она никогда бы не достигла при тѣхъ медленныхъ успѣхахъ, какіе свойственны промышленности, развивающейся безъ участія крупнаго капитала.

Теоретическая основа этого положенія покоится на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что единица труда, организованнаго въ крупныя капиталистическія предпріятія, несравненно производительнѣе труда мелкаго; но при этомъ игнорируется другой фактъ, въ Европѣ отступающій на второй планъ, а при извѣстной комбинаціи условій могущій имѣть первостепенное значеніе, — фактъ обращенія процессомъ капиталистической эволюціи промышленно-

сти извѣстнаго количества національнаго труда въ бездѣятельное, т.-е. потерянное для производства состояніе, причемъ это неблагопріятное для національной продукціи обстоятельство не остается одинокимъ, а ведетъ за собой новыя, дѣйствующія въ томъ же направленіи явленія, напр., дешевизну рабочихъ рукъ, стоящую на пути примѣненія технически совершенныхъ машинъ, вслѣдствіе чего и употребляемый производительно трудъ не достигаетъ той степени успѣшности, какая, по техническимъ условіямъ, представляется въ данный моментъ возможною и какая осуществляется въ странахъ, обращающихся въ капиталистическія при другой комбинаціи обстоятельствъ. Въ нижеслѣдующемъ мы обратимъ вниманіе на эту сторону вопроса, высказавъ по данному предмету нѣсколько соображеній, которыя, быть можетъ, окажутся не безполезными при фактическомъ изученіи нашего экономическаго развитія, останавливая вниманіе изслѣдователя на такихъ сторонахъ послѣдняго, которыя безъ того могли бы быть опущены изъ виду.

II.

При географическихъ условіяхъ, свойственныхъ большей части материка Европы, а также и другимъ странамъ умѣреннаго пояса, земледѣліе отнимаетъ у населенія около $^1/_2$—$^2/_3$ года, и если только производительность труда не достигнетъ весьма высокой степени развитія, дозволяющей человѣку полгода проводить въ праздности, то цѣлесообразная организація промышленности такихъ мѣстностей должна открывать возможность соединять промыселъ съ земледѣліемъ, т.-е. допускать, чтобы одно и то же лицо часть года работало въ полѣ, часть—въ мастерской. Такъ именно и слагается промышленная организація странъ, начинающихъ свое развитіе: при натуральномъ хозяйствѣ семья или нѣсколько болѣе широкій союзъ, община, собственными силами производятъ всѣ предметы своего потребленія. На первыхъ ступеняхъ превращенія натуральнаго хозяйства въ мѣновое, связь промысла съ земледѣліемъ продолжается, но земледѣльцы разныхъ районовъ,—вмѣсто того, чтобы, какъ это было прежде, производить въ зимнее время предметы собственнаго потребленія,—приспособляются къ производству товаровъ, соотвѣтствующихъ мѣст-

нымъ условіяхъ, выносятъ эти товары на рынокъ — и прямо или *черезъ посредство денегъ* — вымѣниваютъ ихъ на нужныя имъ вещи, привезенныя изъ другого промышленнаго района, особыя условія котораго благопріятствуютъ добыванію именно этихъ предметовъ.

Указанная связь промысла и земледѣлія можетъ сохраниться при значительномъ развитіи мѣновыхъ сношеній. Иначе говоря, мѣновое хозяйство, само по себѣ, не противорѣчитъ такой организаціи промышленности, что доказывается примѣромъ Россіи, гдѣ уже въ давно прошедшемъ выдѣлились районы, земледѣльческое населеніе которыхъ снабжало всю Россію и даже отправляло за границу различные продукты обработывающей промышленности, выдѣлываемые по преимуществу въ зимнее время, и гдѣ такая же система мѣнового хозяйства, основаннаго на единеніи земледѣльческой и обработывающей промышленности, представляется чуть-ли не господствующимъ явленіемъ и въ новѣйшее время.

Подобная же система господствуетъ и въ начальные періоды исторіи колоній. Въ Америкѣ, напр., по словамъ Уэкфильда, не было „ни одной части населенія исключительно земледѣльческаго, кромѣ рабовъ и ихъ хозяевъ, которые соединяютъ капиталъ и трудъ для крупныхъ предпріятій. Свободные американцы, сами обработывающіе землю, имѣютъ, кромѣ того, много другихъ занятій: часть ихъ мебели и инструментовъ обыкновенно дѣлается *ими самими; они часто сами строятъ свои дома и отвозятъ* продуктъ своихъ промысловъ на очень отдаленные рынки. Они въ одно и то же время и прядильщики, и ткачи; они приготовляютъ для собственнаго потребленія мыло и свѣчи, сапоги и платье. Въ Америкѣ земледѣліе образуетъ часто побочное занятіе кузнеца, мельника или мелкаго торговца“.

Съ привлеченіемъ къ участію въ промышленномъ развитіи страны капитала связь промысла съ земледѣліемъ постепенно разрушается. Организуя болѣе производительно трудъ, капиталъ получаетъ возможность продавать съ выгодой товаръ дешевле кустаря-земледѣльца и тѣмъ вынуждаетъ послѣдняго сбывать свое издѣліе ниже стоимости производства, а со временемъ и совершенно прекратить его выдѣлку. Продавая товаръ дешевле, фабрикантъ на первое время способствуетъ возрастанію спроса на него,

результатомъ чего является и увеличеніе запроса на сырье, за которое, къ тому же, фабрикантъ, экономизирующій на издержкахъ переработки, можетъ предложить повышенную цѣну. Развивающіяся вмѣстѣ съ тѣмъ сношенія между отдаленными областями одной и той же страны и различными государствами поддерживаютъ этотъ спросъ, вслѣдствіе чего является временное повышеніе цѣны на продукты земледѣльческаго производства. Указанное обстоятельство, въ совокупности съ дешевизною предметовъ фабричной продукціи, побуждаетъ крестьянъ, удовлетворяющихъ многія свои потребности (въ одеждѣ, обуви и т. д.) продуктомъ домашняго производства, продавать переработывавшееся ими самими сырье (ленъ, коноплю, шерсть, шкуры домашнихъ животныхъ и др.) и покупать дешевые и красивые фабрикаты. Всѣ эти вліянія ведутъ къ сокращенію зимнихъ занятій земледѣльческаго населенія, за которымъ должно слѣдовать и уменьшеніе ихъ доходовъ. Для пополненія образующагося такимъ образомъ недостатка въ доходахъ мелкому производителю остается прежде всего усиленно поналечь на тотъ источникъ послѣднихъ, который меньше всего поддается капиталистической организаціи производства, на земледѣліе. Въ силу сказаннаго, тѣ производители, которые часть лѣтняго времени отдавали другимъ занятіямъ, теперь цѣликомъ посвятятъ его земледѣлію; другіе постараются примѣнить сельскохозяйственныя орудія, позволяющія работать быстрѣе и запахивать больше земли; третьи введутъ новыя культуры, пользующіяся особеннымъ спросомъ на рынкѣ, и т. д. Степень ожидающаго мелкихъ производителей успѣха на этомъ пути расширенія своего земледѣльческаго хозяйства зависитъ отъ многихъ условій внутренняго и международнаго характера.

Если страна обладаетъ обиліемъ незанятыхъ земель и находится на сравнительно высокомъ уровнѣ культурнаго развитія, въ такомъ случаѣ, стремленіе населенія къ расширенію земледѣльческаго производства можетъ быть удовлетворено занятіемъ дѣвственныхъ земель и обработкой ихъ при помощи быстро изобрѣтаемыхъ, увеличивающихъ производительную силу труда, орудій. При противуположныхъ же условіяхъ населенію останется до нельзя расширять запашку на своей землѣ на счетъ остальныхъ угодій, поднимать до неимовѣрной высоты арендную плату

на всѣ чужія, способныя къ обращенію подъ культуру, земли и при всемъ томъ не получить удовлетворенія той потребности въ увеличеніи дохода, какая вытекла изъ вмѣшательства въ процессъ экономической эволюціи капитала. Не одними, однако, аграрными и культурными условіями опредѣляется успѣхъ мелкихъ производителей на разсматриваемомъ пути. Расширеніе обрабатываемой площади и увеличеніе получаемой массы продукта еще не означаетъ возрастаніе денежныхъ доходовъ земледѣльца. Мѣновая стоимость земледѣльческаго продукта, какъ и всякаго другого, измѣряется трудомъ, затраченнымъ на его добываніе. Если кто-либо изъ земледѣльцевъ, при помощи машинъ, съумѣлъ удвоить количество зерна, получаемаго имъ въ теченіе лѣта, то его доходъ отъ предпріятія значительно увеличится лишь въ томъ случаѣ, если примѣненіе машинъ сдѣлано небольшой группой населенія, а главная масса идущаго на рынокъ продукта произведена старыми техническими пріемами. Если же примѣненіе усовершенствованныхъ орудій сдѣлалось общимъ явленіемъ, то рыночная цѣна хлѣба будетъ опредѣляться новыми условіями производства, а такъ какъ при этихъ условіяхъ на каждую единицу продукта затрачено вдвое меньше труда, то и денежная цѣна его понизится вдвое и денежный доходъ земледѣльца окажется равнымъ тому доходу, недостатокъ котораго именно и побудилъ его къ расширенію производства. Сказанное подтверждается примѣромъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, земледѣльческое населеніе которыхъ стремилось къ покрытію дефицита въ доходѣ, образовавшагося благодаря лишенію его подсобныхъ занятій, этимъ способомъ расширенія площади обработываемой земли при помощи употребленія машинъ: за двадцатилѣтіе съ 60-хъ до 80-хъ гг. площадь посѣва здѣсь возрасла съ 202 мил. акровъ до 430, т.-е. на 117%, валовой сборъ съ 4.272 мил. бушелей до 8.713 мил., т.-е. на 140%, а валовая цѣнность урожая увеличилась всего съ 3.496 мил. долларовъ до 3.687 мил. дол., т.-е. поднялась едва на 5%.[1])

Итакъ, при возможности для самостоятельнаго земледѣльца неограниченнаго расширенія культивируемой площади, попол-

[1]) Николай —онъ. Оч. пореф. хоз. Россіи, с. 217.

неніе дефицита въ доходахъ, происходящаго отъ лишенія его подсобныхъ занятій, можетъ происходить слѣдующими путями.

Если, при прежнихъ порядкахъ натуральнаго хозяйства, отчужденіе земледѣльческихъ продуктовъ на сторону было мало развито, то каждая семья посвящала земледѣлію не весь лѣтній сезонъ. Поэтому, при начинающемся отдѣленіи обрабатывающей промышленности отъ земледѣльческой, выражаемомъ параллельнымъ развитіемъ двухъ явленій—сокращеніемъ подсобныхъ занятій земледѣльцевъ и образованіемъ особаго класса фабричныхъ рабочихъ,—населеніе можетъ обращать освобождающееся у него время на расширеніе запашки, съ тѣмъ, чтобы получаемые избытки хлѣба сбывать новому классу потребителей—фабрично-заводскимъ рабочимъ, частью прибывающимъ изъ другихъ странъ (какъ это было въ колоніяхъ), частью образующимся изъ мѣстнаго населенія, бросающаго хозяйство. Повышеніе дохода описываемымъ способомъ увеличенія времени, отдаваемаго земледѣлію, имѣетъ естественный предѣлъ, поставляемый географическимъ положеніемъ страны, ограничивающимъ земледѣльческій сезонъ извѣстнымъ числомъ мѣсяцевъ.

Достигнувъ этого предѣла, земледѣльцамъ, для увеличенія дохода отъ хозяйства, надлежитъ обратиться къ средствамъ, возвышающимъ производительность труда, дабы, въ теченіи неподлежащаго дальнѣйшему увеличенію земледѣльческаго сезона, получить бо́льшую массу продукта. Тѣ земледѣльцы, которые первые обратятся къ этому средству и будутъ сбывать свой дешевый хлѣбъ по обычной рыночной цѣнѣ, устанавливаемой сообразно господствующей стоимости производства, получатъ приращеніе своихъ доходовъ, пропорціональное возрастанію производительности труда. По мѣрѣ распространенія улучшенныхъ пріемовъ обработки, цѣна земледѣльческихъ продуктовъ будетъ понижаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ сокращаться и доходы иниціаторовъ. И во всякомъ случаѣ указанное повышеніе дохода доступно лишь для небольшой группы земледѣльцевъ, идущихъ впереди другихъ въ дѣлѣ улучшенія хозяйства. Что же касается всего земледѣльческаго населенія страны, всякое увеличеніе производительности его труда имѣетъ слѣдствіемъ соотвѣтственное пониженіе цѣны продукта, стоящее на пути возрастанія его денеж-

наго дохода. Послѣдній можетъ въ этомъ случаѣ увеличиться лишь настолько, насколько пониженіе стоимости производимаго земледѣльцемъ хлѣба, мяса и т. п. дѣлаетъ болѣе дешевымъ расходъ его семьи на собственное потребленіе этихъ продуктовъ, что позволяетъ большую, чѣмъ прежде, часть ихъ выносить на рынокъ.

Что касается матеріальнаго содержанія нынѣшняго дохода земледѣльческаго населенія сравнительно съ прежнимъ, т.-е. массы получаемыхъ имъ предметовъ для удовлетворенія потребностей, — таковая можетъ быть выше и ниже того количества продуктовъ, какое потреблялось населеніемъ при прежнихъ порядкахъ.

Если населеніе потеряло всѣ подсобныя къ земледѣлію занятія и вынуждено ограничиться одной сельскохозяйственной дѣятельностью; если при этомъ, по климатическимъ условіямъ, земледѣльческій сезонъ продолжается не болѣе полугода, т.-е. населеніе вынуждено, вмѣсто цѣлаго года, работать только половину, то его настоящій запросъ на продукты потребленія, выражаемый въ количествѣ затраченнаго имъ на производство труда, равняется 6 мѣсяцамъ, т.-е. вдвое меньше прежняго Что же касается количества предметовъ потребленія, какое оно можетъ получить этимъ полугодовымъ трудомъ, сравнительно съ количествомъ ихъ, имѣвшимся у него раньше, — таковое будетъ зависѣть отъ успѣховъ въ производительности труда. Такъ какъ производительность труда въ промышленности обрабатывающей несомнѣнно возрасла, каковое возрастаніе и было причиной утраты населеніемъ подсобныхъ къ земледѣлію занятій, то настоящій полугодовой трудъ даетъ земледѣльцу возможность имѣть больше половины того количества предметовъ потребленія, какое онъ получалъ раньше, работая круглый годъ.

Если прежде рабочій занимался 4 мѣсяца земледѣліемъ и 8 мѣсяцевъ промысломъ, а теперь, при полной капитализаціи обрабатывающей промышленности, онъ долженъ ограничиться шестимѣсячнымъ сельскохозяйственнымъ трудомъ, причемъ продуктъ 4 мѣсяцевъ труда онъ, попрежнему, потребляетъ въ своей семьѣ, а предметы двухмѣсячной работы вынесетъ на рынокъ для обмѣна на фабрикаты, то, чтобы получить за нихъ сумму товаровъ какую онъ производилъ раньше затратой 8-ми-мѣсячныхъ усилій, — вмѣстѣ съ капитализаціей промысловъ, производительность труда

должна была повыситься въ 4 раза. Принимая же во вниманіе, что соціальный смыслъ капитализаціи промышленности заключается не въ измѣненіи ея формы, каковое обстоятельство представляется выгоднымъ лишь для ограниченнаго числа лицъ, занявшихъ мѣста руководителей этого измѣненія и тѣмъ получившихъ возможность эксплуатировать большинство населенія; что обще-національное значеніе разсматриваемой эволюціи заключается въ увеличеніи потребленія всего населенія и что возрастаніе массы потребляемыхъ земледѣльцемъ продуктовъ вдвое должно быть признано весьма умѣреннымъ требованіемъ, какое, съ точки зрѣнія интересовъ народнаго благосостоянія, мы вправѣ предъявить новой организаціи промышленности—мы видимъ, что для достиженія этого результата производительность объединеннаго капиталомъ труда должна подняться въ 10 разъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что хотя бы капитализація коснулась только обработывающей промышленности, а земледѣльческая продолжала оставаться въ рукахъ мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ,—утрата послѣдними промышленныхъ занятій наноситъ такой ударъ ихъ благосостоянію, что только очень высокій уровень производительности подчиненнаго капиталу труда въ состояніи изгладить слѣды испытаннаго потрясенія, какъ слѣдствія измѣненія формы національной промышленности.

Возвышеніе производительности труда, вошедшаго въ капиталистическую организацію промышленности, будетъ имѣть несомнѣнно благодѣтельные результаты для мелкаго самостоятельнаго земледѣльца лишь въ томъ случаѣ, когда полное отдѣленіе обработывающей промышленности отъ земледѣльческой сдѣлалось совершившимся фактомъ и потому дальнѣйшее развитіе капиталистической формы этой промышленности не грозитъ земледѣльцу новыми потерями, при условіи, однако, чтобы размѣры единичныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ не подвергались сокращенію. Пока же капитализація промысловъ не закончилась, и всякій шагъ въ этомъ направленіи лишаетъ большую или меньшую часть земледѣльцевъ подсобныхъ къ главному занятій,—до тѣхъ поръ успѣхи капиталистической эволюціи легко могутъ сопровождаться пониженіемъ, а не возвышеніемъ народнаго благосостоянія. Пусть, напр., крестьянинъ 4 мѣсяца занимается земледѣліемъ, а 8—промыслами.

Если начавшаяся капитализація обработывающей промышленности отыметъ у него половину промышленныхъ занятій, причемъ онъ получитъ возможность расширить земледѣліе настолько, чтобы занять весь сельскохозяйственный сезонъ, продолжающійся, согласно нашему предположенію, полгода, въ такомъ случаѣ, съ утратой 4 мѣсяцевъ промысловаго занятія онъ пріобрѣтаетъ 2 мѣсяца земледѣльческаго. Если при этомъ производительность труда въ капитализующейся промышленности превышаетъ производительность замѣщеннаго ею труда въ $1^1/_2$ раза, то продуктъ прибавочнаго 2-хъ-мѣсячнаго земледѣльческаго труда крестьянинъ обмѣняетъ на такую сумму предметовъ фабрично-заводской выдѣлки, какую онъ выработывалъ прежде 3-хъ-мѣсячнымъ трудомъ, т.-е. совершившаяся эволюція поведетъ къ сокращенію его потребленія въ размѣрѣ, измѣряемомъ затратой одного мѣсяца ремесленнаго труда. Если прозводительность капитализующагося труда повысилась вдвое, то вышеуказанное расширеніе земледѣльческаго промысла покрываетъ всѣ потери крестьянина, вызванныя сокращеніемъ подсобныхъ занятій. При повышеніи же успѣшности труда втрое, крестьянинъ, вынося на рынокъ продуктъ 2-хъ-мѣсячнаго земледѣльческаго труда, получаетъ въ обмѣнъ предметы капиталистической продукціи въ размѣрѣ, какой собственными средствами онъ добылъ бы втеченіи 6 мѣсяцевъ, и такимъ образомъ не только покрываетъ недочеты промысловаго заработка, но получаетъ излишекъ продукта, измѣряемый затратой 2 мѣсяцевъ ремесленнаго (какъ мѣра производительности) труда, отчего его благосостояніе повышается.

Дальнѣйшая капитализація промысловъ легко будетъ имѣть слѣдствіемъ пониженіе благосостоянія крестьянина, такъ какъ происходящую отъ того потерю заработка онъ не можетъ восполнить расширеніемъ сельскохозяйственной дѣятельности, доведенной до предѣла, поставляемаго естественными условіями мѣстности. Утративъ остальные 4 мѣсяца промысловаго труда и имѣя на удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей, кромѣ продовольствія, земледѣльческій продуктъ стоимостью въ 2 мѣсяца, въ обмѣнъ на который онъ получитъ на рынкѣ той же стоимости предметы фабрично-заводской выдѣлки, крестьянинъ долженъ удовлетворить ими всѣ тѣ потребности, которыя раньше онъ удовле-

творялъ продуктомъ 8-ми-мѣсячнаго промысловаго труда. Если объединенный капиталомъ трудъ сдѣлается въ 4 раза успѣшнѣе замѣненнаго имъ ремесленнаго, то полученная земледѣльцемъ масса предметовъ дастъ ему возможность удовлетворять свои потребности въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ происходило это удовлетвореніе во времена, такъ сказать, дореформенныя; при болѣе низкой производительности этого труда въ потребленіи будутъ недочеты; при болѣе высокой—благосостояніе крестьянина окажется поднявшимся. Каждое слѣдующее возрастаніе производительности капиталистическаго труда увеличитъ массу предметовъ, получаемую крестьяниномъ въ обмѣнъ за выносимые на рынокъ продукты 2-хъ-мѣсячнаго земледѣльческаго труда и будетъ имѣть слѣдствіемъ возвышеніе его благосостоянія.

Изъ сказаннаго видно, какимъ значительнымъ повышеніемъ производительности труда должна сопровождаться капитализація обрабатывающейся промышленности для того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ происходило поднятіе народнаго благосостоянія. Иное слѣдуетъ сказать относительно того случая, когда вмѣстѣ съ капитализаціей промысловъ наблюдается и увеличеніе производительности земледѣльческаго труда. Такое направленіе техническаго прогресса ведетъ гораздо скорѣе къ увеличенію народнаго потребленія. Правда, увеличеніе массы продуктовъ земледѣлія, зависящее отъ улучшеній въ производствѣ, не даетъ новой стоимости,—такъ какъ количество затраченнаго труда остается неизмѣннымъ,—и потому хозяинъ этого продукта не продастъ его дороже прежней цѣны. Но возвышеніе производительности труда даетъ земледѣльцу возможность меньшую часть послѣдняго затрачивать на производство предметовъ собственнаго потребленія и большую—обратить въ обмѣнъ на предметы продажи, т.-е. увеличить затрату труда для рынка на счетъ доли, назначаемой для производства предметовъ собственнаго потребленія. Возьмемъ тотъ моментъ экономической эволюціи нашего гипотетическаго общества, когда земледѣлецъ лишился всякаго промысловаго заработка, занимается только хозяйствомъ (въ теченіе полугода), потребляя продуктъ 4-хъ-мѣсячнаго труда самъ и вынося продуктъ 2-хъ-мѣсячнаго труда на рынокъ; причемъ, благодаря тому обстоятельству, что успѣшность капиталистическаго труда въ 4 раза

выше ремесленнаго—въ обмѣнъ на свой товаръ онъ получаетъ ту же массу предметовъ, какую добывалъ раньше затратой 8 мѣсяцевъ времени. Такимъ образомъ возвышеніе производительности промышленнаго труда въ 4 раза не сопровождалось подъемомъ народнаго благосостоянія, и для того, чтобы это послѣднее увеличилось на 33%, т.-е. чтобы земледѣлецъ могъ потреблять массу предметовъ, для производства которыхъ потребовалась бы затрата 16 мѣсяцевъ ремесленнаго труда, нужно, чтобы производительность труда фабрично-заводскаго сдѣлалась въ 6 разъ (вмѣсто 4) выше ремесленнаго, т.-е., чтобы она поднялась еще на 2 единицы или на 50%. Воздѣйствуя же на технику земледѣльческаго труда, тотъ же результатъ можно получить, возвысивъ производительность всего на 33%. При такомъ состояніи техники — продовольствіе семьи земледѣльца, на которое раньше затрачивалось 4 мѣсяца—потребуетъ 3 мѣсяцевъ труда, а въ продажу можетъ быть пущенъ продуктъ 3 мѣсяцевъ (вмѣсто прежнихъ 2-хъ), въ обмѣнъ за который получится такая масса предметовъ, какая раньше производилась 12-ти-мѣсячнымъ трудомъ, и все потребленіе земледѣльца, по старой мѣркѣ стоимости, будетъ равняться 16-ти мѣсяцамъ (4+12) труда.

Въ виду такого выгоднаго результата поднятія производительности земледѣльческаго труда, читатель можетъ подумать, что этимъ указывается только на необходимость не удовлетворяться стихійно идущимъ процессомъ капитализаціи обрабатывающей промышленности, а принимать мѣры къ возбужденію того же процесса въ земледѣліи, въ томъ предположеніи, что капиталистическое хозяйство скорѣе мелкаго поддается улучшеніямъ. Простое разсужденіе, однако, легко обнаружитъ неправильность такого предположенія.

Капитализація земледѣльческаго производства обращаетъ мелкаго самостоятельнаго хозяина, обладающаго всѣмъ продуктомъ своего труда, въ наемнаго работника, получающаго, въ видѣ заработной платы, только часть этого продукта. Допустимъ, что часть эта равняется $^1/_2$ (это очень много для земледѣльческаго рабочаго), т.-е. что, работая въ теченіи полугода, сельскохозяйственный рабочій получаетъ вознагражденіе въ размѣрѣ стоимости 3 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, превращеніе мелкаго зем-

ледѣлія въ крупное принесло крестьянину сокращеніе дохода и, слѣдовательно, потребленія, въ 2 раза. Предполагая, что это обращеніе сопровождалось возвышеніемъ производительности труда вдвое, и что половину заработной платы (стоимость въ $1^1/_2$ мѣс.) рабочій употребитъ на свое продовольствіе, а другую—на пріобрѣтеніе прочихъ предметовъ потребленія, мы увидимъ, что питаться онъ будетъ хуже самостоятельнаго земледѣльца (стоимость $1^1/_2$ мѣсяца эквивалентна 3 мѣсяцамъ труда прежней производительности, а самостоятельный земледѣлецъ потребляетъ стоимость, эквивалентную 4 мѣсяцамъ этого труда), на прочія потребности будетъ имѣть тоже меньше ($1^1/_2$ мѣсяца противъ 2-хъ). Дабы благосостояніе наемнаго земледѣльческаго работника достигло уровня благосостоянія мелкаго самостоятельнаго земледѣльца, при неподвижномъ состояніи техники послѣдняго и производительности фабрично-заводскаго труда, въ 4 раза превышающей производительность труда ремесленнаго, т.-е. дабы сумма предметовъ потребленія рабочаго измѣрялась 12 мѣсяцами дореформеннаго труда, нужно, чтобы производительность капиталистическаго земледѣлія уравнялась съ производительностью промышленнаго труда, т.-е. чтобы она въ 4 раза превышала производительность труда мелкаго хозяина. Въ этомъ случаѣ наемный земледѣльческій рабочій изъ своей заработной платы стоимостью въ 3 мѣсяца труда, на пріобрѣтеніе предметовъ продовольствія отдѣлитъ стоимость въ 1 мѣсяцъ (эквивалентную дореформенной стоимости въ 4 мѣс.), а на прочіе предметы потребленія—2 мѣс. (равносильные прежнимъ 8 мѣс.). Замѣтное возвышеніе благосостоянія наемнаго земледѣльческаго рабочаго выше этого уровня невозможно ни при какомъ вѣроятномъ поднятіи успѣшности сельскохозяйственнаго труда (т.-е. путемъ сокращенія расхода на продовольствіе); оно будетъ только результатомъ или поднятія заработной платы насчетъ дохода землевладѣльца (напр. съ стоимости 3-хъ дней до 4-хъ), или возвышенія производительности труда въ промышленности обрабатывающей (вслѣдствіе чего увеличится масса предметовъ потребленія, пріобрѣтаемыхъ на заработную плату).

III.

И такъ, если промышленное развитіе націи совершается капиталистическимъ путемъ, то во все время процесса капитализаціи обработывающей промышленности населенію страны грозитъ опасность опуститься на низшую ступень благосостоянія, что не можетъ не отразиться неблагопріятно на культурномъ развитіи и финансовомъ благополучіи страны. Если же, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершается и капитализація земледѣльческой промышленности, то пониженіе народнаго благосостоянія (по крайней мѣрѣ земледѣльческаго класса) становится почти неизбѣжнымъ. Прочное улучшеніе благосостоянія самостоятельнаго земледѣльца можетъ начаться лишь послѣ того, какъ процессъ капитализаціи обработывающей промышленности прекратится и дальнѣйшее ея развитіе совершается путемъ увеличенія производительности труда, т.-е. пониженія стоимости продуктовъ. Но и въ этомъ случаѣ повышеніе благосостоянія сельскаго населенія будетъ имѣть мѣсто лишь при условіи, если размѣръ крестьянскаго хозяйства не потерпитъ сокращенія, т.-е. если приростъ сельскаго населенія будетъ своевременно удаляться или получать на мѣстѣ какое-либо неземледѣльческое занятіе; такъ что продолжительность сельскохозяйственнаго занятія крестьянина и, слѣдовательно, производимая имъ стоимость, останется безъ измѣненія. Болѣе глубокое положительное вліяніе на возвышеніе благосостоянія мелкаго самостоятельнаго земледѣльца будетъ имѣть поднятіе техники его хозяйства; но опять-таки при условіи, чтобы абсолютное количество затрачиваемаго въ отдѣльномъ хозяйствѣ земледѣльцемъ труда оставалось безъ сокращенія, т.-е. чтобы отдѣльное лицо производило втеченіи земледѣльческаго сезона прежнюю стоимость. При несоблюденіи этого требованія, если увеличеніе производительности земледѣльческаго труда достигается, напр., путемъ примѣненія орудій, дозволяющихъ съ прежней затратой рабочей силы запахивать большую площадь, причемъ ни расширеніе культивируемаго пространства, ни отведеніе въ сторону сдѣлавшихся излишними для земледѣлія рукъ не представляется возможнымъ, то подобное улучшеніе земледѣльческой техники, получивъ всеобщее распространеніе, не только не поведетъ къ воз-

вышенію благосостоянія населенія, но будетъ имѣть прямо противоположное слѣдствіе и тѣмъ болѣе значительное, чѣмъ оно само выше. Такъ, въ нашемъ случаѣ поднятія земледѣльческой техники на 33%, при соотвѣтствующемъ расширеніи запахиваемой площади, получится, какъ мы видѣли, возвышеніе благосостоянія земледѣльца съ 12 единицъ до 16, т.-е. на 33%. Если же при этомъ культивируемая площадь не будетъ увеличена, то предположенное техническое улучшеніе производства сократитъ затрату труда каждаго крестьянина на обработку его неизмѣнившагося участка съ 6 мѣсяцевъ до $4^1/_2$, отчего произведенная земледѣльцемъ стоимость уменьшится на 25%. Оставивъ, согласно принятому нами расчету, на продовольствіе своей семьи продуктъ 3-хъ-мѣсячнаго труда, крестьянинъ окажется въ состояніи пустить въ продажу стоимость въ $1^1/_2$ мѣсяца, т.-е. вдвое меньше, чѣмъ онъ продавалъ бы въ случаѣ, если бы увеличеніе успѣшности его труда сопровождалось соотвѣтствующимъ расширеніемъ площади запашки, и на 25% меньше, чѣмъ онъ выносилъ на рынокъ при старыхъ пріемахъ земледѣлія (2 мѣс.). При возвышеніи успѣшности труда вдвое, производительная затрата времени земледѣльца (при неизмѣнномъ участкѣ) сократится до 3-хъ мѣсяцевъ и за покрытіемъ его продовольственныхъ нуждъ, для продажи осталась бы стоимость въ 1 мѣсяцъ труда, которая дала бы ему возможность пріобрѣсти только половину того количества предметовъ потребленія, какимъ онъ пользовался при старыхъ агрикультурныхъ пріемахъ.

Изъ сказаннаго видно, насколько, при капиталистическомъ направленіи промышленнаго развитія, интересы благосостоянія массы населенія расходятся съ интересами техническаго совершенства производства. Это значитъ, что движимое личнымъ интересомъ, освобожденное отъ сознательнаго общественнаго регулированія, промышленное развитіе страны принимаетъ характеръ, выгодный для немногихъ отдѣльныхъ лицъ и разорительный для массы населенія. Если бы промышленные успѣхи націи оцѣнивались не по техническому совершенству производства, а по благосостоянію трудящагося населенія, и сообразно такому отношенію къ предмету, принимались мѣры для поднятія производительности самостоятельнаго народнаго промысла, а не для пре-

вращенія народной промышленности въ капиталистическую, то обществу было бы обезпечено неуклонное движеніе впередъ, не въ смыслѣ только развитія техники производства, но и въ отношеніи поднятія народнаго благосостоянія; т.-е. промышленная эволюція націи не сдѣлалась бы однобокой, ведущей къ развитію одной стороны жизни на счетъ остальныхъ, къ принесенію интересовъ большинства въ жертву небольшой группѣ лицъ; она сохранила бы правильное направленіе, отвѣчала бы на всѣ запросы общественной жизни. Такой характеръ развитія не представляетъ ничего невозможнаго. Способность народнаго производства достигнуть высокаго техническаго совершенства, даже при отсутствіи систематическаго воздѣйствія на жизнь науки, доказывается успѣхами, сдѣланными промышленностью всякой страны до подчиненія ея капиталу. Если бы развивающаяся наука оказывала соотвѣтствующее вліяніе на всѣ стороны жизни и на всѣ слои населенія, а не обходила большинства послѣдняго и не свѣтила только небольшой кучкѣ лицъ, то естественный процессъ поднятія производительности *народнаго* труда могъ бы продолжаться болѣе систематично, съ большей быстротою, и безъ тѣхъ печальныхъ явленій, какими наша жизнь обязана подчиненію экономической эволюціи руководству капитала. Во всякомъ случаѣ можно сказать одно, что если бы такое направленіе развитія имѣло мѣсто, то хотя бы техническая производительность труда не достигла той высоты, какую она пріобрѣтаетъ въ рукахъ предпринимателя-капиталиста—народное благосостояніе неуклонно бы подымалось, а принимая во вниманіе отсутствіе при этомъ вынужденнаго бездѣйствія земледѣльцевъ въ теченіи $^1/_3$—$^1/_2$ года—можетъ быть и ростъ національнаго богатства не отставалъ бы отъ того, какой имѣлъ мѣсто при капиталистическомъ направленіи экономическаго развитія.

Такъ, при сохраненіи народной организаціи производства, при которой трудящійся часть года отдаетъ земледѣлію, а другую промыслу—поднятіе производительности его труда на $33^0/_0$ будетъ имѣть слѣдствіемъ возвышеніе его благосостоянія съ 12 единицъ мѣры до 16. При капитализаціи обработывающей промышленности тотъ же результатъ будетъ, какъ мы видѣли, достигнутъ при высотѣ производительности капитализировавшагося

труда, выражаемое 600% (см. страницу 116), т.-е въ 18 разъ большей. Для поднятія благосостоянія населенія въ два раза при народной организаціи производства достаточно возвышенія успѣшности труда вдвое; при капитализаціи же обработывающей промышленности для этого требуется высота производительности труда, выражаемая цифрою 10.

Что же касается наемнаго земледѣльческаго рабочаго, получающаго въ видѣ заработной платы половину той стоимости, какую имѣетъ самостоятельный земледѣлецъ, для замѣтнаго поднятія его благосостоянія требуется необыкновенное возрастаніе производительности труда. Если бы успѣшность труда капиталистической земледѣльческой промышленности росла съ такою же быстротой, какъ и обработывающей, а производительность мелкаго хозяйства оставалась бы постоянно на низкомъ уровнѣ, въ такомъ случаѣ при извѣстной высотѣ техническаго развитія положеніе наемнаго земледѣльческаго рабочаго было бы лучше положенія самостоятельнаго мелкаго хозяина. Такъ, если бы послѣдній, по причинѣ малой производительности его промысла, долженъ былъ тратить на продовольствіе всегда продуктъ 4 мѣсяцевъ своего труда и для обмѣна на прочіе предметы потребленія у него оставалась бы стоимость 2-хъ мѣсяцевъ, то увеличеніе его благосостоянія могло бы произойти только отъ возрастанія массы продуктовъ, покупаемыхъ стоимостью этихъ 2 мѣсяцевъ, въ то время, какъ наемный рабочій предъявлялъ бы къ рынку требованіе въ размѣрѣ стоимости 3-хъ мѣсяцевъ (его заработная плата). При этомъ благосостояніе обоихъ лицъ было бы одинаково при высотѣ производительности капиталистическаго труда, выражаемой цифрою 4 (самостоятельный земледѣлецъ потреблялъ бы $4+2\times4=12$, наемный рабочій—$3\times4=12$); при дальнѣйшемъ же ея ростѣ относительное положеніе самостоятельнаго земледѣльца ухудшалось бы: при успѣшности труда, выражаемой цифрой 5, наемный рабочій имѣлъ бы въ видѣ заработной платы $3\times5=15$ единицъ продукта; самостоятельный же хозяинъ всего $4+2\times5=14$ единицъ. При возвышеніи производительности до 6, первый будетъ потреблять $3\times6=18$ единицъ, второй $4+2\times6=16$ единицъ, и т. д.

Таково было бы положеніе вещей въ случаѣ неподвижности

мелкаго земледѣлія съ одной стороны и неограниченнаго роста производительности капиталистическаго сельскаго хозяйства съ другой. Но такъ какъ въ дѣйствительности подобныя отношенія не наблюдаются; такъ какъ, во-1-хъ, мелкое земледѣльческое хозяйство способно почти къ такому же развитію, какъ и крупное; во-2-хъ, возвышеніе сельскаго хозяйства заключается въ его интензированіи, а стоимость продукта интензированнаго земледѣлія скорѣе повышается, нежели понижается, то отнесеніе капиталистической обрабатывающей и земледѣльческой промышленности въ одну прогрессирующую группу, противуставляемую неподвижной группѣ мелкаго хозяйства, не можетъ быть признано правильнымъ, и скорѣе въ этомъ отношеніи слѣдуетъ капиталистическую обрабатывающую промышленность противуставлять земледѣльческой—мелкой и крупной. Поступимъ же такимъ образомъ и дадимъ крупному земледѣлію maximum того, на что оно можетъ претендовать, т.-е. допустимъ, что оно въ $1^1/_2$ раза производительнѣе мелкаго. Примемъ затѣмъ, что мелкій земледѣлецъ поднялъ успѣшность своего производства на $33^0/_0$, т.-е., что изъ производимой имъ стоимости онъ затрачиваетъ 3 мѣсяца на свое продовольствіе, а 3 мѣсяца выноситъ на рынокъ въ обмѣнъ на другіе продукты, которые при высотѣ капиталистической техники, выражаемой цифрою 4, онъ получитъ въ размѣрѣ 12 единицъ и въ совокупности съ продовольствіемъ, будетъ потреблять всего 16 единицъ продукта. Въ это время наемный земледѣльческій рабочій, получающій заработную плату стоимостью въ 3 мѣсяца труда, употребляетъ на продовольствіе стоимость 2 мѣс. (въ этой странѣ, по нашему предположенію, земледѣльческій трудъ въ $1^1/_2$ раза успѣшнѣе, а хлѣбъ въ $1^1/_2$ раза дешевле, нежели въ первой), и на всѣ прочія нужды имѣетъ только 1 мѣсяцъ, т.-е. втрое меньше мелкаго земледѣльца. При той же производительности труда въ обрабатывающей промышленности (4) матеріальное содержаніе дохода наемнаго рабочаго будетъ составлять 8 единицъ—половину того, что имѣетъ мелкій самостоятельный хозяинъ. Если наемный земледѣльческій рабочій предпочтетъ нѣсколько хуже питаться, но зато лучше одѣваться и раздѣлитъ свои расходы поровну между продовольствіемъ и другими предметами потребленія, то, по причинѣ большей дешевизны этихъ послѣд-

нихъ, его потребительное богатство нѣсколько увеличится; стоимость $1^1/_2$ мѣсяца, затраченная на продовольствіе, дастъ ему 3 единицы продукта, а такая же сумма, издержанная на остальные предметы, принесетъ ему 6 единицъ; въ суммѣ онъ будетъ потреблять 9 единицъ продукта, въ то время, какъ мелкій самостоятельный земледѣлецъ, при томъ же расходѣ труда, имѣетъ для своего потребленія 16 единицъ. Дабы благосостояніе наемнаго рабочаго достигло того уровня, на какомъ оно находилось до начала капитализаціи промышленности, когда оно измѣрялось 12 единицами продукта, производительность фабрично-заводскаго труда должна увеличиться до 6 (продовольствіе рабочаго будетъ тогда 3 един., а прочіе предметы потребленія $1^1/_2 \times 6 = 9$). Въ это время мелкій самостоятельный хозяинъ будетъ потреблять $4 + 3 \times 6 = 22$ единицы продукта, т.-е. почти вдвое больше.

Послѣ всего сказаннаго относительно вліянія капитализаціи промышленности на благосостояніе сельскаго населенія становится вполнѣ понятнымъ стремленіе послѣдняго въ капиталистическихъ странахъ въ города и жалобы крупныхъ хозяевъ на отсутствіе надежныхъ рабочихъ,—затрудненіе, почти неизвѣстное капиталистической обработывающей промышленности. Если добываніе человѣкомъ средствъ существованія ограничено періодомъ времени въ $^1/_2 - ^2/_3$ года, тогда какъ нормальнымъ рабочимъ сезономъ является полный годъ, то всякое сокращеніе рабочаго времени, понижающее и безъ того скудные его доходы, грозитъ ему чувствительными потерями. Между тѣмъ такое сокращеніе явится неизбѣжнымъ результатомъ скученія населенія, и для предупрежденія послѣдняго необходимо весь приростъ населенія, а при незаконченномъ еще процессѣ капитализаціи промысловъ и часть основного его фонда отправлять въ городъ. Если же при этомъ человѣкъ добываетъ средства существованія наемнымъ трудомъ, получая въ вознагражденіе лишь половину производимой имъ стоимости, то онъ обреченъ на низшую степень благосостоянія, возможную для трудящагося въ данной странѣ, и неудивительно, если съ такой долей примиряются отбросы рабочаго класса, а лучшіе его члены принимаются за такія занятія, хотя бы по найму, которыя продолжаются цѣлый годъ и гдѣ достающаяся имъ половина произведенной стоимости, а, слѣдовательно, и право на

часть національнаго продукта годового производства, равняется не 3—4 мѣсяцамъ, а полугоду. Такія занятія они могутъ найти въ обработывающей промышленности и потому стремятся переселиться изъ деревень въ города.

IV.

Мы разсмотрѣли возможныя послѣдствія для народнаго благосостоянія капитализаціи національной промышленности при различныхъ условіяхъ ея развитія. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ отражается тоже экономическое явленіе на національномъ богатствѣ; слѣдуетъ-ли ожидать при этомъ непремѣннаго возрастанія послѣдняго или, при различныхъ условіяхъ, капитализація промышленности будетъ имѣть въ этомъ отношеніи весьма несходные результаты.

Мы знаемъ, что, по причинѣ отдѣленія обработывающей промышленности отъ земледѣльческой и зависимости этой послѣдней отъ естественныхъ условій страны, результатомъ капитализаціи промышленности является вынужденное бездѣйствіе, въ теченіи большаго или меньшаго періода времени, земледѣльческаго населенія, вынужденная растрата большаго или меньшаго количества производительныхъ силъ общества. Размѣръ этой непроизводительной траты рабочаго времени зависитъ отъ двухъ условій: отъ продолжительности мертваго сельскохозяйственнаго періода и отъ степени земледѣльческаго характера національной промышленности. Чѣмъ длиннѣе, по географическитъ условіямъ мѣстности, земледѣльческій сезонъ, тѣмъ меньшую часть года земледѣлецъ находится въ бездѣйствіи, и наоборотъ, при болѣе короткомъ періодѣ сельско хозяйственныхъ работъ, крестьянинъ несетъ большую потерю времени на вынужденное бездѣйствіе въ теченіи мертваго сезона. Общая сумма теряемаго такимъ образомъ національнаго труда зависитъ отъ того, какая часть населенія занимается земледѣліемъ. Такъ, предполагая, что земледѣльческій сезонъ продолжается полгода, вслѣдствіе чего каждый сельскохозяйственный рабочій (за исключеніемъ небольшой ихъ части, нужной для ухода за скотомъ и надзора за строеніями) при полномъ господствѣ въ обработывающей промышленности капитали-

стическаго начала, полъгода будетъ проводить въ праздности, и беря взаимныя отношенія промышленнаго и земледѣльческаго рабочаго населенія, приближающіеся къ тѣмъ, которыя существуютъ въ Англіи, Германіи, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и Россіи, т.-е., предполагая, что промышленное населеніе относится къ земледѣльческому въ одномъ случаѣ, какъ 3 : 1, въ другомъ какъ 1 : 1, затѣмъ какъ 1 : 2 и наконецъ какъ 1 : 9, будемъ имѣть, что въ Англіи $^1/_4$ часть населенія бездѣйствуетъ въ теченіи полугода, т.-е. общая потеря національнаго труда составляетъ $^1/_8$ (12,5%) всего потенціальнаго рабочаго времени трудящагося населенія; въ Германіи, гдѣ въ теченіи полугода бездѣйствуетъ $^1/_2$ населенія, національная потеря трудовой силы равняется 25%, въ Америкѣ, при вынужденной праздности $^2/_3$ населенія, растрата трудовой силы достигаетъ 33% и, наконецъ, въ Россіи, бездѣйствіе въ теченіи полугода $^9/_{10}$ населенія имѣло бы слѣдствіемъ потерю $\frac{4,5}{10}$ или 45% общей массы національнаго труда.

Такимъ образомъ капитализація промышленности неизбѣжно ведетъ къ растратѣ производительныхъ силъ общества, и тѣмъ большей, чѣмъ болѣе нація сохраняетъ земледѣльческій характеръ. При нашемъ условіи, что земледѣльческій сезонъ продолжается $^1/_2$ года, національная потеря труда составляетъ половину потенціальнаго времени земледѣльческаго класса; такъ, въ Англіи, гдѣ сельскимъ хозяйствомъ занимается 25% рабочаго населенія, растрата національнаго труда измѣряется $12^1/_2$%, въ Германіи—при 50% земледѣльческаго населенія, потеря рабочей силы равняется 25%, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ—при 66% сельскихъ жителей,—33% и въ Россіи, гдѣ земледѣльческій классъ составляетъ 90% населенія, растрата труда достигаетъ (т.-е. достигла бы при завершеніи капитализаціи національной промышленности) громадной цифры 45%. Если земледѣльческій сезонъ продолжается 8 мѣсяцевъ, то потеря рабочей силы отъ вынужденнаго бездѣйствія составляетъ третью часть потенціальнаго рабочаго времени земледѣльческаго класса, т.-е. въ нашихъ примѣрахъ: 8, 33,% 16,66%, 22% и 30%. При болѣе короткомъ земледѣльческомъ сезонѣ растрата времени возрастаетъ. Беря полосы Россіи съ различной продолжительностью

земледѣльческаго сезона: сѣверную—4 мѣсяца, среднюю—6 мѣс. и южную—8 мѣс. [1]), и предполагая полную капитализацію обрабатывающей промышленности и одинаковое во всѣхъ полосахъ распредѣленіе рабочаго населенія между фабрично-заводской и земледѣльческой промышленностью въ отношеніи 1 : 9, будемъ имѣть потерю національнаго труда въ размѣрѣ 66,7%, 45% и 30% потенціальнаго труда рабочаго населенія соотвѣтствующихъ районовъ.

Итакъ, при взятыхъ нами условіяхъ задачи — т.-е. при 6-ти-мѣсячной продолжительности земледѣльческаго сезона, полной капитализаціи обрабатывающей промышленности и распредѣленіи рабочихъ между фабрично-заводской и сельскохозяйственной областями труда въ вышеуказанныхъ отношеніяхъ—на 100 единицъ рабочаго времени, занятаго производительно, приходится растрачиваемаго рабочаго времени единицъ: въ Англіи 14,3, въ Германіи 33,3, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ 50 и въ Россіи 82. Это значитъ, что если бы оказалось возможнымъ дать земледѣльческимъ рабочимъ, въ теченіи мертваго сельскохозяйственнаго сезона, какое - либо занятіе, въ такомъ случаѣ при одномъ и томъ же контингентѣ рабочихъ, стоимостеобразовательная сила страны увеличилась бы, сравнительно съ силами, развиваемыми капитализмомъ, при полномъ его расцвѣтѣ: въ Англіи на $^1/_7$, въ Германіи на $^1/_3$, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ—на половину и въ Россіи больше, чѣмъ на $^4/_5$.

Связывая производительный трудъ, превращая живую человѣческую силу въ мертвую и этимъ ограничивая производительность страны, другимъ своимъ вліяніемъ — возвышеніемъ успѣшности труда, занятаго въ крупныхъ предпріятіяхъ—капитализмъ развиваетъ эту производительность, и окончательный экономическій результатъ образованія новой формы промышленности въ данной странѣ будетъ зависѣть отъ того, какая изъ двухъ взаимно-противоположныхъ тенденцій и въ какой именно степени

[1]) Изъ свѣдѣній, собранныхъ Д-омъ земледѣлія и сельско хозяйственной промышленности, видно, что періодъ полевыхъ работъ продолжается въ южной степной полосѣ 6,5—7 мѣсяцевъ, въ среднихъ и сѣверныхъ черноземныхъ губерніяхъ 5—6 мѣс., въ среднихъ нечерноземныхъ губерніяхъ 4,5—5 мѣс. и сѣверныхъ нечерноземныхъ 4—4,5 мѣсяцевъ (Е. Андреевъ, Кустарная промышленность въ Россіи, с. 32).

получитъ перевѣсъ. Такъ, предполагая что крупная организація охватила всѣ сферы промышленности,—для сохраненія прежней общей производительности страны, достаточно, если вмѣстѣ съ тѣмъ успѣшность труда повысится въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ отношенію связаннаго труда къ дѣйствующему, а именно: въ Англіи на 14,3%, въ Германіи на 33,3%, въ Америкѣ на 50%, въ Россіи на 82%. Если же крупная организація не коснулась земледѣльческой промышленности, или, если считать правильнымъ, что крупное земледѣліе не отличается рѣзко отъ мелкаго въ отношеніи производительности труда, то пополненіе недобора въ продуктахъ, происходящее отъ вынужденной бездѣятельности въ зимнее время земледѣльческихъ рабочихъ ложится всецѣло на обрабатывающую промышленность. Чтобы судить о томъ, въ какихъ размѣрахъ должно быть сдѣлано соотвѣтствующее указанному недобору возвышеніе производительности труда, занятаго въ этой промышленности, надлежитъ опредѣлить отношеніе, существующее между трудомъ связаннымъ и тѣмъ живымъ, который объединенъ капиталомъ. Въ странѣ, именующейся у насъ Англіей, гдѣ крупная организація (исключая земледѣлія) охватила 75% рабочаго населенія, а количество связаннаго труда выражается всего 12,5%, отношеніе между капитализованнымъ трудомъ (принимая его за 100) и связаннымъ = 100 : 16, и потому достаточно, чтобы производительность труда въ крупной промышленности превышала производительность труда мелкаго на 16%, и общая продукція страны останется неуменьшившейся. Въ нашей такъ называемой Германіи, гдѣ отношеніе живого, подчиненнаго капиталу, труда къ связанному = 100 : 50, капиталистическая организація обрабатывающей промышленности не будетъ сопровождаться сокращеніемъ національнаго богатства при условіи возвышенія производительности капитализованнаго труда на 50%. Въ Америкѣ для этого требуется удвоеніе производительности капиталистическаго труда, сравнительно съ трудомъ мелкаго производителя; что же касается страны, фигурирующей подъ именемъ Россіи, гдѣ капитализація 100 единицъ труда достигается путемъ обращенія въ потенціальное состояніе 450 единицъ живой силы, здѣсь объединенный капиталомъ трудъ долженъ быть въ $5^1/_2$ разъ производительнѣе

связаннаго, для того, чтобы капитализація промышленности не имѣла слѣдствіемъ уменьшеніе національнаго богатства.

Сдѣланные разсчеты приведены съ цѣлью показать, какъ неодинаковы будутъ матеріальные результаты капитализаціи промышленности, при различныхъ условіяхъ ея осуществленія, и какъ нераціонально, при оцѣнкѣ возможнаго вліянія грядущаго капитализма въ одной странѣ, ссылаться на положительные его результаты въ другой, не производя тщательнаго анализа условій, при которыхъ развиваются обѣ страны. Какъ видитъ читатель, въ этомъ отношеніи нужно прежде всего не смѣшивать земледѣльческія и промышленныя націи. Если Англіи удалось свалить производство для нея зерна на другія области, благодаря чему капитализація ея промышленности сопровождалась потерей рабочей силы всего $12{,}5^0/_0$, (предполагая, что земледѣльческій сезонъ продолжается здѣсь $^1/_2$ года), то неудивительно, если капитализмъ далъ этой странѣ огромное возрастаніе національнаго богатства, если онъ поставилъ ее на высшую ступень матеріальнаго могущества. Въ Америкѣ капитализмъ связалъ до $^1/_3$ національнаго труда (въ дѣйствительности меньше, такъ какъ земледѣльческій сезонъ продолжается здѣсь болѣе полугода) и если она тѣмъ не менѣе процвѣтаетъ, то это благодаря, во-1-хъ, высокому тону, взятому здѣсь капитализмомъ (что, въ свою очередь, обусловливалось комбинаціей многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ), т.-е. огромному росту производительности объединеннаго капиталомъ труда; во-2-хъ, полной свободѣ для мелкаго земледѣльца занимать и культивировать безграничныя пространство покрытой дѣвственной почвой земли; въ-3-хъ, широкому примѣненію машинъ въ земледѣльческомъ производствѣ. Другая страна. характеризующаяся такимъ же распредѣленіемъ производительныхъсилъ между земледѣліемъ и обработывающей промышленностью,—Ирландія—съ низкой производительностью земледѣльческаго труда, уже не можетъ быть считаема націей богатой. Еще менѣе надежды сдѣлаться богатой капиталистической націей имѣетъ Россія. Перестать быть земледѣльческой страной она не можетъ, потому что только область сельскаго хозяйства даетъ ей надежду успѣшно конкуррировать на международномъ рынкѣ съ другими странами-производительницами, участвовать въ международной промышленной организаціи въ

качествѣ экспортера. Поэтому-то лишь въ вывозѣ продуктовъ сельскохозяйственной дѣятельности Россія обнаруживаетъ успѣхи, сколько-нибудь соотвѣтствующіе ея положенію дистанціи изряднаго размѣра; вывозъ же предметовъ ея фабрично-заводской выдѣлки составляетъ ничтожную величину, и,—по условіямъ международной конкурренціи и образовавшагося на міровомъ рынкѣ раздѣленія труда,—нѣтъ ни малѣйшей надежды на сколько нибудь отвѣчающее ея производительнымъ силамъ возрастаніе этого вывоза. Правда, вывозъ нѣкоторыхъ заводскихъ продуктовъ у насъ растетъ весьма быстро, но это обстоятельство не можетъ оказать ни малѣйшаго вліянія на промышленный характеръ страны. Дѣйствительно, что выиграла Россія отъ того, что за послѣднее двѣнадцатилѣтіе вывозъ ея керосина увеличился въ 350 разъ и достигъ цифры 50 мил. пудовъ, когда количество рабочихъ, занятыхъ во всей нефтяной промышленности не превышаетъ 15—20 тыс. человѣкъ? А вѣдь успѣхи международной торговли русскимъ керосиномъ представляютъ нѣчто исключительное въ исторіи нашей внѣшней торговли продуктами фабрично-заводской выдѣлки! Такимъ образомъ, насколько будущее доступно предвидѣнію, въ международномъ обмѣнѣ Россія будетъ участвовать въ качествѣ земледѣльческой страны; земледѣльческій классъ будетъ составлять основу ея рабочаго населенія; обработывающая промышленность будетъ работать наиглавнѣйшимъ образомъ для удовлетворенія запроса земледѣльцевъ. При мѣновомъ хозяйствѣ запросъ къ рынку опредѣляется покупательными средствами спрашивающаго, а эти средства даются трудящемуся населенію затратой его рабочей силы. При господствѣ мелкаго производства земледѣлецъ работаетъ (въ полѣ или мастерской) круглый годъ; при успѣшномъ развитіи капиталистической промышленности, затрата его живой силы сокращается до $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$ года. Соотвѣтственно сказанному, запросъ земледѣльческаго населенія къ внутреннему рынку, съ развитіемъ капиталистической промышленности, сокращается до $^2/_3$—$^1/_3$ первоначаланаго размѣра, при чемъ большая половина этого спроса получитъ удовлетвореніе отъ земледѣлія же. Имѣя въ виду, что не весь продуктъ полугодоваго (въ среднемъ) труда останется въ рукахъ крестьянина, такъ какъ значительная его часть перейдетъ въ руки казны и частныхъ собственниковъ земли, обра-

ботываемой имъ въ качествѣ съемщика или наемнаго рабочаго; что добрую половину своего чистаго дохода крестьянинъ употребитъ на продовольствіе (расходъ на продовольствіе фабричнаго, т.-е. рабочаго класса образуетъ около половины его бюджета), производствомъ котораго занимается не фабричное населеніе, а земледѣльческое; что изъ другой половины дохода,—составляющей, вѣроятно, уже не больше продукта 2—3-хъ-мѣсячнаго труда,—которую онъ назначитъ на пріобрѣтеніе предметовъ фабрично-заводской выдѣлки—часть будетъ затрачена на иностранные фабрикаты, кои мы должны брать въ обмѣнъ за вывозимый изъ Россіи хлѣбъ; соображая все вышеизложенное, мы согласимся съ тѣмъ, что потребуется очень небольшой контингентъ рабочихъ, для того, чтобы удовлетворить запросъ массы народа на продукты фабрично-заводской выдѣлки. Попробуемъ дать не совершенно нелѣпую цифру этого контингента.

По одному изъ новѣйшихъ статистическихъ изданій [1]), въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи имѣется 15.547 тыс. взрослыхъ мужчинъ крестьянскаго сословія; изъ нихъ для обработки всей засѣваемой нынѣ площади земли необходимо 13,482 т. чел., а 2.075 т. или 13,3% являются излишними для хлѣбопашества и могутъ быть обращены на другія отрасли промышленности. По даннымъ того же источника, въ фабрично-заводской промышленности занято 863,4 тыс. взрослыхъ мужчинъ; присоединяя сюда около 160 тыс. человѣкъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ—будемъ имѣть около 1.020 тыс. человѣкъ рабочихъ, объединенныхъ капиталомъ, что составитъ $^1/_{13}$ часть земледѣльческаго мужского населенія страны. Но земледѣльцы отдаются не только хозяйству, а и промысламъ, не совершенно еще изъятымъ изъ ихъ рукъ капиталомъ. Можно даже сказать, что съ утратою однихъ промышленныхъ занятій, земледѣлецъ изобрѣтаетъ другія и потому, вѣроятно, никогда не лишится совершенно подсобныхъ промысловъ. Но это уже касается сферы некапиталистической эволюціи промышленности, которой многіе наши писатели не придаютъ серьезнаго значенія. Что же касается собственно капиталистиче-

[1]) Сводъ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи, изд. Канцеляріи Комитета Министровъ.

скаго развитія нашей промышленности—результатомъ его успѣховъ должно быть постепенное прекращеніе и, наконецъ, полное уничтоженіе подсобныхъ къ земледѣлію занятій и ограниченіе рабочаго времени сельскаго населенія земледѣльческимъ сезономъ. Таковъ идеалъ товарной экономической организаціи, создаваемой капиталомъ, и остается только подсчитать вѣроятные результаты его осуществленія въ нашей странѣ.

Мы видѣли, что въ настоящее время рабочіе-мужчины въ крупныхъ предпріятіяхъ составляютъ $^1/_{13}$ часть рабочаго земледѣльческаго населенія. Какъ возрастетъ эта доля въ случаѣ полной капитализаціи обработывающей промышленности? Возрастетъ-ли она вдвое? А это значитъ: потеряло-ли уже земледѣльческое населеніе половину подсобныхъ промысловъ и теперь ожидаетъ рѣшенія судьбы остальной половины ихъ? Можетъ быть, и такъ, судя, напр., потому, какъ сократилось домашнее и кустарное ткачество, извозъ, бурлачество! Допустимъ, что это такъ и примемъ, что, съ уничтоженіемъ другой половины крестьянскихъ промысловъ, доля фабрично-заводскаго рабочаго населенія удвоится. Это вовсе не скупо, принимая во вниманіе постоянно растущую производительность объединяемаго капиталомъ труда. Такимъ образомъ, при совершенномъ выполненіи своей миссіи капиталистическая заводско-фабричная промышленность въ Россіи будетъ занимать $^1/_{6,5}$ часть ($13,33^0/_0$) того числа рукъ, какое занято земледѣліемъ, т.-е. $86,66^0/_0$ населенія останется при землѣ и будетъ бездѣйствовать въ теченіи полугода, а это значитъ, что $43,33^0/_0$ живой рабочей силы страны перейдетъ въ связанное состояніе. Взамѣнъ этого, $13,33^0/_0$ рабочихъ будутъ подчинены капиталистической организаціи, и происходящимъ оттого возвышеніемъ производительности труда должны быть пополнены недочеты національной продукціи. Такъ какъ количество связаннаго труда въ $3^1/_4$ раза превышаетъ количество труда, подчиняющагося капиталу, то для пополненія этого недочета производительность послѣдняго должна быть въ $4^1/_4$ раза выше производительности ремесленнаго труда.

Итакъ, увеличеніе производительности труда, какъ результатъ развитія крупной организаціи промышленности въ капиталистической ея формѣ, не можетъ быть считаемо въ полной мѣрѣ

выигрышемъ для страны, а предполагаемое при этомъ приращеніе національнаго богатства никоимъ образомъ не осуществится въ дѣйствительности въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно опредѣляется по простому ариѳметическому подсчету. Нѣкоторая доля этой возросшей производительности, — и тѣмъ большая, чѣмъ менѣе страна утрачиваетъ земледѣльческій характеръ, — пойдетъ на восполненіе недочета въ національной продукціи, происходящаго отъ связыванія живой человѣческой силы. Если бы всѣ общества были изолированы другъ отъ друга, то размѣръ растраты національнаго труда въ каждомъ изъ нихъ опредѣлялся бы внутренними условіями ихъ развитія. Но такъ какъ культурное развитіе цивилизованныхъ націй принимаетъ общечеловѣческій характеръ, въ частности, экономическія отношенія обращаются въ международныя. причемъ на этой новой почвѣ, какъ и внутри страны, они складываются подъ дѣйствіемъ духа индивидуализма и соперничества, то отдѣльнымъ націямъ открывается возможность перенести часть связываемой капитализаціей ихъ промышленности силы къ своимъ контрагентамъ, возложить на этихъ послѣднихъ отвѣтственность за недочеты міровой продукціи, являющіеся результатомъ капиталистическаго направленія экономической эволюціи. Этого они достигаютъ, беря на себя трудъ производства для международнаго рынка предметовъ фабрично-заводской выдѣлки, и предоставляя другимъ снабжать этотъ рынокъ и ихъ самихъ продуктами сельскаго хозяйства. Благодаря такому раздѣленію труда, часть земледѣльческаго населенія этихъ промышленныхъ странъ, вмѣсто того, чтобы оставаться на полугодовомъ трудѣ при сельскомъ хозяйствѣ, обращаются въ разрядъ фабрично-заводскихъ рабочихъ и производятъ издѣлія для тѣхъ странъ, на которыя возлагается добываніе хлѣба и сырья. Въ этомъ случаѣ связываніе труда, вслѣдствіе капитализаціи промышленности въ странѣ А, совершается въ странѣ В, которая такимъ образомъ и беретъ на себя потери, проистекающія отъ капитализаціи промышленности какъ у себя, такъ и у своихъ сосѣдей. То или иное раздѣленіе участвующихъ въ международномъ обмѣнѣ націй на земледѣльческія и промышленныя, зависитъ отъ многихъ условій, изъ числа коихъ мы укажемъ на два: земельныя и земледѣльческія отношенія и высота общаго культурнаго развитія.

Въ плодородныхъ, только что колонизуемыхъ мѣстностяхъ, производство сырья, хотя бы въ обмѣнъ на чужіе фабрикаты, представляется выгоднымъ, потому что производство ведется здѣсь выходцами съ истощенныхъ земель старыхъ промышленныхъ странъ, вооруженными притомъ производительными средствами, созданными высокимъ развитіемъ культуры. Въ этомъ случаѣ капитализующаяся страна выселяетъ часть своихъ рабочихъ съ полусвязанной силой на новыя земли, гдѣ, благодаря естественнымъ богатствамъ—даже оставаясь въ полусвязанномъ состояніи—сила этихъ рабочихъ даетъ происхожденіе массѣ продуктовъ, значительно превышающей эквивалентное имъ количество предметовъ земледѣльческаго производства въ метрополіи. Такъ какъ подобныя мѣстности заселяются наиболѣе энергичнымъ элементомъ старыхъ націй, приносящимъ съ собой готовую культуру, являющуюся передовой культурой цивилизованнаго міра и находящимъ на новой землѣ наиболѣе благопріятныя условія, для свободнаго національнаго развитія, то,—хотя и являясь на свѣтъ божій нѣсколько подчиненными чужой странѣ,—вновь образующіяся націи въ то же время становятся въ число передовыхъ бойцевъ цивилизаціи и пріобрѣтаютъ возможность пользоваться всѣми доступными въ данный моментъ средствами для облегченія неудобствъ, проистекающихъ изъ ихъ положенія въ международной торговлѣ въ качествѣ земледѣльческой стороны, а также выступить на борьбу за освобожденіе себя отъ обязательства нести отвѣтственность за грѣхи нетолько своего, но и чужого капитализма.

Въ иномъ положеніи находятся страны, вынужденныя на земледѣльческую международную роль своей культурной отсталостью. Благодаря и своей отсталости, и своему земледѣльческому характеру, эти страны постоянно будутъ находиться въ хвостѣ народовъ съ опредѣлившимся характеромъ цивилизаціи. Пока передовыя націи міра не пришли къ предѣлу развитія, до тѣхъ поръ на всякій шагъ отставшихъ націй по направленію къ сближенію съ ними, онѣ отвѣтятъ новымъ шагомъ впередъ, отчего разстояніе между ними не испытаетъ значительнаго сокращенія. Поэтому, борьба за освобожденіе отъ служенія чужому капитализму, на почвѣ обычныхъ пріемовъ этого послѣдняго, будетъ въ такихъ странахъ оканчиваться неудачно. Для избавленія отъ

вредныхъ послѣдствій, являющихся результатомъ преимущественно земледѣльческаго характера промышленности, этимъ націямъ надлежитъ разорвать съ принципами, на которыхъ покоятся капиталистическія отношенія, и обратиться къ развитію народной формы производства, допускающей сохраненіе связи промысла съ сельскимъ хозяйствомъ.

V.

Растрата національнаго труда при капиталистической организаціи промышленности не ограничивается вышесказаннымъ. Тамъ мы имѣли дѣло съ minimum'омъ этой растраты въ случаяхъ, когда промышленно-развитая нація не съумѣла сложить на другія страны-производительницы отвѣтственность за развитіе у себя капиталистическихъ отношеній. Эта растрата обусловливается, какъ мы видѣли, естественно-географической обстановкой земледѣльческой промышленности; она существуетъ несмотря на то, что каждый членъ общества пристроенъ къ производительному занятію и отдаетъ ему все возможное рабочее время, т.-е. что фабрично-заводскій рабочій трудится круглый годъ, а земледѣльческій—въ теченіе всего сельскохозяйственнаго сезона. Но капиталистическія страны имѣютъ новый источникъ растраты національныхъ производительныхъ силъ, уже чисто-соціальнаго характера.

Въ обществахъ съ народной организаціей промышленности каждый человѣкъ расходуетъ свою рабочую силу въ размѣрахъ имѣющихся у него потребностей; и потому все количество произведенныхъ продуктовъ пойдетъ на потребленіе населенія. Предполагая, напримѣръ, что земледѣльческій сезонъ продолжается круглый годъ, и что для продовольствія человѣка достаточенъ продуктъ трехмѣсячнаго труда, вслѣдствіе чего одинъ земледѣлецъ можетъ приготовить предметы продовольствія для 4 человѣкъ, будемъ имѣть, что въ данномъ обществѣ земледѣліемъ (вѣрнѣе, производствомъ продовольствія) занимается $25^0/_0$, а прочими промыслами—$75^0/_0$ населенія. Если, по существующимъ потребностямъ, расходъ на продовольствіе составляетъ $^1/_4$ часть общаго расхода, то каждый будетъ трудиться круглый годъ и все произведенное обратитъ, непосредственно или путемъ обмѣна, на соб-

ственное потребленіе. Земледѣльцы ($25^0/_0$ населенія) затратятъ на свое продовольствіе $^1/_4$ произведеннаго ими продукта, т.-е. $6^1/_4{}^0/_0$ общей стоимости національнаго продукта, а пустятъ въ продажу $18^3/_4{}^0/_0$. Прочіе рабочіе по тому же разсчету затратятъ на пріобрѣтеніе продовольствія $^{75}/_4{}^0/_0 = 18^3/_4{}^0/_0$ общей стоимости національнаго продукта, а на другіе предметы потребленія $56^1/_4{}^0/_0$. Такимъ образомъ, весь запросъ рынка выразится спросомъ на продовольствіе въ размѣрѣ: со стороны земледѣльцевъ $6^1/_4{}^0/_0$, со стороны прочихъ рабочихъ $18^3/_4{}^0/_0$ общей стоимости національнаго продукта, въ суммѣ, въ томъ самомъ размѣрѣ ($25^0/_0$), въ какомъ этотъ предметъ производится; спросъ на прочіе предметы потребленія будетъ: $18^3/_4{}^0/_0$ со стороны земледѣльцевъ и $56^1/_4{}^0/_0$ со стороны остальныхъ рабочихъ, въ суммѣ—$75^0/_0$, что соотвѣтствуетъ произведенной стоимости этихъ предметовъ. Тотъ же результатъ получился бы и тогда, когда земледѣльческій сезонъ продолжается $^1/_2$ года. Въ обоихъ случаяхъ все количество произведеннаго страной продукта нашло бы себѣ потребителей, причемъ извѣстная часть продукта годового труда, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ духовными потребностями производительнаго класса, была бы изъята изъ потребленія непосредственныхъ производителей и пошла на содержаніе непроизводительнаго населенія: врачей, учителей, судей и т. д.

Иначе слагается дѣло въ обществахъ капиталистическихъ. Та или другая масса предметовъ, производимыхъ здѣсь рабочимъ населеніемъ, не находится въ зависимости отъ потребностей послѣдняго и не пойдетъ цѣликомъ на ихъ удовлетвореніе. Такимъ образомъ, не весь продуктъ годового производства найдетъ себѣ помѣщеніе среди производителей; часть его, и притомъ независимая отъ какихъ-либо соображеній о духовныхъ нуждахъ общества,—требующихъ для ихъ удовлетворенія опредѣленной затраты матеріальныхъ средствъ—должна искать помѣщенія внѣ трудящагося населенія. А это значитъ, что кромѣ предметовъ потребленія необходимаго, какъ въ первомъ случаѣ,—необходимаго въ смыслѣ неизбѣжности, потому что и произведены-то они для удовлетворенія строго опредѣленныхъ потребностей,—въ капиталистическихъ обществахъ существуютъ еще предметы потребленія случайнаго, не связаннаго съ ихъ производствомъ и потому могу-

щаго и не оказаться въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ массѣ произведеннаго товара, а въ такомъ случаѣ слѣдуетъ ожидать сокращенія самаго производства, т.-е. ограниченія затраты національнаго труда. Чтобы судить о томъ, въ какихъ размѣрахъ можетъ происходить это ограниченіе, сдѣлаемъ примѣрные разсчеты.

Возьмемъ общество, гдѣ земледѣльческій сезонъ продолжается $^1/_2$ года, форма земледѣльческаго производства народная, а обрабатывающей промышленности—капиталистическая. Пусть норма прибавочной стоимости $100^0/_0$ (что до извѣстной степени соотвѣтствуетъ дѣйствительности), т.-е. заработная плата наемнаго рабочаго равняется половинѣ прибавляемой имъ къ національному продукту стоимости, и предположимъ, что трудящійся человѣкъ,—какъ это имѣетъ мѣсто среди фабрично-заводскихъ рабочихъ въ Западной Европѣ,—половину своего вознагражденія расходуетъ на продовольствіе, а другую — на удовлетвореніе остальныхъ матеріальныхъ нуждъ.

Земледѣльческое населеніе работаетъ $^1/_2$ года и весь добытый продуктъ обращаетъ на свое потребленіе, фабричный рабочій получаетъ заработную плату также въ размѣрѣ стоимости продукта полугодового труда. Оба они половину своего дохода тратятъ на продовольствіе, а половину—на другіе предметы потребленія. При такихъ условіяхъ задачи, земледѣльческое населеніе должно составлять $50^0/_0$, фабрично-заводское столько же. Если бы все населеніе работало круглый годъ, то общая, произведенная имъ, стоимость могла бы составлять $100^0/_0$ имѣющейся въ распоряженіи общества стоимосте—образовательной силы (рабочаго времени); но такъ какъ $50^0/_0$ земледѣльческаго населенія (при полугодовомъ земледѣльческомъ сезонѣ) производитъ всего $25^0/_0$ стоимости, то сумма всей произведенной стоимости выразится $75^0/_0$, а $25^0/_0$ національнаго труда растрачивается непроизводительно. Въ какомъ отношеніи къ произведенному рабочими продукту будетъ находиться продуктъ, ими потребляемый?

Земледѣльческое населеніе производитъ стоимость въ $25^0/_0$, половину коей, согласно одному изъ условій задачи, обратитъ на собственное потребленіе, а другую вынесетъ на рынокъ для обмѣна на предметы обрабатывающей промышленности. Фабрично-

заводскіе рабочіе произведутъ стоимость въ 50%, изъ которой 25% получатъ въ свою пользу и раздѣлятъ ее поровну между предметами продовольствія, имѣющими быть полученными отъ земледѣльцевъ въ обмѣнъ на нужные имъ продукты, и предметами фабрично-заводской выдѣлки. Такимъ образомъ, изъ 75% стоимости національнаго продукта трудящимися будетъ потреблено 50% или $^2/_3$, третья же часть не найдетъ себѣ помѣщенія на рабочемъ рынкѣ, она должна быть потреблена непроизводительными классами. Если послѣдніе, при данномъ распредѣленіи богатствъ, могутъ потребить свою общую долю — въ такомъ случаѣ національное производство будетъ идти не прерываясь и новая растрата національнаго труда не будетъ имѣть мѣста. Если же, по причинѣ неравномѣрнаго распредѣленія богатства между непроизводительными классами и т. п., часть ихъ общей доли останется непотребленной, то слѣдуетъ ожидать сокращенія производства, т.-е. ограниченія производительнаго использованія національнаго труда. Это значитъ, что, при указанныхъ условіяхъ, вовсе и не будетъ произведена та масса предметовъ, которую мы только что подсчитали; что производительная затрата труда не достигнетъ предположенныхъ нами размѣровъ.

Дѣйствительно, если въ своей гипотетической организаціи національнаго производства мы будемъ исходить изъ опредѣлившихся требованій рынка, въ такомъ случаѣ, мы найдемъ производительное занятіе далеко не для всего населенія. Такъ, каждый земледѣлецъ, какъ мы знаемъ, продуктъ 3-хъ-мѣсячнаго своего труда будетъ потреблять самъ, и столько же вынесетъ на рынокъ для обмѣна на прочіе предметы потребленія. Эти прочіе предметы производятся капиталистическими предпріятіями, работающими въ теченіи цѣлаго года; а это значитъ, что, для удовлетворенія запроса одного крестьянина на предметы обработывающей промышленности (запроса, выражаемаго 3 мѣсяцами труда), достаточно затраты труда одного фабричнаго рабочаго въ теченіи $^1/_4$ года (3 мѣсяцевъ), т.-е., что одинъ такой рабочій приготовитъ массу предметовъ, удовлетворяющую спросъ на продукты обработывающей промышленности со стороны четырехъ земледѣльцевъ. Этотъ фабричный рабочій, получая въ видѣ заработной платы продуктъ полугодового труда, въ свою очередь представитъ спросъ

на предметы обработывающей промышленности въ такомъ размѣрѣ, для удовлетворенія котораго требуется работа человѣка въ теченіи $^1/_4$ года (3 мѣсяцевъ). Въ итогѣ оказывается, что 4 земледѣльца предъявляютъ запросъ на продукты обработывающей промышленности въ размѣрѣ годового труда одного фабричнаго рабочаго, для котораго опять требуется трата промышленнаго труда въ теченіи $^1/_4$ года. Сказаннымъ опредѣляется слѣдующая организація промышленныхъ силъ страны, удовлетворяющая запросъ на предметы потребленія со стороны трудящейся части населенія: изъ $5^1/_4$ работающихъ должно быть 4 земледѣльца и $1^1/_4$ фабричныхъ или (приводя къ цѣлому числу)—изъ 21 человѣка—16 земледѣльцевъ и 5 фабричныхъ, т.-е. земледѣльческое рабочее населеніе должно составлять $75^0/_0$, а фабрично-заводское—$25^0/_0$. Иначе говоря, для удовлетворенія спроса на продукты обработывающей промышленности со стороны земледѣльческаго населенія, работающаго въ теченіе полугода, въ томъ случаѣ, когда остальные промыслы подверглись полной капитализаціи—достаточно затраты третьей части количества рабочихъ силъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Такое распредѣленіе промышленныхъ силъ было бы осуществлено въ случаѣ, если бы земледѣльцы могли сбыть весь производимый ими продуктъ, ибо, только продавъ свой товаръ, они могутъ купить чужой. И такъ какъ количество добываемаго 15 земледѣльцами продовольствія достаточно для прокормленія 30 человѣкъ, изъ коихъ 15 приходится на долю самихъ земледѣльцевъ, то для продажи всего добытаго продовольствія,—кромѣ имѣющихся занятыхъ 5 фабричныхъ рабочихъ, требуется еще наличность 10 потребителей. Такимъ образомъ наша нормальная потребительная единица расширяется до 30 человѣкъ, изъ числа коихъ 15 человѣкъ, или $50^0/_0$, занимаются земледѣліемъ, 5 человѣкъ, или $16^2/_3{}^0/_0$ приготовляютъ для нихъ и для себя предметы обработывающей промышленности, а 10 человѣкъ, или $33^1/_3{}^0/_0$ всего населенія, должны состоять изъ непроизводительныхъ классовъ и изъ рабочихъ, занятыхъ производствомъ для нихъ и для себя предметовъ потребленія, не относящихся къ продовольствію, которое уже существуетъ готовымъ.

Если третій изъ перечисленныхъ отдѣловъ населенія, опредѣляемый существованіемъ непроизводительныхъ классовъ, заклю-

чаетъ въ себѣ $33^1/_3{}^0/_0$ всего населенія, то количество затрачиваемаго на него національнаго труда сравнительно значительно больше; вѣрнѣе говоря, количество національнаго труда, потребляемаго на содержаніе первыхъ двухъ, такъ сказать, абсолютно производительныхъ группъ населенія, относительно меньше. Дѣйствительно, $50^0/_0$ земледѣльческаго населенія, производя продовольствіе стоимостью въ $25^0/_0$, сами потребляютъ его въ размѣрѣ $12{,}5^0/_0$; $16^2/_3{}^0/_0$ фабричныхъ рабочихъ, производя (для себя и для земледѣльческаго класса) стоимость въ $16^2/_3{}^0/_0$, потребляютъ предметы продовольствія (въ размѣрѣ половины своей заработной платы, равняющейся, въ свою очередь, половинѣ произведенной ими стоимости) стоимостью въ $4^1/_6{}^0/_0$. Итого на содержаніе разсматриваемыхъ классовъ издержанъ національный трудъ въ размѣрѣ $12^1/_2 + 16^2/_3 + 4^1/_6 = 33^1/_3{}^0/_0$ всего потенціальнаго труда общества. Такъ какъ, за вычетомъ $25^0/_0$ рабочей силы,—растрачиваемой непроизводительно, по причинѣ уничтоженія подсобныхъ земледѣльческихъ занятій, производительное употребленіе могло бы быть найдено для $75^0/_0$ общаго количества имѣющагося національнаго труда, то на непроизводительные классы и рабочихъ, приготовляющихъ средства ихъ существованія, затрачивается $41^2/_3{}^0/_0$ $(75—33^1/_3)$ всей національной рабочей силы. Устраняя $25^0/_0$ рабочей силы, неизбѣжно теряемой при капиталистической организаціи промышленности, и имѣя дѣло только съ тѣмъ рабочимъ временемъ, какое можетъ быть при этомъ производительно утилизировано $(75^0/_0)$, окажется, что, при взятыхъ нами условіяхъ задачи, (самостоятельное крестьянское земледѣліе, полугодовой сельскохозяйственный сезонъ, капиталистическая обрабатывающая промышленность, норма прибавочной стоимости $100^0/_0$, распредѣленіе бюджета трудящагося населенія пополамъ между продовольствіемъ и остальными предметами потребленія) абсолютно производительная затрата національной трудовой силы составляетъ $44^0/_0$ имѣющагося въ распоряженіи націи запаса труда, а употребленіе $56^0/_0$ послѣдняго остается необезпеченнымъ.

VI.

Еще менѣе обезпечено производительное употребленіе всей

рабочей силы общества и болѣе вѣроятна безплодная растрата этой силы въ случаѣ, если все производство имѣетъ капиталистическую форму. Сдѣлаемъ же соотвѣтствующій расчетъ, оставляя старыя условія задачи, кромѣ формы земледѣльческаго производства, и предполагая, что, получая въ видѣ заработной платы, при нормѣ прибавочной стоимости въ 100%, стоимость въ 3 мѣсяца труда, — земледѣльческій рабочій распредѣлитъ ее между затратами на продовольствіе и на остальные предметы потребленія не поровну, какъ это дѣлаетъ съ своей 6-ти-мѣсячной заработной платой фабричный рабочій, а отдавая стоимость въ 2 мѣсяца на продовольствіе (какъ болѣе необходимый предметъ потребленія) и 1 мѣсяцъ — на прочіе предметы потребленія.

Каждый земледѣльческій рабочій, создавая продовольственныя средства стоимостью въ 6 мѣсяцевъ и самъ потребляя изъ нихъ 2 мѣс., продуктомъ остальныхъ 4 мѣсяцевъ можетъ прокормить еще $1^1/_3$ человѣка (питающихся лучше его), т.-е. для добыванія продовольствія для всего общества требуется, чтобы его земледѣльческое населеніе составляло 43%, а стоимость произведеннаго имъ продукта будетъ составлять 21,5% всего запаса стоимосте-образовательной силы.

Получая въ видѣ заработной платы половину произведенной стоимости (21,5), т.-е. 10,75% общей потенціальной національной стоимости, земледѣльческое населеніе $^2/_3$ ея употребитъ на продовольствіе, а $^1/_3$ или около 3,6% общей національной стоимости—на пріобрѣтеніе предметовъ фабрично-заводской выдѣлки, которою будетъ занято 3,6% населенія; а для этого послѣдняго будетъ приготовлять предметы потребленія (кромѣ продовольствія) 1% населенія. Такимъ образомъ, на производство продовольствія для всей страны и остальныхъ предметовъ потребленія для земледѣльцевъ и занятыхъ на нихъ рабочихъ, потребуется $43 + 3{,}6 + 1 = 47{,}6\%$ населенія страны. Остальные 52,4% должны принадлежать къ непроизводительнымъ классамъ и къ рабочимъ, приготовляющимъ для нихъ и для себя всѣ предметы потребленія, кромѣ продовольствія.

Затрата стоимосте-образовательной силы между обоими отдѣлами населенія распредѣлится такимъ образомъ. На производство продовольствія для земледѣльческаго населенія (43%), про-

изводящаго стоимость въ 21,5% общаго запаса національнаго рабочаго времени, и потребляющаго третью ея часть (каждый земледѣлецъ, вырабатывая продовольствіе стоимостью въ 6 мѣс., потребляетъ его на себя въ размѣрѣ стоимости 2 мѣс.), потребуется затрата 7,2% національнаго рабочаго времени. 4,6% фабричныхъ рабочихъ, производящихъ для земледѣльцевъ и для себя остальные предметы потребленія, потребуютъ продовольствія стоимостью въ 1,15% (половина заработной платы, составляющей половину произведенной стоимости). Въ итогѣ, на содержаніе всего земледѣльческаго населенія страны и рабочихъ, производящихъ для нихъ и для себя предметы фабрично-заводской выдѣлки, необходима затрата 7,2+4,6+1,15=13% общаго числа трудовыхъ единицъ, находящихся въ распоряженіи націи. Принимая во вниманіе, что необходимая растрата національнаго труда, являющаяся результатомъ отдѣленія обрабатывающей промышленности отъ земледѣльческой, опредѣляется въ 21,5% всего запаса общественной рабочей силы, а производительно утилизировано могло бы быть 78,5%, мы видимъ, что изъ всей этой возможной затраты пока найдено помѣщеніе для 13% всего запаса національнаго рабочаго времени, что составитъ 17% времени, могущаго быть утилизированнымъ производительно, а 83% этого времени остается на непроизводительное населеніе и на тотъ производительный (т.-е. затраченный на производство матеріальныхъ предметовъ) трудъ, который имѣетъ задачей производство для этого населенія предметовъ потребленія.

Читатель можетъ замѣтить, что разсмотрѣнное сокращеніе при капиталистической организаціи промышленности затраты стоимосте-образовательной силы на содержаніе земледѣльческаго населенія, добывающаго продовольствіе для всего общества, представляется выгоднымъ условіемъ, такъ какъ тѣмъ болѣе остается производительныхъ силъ для удовлетворенія требованій духовной культуры, для содержанія ученыхъ, художниковъ и т. д. Это соображеніе было бы справедливо, если бы, во-1-хъ, экономія въ расходованіи стоимосте-образовательной силы не была достигнута на счетъ благосостоянія населенія, путемъ лишенія одной половины его возможности въ теченіе полугода вовсе производительно прилагать трудъ, а другой—права употребить на себя

половину произведеннаго продукта; во-2-хъ, если бы вся съэкономизированная производительная сила находилась въ распоряженіи общества, которое давало бы ей назначеніе въ интересахъ общаго блага. При настоящихъ же условіяхъ, когда количество сбереженной стоимосте-образовательной силы прямо пропорціонально лишеніямъ, испытываемымъ трудящимся населеніемъ; когда эта сила накопляется въ рукахъ отдѣльныхъ индивидуумовъ въ размѣрахъ, не находящихся ни въ какомъ отношеніи къ ихъ потребностямъ, когда обращеніе всей этой силы по назначенію не зависитъ отъ матеріальныхъ или духовныхъ потребностей, ни ея распорядителей, ни другихъ членовъ общества; когда и самое сбереженіе этой силы, и ея расходованіе эманципировались отъ дѣйствительныхъ потребностей живыхъ людей и совершаются механическимъ путемъ капиталистическаго накопленія, — при такихъ условіяхъ производительное употребленіе этой силы предоставляется на волю случая, иначе говоря, производительная затрата всей этой силы встрѣчается какъ исключеніе; при обыкновенныхъ же условіяхъ, къ той потерѣ производительныхъ средствъ общества, какая происходитъ вслѣдствіе связыванія, при капитализаціи промысловъ, живой человѣческой силы, присоединяется потеря, являющаяся результатомъ отсутствія занятій для нѣкотораго числа рабочихъ или неполной утилизаціи рабочаго времени занятаго населенія, происходящая вслѣдствіе недостатка запроса рынка на товары.

Разсматриваемая тенденція капиталистической эволюціи промышленности къ накопленію неутилизируемыхъ производительныхъ силъ или, выражаясь современнымъ языкомъ, къ перепроизводству товаровъ, не можетъ не отражаться вредно на самомъ этомъ строѣ, задерживая его поступательное движеніе. Поэтому, до очевидности ясно, какое важное значеніе для успѣховъ этого строя имѣетъ возможность назначать избытокъ производительныхъ силъ не для внутренняго, а для внѣшняго потребленія—путемъ вывоза самихъ-ли этихъ силъ или созданной ими стоимости, или путемъ ввоза внутрь страны потребителей.

VII.

Таково вліяніе, оказываемое на производство страны капи-

талистической организаціей промышленности; таковъ капиталистическій законъ производства товаровъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію законовъ капиталистическаго распредѣленія и потребленія этихъ послѣднихъ.

Распредѣленіе продуктовъ національнаго производства совершается частью на рынкѣ, частью внѣ его. На рынкѣ, во-1-хъ, устанавливается величина доли, идущей рабочимъ и предпринимателямъ, во-2-хъ, происходитъ распредѣленіе послѣдней доли между отдѣльными капиталистами. Внѣ рынка совершается распредѣленіе, напр., той части національнаго продукта, какая поступаетъ въ руки правительства путемъ налоговъ и др.

Раздѣленіе продукта, произведеннаго въ опредѣленный періодъ времени, между классомъ рабочихъ и классомъ предпринимателей совершается путемъ установленія на рынкѣ заработной платы. Этимъ установленіемъ выдѣляется доля національнаго продукта, достающаяся рабочимъ, а слѣдовательно, и та часть, которая подлежитъ распредѣленію между остальными классами общества. Механизмъ, которымъ дѣйствуетъ рынокъ, есть соперничество, конкурренція—въ данномъ случаѣ, во-1-хъ, между рабочимъ классомъ и предпринимателями, и, во-2-хъ, въ средѣ самихъ рабочихъ и въ средѣ предпринимателей. Результатъ этой конкурренціи, т.-е. высота заработной платы, а слѣдовательно, и величина прибыли, будетъ зависѣть отъ того, въ чью пользу слагаются въ данномъ обществѣ отношенія, опредѣляющія напряженность соперничества между двумя классами, а также среди членовъ одного и того же класса. Энергія, съ какою каждый классъ будетъ поддерживать передъ другимъ классомъ свои требованія—рабочіе—болѣе высокой заработной платы, предприниматели—болѣе дешеваго труда—находится въ обратномъ отношеніи съ силой соперничества внутри каждаго класса; т.-е. соперничество членовъ одного класса между собою и всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ членами другого класса, составляютъ двѣ стороны одного и того же явленія — борьбы каждаго класса за свои матеріальные интересы. Средства этой борьбы, т.-е. орудія конкурренціи, заключаются, во-1-хъ, въ организаціи членовъ одного класса для солидарнаго дѣйствія, т.-е. для настойчивости въ требованіи, однажды заявленномъ; во-2-хъ, въ ограниченіи конкуррирую-

щаго, такъ сказать, матеріала, т.-е. въ сокращеніи рыночнаго спроса на трудъ (со стороны фабрикантовъ) или предложенія труда (со стороны рабочихъ), имѣющемъ слѣдствіемъ ослабленіе борьбы внутри того или другого класса.

Условія, опредѣляющія большую или меньшую возможность примѣненія названныхъ средствъ той и другой стороной въ отдѣльныхъ обществахъ, весьма разнообразны. Чѣмъ меньше количественно группа лицъ, образующая одну борющуюся сторону, и чѣмъ она образованнѣе, тѣмъ легче можетъ установиться въ ней соглашеніе относительно условій, предлагаемыхъ ею другой сторонѣ, и настойчивость въ защитѣ своихъ требованій. Чѣмъ шире каналы, которыми можетъ быть отведенъ избытокъ конкуррирующихъ между собой элементовъ одного класса, тѣмъ слабѣе соперничество внутри класса будетъ давить на соперничество межклассовое, тѣмъ настойчивѣе могутъ быть представители этого класса въ своихъ требованіяхъ. Чѣмъ богаче классъ, т.-е. чѣмъ больше его представители имѣютъ матеріальныхъ средствъ для того, чтобы, въ случаѣ временнаго прекращенія производства, просуществовать съ своими семьями, тѣмъ свободнѣе они въ борьбѣ за свои интересы.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ въ большей части старыхъ культурныхъ странъ рабочіе поставлены хуже предпринимателей. Послѣдніе образуютъ небольшую группу лицъ, владѣющихъ наукой, привыкшихъ къ взаимнымъ сношеніямъ, знающихъ положеніе вещей не только на мѣстныхъ, но и на отдаленныхъ рынкахъ, и потому они могутъ дѣйствовать солидарно, даже не уговариваясь объ этомъ; они въ значительной степени находятся между собой въ молчаливомъ соглашеніи. Они зажиточны, и потому временное прекращеніе производства не грозитъ имъ особенными бѣдствіями. Капиталъ подвиженъ и космополитиченъ, и потому, въ случаѣ надобности, онъ можетъ легко перелиться въ другую отрасль промышленности, въ другую область и даже въ чужую страну, наконецъ, на время вовсе устраниться съ поля продукціи, ослабляя такимъ образомъ конкурренцію внутри-классовую. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ рабочіе старыхъ культурныхъ странъ Европы составляютъ или до недавняго времени составляли противуположность предпринимателямъ. Ихъ слишкомъ много, они невѣжественны,

неорганизованы, знаютъ положеніе вещей лишь въ ближайшемъ районѣ, не имѣютъ денежныхъ запасовъ, чтобы выжидать поднятія заработной платы, не могутъ уйти на сторону съ мало-мальски основательной надеждой встрѣтить тамъ лучшія условія труда, лишены возможности перемѣнить положеніе — оставить арену наемнаго труда и устроиться въ качествѣ самостоятельныхъ производителей на землѣ, которая вся оказывается уже занятой. По высказаннымъ причинамъ распредѣленіе продукта національнаго производства между рабочими и предпринимателями совершалось въ разныхъ странахъ такимъ образомъ, что заработная плата огромнаго большинства рабочихъ оказывалась только достаточной для поддержанія ихъ семей на привычномъ уровнѣ благосостоянія, не давая возможности составленія запаса про черный день. Благодаря такому низведенію заработной платы до уровня необходимыхъ средствъ существованія семьи работника, предпринимателямъ обезпечено полученіе максимальной доли продукта національнаго производства. Но тѣ же условія, которыми опредѣлилось такое распредѣленіе продукта между двумя классами, т.-е. экономическое безсиліе одной стороны, открываютъ возможность другой сторонѣ еще больше увеличить свой доходъ, растягивая длину рабочаго дня безъ соотвѣтствующаго увеличенія заработной платы. Новое средство возрастанія своей доли предприниматели находятъ въ прогрессѣ техники.

Введеніе техническихъ улучшеній производства двояко возвышаетъ доходы предпринимателей во-1-хъ, увеличеніемъ массы продуктовъ, произведенныхъ каждой единицей труда, во-2-хъ, уменьшеніемъ доли національнаго продукта, идущей рабочему. Послѣднее, въ свою очередь, совершается двумя путями. Техническія усовершенствованія производства удешевляютъ предметы потребленія рабочихъ, вслѣдствіе чего прежняя заработная плата давала бы послѣднимъ возможность, сверхъ необходимаго для жизни, имѣть нѣкоторый излишекъ. Но это же обстоятельство открываетъ возможность предпринимателямъ попытаться понизить заработную плату, и такъ какъ условія конкурренціи продолжаютъ оставаться невыгодными для одной стороны, то эта попытка обыкновенно увѣнчивается успѣхомъ. Введеніе машинъ очень облегчаетъ исполненіе многихъ операцій въ нѣкоторыхъ

промышленныхъ отрасляхъ, чѣмъ открывается возможность замѣнить болѣе дорогой трудъ взрослаго мужчины болѣе дешевымъ трудомъ женщинъ и дѣтей. Такимъ образомъ къ работѣ на фабрикѣ, на ряду съ главою семьи, привлекаются и другіе члены послѣдней, отчего общій доходъ ихъ, при прежней нормѣ заработной платы, могъ бы значительно повыситься надъ уровнемъ необходимыхъ потребностей семьи. Указанное обстоятельство вновь открываетъ возможность пониженія заработной платы, и, сообразно сказанному выше, эта возможность въ значительной степени превращается въ дѣйствительность.

Исходъ рыночной борьбы за распредѣленіе продукта національнаго производства, борьбы, постоянно, какъ мы видѣли, вновь возбуждаемой самимъ процессомъ описываемой эволюціи промышленности, по мѣрѣ хода этой послѣдней все легче склоняется въ одну сторону. Происходитъ это потому, что переходъ промышленности отъ ремесла къ мануфактурѣ, отъ мануфактуры къ фабрикѣ и послѣдующее усовершенствованіе фабричнаго производства дѣлаютъ трудъ все болѣе и болѣе производительнымъ, т.-е. позволяютъ добывать прежнюю массу продуктовъ съ затратой меньшаго количества труда. Вмѣстѣ съ проистекающей отсюда тенденціей къ сокращенію спроса на трудъ, разсматриваемая форма эволюціи промышленности—открывая возможность работать на фабрикѣ женщинамъ и дѣтямъ—ведетъ къ увеличенію предложенія труда. Результатомъ совокупнаго дѣйствія обоихъ обстоятельствъ является то, что одно изъ главнѣйшихъ условій, опредѣляющихъ высоту устанавливаемой на рынкѣ заработной платы, измѣняется не въ пользу рабочаго. Указанное относительное сокращеніе—при развитіи индивидуально-предпринимательской промышленности—спроса на трудъ достигло, наконецъ, такихъ размѣровъ, что, за исключеніемъ самыхъ цвѣтущихъ моментовъ, все число рабочихъ капитализовавшихся странъ Западной Европы не находитъ приложенія своихъ силъ на фабрикахъ и, рядомъ съ занятыми рабочими, образуется болѣе или менѣе многочисленный слой населенія, имѣющій лишь случайные заработки и живущій впроголодь—нищенствомъ и преступленіемъ—слой, составляющій, такъ сказать, резервную армію рабочихъ, привлекаемую къ дѣлу въ моменты оживленнаго хода промышленности.

Предпринимательскій строй промышленности, отражаясь, какъ мы видѣли, особенными, ему свойственными, явленіями въ области распредѣленія продуктовъ, создаетъ и специфическій законъ національнаго потребленія.

Человѣкъ имѣетъ потребности, для удовлетворенія которыхъ необходимъ непрерывный ходъ производства матеріальныхъ предметовъ. Въ первобытной общинѣ, характеризующейся равенствомъ ея членовъ и господствомъ натуральнаго хозяйства, наблюдается и равенство потребленія, абсолютные размѣры котораго зависятъ отъ степени развитія производительности труда. Съ нарушеніемъ соціальнаго равенства, при сохраненіи преобладающей роли натуральнаго хозяйства, нарушается и равенство потребленія, т.е. отдѣльные члены высшаго класса общества потребляютъ большую массу продуктовъ національнаго производства, нежели члены низшаго; но каждый потребляетъ—единолично или дѣлясь съ окружающими,—всю массу имѣющихся у него предметовъ годичнаго производства, и не можетъ поступать иначе, такъ какъ, за отсутствіемъ обмѣна, непотребленная часть не найдетъ никакого другого назначенія. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ распредѣленіе продуктовъ національнаго производства, хотя и неравномѣрное, тѣмъ не менѣе находится въ соотвѣтствіи съ потребительной способностью общества, какъ цѣлаго, потому что привиллегированные классы берутъ лишь такую массу продуктовъ годичнаго производства, какую они въ состояніи потребить, иначе говоря, заставляютъ своихъ рабовъ производить столько различныхъ предметовъ, сколько нужно для удовлетворенія ихъ потребностей и прихотей. При развитіи мѣнового хозяйства, если при этомъ сохраняется самостоятельная форма мелкаго производства, каждый промышленникъ потребляетъ то, что получаетъ въ обмѣнъ за продуктъ своего труда, и будучи самостоятельнымъ распорядителемъ послѣдняго, соразмѣряетъ свое производство и потребленіе съ потребностями организма. Въ капиталистическомъ же обществѣ, гдѣ потребленію также предшествуетъ покупка предмета, рабочій классъ,—получающій, какъ мы видѣли, заработную плату, стремящуюся къ минимальному размѣру, при которомъ возможно удовлетвореніе необходимыхъ его нуждъ—имѣетъ покупательную силу, недостаточную для удовлетворенія всѣхъ

его потребностей; предприниматели же, въ руки которыхъ поступаетъ весь избытокъ продуктовъ національнаго производства, за вычетомъ опредѣлившейся на рынкѣ заработной платы, получаютъ больше того, что они могутъ или хотятъ уничтожить, какъ потребители.

Дѣйствительно, въ противоположность тому, что имѣетъ мѣсто въ натуральномъ хозяйствѣ, когда лица привиллегированнаго класса (владѣльцы рабовъ, крѣпостныхъ крестьянъ и т. п.) берутъ себѣ ту долю продукта національнаго производства, какая имъ желательна для удовлетворенія ихъ потребностей и прихотей, и не стремятся присвоить больше этого, потому что это имъ не нужно, въ противоположность и народному строю мѣнового хозяйства — гдѣ каждый добываетъ такую массу продуктовъ, какая необходима для удовлетворенія его потребностей, и не стремится имѣть больше, потому что для этого пришлось бы затратить больше труда, — въ капиталистическомъ обществѣ предприниматель стремится получить возможно большій доходъ отъ своего предпріятія, безъ соображенія о какомъ-либо соотвѣтствіи этого дохода съ своими потребностями. Какъ общее правило (изъ котораго, конечно, могутъ быть исключенія), самые крупные, т.-е. получающіе наибольшій (абсолютно) доходъ фабриканты, не станутъ давать рабочему плату, превышающую средній уровень и не понизятъ цѣну своего товара на рынкѣ; если же сдѣлаютъ то или другое, то не въ соображеніяхъ о достаточности своихъ доходовъ для ихъ личнаго потребленія и тѣмъ болѣе не въ размѣрахъ, допускаемыхъ этой достаточностью, а по различнымъ коммерческимъ расчетамъ, т.-е. въ интересахъ своихъ же предпріятій, своихъ же доходовъ, если не настоящихъ, то будущихъ. Это значитъ, что тогда какъ въ общинномъ быту распредѣленіе продукта національнаго производства между членами союза основывается на потребностяхъ всѣхъ членовъ послѣдняго, а при рабскомъ или крѣпостномъ строѣ общества, распредѣленіе имѣетъ главной цѣлью удовлетвореніе *потребностей* привиллегированнаго класса,—въ капиталистическомъ обществѣ доходъ отдѣльнаго предпринимателя и рабочаго не находится въ зависимости отъ ихъ потребностей, т.-е. здѣсь разрывается связь между потребностями членовъ союза и распредѣленіемъ между ними пред-

метовъ, назначенныхъ для удовлетворенія таковыхъ, — предметовъ, пріобрѣтаемыхъ путемъ затраты покупательныхъ средствъ. Распредѣленіе это обусловливается суммою обстоятельствъ соціальнаго характера, безъ всякаго участія объема индивидуальной потребности отдѣльныхъ лицъ, а эти обстоятельства складываются, какъ мы видѣли, такимъ образомъ, что большинство получаетъ меньше того, что оно можетъ потребить, а въ руки меньшинства поступаетъ масса матеріальныхъ предметовъ, превышающая потребительныя способности организма въ данный моментъ ихъ развитія. Правда, потребности человѣка не остаются неизмѣнными, а развиваются вмѣстѣ съ расширеніемъ средствъ для ихъ удовлетворенія, поэтому, покупательная сила многихъ предпринимателей, превышающая уровень ихъ настоящихъ потребностей, черезъ нѣкоторое время, когда явятся новые предметы комфорта и роскоши, можетъ быть истрачиваема безъ остатка. Но этимъ только создаются условія для періодическаго уравновѣшиванія доходовъ предпринимателей развитіемъ ихъ потребностей, но не упраздняется фактъ отсутствія такого равновѣсія въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени. Принимая же во вниманіе, что приращеніе доходовъ предпринимателей и развитіе ихъ потребностей происходятъ по совершенно различнымъ законамъ; что первое обусловливается успѣхами техники, экономическихъ сношеній и концентраціи производства, а второе покоится на эластичности человѣческаго организма; что техническія и экономическія измѣненія могутъ происходить значительно быстрѣе того, что въ вышеуказанномъ отношеніи доступно для человѣческаго организма; и основываясь на фактѣ огромной быстроты, съ какою совершается въ наше время ростъ производительныхъ силъ или, что то же, доходовъ капиталистовъ,—мы легко можемъ допустить, что раньше, чѣмъ потребности предпринимателей возрастутъ на столько, чтобы поглотить происшедшее въ извѣстный моментъ приращеніе ихъ доходовъ, новое техническое открытіе, новая экономическая комбинація принесутъ новое увеличеніе ихъ дохода, требующее новаго наростанія потребностей. Такимъ образомъ, соображеніе о способности потребностей человѣка расти, по мѣрѣ роста средствъ ихъ удовлетворенія, не можетъ подорвать вѣрности заключенія о томъ, что при тѣхъ условіяхъ, при ка-

кихъ совершалась капиталистическая эволюція западно-европейской промышленности, возрастаніе чистаго дохода предпринимателей, выражаемаго массою продуктовъ національнаго производства, достающихся имъ по раздѣлу, обгоняетъ развитіе ихъ способности потребленія матеріальныхъ предметовъ.

То, что мы сейчасъ высказали, касается предпринимателей настолько богатыхъ, что они могутъ свободно распоряжаться своимъ чистымъ доходомъ. Часть этихъ предпринимателей не въ силахъ, какъ мы видѣли, уничтожить всю сумму матеріальныхъ предметовъ, выпадающую на ихъ долю изъ національнаго производства. Если бы они даже истратили весь свой денежный доходъ, но коль скоро эта трата не сопровождалась соотвѣтствующимъ уничтоженіемъ матеріальныхъ предметовъ, коль скоро часть истраченныхъ суммъ, доставшаяся другимъ лицамъ, не обращена послѣдними на матеріальное потребленіе, а отложена на черный день, пущена въ коммерческое обращеніе и т. д., то это значитъ, что часть продуктовъ годичнаго производства страны, соотвѣтствующая этой непотребленной матеріально долѣ денежнаго дохода извѣстнаго предпринимателя, осталась неуничтоженной, ждетъ своего потребителя.

Другой разрядъ промышленныхъ дѣятелей имѣетъ еще много неудовлетворенныхъ потребностей и легко справился бы съ долей національнаго продукта, составляющей его чистый доходъ; но онъ долженъ воздерживаться отъ потребленія своей доли по коммерческимъ соображеніямъ. При той жестокой конкурренціи, какая господствуетъ на товарномъ рынкѣ, гдѣ сталкиваются предметы со всего міра, хозяева промышленныхъ предпріятій должны зорко слѣдить за всѣми техническими улучшеніями и принимать различныя экономическія средства для удешевленія производимыхъ ими предметовъ. А такъ какъ всякая дѣйствительная мѣра указаннаго порядка равносильна расширенію предпріятія, т.-е. затратѣ новаго капитала, то мелкіе и средніе фабриканты должны пользоваться всякимъ случаемъ для расширенія своего дѣла, обращать на это расширеніе всякую лишнюю копейку своего дохода. Это значитъ, что и они не станутъ потреблять всю, выпадающую на ихъ долю, массу предметовъ національнаго производства.

Наконецъ, воздержаніе отъ потребленія всей своей доли со-

ставляетъ обычное явленіе и среди не капиталистовъ. Высшіе работники промышленныхъ предпріятій, чиновники, лица свободныхъ профессій и всѣ другіе, тѣмъ или инымъ способомъ получающіе право на извѣстную долю національнаго продукта, считаютъ необходимымъ потребить не всю эту часть, реализовать свое право не въ полной мѣрѣ, отложить часть дохода для дѣтей, на черный день, на случай болѣзни, и т. д. Такое распоряженіе доходомъ составляетъ необходимую принадлежность индивидуалистическаго строя, когда благосостояніе каждаго зависитъ исключительно отъ него одного, когда его текущая дѣятельность должна не только поддержать его существованіе въ настоящемъ, но и обезпечить удовлетвореніе ряда потребностей, имѣющихъ возникнуть въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

И такъ, при капиталистической организаціи промышленности и свойственномъ ей законѣ распредѣленія покупательной силы, общество при обыкновенныхъ условіяхъ оказывается неспособнымъ использовать всю массу создаваемыхъ имъ матеріальныхъ предметовъ, назначенныхъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, всю сумму предметовъ непосредственнаго потребленія, могущихъ быть произведенной. А если такъ, то непотребленный излишекъ долженъ или гнить въ кладовыхъ, или обратиться на расширеніе производства. Расширить же производство, при переполненномъ товарами рынкѣ, отдѣльные предприниматели могутъ только путемъ удешевленія продуктовъ производства, ибо только этимъ способомъ они заставятъ потребителей покупать свой товаръ предпочтительно предъ чужимъ. Но чтобы удешевить продукты — нужно примѣнить техническое усовершенствованіе и т. п.; а это будетъ имѣть слѣдствіемъ еще большее возрастаніе массы выбрасываемыхъ на рынокъ товаровъ въ то время, какъ запросъ на нихъ поднимется очень мало, потому что удешевленіе средствъ существованія поведетъ къ пониженію заработной платы главной массы потребителей; если же иногда наблюдается ея повышеніе, то этимъ никоимъ образомъ не предупреждается скопленіе въ рукахъ капиталистовъ богатствъ въ размѣрахъ, превышающихъ ихъ потребительныя способности. Такимъ образомъ, задача уничтоженія излишка произведенныхъ предметовъ остается на рукахъ той же небольшой кучки предпринимателей.

Характеръ капиталистической промышленности.

I.

Подвергнувъ анализу законы капиталистическаго производства, распредѣленія и потребленія товаровъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно экономическихъ слѣдствій капиталистической эволюціи промышленности: 1) эта эволюція имѣетъ тенденцію понизить или, по меньшей мѣрѣ, задержать подъемъ благосостоянія большей части населенія страны, что грозитъ сокращеніемъ производства національнаго богатства или замедленіемъ въ ростѣ послѣдняго, 2) господство капиталистическихъ отношеній имѣетъ необходимымъ слѣдствіемъ образованіе избыточнаго продукта, который не можетъ быть потребленъ ни капиталистами, ни производительнымъ населеніемъ страны и который, не найдя потребителей, непринадлежащихъ къ названнымъ классамъ общества, будетъ давить на самое производство и задерживать его прогрессивную эволюцію.

Эти теоретическіе выводы находятъ себѣ достаточное подтвержденіе въ исторіи промышленности, которая показываетъ, что дѣйствительно процессъ водворенія капиталистическихъ порядковъ сопровождается пониженіемъ народнаго благосостоянія, иногда такимъ быстрымъ, что костями побитыхъ представителей старой формы производства „убѣляются долины“ данной страны, и что побѣдоносное шествіе капитализма наблюдается въ тѣхъ странахъ, которыя, кромѣ внутренняго потребителя продуктовъ мѣстной промышленности, имѣли къ своимъ услугамъ и потребителя внѣшняго, не участвовавшаго въ производствѣ данной страны, но покупавшаго ея товары, для чего или эти послѣдніе привозились къ нему изъ страны-производительницы (случай Англіи), или онъ самъ водворялся въ этой странѣ въ качествѣ потребителя ея товаровъ (случай колоній). Но и при существованіи такихъ отводовъ для избыточнаго продукта капиталистическихъ странъ, послѣднія все-таки испытываютъ неизбѣжныя явленія перепроизводства, ведущаго къ образованію незанятой арміи рабочихъ и, кромѣ того, до новѣйшаго времени выражавшагося еще періодическими обостреніями накопленія избыточнаго продукта,

въ формѣ такъ называемыхъ промышленныхъ кризисовъ, а въ послѣднее двадцатилѣтіе выразившагося хроническимъ состояніемъ перепроизводства почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра.

Дѣйствительно, острые промышленные кризисы составляютъ характеристическую черту капиталистической промышленности XIX вѣка. Въ Англіи, напр., общіе кризисы промышленности имѣли мѣсто въ 1825 г., 1836 г., 1847 г., 1857 г., 1866 г., 1873 г. [1]). Кромѣ того, наблюдались и частные кризисы въ отдѣльныхъ, широко-распространенныхъ промышленныхъ отрасляхъ; такъ, впродолженіи 45-лѣтняго періода, заканчивающагося 1815 г., стѣсненное положеніе англійской хлопчато-бумажной промышленности продолжалось въ общей суммѣ не болѣе 5 лѣтъ; въ слѣдующій же 48-лѣтній періодъ на 20 лѣтъ процвѣтанія приходится уже 28 лѣтъ кризиса.

Вопросъ о причинахъ промышленныхъ кризисовъ давно дебатируется въ экономической литературѣ, при чемъ, съ тѣми или другими варіаціями, учеными на этотъ счетъ повторяются два различныя мнѣнія. Одно изъ нихъ приписываетъ кризисы отсутствію правильнаго регулированія производства продуктовъ, имѣющему слѣдствіемъ распредѣленіе производительныхъ силъ между различными промышленными отрасляли, не вполнѣ совпадающее съ запросомъ на различные продукты со стороны потребителей, каковая дисгармонія по временамъ разражается острыми явленіями кризиса. По другому мнѣнію, основная причина кризисовъ лежитъ въ неспособности капиталистическаго общества потребить все то, что оно производитъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первое мнѣніе имѣетъ долю истины. Если распредѣленіе многомилліонной арміи рабочихъ цивилизованнаго міра, въ извѣстномъ смыслѣ образующаго одну сложную промышленную систему, между отдѣльными отраслями труда совершается по личнымъ соображеніямъ десятковъ тысячъ предпринимателей, не входящихъ по этому предмету

---

[1]) См.: «Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь» Туганъ-Барановскаго—сочиненіе, могущее служить хорошимъ источникомъ для ознакомленія на примѣрѣ Англіи съ отдѣльными моментами (и ихъ послѣдовательностью) острыхъ кризисовъ промышленности.

ни въ какія между собой соглашенія, то естественно ожидать, что это распредѣленіе будетъ сдѣлано не совершенно правильно, что одни продукты будутъ произведены въ избыткѣ, другіе—въ недостаткѣ. Но если бы указанная причина являлась главной въ числѣ вызывающихъ промышленные кризисы, въ такомъ случаѣ, во-1-хъ, нормальное теченіе дѣлъ характеризовалось бы постояннымъ присутствіемъ на рынкѣ двухъ взаимно-дополняющихъ явленій: избытка одного продукта и недостатка другого, и, во-2-хъ, острыя разстройства промышленности не имѣли бы присущей имъ правильной періодичности въ появленіи и наступали бы послѣ того, какъ различныя случайныя событія (неурожай, открытіе новаго или закрытіе стараго рынка, важное техническое усовершенствованіе и др.) внесутъ рѣзкія измѣненія въ запросѣ рынка, требующія внезапнаго измѣненія продукціи. Такъ именно и смотритъ на предметъ большая часть ученыхъ, придерживающихся разсматриваемаго мнѣнія, считающихъ, что обостреніе разстройства въ промышленномъ дѣлѣ требуетъ появленія какого-нибудь осложняющаго обстоятельства. Мы знаемъ, что это невѣрно, а наблюденіе обычнаго хода промышленности показываетъ, что и первое предположеніе не осуществляется въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, это наблюденіе обнаруживаетъ, что недостатокъ продукта на рынкѣ вообще составляетъ исключеніе, избытокъ же того или другого товара чуть не общее правило. Поэтому, избытокъ на рынкѣ какого-либо товара нельзя считать слѣдствіемъ отвлеченія производительныхъ силъ отъ производства другихъ предметовъ, въ которыхъ, поэтому, общество, будто бы, испытываетъ недостатокъ; оно явилось результатомъ не неправильнаго распредѣленія производительныхъ силъ страны между промышленными отраслями, а излишняго приложенія къ производству капитала сверхъ требованія продуктовъ со стороны рынка и свидѣтельствуетъ не столько о недостаткахъ регулирующаго производство механизма, сколько о томъ, что въ странѣ существуютъ излишніе капиталы, что общество обращаетъ въ капиталъ больше того, что требуется производствомъ, обращаетъ долю, которой естественно было бы пойти на потребленіе или не быть вовсе произведенной. Словомъ, основную причину разсматриваемаго явленія слѣдуетъ искать не въ недостаткахъ регулирующаго производство механизма, а въ усло-

віяхъ потребленія національнаго продукта, зависящаго, въ свою очередь, отъ его распредѣленія.

Писатели, принимающіе мнѣніе о томъ, что основной причиной кризисовъ служитъ недостаточная потребительная способность общества, не отвергаютъ совершенно и другого ученія, допускаютъ, что и отсутствіе общественнаго регулированія производства играетъ въ этомъ дѣлѣ извѣстную роль. Иначе относятся къ противному мнѣнію писатели, стоящіе на другой точкѣ зрѣнія. Утвержденіе, что общество можетъ произвести больше продуктовъ, чѣмъ оно въ состояніи, при современномъ распредѣленіи покупательной силы, потребить, кажется этимъ авторамъ непростительной нелѣпостью. Такъ, напр., Сэй утверждаетъ, что „если доставляется на рынокъ много одного товара, то причина этого кроется не въ томъ, что его произведено слишкомъ много, а въ томъ, что другихъ товаровъ произведено слишкомъ мало... Всѣхъ продуктовъ не можетъ быть никогда произведено слишкомъ много, такъ какъ царство человѣческихъ потребностей безпредѣльно, и всякія излишнія средства будутъ обращены на новыя потребности, если существующія достаточно удовлетворены“ [1]). Рикардо присоединяется къ этому мнѣнію. „Можетъ быть произведено слишкомъ большое количество извѣстнаго продукта, которое можетъ повлечь такое изобиліе его на рынкѣ, что нельзя будетъ возвратить израсходованнаго на него капитала; но это излишество не могло бы имѣть мѣста въ отношеніи ко всѣмъ продуктамъ“. Въ дальнѣйшемъ развитіи этой мысли у Рикарда прорываются, однако, положенія, пробивающія брешь въ ходѣ его аргументаціи. Если первыя потребности общества, говоритъ онъ, и получили удовлетвореніе, то остаются болѣе высокія и утонченныя, для отвѣта на которыя также требуется затрата производительной силы. „Нѣкоторыя лица потребляли бы болѣе вина, *если бы имѣли средства* пріобрѣтать его. Другой пожелалъ бы украсить свои дачи или увеличить размѣры своихъ домовъ. Желаніе сдѣлать все это или что-нибудь подобное врождено человѣку, *только нужно имѣть средства*, а ничто не можетъ доставить ихъ, кромѣ возрастанія производства“ [2]).

---

[1]) Юридич. Вѣстн., 1890 г. № 1, с. 173.
[2]) Сочиненія Давида Рикардо, с. 183.

Всего же рѣзче на этотъ счетъ выражается Милль. Ученіе о возможности общаго перепроизводства товаровъ кажется ему до того нелѣпымъ. что онъ затрудняется „найти для него изложеніе, которое было бы и удовлотворительно для его защитниковъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ ясно". Онъ говоритъ, что такъ какъ фабрикантъ, выносящій на рынокъ продукты своего производства, тѣмъ самымъ получаетъ возможность купить эквивалентное количество чужого товара, то недостатка въ запросѣ, въ смыслѣ отсутствія въ странѣ средствъ уплаты, быть не можетъ. Сдѣлаемъ другое предположеніе, говоритъ онъ дальше, допустимъ, что имѣющіе средства покупать удовлетворили всѣ свои потребности, а между тѣмъ товары на рынокъ все прибываютъ. Возможно-ли это? Милль утверждаетъ, что это невозможно, ибо если фабриканты ни въ чемъ не нуждаются и довольны настоящимъ, то что же заставитъ ихъ „трудиться и сберегать, чтобы получить вещи, которыхъ они не желаютъ". Но допустимъ, говоритъ онъ, возможность подобнаго явленія, предположимъ, что фабриканты станутъ расширять производство, не нуждаясь въ этомъ лично, а дѣйствуя по инерціи. Все-таки мы не получимъ излишка снабженія товарами! Ибо расширить производство—значитъ израсходовать капиталъ на занятіе труда. „Иными словами, имѣя у себя покупательной силы больше, чѣмъ сколько умѣютъ употребить на себя, они передаютъ этотъ излишекъ ея въ общую пользу рабочаго класса. А развѣ рабочій классъ тоже не съумѣетъ употребить ее на себя? Развѣ предполагать намъ, что его потребности также уже совершенно удовлетворены и онъ продолжаетъ работать только по привычкѣ?" иронически-побѣдоносно восклицаетъ Милль, а затѣмъ разъясняетъ, что, даже достигнувъ полнаго удовлетворенія своихъ потребностей, рабочій „воспользуется всякимъ дальнѣйшимъ возростаніемъ (?) платы для уменьшенія своей работы" [1]).

И такъ, по аргументаціи Милля, излишекъ снабженія товарами невозможенъ. Мы согласимся съ этимъ, если признаемъ за истину основныя посылки автора, именно, что капиталистъ доводитъ производство лишь до тѣхъ размѣровъ, когда оно спо-

[1]) Основанія полит. экон., т. II, кн. 3, гл. XIV.

собно удовлетворить всѣ его потребности, а другихъ мотивовъ къ расширенію дѣла. психическихъ (жажда обогащенія, власти, даваемой деньгами, и проч.) или общественныхъ (конкурренція, побуждающая удешевлять продукты новыми техническими улучшеніями и сосредоточеніемъ производства) не существуетъ. Мало того, чтобы принять выводъ Милля, нужно повѣрить еще тому, что коль скоро у фабрикантовъ является желаніе увеличить производство, то они удовлетворяютъ ему прежде всего возвышеніемъ заработной платы, за которымъ слѣдуетъ расширеніе спроса на продукты потребленія рабочихъ, что, въ свою очередь, открываетъ производству возможность расшириться до извѣстныхъ размѣровъ. Согласиться съ этимъ утвержденіемъ Милля, противорѣчащимъ всему, что намъ извѣстно о накопленіи богатствъ и положеніи рабочаго класса, невозможно. Даже больше того, мы должны удивляться, какъ это Милль не замѣчалъ того, что ежечасно происходило вокругъ и опровергало его доводы. Понять эту психологическую странность можно лишь послѣ того, какъ мы убѣдимся, что существованіе излишка снабженія товарами необъяснимо съ точки зрѣнія буржуазной политической экономіи и представляется естественнымъ лишь по разрушеніи основного пункта этой школы—ученія о цѣнности. Мало того, если вести разсужденіе строго логически, то, основываясь на общепринятой теоріи цѣнности, придется отвергнуть нетолько излишекъ снабженія, но и прибыль: для нея, какъ и для излишка товаровъ, въ экономической теоріи не оказалось бы мѣста. Поэтому и критикъ теоріи излишка снабженія, если онъ не хотѣлъ измѣнить своему ученому знамени, не могъ вести аргументацію на-чистоту; онъ долженъ былъ для опроверженія противнаго мнѣнія прибѣгать (хотя и безсознательно) къ натяжкамъ и недомолвкамъ.

По ученію буржуазной политической экономіи стоимость продукта опредѣляется трудомъ, затраченнымъ на его производство. Но давъ такое опредѣленіе цѣнности, она тотчасъ забываетъ о немъ и въ послѣдующемъ объясненіи явленій обмѣна держится другой теоріи, въ которой трудъ замѣненъ издержками производства. И такъ, два продукта обмѣниваются одинъ на другой въ такихъ количествахъ, чтобы на обѣихъ сторонахъ были одинаковыя издержки производства. При подобномъ взглядѣ на обмѣнъ

излишку товаровъ въ странѣ дѣйствительно нѣтъ мѣста. Какой-либо продуктъ годового труда рабочаго съ этой точки зрѣнія является представителемъ извѣстнаго количества матеріала, изъ котораго онъ сдѣланъ, орудій труда, изношенныхъ при его производствѣ и продуктовъ, составляющихъ содержаніе трудящагося впродолженіи періода работы. Являясь на рынокъ, онъ имѣетъ цѣлью измѣнить свою потребительную форму, превратиться опять въ матеріалъ, продукты, нужные для рабочаго и цѣнность, пойдущую на ремонтъ орудій, а послѣ такого раздробленія его на составныя части начнется опять процессъ ихъ соединенія, процессъ производства, впродолженіи котораго всѣ перечисленныя цѣнности будутъ потреблены, но за то получится новый продуктъ, служащій связью прошедшаго потребленія съ будущимъ. То, что мы здѣсь сказали объ одномъ предметѣ, относится и ко всѣмъ прочимъ: каждый изъ нихъ является представителемъ прошедшаго потребленія и поступаетъ на рынокъ съ цѣлью превратиться въ форму, пригодную для будущаго. Такимъ образомъ, разсматривая всю массу продуктовъ страны въ совокупности, мы не найдемъ здѣсь товара излишняго, ненужнаго по размѣрамъ потребленія общества; излишекъ снабженія съ точки зрѣнія теоріи цѣнности буржуазной политической экономіи поэтому невозможенъ.

Но приведенный анализъ открываетъ еще одну черту недавно господствовавшаго въ наукѣ ученія о цѣнности; оказывается, что на почвѣ этого ученія нѣтъ мѣста и прибыли. Дѣйствительно, если мой продуктъ, издержки производства котораго выражаются 5-ю рублями, обмѣняется на чужой, такой же стоимости, то полученнаго будетъ достаточно лишь для оплаты моихъ издержекъ, за воздержаніе же мнѣ не останется ничего. Правда, утверждаютъ, что продуктъ, обошедшійся мнѣ въ 5 рублей, я продамъ за шесть; но, если бы это и было возможно, мнѣ не сдѣлается оттого легче, такъ какъ, превращая деньги опять въ товаръ, я за 6 рублей получу продуктъ, произведенный 5-ю. Если бы было иначе, если бы, отдавая свой товаръ другимъ, я получалъ за него что-либо сверхъ издержекъ производства, то этимъ самымъ другіе фабриканты, уплачивающіе мнѣ прибыль, не дополучили бы и своихъ издержекъ; а если бы они съумѣли вытянуть у меня прибыль, въ убыткѣ остался бы я. Словомъ, какъ ни подходишь къ во-

просу, но если только цѣнность продукта измѣряется издержками производства—прибыли нѣтъ мѣста, она оказывается явленіемъ необъяснимымъ.

И такъ, мы видимъ, что на почвѣ строго-логическаго развитія идей буржуазной экономіи судьба излишка снабженія товарами и судьба прибыли оказывается одинаковой. Это уже дастъ намъ основаніе заключить, что оба феномена находятся въ взаимной зависимости, что возможность одного изъ нихъ обусловливается существованіемъ другого. И дѣйствительно, пока нѣтъ прибыли—нѣтъ и излишка снабженія. Ибо каждый товаръ, будучи съ количественной стороны точнымъ выразителемъ прошедшаго потребленія (производство вѣдь въ то же время есть и потребленіе), поступаетъ на рынокъ съ цѣлью превратиться въ такіе продукты (матеріалъ, содержаніе рабочаго и пр.), которые необходимы для слѣдующаго производства (потребленія). При этомъ происходитъ лишь превращеніе формы товара, измѣненіе одной потребительной стоимости въ другія; въ количественномъ же отношеніи дѣло находится in statu quo: сумма издержекъ производства, прежде объединенная въ одномъ продуктѣ, теперь распалась на слагаемыя (матеріалъ, содержаніе рабочаго и пр.); каждое изъ нихъ играетъ опредѣленную роль въ процессѣ производства и потому не можетъ быть излишнимъ, не можетъ не найти себѣ потребителя (если только трудъ правильно распредѣленъ между всѣми промышленными отраслями). Производство, выбрасывая массу продуктовъ на рынокъ, въ свою очередь, требуетъ такого же ихъ количества; поэтому, если оно по какимъ-нибудь причинамъ не прекратится, если число работающихъ не уменьшится,—всѣ произведенные товары найдутъ себѣ потребителей. Другое дѣло, если въ странѣ образуется прибыль. Она не находится въ органической связи съ производствомъ, она есть феноменъ, связанный съ послѣднимъ не технико-естественными условіями, а внѣшней, соціальной его формой. Производство, какъ и въ первомъ случаѣ, для своего продолженія нуждается лишь въ матеріалѣ, орудіяхъ труда, средствахъ содержанія рабочихъ, и потому само потребляетъ лишь соотвѣтствующую часть продуктовъ; излишекъ же ихъ, образующій прибыль, не находя себѣ помѣщенія въ постоянномъ элементѣ промышленной жизни — въ

производствѣ продуктовъ — долженъ искать другихъ потребителей, не связанныхъ органически съ производствомъ, потребителей, до извѣстной степени случайныхъ. Онъ можетъ найти такихъ потребителей, но можетъ и не найти ихъ въ требуемомъ количествѣ, и въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть избытокъ снабженія рынка товарами.

И такъ, очевидно, что вопросъ о перепроизводствѣ товаровъ сводится къ вопросу о прибыли, который въ настоящее время разрѣшается очень просто лишь болѣе послѣдовательнымъ проведеніемъ принципа, признаваемаго и классической экономіей, и заключающагося въ томъ, что цѣнность продукта измѣряется трудомъ, затраченнымъ на его производство. Стоитъ лишь держаться этого опредѣленія стоимости, не измѣняя ему ради другихъ, хотя бы по виду и однозначащихъ ученій, и вопросъ о прибыли и излишкѣ снабженія товарами сдѣлается достаточно яснымъ. По этой теоріи, предметъ, вышедшій съ фабрики, является представителемъ труда, заключающагося въ матеріалѣ, износившейся части орудій и т. п., и труда, непосредственно приложеннаго для превращенія матеріала въ обработанный продуктъ. Поступая на рынокъ съ цѣлью обмѣняться на предметы, необходимые для слѣдующаго производства, разсматриваемый продуктъ возвратитъ своему хозяину матеріалъ, изъ котораго самъ сдѣланъ, цѣнности, эквивалентныя истраченнымъ орудіямъ производства и т. п., и еще массу товаровъ, произведенную количествомъ труда, равнымъ всему непосредственно приложенному при добываніи продукта, за судьбой котораго мы теперь слѣдимъ. Этотъ остатокъ будетъ состоять изъ одной заработной платы лишь въ томъ случаѣ, если рабочій получаетъ отъ фабриканта все, что самъ ему даетъ, т.-е. если на добываніе продуктовъ, составляющихъ содержаніе фабричнаго рабочаго въ періодъ труда и образующихъ его заработную плату, затрачено ровно столько человѣческой силы, сколько тратитъ самъ рабочій, пока ихъ потребляетъ, т.-е. пока отработываетъ полученную плату. Такой случай возможенъ, если рабочій въ то же время и хозяинъ; но въ капиталистическомъ обществѣ этого нѣтъ: тамъ рабочій, нанятый на день, получаетъ въ видѣ заработной платы такое количество продуктовъ, которое произведено не днемъ, а, напримѣръ,

полуднемъ труда. Потребляя этотъ полудень рабочій трудится цѣлый день, и сдѣланная имъ вещь поступаетъ на рынокъ съ цѣнностью, включающей, между прочимъ, и этотъ день труда. Реализуясь, этотъ день непосредственно приложеннаго при производствѣ товара труда возвратитъ фабриканту истраченную имъ заработную плату (составляющую полдня труда) и еще полдня, образующіе прибавочную стоимость—источникъ процента, прибыли, ренты и т. п.

Если то, что въ видѣ заработной платы входитъ въ издержки производства, потребляется трудящейся частью населенія, то прибавочная стоимость, за исключеніемъ доли, назначенной для требующагося рынкомъ расширенія производства, должна быть уничтожена капиталистами. Если они въ силахъ сдѣлать это и дѣлаютъ его—излишекъ снабженія товарами не имѣетъ мѣста, если же нѣтъ—является перепроизводство продуктовъ, промышленные кризисы, вытѣсненіе рабочихъ съ фабрикъ и слѣдующій за нимъ рядъ бѣдствій, заставляющій однихъ экономистовъ проклинать машины, другихъ—требовать увеличенія непроизводительнаго потребленія капиталистовъ, фабрикантовъ и т. п. Послѣдній совѣтъ, впрочемъ, чуть-ли не излишенъ: не скромность и воздержаніе фабрикантовъ служатъ причиною излишка продуктовъ, а ограниченность или недостаточная эластичность человѣческаго организма, не успѣвающаго расширять свои потребительныя способности съ тою быстротой, съ какой растетъ прибавочная стоимость.

Не менѣе просто съ нашей точки зрѣнія объясняется и другое характеристическое явленіе новѣйшей промышленной исторіи—образованіе избыточнаго населенія. Англійскіе экономисты старой школы объясняли его такимъ образомъ, что, будто бы, производительность земли не можетъ расти съ такой быстротой, съ какою размножается населеніе; а такъ какъ средствами содержанія рабочихъ опредѣляется запросъ на нихъ, то естественно, что часть народа не находитъ себѣ занятія и обречена на вымираніе или выселеніе. Подобное мнѣніе могло еще казаться вѣроятнымъ 40—50 лѣтъ тому назадъ, когда Англія прокармливалась главнымъ образомъ собственнымъ хлѣбомъ, когда она дѣлала огромныя затраты для возвышенія интенсивности земледѣлія, результатомъ

чего былъ ростъ цѣны хлѣба. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства радикально измѣнились. Англія стала получать дешевый иностранный хлѣбъ, ввозъ котораго увеличился въ нѣсколько десятковъ разъ, это повело къ удешевленію хлѣба почти вдвое, а между тѣмъ рабочему населенію становится все хуже и хуже, „избытокъ“ его не прекращается, но непрерывно растетъ. Такая комбинація экономическихъ явленій уже не укладывается въ рамки Мальтусовой теоріи, видящей суть дѣла въ естественныхъ причинахъ; и наоборотъ, она очень легко объясняется съ точки зрѣнія наиболѣе послѣдовательно проводимой Марксомъ и которою воспользовался я для своихъ построеній: избыточное населеніе является результатомъ того обстоятельства, что потребленіе продуктовъ въ странѣ не успѣваетъ расти съ быстротой, съ какою увеличивается ихъ масса; подобная же отсталость развитія потребленія сравнительно съ производствомъ зависитъ отъ того, что весь приростъ продуктовъ, являясь результатомъ возвышенія успѣшности труда милліоновъ рабочихъ, долженъ быть потребленъ десятками тысячъ лицъ, въ пользу которыхъ онъ поступаетъ; совершить же такой подвигъ эти послѣдніе при всемъ своемъ желаніи не въ силахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ первое, напримѣръ, четырехлѣтіе семидесятыхъ годовъ производство десяти наиболѣе промышленныхъ странъ Европы и Америки почти удвоилось! Правда, тогда же имѣло мѣсто и нѣкоторое возвышеніе заработной платы, но оно далеко уступало росту промышленности.

II.

Мы видѣли, что теорія кризиса, приписывающая послѣдній анархіи въ производствѣ, свойственной товарной организаціи промышленности въ капиталистической ея формѣ, не даетъ объясненія правильной періодичности наступленія указаннаго остраго разстройства теченія промышленной жизни. Въ послѣднее время такое объясненіе пытается дать русскій послѣдователь этого ученія, причемъ оказывается, что исходной точкой его объясненія служитъ положеніе, составляющее основу противной теоріи, ищущей главную причину кризиса въ недостаткѣ потребительныхъ способностей капиталистическихъ обществъ.

Прежде всего замѣтимъ, что тщательное изслѣдованіе указаннаго автора, М. И. Туганъ-Барановскаго, исторіи англійской промышленности въ теченіи XIX в., показало, что она развивается циклически, и что каждый циклъ обнимаетъ слѣдующіе моменты. Послѣ разразившагося кризиса наблюдается застой промышленности, постепенно ослабѣвающій и переходящій въ довольно спокойное, хотя и не оживленное теченіе дѣлъ. Въ это время только часть капиталовъ страны обращается на производство, другая же часть національнаго дохода, и притомъ довольно значительная, скопляется въ банкахъ, вслѣдствіе чего постепенно образуется состояніе дѣлъ, при которомъ „ссудный рынокъ бываетъ загроможденъ свободными капиталами, ищущими помѣщенія, но не находящими его". Такое теченіе дѣла не можетъ длиться неопредѣленное время. Напряженность капитала, ищущаго производительнаго употребленія, рано или поздно изъ статическаго состоянія перейдетъ въ динамическое, т.-е. копящійся въ банкахъ капиталъ въ одинъ прекрасный день обратится на производство и вызоветъ сильное оживленіе промышленности, слѣдствіемъ котораго явится перепроизводство товаровъ, разражающееся кризисомъ; послѣ чего начнется повтореніе всего, только что изложеннаго. Такимъ образомъ цикличность промышленной жизни и правильная періодичность наступленія кризисовъ зависитъ отъ того что въ промежутокъ времени между кризисомъ, слѣдующимъ за оживленіемъ, ему предшествовавшимъ и оживленіемъ промышленности, предшествующимъ новому кризису, происходитъ большое скопленіе капиталовъ, не находящихъ производительнаго помѣщенія. Возможность же этого накопленія при застоѣ промышленности объясняется тѣмъ, что, кромѣ дохода предпринимателей, получаемаго ими отъ участія въ производствѣ, въ каждой странѣ есть масса доходовъ, до извѣстной степени независимыхъ отъ состоянія промышленности, какъ-то: процентъ на капиталъ, помѣщенный въ государственные займы, облигаціи желѣзныхъ дорогъ, земельная рента и т. п. Весь этотъ капиталъ приноситъ доходъ при всякомъ состояніи промышленности и служитъ поэтому источникомъ накопленія въ моментъ промышленнаго застоя, когда промышленный капиталъ не даетъ крупныхъ доходовъ.

Приведенное разсужденіе, повидимому, дѣйствительно объ-

ясняетъ правильную періодичность наступленія промышленныхъ кризисовъ; но исходнымъ его пунктомъ служитъ положеніе о существованіи класса лицъ, не могущихъ или не желающихъ (въ дѣйствительности наблюдается и то, и другое) потреблять весь свой доходъ. Это значитъ, что основной посылкой разсматриваемаго объясненія циклическаго характера новѣйшей промышленности служитъ положеніе, защищаемое писателями, считающими главной причиной кризиса не отношенія въ сферѣ производства, а отношенія въ области потребленія, вытекающія изъ закона капиталистическаго распредѣленія національнаго продукта. Вѣрность этого положенія находитъ себѣ подтвержденіе и въ фактахъ дальнѣйшаго хода явленій, составляющихъ въ совокупности полный циклъ эпизодовъ, смѣняющихъ другъ друга въ промежутокъ времени между двумя кризисами.

Вырвавшійся изъ банковъ на поле производства и поведшій къ оживленію промышленныхъ дѣлъ, капиталъ направился не на производство продуктовъ непосредственнаго потребленія членовъ общества. Получить такое назначаніе онъ не могъ уже потому, что его продолжительное пребываніе въ кассахъ банковъ именно и обусловливалось отсутствіемъ спроса со стороны рынка на какіе-либо предметы непосредственнаго потребленія, сверхъ тѣхъ, которые уже производились, а насколько этотъ спросъ появлялся, онъ получалъ удовлетвореніе расширеніемъ дѣйствующихъ предпріятій, для чего требуется притокъ незначительнаго капитала. Большое оживленіе промышленности могло бы произойти лишь въ томъ случаѣ, если бы новые капиталы направились на производство такихъ предметовъ, которые не служатъ непосредственно для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, а такіе предметы суть: фабрики, пути сообщенія и т. п. Пока идетъ постройка названныхъ сооруженій, до тѣхъ поръ на рынкѣ существуетъ новый запросъ какъ на рабочія руки, такъ и на различные матеріалы, машины и т. п. Этотъ новый спросъ поднимаетъ цѣну и труда, и спрашиваемыхъ товаровъ, что, въ свою очередь, увеличиваетъ запросъ рынка на новые предметы (напр., потребленія рабочихъ) и привлекаетъ къ ихъ производству новые капиталы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, понятно, что періодъ промышленнаго оживленія указаннаго происхожденія будетъ продол-

жаться только до тѣхъ поръ, пока строятся названныя сооруженія, что въ свою очередь зависитъ отъ рода этихъ послѣднихъ: фабрика можетъ быть построена скорѣе, нежели желѣзная дорога, поэтому оживленіе, вызванное преимущественнымъ обращеніемъ капиталовъ на сооруженіе фабрикъ, будетъ кратковременнѣе оживленія, вызваннаго желѣзнодорожной горячкой и т. п. Но въ томъ и другомъ случаѣ оживленію промышленности, зависящему отъ усиленнаго притока денежныхъ средствъ къ производству основного капитала страны, скоро приходитъ конецъ, и послѣдующее состояніе промышленности будетъ зависѣть отъ того—была-ли какая-либо реальная потребность въ произведенныхъ затратахъ, или эта затрата вызвана наличностью свободныхъ капиталовъ, которые не могутъ вѣчно лежать въ банкахъ, а будучи, наконецъ, двинуты на производство, въ состояніи сдѣлать хотя нѣсколько шаговъ на этомъ пути, только обратившись на предпріятія, ненужность которыхъ для рынка выяснится лишь черезъ нѣсколько лѣтъ? Дѣйствительность даетъ категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ.

„Наконецъ, весь избыточный свободный капиталъ, накопленный за предыдущіе годы, израсходованъ,—говоритъ г. Туганъ-Барановскій,—фабрики построены, шахты расширены, новыя желѣзныя дороги проведены. Весь избыточный спросъ въ нѣсколько десятковъ или сотенъ милліоновъ фунтовъ въ годъ, который въ годы промышленнаго оживленія былъ основанъ на расходованіи раньше накопленнаго капитала, внезапно прекращается. Пока фабрика или желѣзная дорога строилась, она представляла собой чистый спросъ. Когда фабрика или желѣзная дорога выстроена, она является преимущественно предложеніемъ, такъ какъ изготовляемые теперь на фабрикѣ товары или провозимыя по желѣзнымъ дорогамъ клади должны окупить съ соотвѣтствующей прибылью всѣ раньше сдѣланныя издержки. Положеніе товарнаго рынка внезапно измѣняется: раньше товары больше спрашивались (для расширенія основного капитала страны), чѣмъ предлагались, теперь же (когда основной капиталъ расширенъ) предложеніе товаровъ увеличилось, а средства для пріобрѣтенія ихъ уменьшились. Поэтому, товары переполняютъ рынокъ и перестаютъ покупаться, наступаетъ состояніе общаго товарнаго перепроизводства, цѣны

товаровъ падаютъ, прибыль сокращается, торговля и промышленность приходятъ въ упадокъ, циклъ промышленнаго круговорота завершается, чтобы вновь начаться въ прежнемъ видѣ“ [1]).

Читатель видитъ, что въ приведенномъ описаніи всего промышленнаго круговорота, сдѣланномъ г. Туганъ-Барановскимъ, неорганизованность производства является ничтожной прибавкой въ ряду другихъ причинъ кризиса, а главные моменты всего цикла объясняются только съ точки зрѣнія неорганизованности распредѣленія и потребленія продукта. Такъ, накопленіе денежнаго капитала въ періодъ промышленнаго застоя является результатомъ особенностей не производства, а распредѣленія, направляющаго національный доходъ въ тѣ руки, которыя не нуждаются въ его потребленіи. Кризисъ, слѣдующій за оживленіемъ промышленности, имѣетъ главной причиной не неправильное распредѣленіе производительныхъ силъ, а отсутствіе покупательныхъ средствъ, соотвѣтствующихъ размаху производительняго капитала. Только промежуточный моментъ — оживленіе промышленныхъ дѣлъ—можетъ быть приписанъ неорганизованности производства въ томъ смыслѣ, что при надлежащей организаціи послѣдняго, оживленіе промышленности вовсе бы не наступило, такъ какъ всѣмъ была бы видна ненужность капитальныхъ затратъ въ произведенномъ размѣрѣ и ихъ способность вызвать только искуственное и скоропреходящее оживленіе дѣлъ. При лучшей организаціи производства накопленный капиталъ пускался бы въ обращеніе постепенно, а не сразу, но такъ какъ по существу дѣлъ этотъ капиталъ въ имѣющемся размѣрѣ излишенъ и его обращеніе на производство происходитъ не вслѣдствіе расширенія спроса рынка на продукты потребленія, а по причинѣ наличности самого капитала, производительное потребленіе котораго можетъ быть отсрочено, но не упразднено, то осторожное обращеніе свободныхъ денежныхъ средствъ на производство не предупредитъ перепроизводства товаровъ, а лишь растянетъ процессъ его развитія, обратитъ острый кризисъ въ хроническій, сдѣлаетъ умѣренно-критическое состояніе промышленности нормальнымъ ея состояніемъ. Такое именно положеніе наблюдается въ послѣднее двадцатилѣтіе.

---

[1]) Промышленные кризисы въ Англіи, с. 501.

Дѣйствительно, общій ходъ промышленныхъ дѣлъ въ 70-хъ годахъ значительно измѣнился; циклическаго характера промышленнаго развитія какъ не бывало. „Прежде въ Англіи за рѣзко выраженными періодами промышленнаго оживленія и подъема слѣдовали такія же рѣзкія, но непродолжительныя паденія. Торговля и промышленность быстро развивались, хотя развитіе ихъ и прерывалось каждое десятилѣтіе кризисами. Теперь *кризисы прекратились*, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратилось и прежнее оживленіе промышленности въ благополучныя эпохи. Эпохи торговаго застоя стали преобладать надъ эпохами оживленія, и ростъ англійской торговли и промышленности почти прекратился. Кризисы изъ острыхъ сдѣлались хроническими, такъ что въ настоящее время промышленность всего міра почти непрерывно испытываетъ кризисъ, выражающійся въ общемъ перепроизводствѣ товаровъ—избыткѣ предложенія ихъ сравнительно съ спросомъ“ [1]).

Благодаря множеству изслѣдованій частныхъ лицъ и въ особенности правительственныхъ коммиссій Англіи и Америки, мы имѣемъ достаточно данныхъ для характеристики послѣдняго экономическаго застоя, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ европейской исторіи. Мы и воспользуемся этими данными, какъ они сгруппированы въ университетской рѣчи проф. Чупрова: *О характерѣ и причинахъ современнаго промышленнаго кризиса въ Западной Европѣ*, напечатанной въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* за 1888 г., а затѣмъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ.

Послѣдній кризисъ отличается отъ всѣхъ предъидущихъ своею продолжительностью. Тогда какъ прежніе кризисы посѣщали Европу періодически, приблизительно каждыя 10 лѣтъ, настоящій съ небольшими колебаніями тянется вотъ уже 20 лѣтъ: начавшись около 1873—1875 гг. и обнаруживъ ослабленіе въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности въ теченіе 1880—83 гг. онъ опять обострился и продолжаетъ свое истощающее вліяніе, кажется, до настоящаго момента. Затѣмъ этотъ кризисъ характеризуется широкимъ географическимъ распространеніемъ: Великобританія, Франція, Бельгія, Россія, Скандинавскія государства, Соединенные Штаты, частью Германія и Австрія и другія

[1]) Туганъ-Барановскій. Пром. криз. въ современ. Англіи, с. 509—10.

страны испытываютъ на себѣ его дѣйствіе; какъ видитъ читатель, онъ обнимаетъ весь цивилизованный міръ.

Обращаясь къ прямымъ проявленіямъ новѣйшаго кризиса, къ его признакамъ, мы ихъ найдемъ въ слѣдующихъ явленіяхъ: изобилии капиталовъ, избыткѣ труда, дешевизнѣ продуктовъ, задержкѣ въ сбытѣ товаровъ.

Что касается изобилія капиталовъ, достаточнымъ его доказательствомъ служитъ высота процента: чѣмъ больше промышленность нуждается въ капиталѣ, тѣмъ процентъ на него выше; не находя же для него достаточнаго помѣщенія, капиталистъ понижаетъ процентъ и тѣмъ надѣется привлечь къ нему потребителя. И вотъ съ 60-хъ гг. замѣчается слѣдующее измѣненіе этого показателя размѣровъ капиталовъ, обращающихся на рынкѣ. Въ періодъ 1861—70 гг., т.-е. до начала кризиза, средній дисконтъ англійскаго банка равнялся $4,_3{}^0/_0$, въ 1871—75 гг.— $3,_5{}^0/_0$. 1876—80 гг.— $2,_9{}^0/_0$, въ 1885 г — $2^1/_2{}^0/_0$; въ Берлинѣ средній банковый дисконтъ въ 70-хъ годахъ былъ не меньше $4^1/_2{}^0/_0$, а въ 1884—87 г.—равнялся $2^1/_2{}^0/_0$. Частный дисконтъ въ послѣдніе годы падалъ еще ниже: въ Лондонѣ онъ спускался въ 1886 г. до $1^1/_8{}^0/_0$, въ 1887 г. до $1^0/_0$; въ Парижѣ, Амстердамѣ и Берлинѣ рыночный дисконтъ въ тѣ же годы не рѣдко опускался ниже $2^0/_0$, даже до $1^1/_2{}^0/_0$. Такое пониженіе процента, указывающее на изобиліе капиталовъ—небывалое явленіе въ финансовой исторіи Европы.

Другое явленіе, сопутствующее изобилію капиталовъ, это—избытокъ труда на рынкѣ. „Въ промышленныхъ округахъ,—читаемъ мы у проф. Чупрова,—многія тысячи рабочихъ остаются безъ дѣла. Въ концѣ 1886 г. въ важнѣйшихъ отрасляхъ англійскаго производства, по записямъ англійскихъ рабочихъ, было больше людей безъ занятій, чѣмъ въ какой бы то ни было другой періодъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Въ Парижѣ въ первые дни 1887 года считалось до 100.000 рабочихъ, не имѣвшихъ никакого занятія, а около 125.000 человѣкъ—съ сокращеннымъ временемъ работы. Въ Соединенныхъ Штатахъ правительственное бюро труда насчитывало въ началѣ 1886 года около 1 милліона рабочихъ людей, лишившихся заработка“. То же самое, еще въ большей степени, наблюдается и въ теченіи 90-хъ годовъ.

Еще болѣе замѣтнымъ признакомъ современнаго положенія дѣлъ служитъ „почти небывалое по своему размѣру паденіе цѣнъ на всѣ главные предметы всемірной торговли“, начавшееся съ 1873 года: немного найдется такихъ предметовъ, которые упали бы меньше, чѣмъ на 20%, средній же размѣръ пониженія въ разныхъ странахъ доходилъ даже выше 30%. „Казалось бы, при такихъ небывало низкихъ цѣнахъ должно вырости потребленіе: между тѣмъ дѣйствительность показываетъ, что спросъ на всѣ предметы находится въ полномъ застоѣ. Земледѣльцы не въ состояніи сбыть хлѣба, промышленники—своихъ издѣлій; рынки переполнены товарами, которые, несмотря на уступки въ цѣнѣ, не идутъ съ рукъ“.

И такъ, промышленное положеніе дѣлъ послѣдняго 20-ти-лѣтія характеризуется избыткомъ капитала, труда, товаровъ; иначе говоря, производство цивилизованнаго міра, даже при томъ неполномъ ходѣ, какой оно имѣло въ разсматриваемый періодъ времени (неполнота его хода доказывается избыткомъ капитала и труда), выбрасываетъ на рынокъ такую массу продуктовъ, потребить которую при современномъ распредѣленіи покупательной силы человѣчество не въ состояніи. Конечно, этотъ избытокъ продукта былъ бы еще больше, если бы общества развернули всѣ свои производительныя средства. если бы весь капиталъ, не находящій помѣщенія въ промышленности, соединился съ трудомъ, ожидающимъ занятія, т.-е. если бы произошло то, чему естественно и слѣдуетъ быть. Но, спрашивается, можно-ли разсматриваемое положеніе дѣлъ назвать кризисомъ, т.-е. острою болѣзнью, условія возникновенія которой извѣстны, кратковременны и подлежатъ устраненію, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ надежда и на благополучный исходъ страданія? Можно-ли примѣнить терминъ „кризисъ“, какъ что-то временное, скоропреходящее, къ положенію дѣлъ, длящемуся цѣлыя 20 лѣтъ и окончальное измѣненіе котораго никѣмъ не предвидится? Не слѣдуетъ ли, напротивъ того, въ описанномъ положеніи промышленности усматривать что-то вродѣ нормальнаго состоянія для извѣстной организаціи экономическихъ отношеній? Не имѣемъ-ли мы нѣкотораго права въ положеніи дѣлъ, проявлявшемся въ теченіе 20 лѣтъ, заподозрить не уклоненіе отъ пути, естественнаго для господствую-

щей промышленной организаціи, а, напротивъ того, приближеніе къ порядкамъ, свойственнымъ экономическимъ обществамъ новѣйшаго типа, когда они достигнутъ извѣстной степени развитія и географическаго распространенія?

И дѣйствительно, слово „кризисъ“ примѣняется для характеристики современнаго положенія дѣлъ развѣ только по старой привычкѣ. Это потому, что разсматриваемое положеніе значительно отличается отъ тѣхъ застоевъ промышленности, какіе намъ были извѣстны раньше. Такъ, „современный кризисъ вовсе не имѣетъ того бурнаго характера, которымъ отличались его предшественники. Онъ не бьетъ въ глаза разореніемъ крупныхъ финансовыхъ предпріятій или значительнымъ увеличеніемъ числа банкротствъ. Напротивъ того, число банкротствъ въ Англіи въ пятилѣтіе 1880—1885 гг. было даже нѣсколько меньше (на 20%) по сравненію съ пятилѣтіемъ 1875—1880 гг.“. Въ Соединенныхъ Штатахъ наблюдается нѣчто, по существу, подобное же. Такимъ образомъ, нашъ „кризисъ“ лишенъ одного изъ своихъ главнѣйшихъ признаковъ—неустойчивости промышленныхъ предпріятій, какъ результата нарушеннаго равновѣсія въ отношеніяхъ между основными элементами жизни, лишающаго производителей прочной опоры въ своихъ заключеніяхъ, почему они вовлекаются въ постоянныя практическія ошибки, заканчивающіяся промышленными крахами и финансовыми банкротствами. Тотъ фактъ, напримѣръ, что банкротства въ Соединенныхъ Штатахъ по суммѣ обязательствъ несостоятельныхъ предпріятій не представляютъ чего-либо выдающагося сравнительно съ прежними случаями, начиная съ 1867 г., доказываетъ, что американскіе предприниматели понимаютъ особенности, свойственныя новѣйшему положенію промышленности, что они строятъ свои предпріятія соотвѣтственно обстоятельствамъ дѣла, приспособились къ обстановкѣ, какъ она установилась въ послѣднее время, что они вошли, такъ сказать, въ колею, созданную новѣйшею исторіей промышленной жизни. Это, во всякомъ случаѣ, не критическое положеніе дѣлъ, не критическое въ смыслѣ необычнаго, непредвидѣннаго, случайнаго и потому плохо извѣстнаго, не поддающагося регулированію и къ которому, поэтому, нельзя приспособиться.

Во-вторыхъ, современное положеніе экономической жизни не

имѣетъ и другого признака, характернаго для явленія необычнаго, болѣзненнаго: оно не выражается замѣтнымъ сокращеніемъ производства. „Напротивъ того, по отзыву англійской комиссіи, произведенное изслѣдованіе не обнаружило уменьшенія ни въ размѣрахъ промышленности, ни въ количествѣ вложеннаго въ нее капитала»; въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производство даже увеличилось. Такимъ образомъ, связь между потребленіемъ и производствомъ не порвана, какъ это бываетъ при настоящихъ кризисахъ; послѣднее идетъ до извѣстной степени параллельно съ первымъ. оно настолько спокойно, что можетъ слѣдить за требованіями рынка, отвѣчать на его запросы, приблизительно, такъ же правильно, какъ оно отвѣчаетъ и въ обыкновенное время. Поэтому настоящій кризисъ представляетъ существенное отличіе отъ прежнихъ. Здѣсь нѣтъ расширенія производства, неоправдываемаго требованіями потребленія—характернаго явленія для эпохи, предшествующей прежнимъ кризисамъ. Поэтому причину современнаго положенія дѣлъ нельзя приписывать отсутствію руководительства производительной дѣятельностью общества. Напротивъ того, сравнительное постоянство темпа промышленной жизни и отсутствіе быстрыхъ его колебаній служитъ доказательствомъ того, что регулированіе собственно производства товаровъ въ послѣднее двадцатилѣтіе совершается лучше, нежели прежде. Поэтому, данное положеніе вещей не можетъ назваться критическимъ. Не удивительно, что и составители отчета англійской коммиссіи, и большинство спрошенныхъ ею лицъ избѣгаютъ даже употреблять терминъ „кризисъ", замѣняя его выраженіемъ „угнетенное положеніе дѣлъ", „депрессія", и т. д.".

Но если переживаемое нами время—не кризисъ, то что же оно такое? „Говоря словами одного изъ членовъ англійской коммиссіи, количество товаровъ, создаваемыхъ капиталомъ и трудомъ, продолжаетъ возростать, но классы, участвующіе въ производствѣ этихъ товаровъ, какъ капиталисты, такъ и рабочіе, терпятъ отъ уменьшенія прибыля и сокращенія или полнаго прекращенія занятій. Сумма богатства увеличивается, лица же, создающія это богатство, получаютъ меньшую его долю". То же самое свидѣтельствуетъ и американскій отчетъ. „Размѣръ промышленныхъ дѣлъ сохранился въ прежнемъ видѣ или, по край-

ней мѣрѣ, не испыталъ значительнаго уменьшенія, но цѣны постоянно падали. На ряду съ этими явленіями замѣчается общее пониженіе заработной платы и предпринимательской прибыли, такъ что во многихъ промыслахъ для ихъ руководителей остается слишкомъ мало или вовсе не остается барыша".

Такимъ образомъ, главныя черты современнаго положенія дѣлъ—не боязнь затраты производительныхъ силъ, не спекулятивное направленіе промышленности, не сообразующееся съ реальными основами спроса, съ дѣйствительными требованіями рынка на различные продукты. Эти черты—отсутствіе выгодныхъ дѣлъ и обезцѣненіе товаровъ. Производители не разсчитываютъ на удачныя спекуляціи, они стремятся удовлетворить дѣйствительному требованію рынка, и, какъ показываетъ отсутствіе острыхъ потрясеній промышленности—успѣваютъ въ этомъ; но спросъ рынка далеко отстаетъ отъ развитія производительныхъ силъ, и промышленность можетъ работать лишь въ половину. По удачному выраженію проф. Чупрова, „настоящій кризисъ состоитъ, въ сущности, въ *замедленіи темпа* экономической дѣятельности, такъ сказать, въ *атоніи, обнимающей всѣ отрасли промышленной жизни*".

И такъ, если современное положеніе промышленности можетъ быть признано за болѣзненное состояніе, то, во всякомъ случаѣ, не острое, а хроническое. Но весьма вѣроятно, что это—вовсе не болѣзнь въ смыслѣ уклоненія отъ явленій, свойственныхъ извѣстному организму; можетъ быть, атонія въ вышеуказанномъ смыслѣ—естественное состояніе нашего времени; можетъ быть, она неизбѣжно связана съ тѣмъ типомъ промышленной организаціи, который устанавливается въ одной за другой во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, и вопросъ объ улучшеніи дѣла сводится либо къ переорганизаціи промышленности, либо къ обращенію къ палліативамъ, способнымъ на время ослабить проявленіе атоніи, сдерживающимъ бытрое развитіе того замедленія темпа экономической дѣятельности, какое составляетъ характеристическую особенность переживаемаго періода и которое не застраховано отъ дальнѣйшаго усиленія. Для рѣшенія этого вопроса необходимо обратиться къ теоріямъ, предложеннымъ для объясненія угнетающаго наше поколѣніе состоянія экономической жизни цивилизованнаго міра.

III.

Въ цитируемой нами брошюрѣ проф. Чупрова развиваются двѣ теоріи, созданныя для объясненія промышленнаго кризиса послѣдняго времени, обѣ основанныя на положеніи, что „исходнымъ пунктомъ настоящаго промышленнаго упадка является упорное пониженіе цѣнъ въ теченіе многихъ лѣтъ, за которымъ непрерывною чередой тянутся: сокращеніе прибылей предпринимателей, паденіе заработковъ рабочихъ и всѣ прочіе признаки, которые были приведены раньше". Одна теорія сводитъ пониженіе цѣнъ на вздорожаніе золота, другая объясняетъ его мотивами, лежащими и въ условіяхъ производства и потребленія товаровъ. Такъ какъ первая теорія и менѣе основательна, и принимается меньшимъ числомъ изслѣдователей, нежели послѣдняя, то мы считаемъ излишнимъ останавливаться на ней, а перейдемъ прямо къ оцѣнкѣ мнѣнія, въ пользу котораго высказывается и проф. Чупровъ.

Основная причина паденія цѣнъ послѣдняго времени заключается въ техническихъ усовершенствованіяхъ въ производствѣ и транспортировкѣ товаровъ. „Хотя главнѣйшія изобрѣтенія, положившія основаніе современной промышленной системѣ, относятся къ болѣе раннему времени, но и въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ замѣчается огромный успѣхъ техническихъ усовершенствованій. Послѣ долгаго перерыва, продолжавшагося съ 40-хъ годовъ, въ послѣднее время снова съ поразительною энергіей пробудился духъ изобрѣтательности. Наше время ознаменовалось цѣлымъ рядомъ крупныхъ открытій: электрическое освѣщеніе, телефоны, передача силъ на разстояніе,—эти научныя новинки, равняющіяся по своей оригинальности и важному значенію великимъ открытіямъ XVIII вѣка, представляютъ лишь болѣе яркія проявленія научно-техническаго прогресса. На ряду съ ними идетъ множество болѣе мелкихъ улучшеній, масса усовершенствованій въ прежнихъ пріемахъ производства". Приведемъ нѣсколько примѣровъ: „фабрика огнестрѣльнаго оружія вырабатываетъ нынѣ, при механическомъ производствѣ, почти въ 50 разъ больше, чѣмъ при ручномъ. Одинъ работникъ, пользуясь машиною Макъ-Кея, сшиваетъ въ день до 300 паръ са-

погъ, безъ машины же онъ не могъ бы сшить и 5 паръ. Приготовленіе ковровъ требуетъ нынѣ почти въ 20 разъ меньше рабочихъ, чѣмъ прежде. Никогда приложеніе механической силы не было такъ громадно, какъ въ наше время". Въ Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ Америки число лошадиныхъ паровыхъ силъ по годамъ измѣнялось такъ: въ 1860 г. ихъ было $11,_4$ мил., въ 70 г.—$19,_5$ мил., въ 80 г.—$28,_9$ мил., 85 г.—$35,_1$ мил. „Принимая во вниманіе, что паровая лошадь, по количеству развиваемой механической силы, равняется, приблизительно, 10 челов., мы найдемъ, что Европа располагаетъ въ данное время работой какъ бы 250 милліоновъ даровыхъ рабовъ". На долю Великобританіи выпадаетъ изъ этой цифры 97 мил.; это значитъ, что каждый изъ ея взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, равно какъ и подростковъ, способныхъ къ работѣ, имѣетъ по 4—5 трудящихся раба. „Во всѣхъ отрасляхъ промышленности произошло въ наши дни огромное сокращеніе издержекъ производства, громадная экономія въ количествѣ труда, потребнаго на снабженіе человѣческаго общества необходимыми для него товарами. Естественно, если подъ вліяніемъ этой причины, въ силу общаго экономическаго закона, падаютъ цѣны".

Чего же, кажется, лучше? Производство удешевилось, цѣны продуктовъ упали, потребленіе ихъ должно расшириться; гдѣ условія для кризиса, почему масса товаровъ не покупается въ то время, какъ большинство населенія далеко не удовлетворило свои даже элементарныя потребности?

Отвѣтъ на вопросъ заключается въ томъ, что на ряду съ усиленнымъ производствомъ, какъ естественнымъ результатомъ техническихъ улучшеній на почвѣ индивидуально-предпринимательнаго хозяйства, развивалось сокращеніе потребительной способности населенія, причины котораго указываются въ упадкѣ доходовъ земледѣльческихъ классовъ подъ вліяніемъ конкурренціи иностраннаго хлѣба сначала въ Англіи, а потомъ въ Америкѣ (конкурренція Остъ-Индіи) и вытѣсненіи труда изъ другихъ отраслей вслѣдствіе примѣненія машинъ и иныхъ сберегающихъ трудъ приспособленій. Такъ какъ указанныя явленія въ области земледѣлія въ своей основѣ имѣютъ тотъ же фактъ примѣненія машинъ и другихъ сберегающихъ трудъ приспособленій къ нетро-

нутымъ почвамъ Америки, Индіи и т. д., то вытѣсненіе труда изъ производства подъ вліяніемъ техническихъ улучшеній должно быть признано основною причиной сокращенія потребленія массы населенія въ послѣднее 20-тилѣтіе.

Спрашивается, однако, чѣмъ же вызвано самое вытѣсненіе труда изъ производства, почему техническія улучшенія повели къ такому результату? Приложеніе машинъ имѣло слѣдствіемъ увеличеніе и удешевленіе товаровъ; если потребности производителей не имѣли полнаго удовлетворенія, то за симъ долженъ послѣдовать новый спросъ на продукты, который и поглотитъ добавочно произведенный товаръ. Если же такого поглощенія не происходитъ, то значитъ, что есть группа лицъ, не усиливающихъ своего потребленія въ размѣрахъ имѣющихся у нихъ средствъ (мы говоримъ „имѣющихся у нихъ средствъ“, ибо всякій добавочно произведенный продуктъ имѣетъ своего хозяина). Эта группа, конечно, — не масса трудящихся, потребности которой далеко не получили полнаго удовлетворенія; остается искать ее въ группѣ предпринимателей и посредниковъ, доходы которыхъ, слѣдовательно, растутъ быстрѣе, чѣмъ могутъ развиваться ихъ потребности.

И такъ, относительное перепроизводство товаровъ при существованіи неудовлетворенныхъ потребностей у $^{9}/_{10}$ производителей и слѣдующее за нимъ вытѣсненіе съ фабрикъ и заводовъ рабочихъ, ведущее уже къ абсолютному сокращенію потребленія народныхъ массъ, есть результатъ такого распредѣленія приращенія національнаго дохода, зависящаго отъ увеличенной производительности труда, при которомъ сравнительно меньшая его часть достается массѣ населенія, потребности которой не удовлетворены, и бо́льшая выпадаетъ на долю незначительной группы лицъ, и по зажиточности, и по своей малочисленности неспособной потребить все приращеніе своего дохода и потому не предъявляющей соотвѣтственнаго спроса на произведенные товары. Въ результатѣ неизбѣжны сокращеніе продукціи, вытѣсненіе труда и безработица. „Затрудненія, переживаемыя теперь, состоятъ не въ недостаткѣ или дороговизнѣ предметовъ необходимости и удобства, но въ борьбѣ за обезпеченіе занятій, которыя даютъ массѣ народа право на извѣстную долю этихъ необходимыхъ или полезныхъ

предметовъ. При отсутствіи подходящихъ занятій народной массѣ приходится вести жалкое существованіе среди величайшаго изобилія...“ „Увеличившееся производство лишь въ томъ случаѣ не повело бы къ промышленному разстройству, если бы параллельно съ нимъ развивалось потребленіе. Но очень быстрый ростъ потребленія невозможенъ, такъ какъ послѣднее обусловливается существующимъ распредѣленіемъ народнаго дохода, которое сразу не мѣняется“.

Но можетъ-ли оно получить надлежащее измѣненіе хотя бы не сразу, но въ такихъ размѣрахъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ избыточный продуктъ, вытѣсненіе рабочихъ съ фабрикъ? Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ никѣмъ еще не данъ, отрицательный же никѣмъ не опровергнутъ.

Мы видимъ, что анализъ фактическихъ условій извѣстнаго историческаго момента, иначе говоря—индуктивный методъ изслѣдованія привелъ къ тѣмъ самымъ заключеніямъ, какія развивались на предъидущихъ страницахъ теоретически. Основной причиной и прежнихъ острыхъ кризисовъ, и современнаго хроническаго атоническаго состоянія промышленности, а равно и развитія пауперизма нужно считать законъ распредѣленія національнаго дохода, свойственный капиталистическимъ обществамъ,—законъ, по которому всякое приращеніе дохода, происшедшее отъ техническихъ улучшеній въ производствѣ, распредѣляется между рабочими и предпринимателями не пропорціонально ихъ потребности въ различныхъ предметахъ, а такъ, что первые получаютъ сверхъ этой потребности, послѣдніе—ниже ея. Въ силу сказаннаго, по мѣрѣ прогрессивнаго развитія общества, доходы привилегированныхъ классовъ испытываютъ огромное приращеніе. Но такъ какъ потребности человѣческаго организма, разъ получивъ удовлетвореніе, развиваются не столь быстро, какъ техника, то естественно, если небольшая кучка верхнихъ слоевъ общества не можетъ потребить всего приращенія своихъ доходовъ, если на рынкѣ появляется избыточный продуктъ (моментъ, называемый нами кризисомъ), если часть рабочихъ вытѣсняется съ фабрикъ, наполняя кадры пауперовъ, кадры лицъ безъ опредѣленныхъ занятій и средствъ существованія.

Такъ какъ прогрессъ техники—одинъ изъ наиболѣе ясныхъ

законовъ развитія современныхъ обществъ, то, при условіи роста капиталистической организаціи промышленности, перепроизводство продуктовъ съ теченіемъ времени должно проявляться чаще, кризисы сдѣлаются обычнымъ явленіемъ, пауперизмъ—неизбѣжною и все растущею составною частью общества. До сихъ поръ, какъ мы знаемъ, указанная характеристическая особенность развитія капиталистической промышленности проявлялась періодически (приблизительно, черезъ 10 лѣтъ) наступающими кризисами, т.-е. пріостановками производства, въ теченіе которыхъ запасы товаровъ потреблялись, рынокъ открывался для новаго помѣщенія продуктовъ, и начиналось такъ называемое оживленіе промышленности, за которымъ черезъ нѣсколько лѣтъ слѣдовалъ опять застой. Но такъ какъ съ теченіемъ времени распредѣленіе національнаго дохода больше и больше расходится съ условіями его потребленія, доля небольшой кучки предпринимателей продолжаетъ быстро расти, по крайней мѣрѣ абсолютно, если не всегда относительно, обращеніе продуктовъ на производство (за невозможностью ихъ потребить), т.-е. накопленіе капитала, идетъ быстрѣе и быстрѣе, то теоретически нѣтъ ничего невозможнаго въ наступленіи такого момента, когда уже и небольшого прогресса въ техникѣ достаточно для вызова перепроизводства, когда періоды оживленія промышленныхъ дѣлъ сократятся до минимума, застой сдѣлается преобладающимъ состояніемъ, когда, слѣдовательно, острое состояніе кризиса превратится въ хроническое и, вмѣсто сравнительно длинныхъ періодовъ оживленія, смѣняемыхъ краткими промежутками кризиса, мы будемъ имѣть угнетенное положеніе промышленности, какъ обычное явленіе, оживляемое по временамъ скоропроходящими вспышками лучшаго, такъ же быстро исчезающими, какъ и появляющимися, —словомъ, будемъ имѣть *замедленный темпъ* или *атоническое* состояніе промышленной жизни. Можно-ли считать, что этотъ періодъ въ развитіи капиталистической продукціи уже наступилъ, и положеніе экономической дѣятельности за послѣднія 20 лѣтъ, вполнѣ подходящее къ только-что описанному à priori, есть нормальное состояніе для ближайшаго будущаго, рѣшать этого вопроса мы не беремся. Скажемъ только, что такъ какъ „настоящее промышленное бѣдствіе идетъ совершенно инымъ путемъ“, нежели шли предшествующіе

кризисы, такъ какъ оно характеризуется повсемѣстнымъ распространеніемъ и необыкновенною продолжительностью, и „обычное его объясненіе разными временными и случайными причинами, вродѣ чрезмѣрнаго кредита и спекуляціи, при настоящихъ обстоятельствахъ оказывается непригоднымъ“, то мы должны признать настоящій моментъ, по крайней мѣрѣ, за начало новаго фазиса въ развитіи капиталистическаго хозяйства, за преддверіе (если не за него самого) того хронически-атоническаго состоянія, которое неизбѣжно постигнетъ господствующую организацію промышленности, если не явится какой-нибудь существенной къ ней поправки.

Въ пользу положенія, что настоящее угнетенное состояніе промышленности —только преддверіе атоническаго состоянія, какъ нормальнаго явленія, а не само это состояніе, говоритъ тотъ фактъ, что оно явилось послѣ необычно широкаго примѣненія къ производству средствъ, сберегающихъ трудъ, какъ въ видѣ техническихъ изобрѣтеній, такъ и въ формѣ обращенія къ дѣвственнымъ почвамъ Америки и Австраліи. Но если вспомнить, что колонизація некультурныхъ странъ, а съ ней и обращеніе къ неистощеннымъ почвамъ еще далеко и далеко не закончено, а съ другой стороны, что современная техника всѣ силы человѣческаго генія направила на разрѣшеніе вопросовъ о примѣненіи къ производству электричества и передачѣ силы на разстоянія,— вопросовъ, удачное разрѣшеніе которыхъ обѣщаетъ человѣчеству новыя громадныя завоеванія въ сферѣ производительности труда, а капиталистическимъ обществамъ—новые источники перепроизводства товаровъ, новыя затрудненія, — если вспомнить все это, то придется признать, что допускаемая нами отсрочка наступленія хронической атоніи міровой промышленности заключаетъ въ себѣ очень мало утѣшительнаго, что преддверіе названнаго состоянія весьма узко, и потому близокъ часъ новыхъ явленій въ экономической жизни, когда оживленіе и угнетеніе промышленности помѣняются мѣстами и первое будетъ такимъ же рѣдкимъ и не засиживающимся гостемъ, какимъ до послѣдняго 20-тилѣтія было послѣднее.

Вспомогательныя средства капиталистической эволюціи.

I.

И такъ, ахиллесова пята капиталистической организаціи промышленности заключается въ затруднительности для владѣющихъ классовъ потребить весь свой доходъ. При такомъ положеніи дѣлъ остается или направлять избытокъ дохода на расширеніе производства, или тѣмъ или инымъ способомъ передать его для потребленія лицамъ, въ производствѣ не участвующимъ, или вѣчно находиться въ ожиданіи кризисовъ, сначала острыхъ, а потомъ хроническихъ. Въ исторіи главнѣйшихъ цивилизованныхъ странъ мы встрѣчаемся со всѣми тремя указанными исходами, но въ разное время тотъ или другой играли неодинаково выдающуюся роль.

Что касается направленія избыточнаго дохода на расширеніе производства, то, пока въ данной странѣ не закончился процессъ отдѣленія обрабатывающей промышленности отъ земледѣльческой. и сельское населеніе ея на ряду съ земледѣліемъ занимается также промыслами — расширеніе капиталистическаго производства можетъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, совершаться на счетъ мелкаго. Но такъ какъ, во-1-хъ, этотъ исходъ утилизаціи избыточнаго дохода связанъ съ сокращеніемъ заработковъ населенія и весьма легко можетъ имѣть слѣдствіемъ замедленіе въ ростѣ національнаго дохода. во-2-хъ, есть цѣлый рядъ промысловъ, или вовсе недоступныхъ крупной организаціи производства, или способныхъ подчиниться этой организаціи лишь при условіи весьма высокаго культурнаго развитія страны, почему расширеніе капиталистической продукціи на счетъ мелкаго производства имѣетъ опредѣленные предѣлы и не можетъ совершаться съ быстротой, соотвѣтствующей быстротѣ накопленія капитала, то на ряду съ внутреннимъ расширеніемъ производство чувствуетъ потребность и во внѣшнемъ, а при невозможности таковаго, т.-е. при изолированномъ существованіи общества, послѣднее можетъ быть и не въ состояніи достигнуть высокихъ ступеней промышленнаго развитія подъ руководствомъ капитала [1]).

[1]) Вопросъ о капиталистической эволюціи, при отсутствіи внѣшняго

Дѣйствительно, постоянный избытокъ товаровъ на рынкѣ долженъ служить огромнымъ препятствіемъ дальнѣйшему прогрессу капиталистической промышленности. При такомъ избыткѣ цѣны продуктовъ падаютъ, многіе производители разоряются, другіе претерпѣваютъ сокращеніе доходовъ. Въ обоихъ случаяхъ сокращается потребленіе предпринимателей и рабочихъ лопнувшихъ фабрикъ, за которымъ слѣдуетъ уменьшеніе производства, т.-е. отказъ въ занятіи нѣкоторой части фабричныхъ рабочихъ, значитъ опять сокращеніе спроса на товаръ, опять ограниченіе производства и т. д. Иное дѣло, если страна находится въ оживленныхъ сношеніяхъ съ другими областями міра, въ особенности, если эти другія области стоятъ ниже ея въ промышленномъ отношеніи. Въ этомъ случаѣ излишекъ продукта, угнетающій ея внутренній рынокъ, она можетъ вывезти заграницу. Поэтому, если капиталистически развивающаяся нація не находится въ оживленныхъ коммерческихъ сношеніяхъ съ другими областями земного шара, то естественный ходъ ея развитія приведетъ къ необходимости такихъ сношеній, и если она сумѣетъ завязать ихъ и направить въ духѣ своихъ интересовъ, то этимъ обезпечитъ себѣ возможность сдѣлать извѣстное число шаговъ по пути капитализаціи своего производства. Такъ какъ различныя области земного шара не отдѣлены одна отъ другой непреодолимыми преградами, то естественно, если коммерческіе и всякіе другіе разсчеты передовыхъ націй заставъ ихъ завязывать сношенія съ чужими странами, а эти сношенія облегча имъ достиженіе высшихъ ступеней развитія той промышленной формы, какая естественно возникала на почвѣ дифференцированія общества на классы, составляющаго характерную черту цивилизаціи Западной Европы.

Этотъ априорный выводъ находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что намъ извѣстно относительно экономической исторіи Европы. Исторія промышленнаго развитія страны, раньше другихъ выступившей на путь капиталистической эволюціи и достигшей здѣсь наибольшихъ успѣховъ—Англіи—есть въ то же время исторія ея всемірной торговли и погони за рынками. На тотъ же

рынка, разработанъ на примѣрѣ Россіи въ трудѣ г Николая—она «Очерки пореформеннаго хозяйства Россіи»

путь исканія внѣшнихъ рынковъ во что бы то ни стало вступаютъ и другія страны, капитализующія свою промышленность. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что разсматриваемая форма организаціи производства на извѣстной ступени своего развитія неизбѣжно превращаетъ національную промышленность во всемірную.

Обмѣнъ съ чужими странами многими способами облегчаетъ процессъ капитализаціи промышленности. Знакомство съ новыми предметами потребленія даетъ возможность предпринимателямъ увеличить свои расходы, и часть товара, угнетающаго внутренній рынокъ, будетъ обмѣнена на предметы иностраннаго производства, начинающіе входить въ кругъ обычнаго потребленія владѣющаго класса. Этимъ способомъ, однако, будетъ достигнуто лишь кратковременное облегченіе внутренняго рынка, такъ какъ условія, создающія перепроизводство товаровъ, остаются дѣйствовать по прежнему. Внѣшній рынокъ нуженъ капиталистической промышленности главнѣйшимъ обоазомъ для того, чтобы сбывать излишки своихъ товаровъ, безъ обязательства брать за нихъ продукты потребленія, вырабатываемыя другою страною; сбывать ихъ за деньги, за золото и денежные векселя. Тѣ же области, съ которыми ведется торговля, могутъ предложить въ обмѣнъ на чужіе товары лишь продукты собственнаго производства. Принужденная выбирать между излишкомъ своихъ или чужихъ товаровъ, капитализующаяся страна находитъ выходъ изъ затруднительнаго положенія въ томъ обстоятельствѣ, что области, съ которыми она торгуетъ, обладаютъ большими естественными богатствами и находятся на низкой ступени развитія промышленной техники. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, она заставляетъ ихъ производить сырье, которое и беретъ въ обмѣнъ за свои товары. Преимущества этой операціи надъ той, когда ей приходится брать предметы непосредственнаго потребленія, заключаются въ томъ, что послѣдніе ей завѣдомо дѣвать некуда, между тѣмъ какъ сырье она можетъ переработывать въ фабрикаты. Такое направленіе обмѣна открываетъ капитализующейся странѣ возможность направить излишне произведенный товаръ на расширеніе производства. Это еще болѣе усилитъ ея жажду рынковъ, которые она и станетъ искать всюду, частью пользуясь дешевизной своего технически совершеннаго производства, частью насильственно унич-

тожая мануфактуры въ своихъ колоніяхъ, заставляя послѣднія брать фабрикаты метрополіи.

И такъ, вывозъ продуктовъ потребленія въ обмѣнъ на сырье—операція, позволяющая капитализующейся странѣ избытокъ своихъ производительныхъ, сравнительно съ запросомъ внутренняго рынка, силъ обратить на расширеніе производства для вывоза за границу—вотъ второй путь, которымъ международная торговля облегчаетъ такой націи задачу устраненія вредныхъ послѣдствій внутренняго перепроизводства товаровъ.

Преобладаніе производства предметовъ надъ ихъ потребленіемъ означаетъ существованіе избытка производительныхъ силъ. Освобожденіе внутренняго рынка отъ излишняго товара, поэтому, можетъ быть достигнуто не только вывозомъ готоваго продукта, но и удаленіемъ изъ страны производительныхъ силъ—капитала и рабочихъ. И мы знаемъ, что этимъ способомъ облегченія внутренняго рынка промышленныя націи пользуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Новыя обширныя области, вродѣ Америки, Австраліи, заселены, главнымъ образомъ, рабочимъ населеніемъ быстро капитализующихся странъ Европы; капиталы тѣхъ же передовыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ разлились по всѣмъ отсталымъ государствамъ и создаютъ здѣсь первые образцы европейскихъ производствъ.

Всѣми этими способами внутренній рынокъ освобождается отъ излишняго продукта, явившагося результатомъ быстраго развитія промышленности, послѣ чего открывается возможность новыхъ успѣховъ на пути этого развитія, новыхъ шаговъ капиталистической эволюціи промышленности.

Наибольшую важность въ разсматриваемомъ отношеніи послѣ вывоза за границу товаровъ, имѣетъ средство, заключающееся въ удаленіи изъ страны рабочихъ. Благодаря происходящему отъ этого освобожденію рабочаго рынка отъ избытка конкуррентовъ, заработная плата подымается, доля же предпринимателей, а слѣдовательно и непотребленная часть продуктовъ, становится меньше; рынокъ не такъ легко заваливается избыточнымъ товаромъ и ставитъ меньше препятствій дальнѣйшей капитализаціи промышленности.

Облегчая условія капиталистической эволюціи въ странахъ,

давно вступившихъ на путь этого развитія и успѣвшихъ пройти главнѣйшія приготовительныя, такъ сказать, стадіи этого процесса,—приготовительныя въ томъ смыслѣ, что ими создается экономическая обстановка (обезземеленіе населенія, накопленіе капитала и т. п.), дѣлающая возможнымъ развитіе технически совершеннаго капиталистическаго строя—эмиграція рабочаго населенія (а частью и мѣстнаго капитала) служитъ дѣлу развитія капиталистическаго строя также въ странахъ, куда она направляется.

Если бы рабочее населеніе перекочевывало изъ одной страны, испытывающей тяжести капиталистическаго режима, въ другую подобную же, то это было бы равносильно перекладыванію тяжести съ мѣста на мѣсто, но не освобожденію отъ нея. Въ исторіи же эмиграціи преобладающую роль играетъ переселеніе изъ старыхъ государствъ въ новыя, только что прикоснувшіяся къ культурѣ. Въ старыхъ областяхъ предварительныя стадіи капиталистическаго процесса — заключающіяся въ разобщеніи трудящагося со средствами поизводства — пройдены, всякій клочекъ земли нашелъ себѣ собственника, и вытѣсняемый изъ сферы мелкой обрабатывающей промышленности рабочій долженъ идти только на фабрику, а непринимаемый сюда по недостатку мѣста, не можетъ свободно устроиться на землѣ. Иныя условія наблюдаются въ тѣхъ областяхъ земного шара, которыя избраны европейцами для колонизаціи. Земля здѣсь настолько же свободна, насколько почва дѣвственна. Она не только не закрыта для мелкаго земледѣльца, но ждетъ оплодотворяющаго прикосновенія человѣческаго труда. Капиталистическій режимъ не имѣетъ здѣсь почвы для своего развитія. Здѣсь не только не пройдены предварительныя стадіи этого процесса—освобожденіе рабочаго отъ средствъ производства—здѣсь не совершилось еще то, что предшествуетъ этой предварительной стадіи; здѣсь еще стоитъ на очереди вопросъ о соединеніи работающаго и земли, тотъ процессъ, который Европой пройденъ на зарѣ ея историческаго развитія. Правда, теоретически мыслимо, что этотъ процессъ будетъ совершаться капиталистическимъ путемъ, т.-е. что геній капитализма, родившійся и воспитанный въ передовыхъ странахъ Европы и задыхающійся здѣсь подъ тяжестью собственнаго бремени, перенесетъ свою созидательную работу на дѣвственныя почвы колоній. Это было бы,

повидимому, тѣмъ болѣе естественно, что всѣ элементы капиталистическаго строя находятся на лицо. Въ метрополіи имѣются свободные капиталы и свободные рабочіе, готовые идти къ нимъ на службу; въ колоніи есть земля, одинаково охотно соединяющаяся съ наемнымъ трудомъ и съ свободнымъ. Повидимому, стоитъ только предпринимателю перенести изъ Европы на избранную имъ территорію свой капиталъ и нанятыхъ рабочихъ для того, чтобы здѣсь сразу зацвѣли тѣ же порядки, которые съ такимъ трудомъ водворяются въ Европѣ. Повидимому, такъ именно и разсуждали капиталисты и пытались обратить мысль въ дѣло. Господинъ Пиль, напр., взялъ съ собой изъ Англіи въ Новую Голландію орудій производства и средствъ существованія на сумму 50.000 ф. ст. и 3.000 человѣкъ рабочихъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. По достиженіи же обѣтованной земли, „у господина Пиля не осталось ни одного слуги, чтобы сдѣлать постель или принести воды изъ рѣки“. „Несчастный господинъ Пиль, онъ все предвидѣлъ, но забылъ только вывезти съ собой англійскія отношенія производства“ (Марксъ).

Дѣло въ томъ, что, для обезпеченія безпрепятственнаго развитія капиталистическаго строя, недостаточно имѣть соединенными въ однѣхъ рукахъ землю, капиталъ и трудъ; необходима наличность еще одного, отрицательнаго условія, необходимо, чтобы трудящійся не имѣлъ возможности порвать узы, связывающія его съ предпринимателемъ, чтобы онъ не могъ работать самостоятельно, на свой собственный рискъ и страхъ. Эта невозможность обращенія наемнаго рабочаго въ самостоятельнаго производителя въ обработывающей промышленности обезпечивается самой организаціей промысла, исключающей конкурренцію мелкаго производства съ крупнымъ, т.-е. обезпечивается экономическими средствами. Въ области же земледѣлія экономическихъ отношеній оказывается для этого недостаточно, и въ западно-европейскихъ государствахъ связь рабочаго съ капиталомъ поддерживается мѣрами политическими—существованіемъ законовъ, закрѣпляющихъ землю за крупными собственниками Вновь образующееся государство въ колоніяхъ не находится въ рукахъ привиллегированнаго класса; государство это создается массою трудящагося населенія. Но, кѣмъ бы оно ни создавалось, невозможно воспретить

свободному рабочему сѣсть на незанятую землю. пахать и сѣять ее; а это значитъ, что въ колоніи отсутствуютъ экономическія и политическія средства удержанія свободнаго рабочаго при предпринимателѣ, и капиталистическія отношенія производства могутъ здѣсь осуществиться лишь при открытомъ насиліи надъ личностью работающаго, могутъ существовать въ той формѣ, которая давно пройдена Европой, въ формѣ не свободнаго труда. „Безъ рабства капиталъ пропалъ бы въ испанскихъ колоніяхъ,—говоритъ Уэкфильдъ. —Это дѣйствительно произошло въ послѣднихъ колоніяхъ, основанныхъ англичанами, гдѣ, вслѣдствіе недостатка наемныхъ работниковъ, хлынулъ громадный капиталъ. помѣщенный въ сѣменахъ, скотѣ и инструментахъ, и гдѣ ни у одного поселенца нѣтъ капитала, большаго, чѣмъ тотъ, какой онъ можетъ прилагать самъ, своими руками". И капиталъ не остановился передъ альтернативой: рабъ или смерть! и, къ позору человѣчества, во второй половинѣ XIX вѣка потоки крови цивилизованныхъ людей пролиты на защиту рабовладѣнія!

Капиталъ оказался въ силахъ распространить рабскую организацію промышленности лишь на лицъ черной кожи. Затѣмъ, рабскій трудъ можетъ быть терпимъ при грубыхъ пріемахъ первобытнаго земледѣлія, но не въ высшихъ сферахъ обработывающей промышленности, основанной на примѣненіи пара и машинъ. Здѣсь необходимо приложеніе свободнаго труда, и потому возможность затраты капитала на организацію принудительнаго земледѣльческаго производства не исключала съ его стороны попытокъ основанія въ колоніяхъ фабрично-заводскихъ предпріятій европейскаго типа. Такимъ образомъ, въ колоніяхъ одновременно происходитъ развитіе двоякаго рода капиталистической промышленности: рабовладѣльческой и основанной на наемномъ трудѣ. Насъ занимаетъ въ настоящее время послѣдняя форма приложенія капитала.

Эта, капиталистическая, въ узкомъ смыслѣ слова, промышленность должна развиваться здѣсь при условіяхъ, совершенно противуположныхъ европейскимъ. Мѣстные жители сидятъ свободными производителями на землѣ, и привлечь ихъ къ наемному труду на фабрикѣ можно лишь обѣщаніемъ высокой заработной платы. При такихъ условіяхъ развитіе предпринимательскаго хо-

зяйства представляется крайне затруднительнымъ, чтобы не сказать — невозможнымъ, и тутъ-то старыя капиталистическія страны приходятъ на помощь молодому отпрыску капитализма, регулярно высылая въ колоніи новыя и новыя толпы рабочихъ. Прибывающее населеніе тотчасъ же ищетъ заработка, и капиталъ даетъ ему этотъ заработокъ на фабрикахъ и заводахъ. Черезъ нѣкоторое время, осмотрѣвшись и оправившись, часть прибывшихъ изъ наемныхъ фабричныхъ рабочихъ превращается въ самостоятельныхъ земледѣльцевъ, но на ихъ мѣсто являются новые кадры рабочихъ, новые дѣятели фабричной продукціи. Правда, такое неустойчивое состояніе рабочаго рынка служитъ значительнымъ препятствіемъ широкому распространенію разсматриваемой формы промышленности. „Наши капиталы,—говорили капиталисты Канады и штата Нью-Іоркъ,—лежатъ готовыми для многихъ предпріятій, требующихъ значительнаго времени; но можемъ-ли мы начинать дѣла съ рабочими, которые вскорѣ покажутъ намъ спину? Если бы мы были убѣждены, что въ состояніи удержать такихъ переселенцевъ, мы бы съ радостью наняли ихъ, притомъ за высокую плату. Даже при полной увѣренности потерять ихъ, мы все-таки нанимали бы ихъ, если бы были увѣрены, что при нашемъ требованіи явились бы новые“. Но этимъ же неблагопріятнымъ для предпринимателей условіемъ устраняются многія изъ препятствій, лежащихъ на пути капитализаціи промышленности въ старыхъ обществахъ,—препятствій, требующихъ, чтобы эти общества искали внѣшнихъ рынковъ для своихъ товаровъ, а, при отсутствіи таковыхъ, удерживающихъ мѣстную промышленность на низкомъ уровнѣ техническаго совершенства.

Дѣло въ томъ, что, благодаря свободному доступу къ землѣ, рабочій рынокъ колоніи, въ противуположность тому, что имѣетъ мѣсто въ метрополіи, страдаетъ не излишкомъ, а недостаткомъ лицъ, ищущихъ работы. Поэтому конкурренціонныя условія, коими опредѣляется раздѣлъ продукта годового производства между предпринимателями и рабочими, складываются въ пользу послѣднихъ, и заработная плата составляетъ здѣсь значительно бо́льшую долю общаго продукта, а часть капиталистовъ—значительно меньшую долю его, сравнительно съ тѣмъ, что имѣло мѣсто въ Европѣ. Этимъ ослабляется возможность образованія большихъ скопленій

непотребленныхъ продуктовъ, возможность сильнаго переполненія рынка товаромъ, задерживающаго дальнѣйшее развитіе промышленности. Здѣсь слѣдуетъ ожидать не переполненія рынка товарами, а, скорѣе, недостатка послѣднихъ для удовлетворенія запроса страны, такъ какъ къ числу мѣстныхъ потребителей присоединяются иммигранты, безпрерывно прибывающіе изъ Европы. Правда, взамѣнъ продуктовъ, они предлагаютъ свой трудъ, который обратится въ продуктъ же; но пока будетъ совершаться процессъ этого обращенія, рабочіе должны потреблять то, что произведено не ими, то, что въ другихъ странахъ остается непотребленнымъ и давитъ на рынокъ. По существу, здѣсь нѣтъ различія съ тѣмъ средствомъ освобожденія отъ излишняго товара, какое примѣняется капиталистическими странами европейскаго материка,—вывозомъ его за границу. Смыслъ этого вывоза заключается въ привлеченіи къ потребленію мѣстнаго продукта населенія другихъ странъ, не участвовавшихъ въ его производствѣ. Форма же этого привлеченія можетъ быть двоякая: во-1-хъ, излишній для потребленія мѣстнаго населенія продуктъ можетъ быть увезенъ къ заграничному потребителю, во-2-хъ, заграничный потребитель можетъ быть привезенъ къ продукту. Первый способъ освобожденія капиталистическаго строя отъ непотребленнаго продукта примѣняется метрополіями, второй—колоніями.

При извѣстной быстротѣ иммиграціи, наличнаго товара въ колоніи становится недостаточно для удовлетворенія всего предъявляемаго запроса, тѣмъ болѣе, что спросъ, вызываемый появленіемъ новыхъ рабочихъ, не ограничивается продуктами непосредственнаго ихъ потребленія. Привлеченіе къ производству новыхъ рабочихъ требуетъ затраты капитала на постройку фабрикъ, машинъ, желѣзныхъ дорогъ и пр. Если въ старыхъ капиталистическихъ обществахъ раздѣлъ національнаго продукта между предпринимателями и рабочими совершается въ такой пропорціи, что накопляемые первыми избытки были бы достаточны для открытія множества новыхъ фабрикъ и заводовъ, и только недостатокъ спроса на товары задерживаетъ это открытіе, то въ колоніяхъ, съ весьма высокой заработной платой, дѣло находится въ иномъ положеніи, и для отвѣта на всѣ требованія быстро развивающейся жизни мѣстныхъ продуктовъ оказывается недостаточно, представ-

ляется необходимость въ привлеченіи ихъ со стороны. Этимъ пользуется метрополія и, вмѣстѣ съ рабочими, высылаетъ въ колоніи и свои капиталы.

Высокая заработная плата въ колоніяхъ — помимо того, что ею создается обширный рынокъ для сбыта продуктовъ мѣстной капиталистической промышленности — способствуетъ развитію послѣдней еще другимъ вліяніемъ: ускоряя примѣненіе машинъ. Разсчетъ фабриканта при введеніи новой машины основывается на разницѣ цѣны машины и цѣны того количества труда, какое ею вытѣсняется или замѣщается. Цѣна машины, какъ и всякаго другого товара, опредѣляется количествомъ труда, затрачиваемаго на ея производство; цѣна того труда, который она вытѣсняетъ, опредѣляется суммой, уплачиваемой за него нанимателями. При низкой заработной платѣ машина должна вытѣснять слишкомъ много рабочихъ для того, чтобы издержки по ея пріобрѣтенію окупились сбереженіями, происшедшими отъ сокращенія числа рабочихъ; при высокой заработной платѣ фабрикантъ получаетъ уже выгоду отъ примѣненія машины, замѣняющей не столь большое число рукъ. Но чѣмъ большее число рабочихъ замѣняетъ машина, тѣмъ она производительнѣе; значитъ — при низкой заработной платѣ выгодно примѣнять только тѣ машины, которыя сильно экономизируютъ трудъ; при высокой же нормѣ вознагражденія послѣдняго возможно утилизировать и изобрѣтенія, лишь незначительно повышающія производительность труда. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что въ странахъ съ высокой заработной платой найдутъ себѣ примѣненіе такія техническія изобрѣтенія, какія въ областяхъ низкаго вознагражденія труда не обращаютъ на себя вниманія предпринимателей; что техническое развитіе промышленности въ этихъ странахъ будетъ идти быстрѣе.

Итакъ, свободный доступъ рабочаго къ землѣ устраняетъ тѣ задержки организаціи капиталистической промышленности, какія возникаютъ въ обществахъ, вся территорія которыхъ оказывается уже занятой, и даетъ возможность этой промышленности принять технически болѣе совершенныя формы. Данный случай намекаетъ на то, что при распредѣленіи продукта національнаго производства между классомъ предпринимателей и классомъ рабочихъ въ отношеніи, болѣе выгодномъ для послѣд-

нихъ, капиталистическая форма промышленности пріобрѣтаетъ большую устойчивость и возможность болѣе совершеннаго развитія сравнительно съ тѣмъ случаемъ, когда этотъ раздѣлъ совершается къ вящей выгодѣ предпринимателей. А такъ какъ устойчивость и высота развитія — суть свойства, выгодныя для той организаціи, къ какой они относятся, то отдѣленіе отъ продукта капиталистической промышленности возможно большей доли въ пользу рабочихъ — хотя оно и противорѣчитъ интересамъ *данной группы предпринимателей* — есть условіе, обезпечивающее прочность этой формы, находится въ полномъ согласіи, такъ сказать, съ интересами капиталистическаго *строя*. Дальнѣйшее наблюденіе, однако, показываетъ, что увеличеніе въ общемъ продуктѣ доли рабочаго въ концѣ концовъ выгодно и для отдѣльныхъ предпринимателей, выгодно въ томъ смыслѣ, что оно имѣетъ слѣдствіемъ такое ихъ обогащеніе, какого они тщетно ожидали бы при низкой оплатѣ труда.

Сказанное до извѣстной степени вытекаетъ уже изъ того обстоятельства, что при высокой заработной платѣ увеличивается, какъ мы видѣли, производительность труда, т.-е. растетъ масса матеріальныхъ предметовъ, выпадающая на долю капиталистовъ. Такимъ образомъ, отдѣльные предприниматели данной страны, получая относительно менѣе предпринимателей того государства, гдѣ заработная плата низка,—въ силу большей производительности труда на ихъ фабрикахъ, снабженныхъ болѣе совершенными машинами—могутъ имѣть въ матеріальныхъ предметахъ (которые только и составляютъ дѣйствительную цѣнность для человѣка) не менѣе, а можетъ быть, и болѣе того, что получаютъ на свою долю послѣдніе предприниматели. Но первые имѣютъ еще одинъ источникъ увеличенія своихъ матеріальныхъ доходовъ. То же обстоятельство—высокая заработная плата, съ обратной его стороной—низкой долей (идеальной) предпринимателя, которое вызываетъ особенно сильное стремленіе колоніальныхъ капиталистовъ къ примѣненію техническихъ улучшеній производства, заставляетъ ихъ принимать и всякія другія мѣры экономизированія расходовъ производства и увеличенія абсолютной цифры своихъ доходовъ. Однимъ же изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ является организація болѣе крупныхъ предпріятій, кон-

центрація капиталовъ; а концентрація капиталовъ означаетъ и концентрацію доходовъ, возростаніе богатствъ, скопляющихся въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ.

И такъ, болѣе спокойное и быстрое развитіе болѣе совершенныхъ формъ капиталистической организаціи промышленности— таковы послѣдствія соціальнаго строя, при которомъ рабочіе имѣютъ свободный доступъ къ землѣ. Но что значитъ свободный доступъ къ землѣ, какъ не возможность устраиваться на ней въ качествѣ самостоятельныхъ производителей? Такимъ образомъ, пышный расцвѣтъ капиталистической организаціи извѣстной части трудящагося населенія колоній обусловливается изъятіемъ изъ подъ господства этой организаціи другой, большей части трудящихся. Быстрота, совершенство и развитіе капиталистической формы основано на мирномъ ея сожительствѣ съ народной формой промышленности. Высокое состояніе *производства* явилось результатомъ выгоднаго для трудящихся *распредѣленія* національнаго продукта.

Спрашивается однако, долго-ли будетъ продолжаться это мирное сожительство двухъ формъ промышленной организаціи колоній; долго-ли капитализмъ будетъ фигурировать лишь въ качествѣ организующей силы и не проявлять разрушительнаго вліянія на формы промышленности, ему противуположныя, и затѣмъ, какъ скоро это разрушительное вліяніе обнаружится, какъ отразится оно на судьбѣ самого капитализма?

Эти интересные вопросы не подлежатъ нашему разсмотрѣнію, имѣющему обще-теоретическій характеръ.

II.

Мы видѣли, что международная торговля является естественнымъ послѣдствіемъ развитія капиталистическаго производства. Но это не единственное ея основаніе; международное дѣленіе труда покоится еще, во-первыхъ, на разнообразіи естественныхъ условій и, во-вторыхъ, на различіи ступеней промышленнаго прогресса, какихъ въ каждый данный моментъ достигли страны, находящіяся во взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія мы можемъ главныхъ участниковъ въ между-

народной торговлѣ раздѣлить на двѣ категоріи, изъ которыхъ одна снабжаетъ другую фабрикатами, а получаетъ отъ нея сырье и жизненные припасы. Такимъ способомъ образуется національное раздѣленіе труда, которое на первое время можетъ быть выгодно для обѣихъ сторонъ. Но затѣмъ земледѣльческія мѣстности начинаютъ тяготиться подобной обстановкой промышленнаго дѣла. Обусловливается это, между прочимъ, тѣмъ, что размноженіе у нихъ населенія требуетъ введенія болѣе интенсивныхъ земледѣльческихъ системъ, которое зависитъ отъ возможности повысить цѣну продуктовъ, между тѣмъ какъ появленіе на международномъ рынкѣ новыхъ участниковъ во всемірной торговлѣ, постоянно совершающееся вслѣдствіе распространенія культуры, несетъ за собой противуположную тенденцію: понижать стоимость продуктовъ добывающей промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе капиталистическихъ отношеній въ земледѣльческихъ странахъ ведетъ, какъ мы видѣли, къ растратѣ національнаго труда въ размѣрахъ, неизвѣстныхъ націямъ промышленнымъ,—растратѣ, которою эти страны расплачиваются за честь присоединенія къ числу капиталистическихъ и за поддержаніе капиталистическихъ отношеній у своихъ контрагентовъ на международномъ рынкѣ. Вслѣдствіе этой и многихъ другихъ причинъ, земледѣльческія страны, которыя обыкновенно также и наиболѣе отсталыя въ дѣлѣ развитія техники, начинаютъ особенно заботиться о развитіи у себя обрабатывающей промышленности, для чего онѣ первымъ дѣломъ прибѣгаютъ къ изгнанію съ своего рынка иностранныхъ фабрикатовъ. Если ихъ усилія увѣнчаются успѣхомъ, то это не замедлитъ отразиться и на другой группѣ обществъ. Будучи ограничены въ сбытѣ своихъ фабрикатовъ на привычные рынки, эти послѣднія должны или открыть взамѣнъ новые, или преобразовать собственное производство по указанію новыхъ обстоятельствъ: сократить фабрично-заводскую дѣятельность, расширить земледѣльческую. Пока же онѣ тѣмъ или инымъ способомъ не примѣнятся къ обстоятельствамъ, ихъ торгово-промышленныя дѣла будутъ находиться въ слѣдующемъ положеніи: построивъ свое потребленіе на старой системѣ международнаго производства, получая изъ за границы массу продуктовъ, за которые она прежде расплачивалась фабрикатами, подобная страна нынѣ,

когда сбытъ послѣднихъ затрудненъ, должна или сократить потребленіе иноземныхъ продуктовъ, или отдавать за нихъ деньги. Достигнуть въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ перваго—дѣло, довольно затруднительное; второе возможно въ случаѣ, если страна обладаетъ капиталами, которые она отдаетъ въ ссуду и за которые получаетъ проценты. Капиталистическія націи обыкновенно и владѣютъ такими капиталами, ненужными для внутренняго производства и помѣщаемыми въ иностранныхъ земляхъ. Основа этимъ экстраординарнымъ рессурсамъ положена была еще въ тотъ періодъ, когда онѣ господствовали въ международной торговлѣ, когда ихъ товаръ ожидался всюду съ распростертыми объятіями, когда они больше вывозили свои, чѣмъ принимали чужіе продукты. Это предыдущее накопленіе денежнаго капитала даетъ имъ возможность до поры до времени переносить кризисъ, вызванный новымъ распредѣленіемъ международнаго производства.

Такимъ образомъ развитый на предъидущихъ страницахъ путь удаленія изъ капитализующейся страны излишняго продукта не можетъ считаться ни совершеннымъ, ни вѣчнымъ, и, облегчая положеніе дѣлъ въ настоящемъ, онъ создаетъ еще бо́льшія затрудненія для будущаго. Понемногу наступаетъ время, когда общества отказываются и отъ чужихъ продуктовъ, и отъ чужихъ капиталовъ, а, между тѣмъ, накопленіе послѣднихъ, благодаря продолжительному, почти монопольному господству на міровомъ рынкѣ, гдѣ обычные коммерческіе пріемы шли рука объ руку съ замаскированнымъ, а то и открытымъ грабежомъ, въ нѣкоторыхъ странахъ шло очень быстрымъ темпомъ. Приходится, поэтому, на ряду съ главнымъ отводомъ избытка доходовъ на расширеніе производства, практиковать и другіе способы поглощенія произведенныхъ товаровъ; за невозможностью потребленія продуктовъ самими предпринимателями и недостаточностью способа обращенія ихъ на производство для заграничныхъ рынковъ, нужно развивать средства ихъ уничтоженія внутри страны. И вотъ расширяется потребленіе этихъ продуктовъ пауперами, содержащимися на общественное иждивеніе, прислугой, ничего не производящей, а только потребляющей, войскомъ, лицами быстро растущаго класса такъ называемыхъ свободныхъ профессій и т. д. Очень быстро

растутъ государственные бюджеты и затраты на благотворительность. Въ новѣйшее же время къ названнымъ средствамъ уничтоженія избыточнаго продукта присоединяется новое—организація рабочихъ союзовъ съ цѣлью сокращенія рабочаго дня и возвышенія заработной платы, ведущая къ тому же результату освобожденія предпринимателей отъ избыточнаго дохода, одновременно предупреждая излишнее производство и увеличивая долю національнаго дохода, выпадающую трудящимся.

Для поясненія сказаннаго приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ области непроизводительнаго потребленія въ классической странѣ капитализма, Англіи.

По мѣрѣ роста накопленія капиталовъ, все бо́льшая часть производительнаго населенія страны отвлекается отъ производства и берется на содержаніе привилегированныхъ классовъ въ качествѣ прислуги и лицъ свободныхъ профессій.

Въ 1851 году прислуга составляла 11,9% населенія страны, получающаго доходы трудомъ, капиталомъ и т. д., т.-е. одинъ изъ 8—9 лицъ, добывающихъ средства существованія трудомъ, былъ устраненъ отъ производства и въ общей экономіи страны игралъ роль потребителя, не больше; въ 1871 г. прислуга составляла уже 15,3% производительнаго населенія, а въ 1881 г.—15,9%, т.-е. больше седьмой части лицъ, способныхъ къ труду, были взяты на содержаніе привилегированныхъ классовъ. Профессіональный классъ, т.-е. классъ лицъ, тоже не участвующихъ въ производствѣ (администрація, войско, врачи, литераторы и т. д.), составлялъ въ 1851 г. 4,6% производительнаго населенія, въ 1871 году—6,9%, въ 1881 г.—6,2%. Вмѣстѣ два эти непроизводительные класса образуютъ въ 1851 г. 16.5% населенія, получающаго доходъ (отъ труда, капитала и т. д.), въ 1871 г.—22,2%,—возростаніе на 35% первоначальной величины. Соотвѣтствующимъ темпомъ уменьшилось, слѣдовательно (относительно), число лицъ, участвующихъ въ производствѣ, и увеличилось число лицъ, потребляющихъ продукты, но не производящихъ ихъ. Въ 1881 г. процентъ членовъ непроизводительныхъ классовъ къ общему населенію Соединеннаго королевства составлялъ тѣ же 22,2% [1]).

[1]) Группировка данныхъ переписи 1881 г. нѣсколько отличается отъ предшествующихъ.

Другимъ источникомъ поглощенія избыточнаго дохода, не всегда мирно уживающимся съ закономъ, является существованіе класса лицъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій: „тутъ мы найдемъ и коттеджера, и нищаго, и бродягъ, заключенныхъ въ тюрьму, и пр.“ [1]). О размѣрѣ расходовъ національнаго богатства на содержаніе этихъ лицъ можно судить по тому факту, что въ началѣ 80-хъ годовъ число лицъ, получавшихъ въ Англіи пособіе въ качествѣ бѣдныхъ, достигало слишкомъ милліона; затрачивалось на это дѣло 10 милл. ф. стерл. въ годъ; столько же ежегодно тратилось на благотворительность. Такимъ образомъ, только эти два источника поглощенія національнаго дохода уменьшаютъ запасъ ежегодно произведенныхъ товаровъ слишкомъ на 20 милл. ф. ст. или около 200 милл. кредитныхъ рублей.

И такъ, если промышленной организаціи, господствующей въ Западной Европѣ, суждено еще процвѣтать и развиваться, то это подъ условіемъ отысканія способовъ уничтоженія той части національнаго дохода, какая превышаетъ потребительную способность класса предпринимателей и, тѣмъ не менѣе, направляется въ его руки. Наипростѣйшимъ рѣшеніемъ этого вопроса было бы соотвѣтствующее измѣненіе въ распредѣленіи національнаго дохода между участниками производства. Прочность капиталистическаго режима была бы обезпечена надолго, если бы изъ каждаго приращенія національнаго дохода предприниматели оставляли себѣ лишь сколько это необходимо для удовлетворенія всѣхъ ихъ прихотей и капризовъ, предоставляя остальное рабочему классу, т.-е. на потребленіе массы населенія. За трудностью достигнуть указаннаго прямымъ согласіемъ на владѣющихъ классовъ, остается надежда на рабочіе союзы, на это договоръ организованнаго класса рабочихъ съ капиталистами, при продажѣ первыми своего труда послѣднимъ.

Исторія рабочаго движенія на самомъ дѣлѣ доказываетъ, что путь организаціи трудящихся дѣйствителенъ для нѣкотораго возвышенія заработной платы; но можно-ли этимъ путемъ достигнуть обращенія на потребленіе массы населенія всего продукта, не могущаго быть потребленнымъ предпринимателями, сказать те-

[1]) Янсонъ, Сравнительная статистика, т. I, с 101.

перь нельзя. Повидимому, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго: рабочая сила—такой необходимый элементъ для производства и для оплодотворенія капитала, что было бы только естественно, если бы ея владѣлецъ договаривался объ условіяхъ своего участія въ производствѣ съ капиталистомъ, какъ равный съ равнымъ. Въ прошедшемъ, когда просвѣщеніе, организація и другія блага и орудія цивилизаціи доставались одному классу, трудящійся отодвинутъ былъ на второй планъ въ соціальной жизни, и послѣдняя во всемъ ея объемѣ направлялась односторонне. Теперь обстоятельства понемногу мѣняются. Масса населенія получаетъ образованіе, начинаетъ сознательно относиться къ окружающему и пытается такъ или иначе вліять на него. Въ разсматриваемой нами области это выразилось, между прочимъ, организаціей союзовъ для ограниченія рабочаго дня и возвышенія заработной платы. Пока эта организація охватила небольшую долю трудящихся, и результаты ея дѣятельности не особенно велики. Но, по мѣрѣ ея роста, вліяніе ея сдѣлается очевиднѣе, а коль скоро она охватитъ все рабочее населеніе, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что голосъ рабочихъ при установленіи заработной платы будетъ значить очень много. Уже и теперь многіе фабриканты, отказывая союзу въ его требованіи повысить заработную плату, ссылаются на свои малые доходы и для провѣрки этого утвержденія открываютъ ему счетныя книги. Уже сдѣланы попытки учрежденія особыхъ камеръ изъ представителей фабрикантовъ и рабочихъ, задача которыхъ — оцѣнивать положеніе той или другой промышленной области съ цѣлью мирнаго удовлетворенія въ предѣлахъ возможности требованій рабочихъ и хозяевъ и предупрежденія недружелюбныхъ столкновеній между ними, вредныхъ для обѣихъ сторонъ. Если мы наблюдаемъ такія попытки въ настоящее время, когда рабочій классъ такъ мало еще развитъ и организованъ, то нѣтъ ничего невозможнаго, что указанный способъ разрѣшенія столкновеній между нанимателемъ и рабочими,—иначе говоря, способъ распредѣленія національнаго дохода между участниками производства по взаимному соглашенію сторонъ, достигнутому путемъ тщательнаго изученія положенія дѣлъ, доходовъ и расходовъ предпріятія, съ присоединеніемъ сюда учета потребностей предпринимателей и рабочихъ, — что этотъ

*

способъ сдѣлается господствующимъ или единственно практикующимся въ то время, когда рабочій классъ, по своему развитію и т. п., будетъ представлять рѣшающую величину въ ряду другихъ соціальныхъ силъ.

Изъ сказаннаго видно, что (какъ бы это ни показалось страннымъ съ перваго взгляда) прочность капиталистическаго строя зависитъ отъ того, насколько обстоятельства вынудятъ классъ предпринимателей передать рабочимъ часть своихъ доходовъ, которую они не могутъ потребить сами. Если такъ, то и вопросъ о „перераспредѣленіи богатствъ", такъ сильно нѣкогда смущавшій благонамѣренныхъ гражданъ, теряетъ радикальный характеръ, а само „перераспредѣленіе" становится желательнымъ съ точки зрѣнія сохраненія господствующей на Западѣ капиталистической организаціи промышленности. Коль скоро сказанное будетъ достигнуто, коль скоро все количество произведенныхъ продуктовъ найдетъ себѣ потребителей,—кризисъ, какъ всеобщее явленіе, исчезнетъ, пауперизмъ, какъ выраженіе избытка рабочихъ, не находящихъ занятія по причинѣ отсутствія рыночнаго запроса на продукты, какіе они могли бы произвести, значительно ослабѣетъ, если не совершенно уничтожится, а это не замедлитъ отразиться на отношеніи рабочихъ классовъ къ господствующему строю общества. Этотъ строй не будетъ въ ихъ глазахъ средствомъ эксплуатаціи слабаго сильнымъ; предприниматель потеряетъ свою репутацію пресса, выжимающаго изъ рабочей массы послѣдніе соки. Въ дѣйствительной жизни онъ сдѣлается, чѣмъ былъ до сихъ поръ въ теоріи: общественнымъ агентомъ, руководителемъ не частнаго, а общественнаго предпріятія. Его функціей будетъ увеличеніе производительности труда, доставленіе обществу наибольшей массы продуктовъ (которые всѣ цѣликомъ пойдутъ на общее потребленіе) при наименьшей затратѣ силъ. Рабочіе, вѣроятно, надолго примирятся съ положеніемъ, при которомъ руководителемъ производства оказывается не выборное лицо, и не станутъ настаивать на превращеніи предпринимательской формы хозяйства въ общественную. Если эта форма оставляетъ руководителю производства, все-таки, слишкомъ большую долю національнаго дохода, зато она обезпечиваетъ, кажется, и наиболѣе быстрое приращеніе послѣдняго, а чрезъ то и увеличеніе дохода

рабочаго такъ какъ частный предприниматель подвижнѣе въ дѣлѣ введенія улучшеній производства, чѣмъ выборное лицо, распоряжающееся не своимъ, а общественнымъ предпріятіемъ.

Но указанный нами способъ регулированія потребленія національнаго дохода путемъ цѣлесообразнаго его распредѣленія между предпринимателями и рабочими существуетъ пока только въ теоріи и неизвѣстно, осуществится-ли когда-либо на практикѣ. До тѣхъ же поръ, пока это случится, т.-е. въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ, обществамъ, и въ особенности тѣмъ изъ нихъ, гдѣ трудящаяся масса, по своей безкультурности, не оказываетъ активнаго участія на установленіе тѣхъ или другихъ экономическихъ отношеній, много придется еще страдать отъ такъ называемаго перепроизводства товаровъ, капиталисты станутъ жадно хвататься за всякій случай, обезпечивающій расширеніе ихъ производства, общественная атмосфера будетъ благопріятствовать всякимъ рискованнымъ предпріятіямъ, основаннымъ на затратѣ производительныхъ средствъ страны, въ которыхъ ощущается такой избытокъ сравнительно съ покупательною силой потребителей товаровъ.

III.

Мы знаемъ, что лица такъ называемыхъ свободныхъ профессій составляютъ 6—6,5% всего производительнаго населенія Соединеннаго Королевства; приблизительно такую же пропорцію составляетъ этотъ классъ и въ другихъ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы. Обращаясь же къ составу самаго этого класса, мы убѣдимся, что большую его половину (обыкновенно около $^2/_3$) составляютъ войско и администрація, одно же войско образуетъ отъ 30 до 40% общаго числа лицъ этого класса.

Въ цивилизованныхъ обществахъ большимъ распространеніемъ пользуется мнѣніе, что милитаризмъ составляетъ экономическое бремя для современныхъ обществъ, что затрата производительныхъ средствъ страны на содержаніе арміи ослабляетъ ея экономическую мощь, сокращаетъ ея производительные рессурсы, столь необходимые для отвѣта на массу неудовлетворенныхъ потребностей населенія, и этимъ ведетъ націи къ кризису. Въ этомъ

воззрѣніи много утѣшительнаго. Если милитаризмъ безусловно несомнѣнное экономическое зло, если въ разсмотрѣнномъ отношеніи онъ для всѣхъ невыгоденъ, всѣхъ отягощаетъ, то можно надѣяться, что противъ него вооружатся всѣ производительные классы общества—отъ высшихъ до низшихъ,—что дни его существованія сочтены, и тогда новѣйшее громадное его развитіе должно быть признано, можетъ быть, послѣднимъ, такъ сказать, предсмертнымъ судорожнымъ движеніемъ организма, обреченнаго исторіей на погибель. Но если положеніе дѣлъ въ дѣйствительной жизни значительно отличается отъ указаннаго; если развитіе милитаризма нѣкоторыми своими сторонами не обременяетъ, а облегчаетъ экономическое положеніе современныхъ обществъ; если выдающимся его вліяніемъ служитъ не *отвлеченіе* производительныхъ силъ отъ плодотворнаго (въ промышленномъ смыслѣ слова) назначенія, а *расширеніе* поля для приложенія капиталовъ и труда; если окончательнымъ его результатомъ является не сокращеніе потребленія страны, а его расширеніе, т.-е. увеличеніе спроса на товары, и если, съ другой стороны, именно затрудненіе въ сбытѣ, недостатокъ спроса, а не предложенія характеризуетъ новѣйшіе промышленные кризисы,—то не слѣдуетъ-ли признать, что развитіе милитаризма служитъ однимъ изъ предохранительныхъ клапановъ современной промышленной организаціи общества, что онъ выгоденъ для нѣкоторыхъ элементовъ этой организаціи, что онъ растетъ и укрѣпляется не по злой волѣ Бисмарка и ему подобныхъ, а на основаніи полуинстинктивнаго, полусознательнаго стремленія къ нему со стороны экономически вліятельныхъ элементовъ, со стороны самихъ производительныхъ классовъ? И въ этомъ случаѣ не оказывается-ли милитаризмъ новымъ грознымъ бичомъ, надвигающимся на Европу, полное господство котораго еще впереди, главнѣйшія вредныя вліянія котораго на культуру обнаружатся лишь впослѣдствіи,—и не грозитъ-ли Европѣ, одновременно съ промышленнымъ развитіемъ, регрессъ нравственный и умственный, одичаніе нравовъ, пониженіе человѣческаго типа, ограниченіе свободы, процвѣтаніе которой не можетъ быть совмѣстимо съ превращеніемъ страны въ военный лагерь?

Послѣ всего того, что нами было развиваемо на предыду-

щихъ страницахъ, мы можемъ по достоинству оцѣнить степень основательности утвержденія, что милитаризмъ, отвлекающій отъ производства рабочія силы и капиталъ, неизбѣжно взваливаетъ этимъ на промышленность страны новое бремя, разорителенъ для общества капиталистическаго типа, подрываетъ его промышленныя силы, подсѣкаетъ его экономическіе устои, что онъ долженъ поэтому съузиться до минимума, если не по нравственно-политическимъ соображеніямъ, то по причинамъ матеріально-экономическимъ.

Какую бы теорію кризисовъ мы ни принимали—считаясь только съ общеизвѣстными фактами, а не со стройнымъ ихъ объясненіемъ, нужно все-таки согласиться съ тѣмъ, что признаки періодически повторяющихся острыхъ кризисовъ, а также и послѣдняго 20-ти-лѣтняго угнетеннаго состоянія промышленности заключаются въ избыткѣ капиталовъ, излишкѣ труда и его продуктовъ. Рынокъ сокращаетъ спросъ на товары, капиталъ не находитъ надежнаго производительнаго помѣщенія, рабочіе остаются безъ заработка. Въ силу тенденціи современной промышленности къ переходу въ описанное состояніе, можно-ли считать новою экономическою тяжестью явленіе, дѣйствующее прямо въ противуположномъ направленіи? Можно-ли сказать, что милитаризмъ, насколько онъ содержится на средства владѣющихъ классовъ, лишаетъ страну капиталовъ, и безъ того не находящихъ себѣ помѣщенія изъ 2—3%? Не будетъ-ли насмѣшкой надъ рабочими, не находящими занятія даже изъ-за куска хлѣба, утверждать, что освобожденіе отъ военной службы нѣсколькихъ сотъ тысячъ молодежи улучшитъ ихъ положеніе, измѣнитъ условія спроса и предложенія труда въ пользу рабочихъ, а не капиталистовъ, повыситъ, а не понизитъ заработную плату? Мыслимо-ли увѣрить предпринимателей, что сокращеніе ежегодныхъ правительственныхъ заказовъ для военныхъ цѣлей на сотни милліоновъ рублей расширитъ рынокъ для сбыта ихъ товаровъ, будетъ имѣть слѣдствіемъ расширеніе, а не съуженіе производства, и не только въ отрасляхъ промышленности, приготовляющихъ спеціально военныя принадлежности, но и во всѣхъ прочихъ; ибо упраздненіе милитаризма не обезпечиваетъ сохраненія спроса рынка на товары въ прежнемъ размѣрѣ, такъ какъ неизвѣстно, всѣ-ли освобожденныя такимъ

образомъ денежныя средства обратятся на потребленіе и всѣ-ли прежніе солдаты получатъ заработокъ, дающій имъ средства предъявить къ рынку запросъ на товары, въ размѣрахъ, не уступающихъ ихъ запросу въ качествѣ солдатъ?

И наоборотъ, не составляетъ-ли привлеченіе на военную службу 260 тыс. молодыхъ людей въ Англіи, 600—700 тыс. во Франціи или Германіи прямую выгоду для рабочаго класса, какъ таковаго, не освобождается-ли такимъ образомъ рынокъ отъ излишняго предложенія труда, не играетъ-ли военная служба здѣсь роль, аналогичную съ эмиграціей, но болѣе дѣйствительную? Каждый эмигрантъ, правда, облегчаетъ, какъ и рекрутъ, трудовой рынокъ и тѣмъ предупреждаетъ пониженіе заработной платы и слишкомъ быстрый ростъ пауперизма; но зато онъ лишаетъ страну и потребителя, съуживаетъ запросъ на ея продукты. Солдатъ же переходитъ на готовое содержаніе, для многихъ лучшее, чѣмъ они пользуются обыкновенно; вмѣстѣ съ облегченіемъ рабочаго рынка, поэтому, здѣсь расширяется рынокъ для сбыта товаровъ. 300—400-милліонный военный бюджетъ государства, почти цѣликомъ расходуемый на матеріальные предметы, т.-е. обращающійся на производство продуктовъ, на занятіе капитала и труда, составляетъ замѣтную величину въ общей экономіи страны. Но, вѣдь, кромѣ обыкновенныхъ расходовъ на военную силу, есть масса экстраординарныхъ, часто даже не имѣющихъ вида военныхъ издержекъ, напримѣръ, хотя бы постройка дорогъ съ стратегическою цѣлью. Сколько затрачивается производительныхъ силъ на подобныя предпріятія, какой размѣръ труда и капиталовъ находятъ здѣсь себѣ помѣщеніе!

И такъ, въ капиталистическихъ обществахъ милитаризмъ является клапаномъ, служащимъ для смягченія черезчуръ рѣзкихъ проявленій отрицательнаго характера, свойственныхъ этому типу организаціи и для облегченія процесса капитализаціи промышленности. Поэтому въ экономическомъ отношеніи онъ—не бремя, истощающее жизненные соки подобной страны; безъ него послѣдняя скорѣе почувствуетъ суровую сторону капиталистическаго режима: рынокъ легче переполнится предложеніемъ капиталовъ, труда и продуктовъ производства, кризисъ видится ближе. Если это такъ, и коль скоро соціально-экономическое зна-

ченіе какого-либо явленія не остается безъ вліянія на судьбу послѣдняго, если извѣстное явленіе склонно къ упадку въ случаѣ его несоотвѣтствія съ важнѣйшими отношеніями окружающей жизни и становится крѣпче, коль скоро оно отвѣчаетъ на извѣстныя потребности общества,—даже если бы этотъ фактъ и ускользалъ отъ сознательнаго пониманія каждаго,—то слѣдуетъ признать, что почва новѣйшей экономической организаціи Запада весьма благопріятствуетъ дальнѣйшему усиленію милитаризма; поэтому, насколько это зависитъ отъ экономическихъ отношеній, послѣдній имѣетъ всѣ шансы на блестящее развитіе.

Но гдѣ милитаризмъ, тамъ и война, а войны настоящаго времени требуютъ огромныхъ жертвъ крови и денегъ. Но даже и эти ужасныя столкновенія народовъ утилизируются современнымъ буржуазнымъ режимомъ въ свою пользу. Человѣческія жертвы, правда, если онѣ превзойдутъ опредѣленную норму, если поглотятъ не только избыточное населеніе, но и часть дѣйствующей арміи рабочихъ, нежелательны для него, потому что ими сокращается запросъ на продукты въ ближайшемъ будущемъ. Но, во-первыхъ, сокращеніе числа потребителей нѣсколько возмѣщается улучшеніемъ ихъ качества, такъ какъ устраненіе съ трудового рынка нѣсколько сотъ тысячъ конкуррентовъ будетъ имѣть слѣдствіемъ возвышеніе заработной платы; во-вторыхъ, это маленькое сокращеніе спроса на товары съ лихвой вознаграждается милліардными затратами правительства во время войны на продукты, подлежащіе немедленному и безвозвратному истребленію. Въ концѣ-концовъ, оказывается, что война, вмѣсто разоренія, обогатила страну, т.-е. повела къ созданію новыхъ богатствъ, къ усиленію производства, къ возвышенію заработной платы, къ ускоренію замедленнаго, было, темпа промышленной жизни, вслѣдствіе чего можетъ оказаться, что наиболѣе пострадавшая на войнѣ нація, въ экономическомъ отношеніи можетъ себя чувствовать лучше, нежели ея счастливая соперница, что имѣло мѣсто, напр., въ случаѣ военнаго столкновенія Франціи и Германіи, послѣ того, какъ первая уплатила послѣдней 5-ти-милліонную контрибуцію.

И такъ, коль скоро современная экономическая жизнь характеризуется наклонностью къ переполненію рынка трудомъ, капиталомъ и товаромъ, она благопріятствуетъ всякимъ рискован-

нымъ предпріятіямъ, обѣщающимъ облегченіе этого переполненія,—отъ Панамы до войны,—а новѣйшія измѣненія техники военнаго дѣла гарантируютъ безграничное возрастаніе расходовъ на него въ мирное время, вслѣдствіе чего функція поглощенія избыточнаго продукта выполняется милитаризмомъ удовлетворительно и безъ обращенія къ такому экстраординарному рессурсу, какъ прямое избіеніе рабочихъ и уничтоженіе капиталовъ, какъ слѣдствіе военныхъ дѣйствій. Этимъ, кажется намъ, въ значительной степени объясняется громадное развитіе милитаризма въ Европѣ въ послѣдніе годы, имѣвшее мѣсто одновременно съ безпримѣрнымъ промышленнымъ кризисомъ. Правда, для возвышенія военныхъ расходовъ правительства ссылаются на политическія причины, но послѣднія далеко не казались бы столь настоятельными, если бы не благопріятная экономическая почва.

Въ самомъ дѣлѣ, что за морской Атилла грозитъ Англіи, если она рѣшается затратить сотни милліоновъ рублей для приведенія своихъ военныхъ силъ въ лучшее состояніе? Откуда такія опасности въ концѣ XIX вѣка, когда просвѣщеніе вообще и въ частности развитіе *сознанія* братства всѣхъ народовъ сдѣлало такіе поразительные успѣхи? Гдѣ причина такого рѣзкаго противорѣчія между мыслями и рѣчами цивилизованныхъ обществъ, заключающими развитіе идеи международной солидарности, возваніе къ братству и единенію народовъ на почвѣ мирнаго труда, и практикой тѣхъ же обществъ, принимающихъ всѣ мѣры къ тому, чтобы разъединить народы, чтобы поставить ихъ другъ противъ друга на ножи? Отвѣта нужно въ значительной мѣрѣ искать въ сферѣ экономіи, въ области, вѣдающей интересы желудка и кармана, главнѣйшихъ регуляторовъ общественныхъ отношеній въ XIX, какъ и во всѣхъ предшествующихъ вѣкахъ.

Полному развитію милитаризма препятствуютъ съ экономической стороны еще нѣкоторыя условія, это—тяжесть налоговъ для его поддержанія и всеобщая воинская повинность. Первое условіе въ значительной степени смягчается, однако, тѣмъ, что война и другіе процессы, требующіе сразу большаго расхода, ведутся на заемныя средства, т.-е. на средства, въ данный моментъ добровольно предоставленныя въ распоряженіе правительства; такимъ образомъ, населеніе избавлено отъ немедленной расплаты

деньгами за рискованныя предпріятія, а разложеніе расхода на годы кажется уже не столь тяжкимъ. Но можно сказать, что если бремя налоговъ лежитъ, главнѣйшимъ образомъ, на массѣ трудящагося населенія, то всякое ихъ увеличеніе сокращаетъ покупательную ея силу, а черезъ нея и запросъ на продукты производства, и милитаризмъ поэтому одной рукой уничтожаетъ то, что даетъ другой. На это мы должны замѣтить, что уплата налога имѣетъ слѣдствіемъ сокращеніе потребленія въ томъ случаѣ, когда налогомъ облагаются мелкіе производители и тѣ изъ числа крупныхъ, кои получаютъ недостаточные доходы; что же касается наемныхъ рабочихъ, то такъ какъ размѣръ ихъ заработной платы опредѣляется всей совокупностью соціальныхъ отношеній и въ основѣ денежной заработной платы лежитъ извѣстная матеріальная потребность, то большій или меньшій налогъ, уплачиваемый такимъ рабочимъ, отражается на высотѣ его заработной платы, а не его потребленія. Но если бы даже вся сумма обложенія рабочаго падала на его потребленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ обложенію бы подвергались и капиталисты, не могущіе потребить всѣ свои доходы; и если бы вся собранная такимъ образомъ сумма была обращена на производство матеріальныхъ предметовъ для содержанія непроизводительныхъ классовъ (войско, администрація и т. п.), то это все-таки создало бы большій спросъ на товары, чѣмъ какой существовалъ бы при отсутствіи налога. Ибо, если обложеніе съ указанной цѣлью работника не создаетъ новаго спроса, а только переноситъ его съ одного товара на другой, то изъятіе изъ рукъ богача, съ цѣлью обращенія на потребленіе другихъ лицъ, части его дохода, ведетъ къ прямому увеличенію спроса рынка на товары, а слѣдовательно, и къ возрастанію производства послѣднихъ. Изъ сказаннаго видно, что разъясняемое нами значеніе милитаризма для крѣпости капиталистическаго строя будетъ имѣть тѣмъ большую важность, чѣмъ болѣе система налога будетъ приближаться къ прогрессивно-подоходной, такъ какъ этой системой къ обложенію въ наибольшей мѣрѣ привлекаются средства, не подлежащія расходованію на непосредственное потребленіе. Поэтому введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога при прочихъ равныхъ условіяхъ будетъ очень дѣйствительнымъ средствомъ для поднятія милитаризма, какъ предохрани-

тельнаго клапана противъ накопленія въ капиталистическомъ обществѣ неиспользованныхъ производительныхъ силъ.

Обязательная воинская повинность — весьма важное условіе для поддержанія милитаризма; но если она существуетъ въ формѣ поголовной, это можетъ вредно отразиться на экономическомъ положеніи тѣхъ странъ, гдѣ на ряду съ капиталистическимъ производствомъ сохранилась въ широкихъ размѣрахъ мелкая форма промышленности. Взятіе въ рекруты наемнаго рабочаго почти не вліяетъ на состояніе крупной промышленности, которая всегда имѣетъ возможность замѣстить одного наемника другимъ. Другое дѣло—мелкое самостоятельное производство, гдѣ сплошь и рядомъ хозяинъ является главнѣйшею опорою предпріятія. Взятіе его въ солдаты весьма часто будетъ значить разрушеніе мастерской, а это—уже безцѣльный подрывъ основныхъ производительныхъ силъ страны, который въ значительномъ числѣ случаевъ можетъ быть предупрежденъ допущеніемъ замѣны одного рекрута другимъ по ихъ взаимному соглашенію. Нѣтъ ничего невозможнаго, что такая замѣна и будетъ допущена правительствами, запрещающими ее въ настоящее время. Этимъ ослабится отрицательное отношеніе къ милитаризму въ массѣ населенія и типически-капиталистическихъ обществъ, а введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога значительно усилитъ милитаризмъ, какъ средство избавленія общества отъ избыточнаго продукта.

Все, что мы говорили о милитаризмѣ — примѣнимо и къ другимъ организаціямъ непроизводительныхъ работниковъ, существующимъ на счетъ средствъ, обязательно взимаемыхъ съ владѣльцевъ капитала, т.-е., къ бюрократіи и т. п. Развитіе бюрократизма поэтому есть столь же естественный результатъ господства капиталистическаго режима, и средство его экономическаго укрѣпленія, какъ и ростъ милитаризма.

До сихъ поръ мы говорили объ экономической сторонѣ милитаризма въ связи съ капиталистическою организаціей промышленности. Но милитаризмъ и политическая свобода врядъ-ли могутъ быть признаны совмѣстимыми другъ съ другомъ. Буржуазія же за свое прошлое пріобрѣла себѣ репутацію бойца за свободу. Такая ея историческая роль въ значительной степени была результатомъ экономическихъ отношеній прошлаго: и, во всякомъ

случаѣ, политическая свобода, за которую боролось просвѣщенное третье сословіе, не находилась въ противорѣчіи съ его экономическими интересами. Въ настоящее время положеніе измѣняется: традиціи либерализма требуютъ ослабленія правительства, экономическіе интересы буржуазіи говорятъ въ пользу расширенія милитаризма, что равносильно усиленію и правительства. Что побѣдитъ: старыя вѣрованія или новыя вѣянія — рѣшать не беремся; скажемъ только, что военный лагерь, въ каковой очень быстро превращается Европа, чуть-ли не заставляетъ усомниться въ томъ, чтобы буржуазія и въ будущемъ продолжала играть ту же роль опоры свободы, какую она играла до настоящаго времени.

Все вышеизложенное относится къ обществамъ, построеннымъ по капиталистическому типу. Но въ Европѣ есть нѣсколько странъ, гдѣ капиталистическое производство играетъ подчиненную роль, и ихъ отношеніе къ милитаризму совершенно иное. Впрочемъ, такъ какъ и здѣсь исторія послѣдняго тридцатилѣтія характеризуется попытками искусственно насадить капитализмъ, ради чего мелкое производство оставлялось въ пренебреженіи и даже намѣренно утѣснялось, безразборчивое же покровительство крупной промышленности привело къ созданію множества тепличныхъ предпріятій, держащихся только на почвѣ покровительственныхъ тарифовъ и т. п., то неудивительно, если и здѣсь, несмотря на мизерные успѣхи капитализма, какъ положительнаго фактора развитія, весьма ясно обнаружились отрицательныя стороны буржуазнаго строя — излишекъ товаровъ на рынкѣ и переполненіе послѣдняго рабочими. Для такихъ обществъ, капиталистическая эволюція которыхъ должна совершаться почти безъ помощи внѣшнихъ рынковъ, развитіе потребленія непроизводительныхъ классовъ, преимущественно войска и бюрократіи, должно составлять главнѣйшую основу ихъ успѣховъ на избранномъ пути. Но это развитіе можетъ имѣть указанное значеніе лишь при условіи, если оно совершается на счетъ дохода крупныхъ предпринимателей, а не самостоятельныхъ мелкихъ производителей. А въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ — можетъ-ли неокрѣпшій капиталъ юныхъ капитализующихся націй взять на себя содержаніе непроизводительныхъ классовъ страны; не отразится-ли это задерживающимъ образомъ на прогрессивномъ развитіи самаго строя? А

если такъ, то ожидающее подобныя страны усиленіе бюрократизма и милитаризма не будетъ выкуплено возрастаніемъ производительности національнаго труда.

Для некапиталистическихъ обществъ, ясно сознавшихъ требованія времени и построившихъ свою экономическую политику на этомъ сознаніи, милитаризмъ имѣетъ совершенно другое значеніе, чѣмъ для капиталистическихъ. Главнѣйшимъ финансовымъ основаніемъ государства здѣсь всегда будетъ народное производство, какъ преобладающее, и даже прогрессивный подоходный налогъ мало облегчитъ здѣсь бремя, лежащее на трудящемся. Народное же производство, регулируемое дѣйствительными потребностями производителя, не даетъ избыточнаго продукта; поэтому налогъ на него съ цѣлью содержанія войска всецѣло падаетъ на потребленіе, и расширеніе милитаризма въ такой же мѣрѣ съуживаетъ запросъ населенія на различные продукты, въ какой расширяетъ его заказами для военныхъ цѣлей; съ этой стороны, значитъ, онъ, по меньшей мѣрѣ, не вноситъ никакого облегченія въ экономическую жизнь страны. Но другимъ своимъ вліяніемъ онъ играетъ уже несомнѣнно отрицательную роль. Притягивая въ свои ряды сотни тысячъ здоровой молодежи, милитаризмъ не только мѣшаетъ расширенію производства, но и разрушаетъ массу уже установившихся хозяйствъ. Такимъ образомъ, онъ отвлекаетъ отъ полезнаго занятія дѣйствительныя производительныя силы и отягощаетъ положеніе оставшихся, взваливая на ихъ плечи содержаніе непроизводительныхъ членовъ семей, коихъ кормильцы попали въ рекруты.

Россія—одна изъ такихъ некапиталистическихъ странъ, и надежда на измѣненіе ея экономическаго строя по западному образцу съ каждымъ годомъ становится слабѣе. При слабыхъ успѣхахъ капиталистическаго режима какъ организатора, а не разрушителя труда въ нашей странѣ (приращеніе рабочихъ на нашихъ фабрикахъ въ послѣднія 20 лѣтъ почти не превосходитъ обычнаго для насъ темпа размноженія населенія), естественно, если характеристическимъ признакомъ экономической организаціи Россіи будетъ народная форма производства, при которой производитель получаетъ въ свое распоряженіе всю сумму продуктовъ труда, образованіе избыточнаго товара сведено до минимума и

естественнаго экономическаго основанія для разцвѣта милитаризма не существуетъ. А, между тѣмъ, сосѣдство обязываетъ! Если всѣ вокругъ насъ вооружаются, мы не можемъ не отозваться на общее настроеніе. Но, усиливая свои военныя средства, нужно помнить, что мы празднуемъ лишь въ чужомъ пиру похмелье.

Въ противоположность Западу, мы страдаемъ недостаточнымъ развитіемъ производительныхъ средствъ, и если Европа удѣляетъ на милитаризмъ избытокъ играющихъ въ ней силъ и этимъ облегчаетъ затрудненія, навлеченныя на нее господствующимъ строемъ, то мы отдаемъ ему послѣднія крохи, отягощаемъ бремя, лежащее на производствѣ страны. Европа поэтому можетъ пускаться въ рискованныя военныя предпріятія, вести активную международную политику, выставляя необходимость самообороны, какъ приличный предлогъ для вооруженій съ наступательною цѣлью. Россія должна ограничиться строго-оборонительными задачами, ея военныя силы должны быть сведены къ возможному минимуму. Ея заявленія о стремленіи къ миру—не лицемѣрная фраза, скрывающая вожделѣнныя поползновенія на захватъ чужой собственности, а выраженіе дѣйствительныхъ потребностей страны, какъ представительницы народнаго а не капиталистическаго режима, какъ царства мужиковъ, а не буржуазіи. Сказаннымъ, однако, не исключается возможность болѣе или менѣе продолжительнаго господства въ верхнихъ слояхъ русскаго общества другого направленія, какъ не исключается возможность развитія въ любой странѣ противуестественныхъ и вредныхъ соціальныхъ явленій.

IV. Русскій марксизмъ.

Марксизмъ научный.

I.

Странная судьба постигла экономическія идеи Маркса. Мало можно назвать мыслителей, имѣющихъ столько горячихъ поклонниковъ, какъ названный ученый, и вмѣстѣ съ тѣмъ трудно себѣ представить поклоненіе, болѣе безплодное. Достаточно вспомнить тотъ фактъ, что прошло почти 30 лѣтъ со времени опубликованія перваго тома „Капитала", заключающаго основныя посылки экономической теоріи Маркса; что въ моментъ изданія этого труда были почти окончены и остальныя части работы, не увидѣвшія свѣта при жизни автора никакъ не по причинѣ теоретической незаконченности ученія; что въ этихъ неизданныхъ частяхъ заключаются разъясненія многихъ важнѣйшихъ экономическихъ феноменовъ, видимое противорѣчіе коихъ основнымъ положеніямъ, развитымъ въ первомъ томѣ „Капитала", удерживаетъ многихъ экономистовъ отъ принятія ученія Маркса; достаточно вспомнить, что однимъ изъ аргументовъ, выставляемыхъ противъ трудовой теоріи цѣнности, какъ она переработана Марксомъ, служитъ законъ равенства прибыли во всѣхъ предпріятіяхъ, какъ бы находящійся въ противорѣчіи съ вышеупомянутой теоріей цѣнности; что разъясненіе этого якобы противорѣчія (судя по словамъ Энгельса) находится въ послѣднемъ томѣ сочиненія Маркса, написанномъ 30 лѣтъ назадъ и нынѣ приготовляемомъ къ печати, и что за эти 30 лѣтъ у Маркса не нашлось ни одного послѣдователя, настолько вникшаго въ основныя положенія его ученія, чтобы дать за него требуемое разъясненіе, иначе говоря,—чтобы двинуть теорію на одинъ шагъ впередъ; достаточно вспомнить все

это, чтобы удивиться безплодію поклоненія, воздаваемаго этому замѣчательному мыслителю.

Причины указаннаго явленія отчасти, быть можетъ, заключаются въ слѣдующемъ.

Марксъ былъ не только ученый, но и публицистъ, и свой глубокій умъ раздѣлялъ между наукой и практическимъ дѣломъ, которому посвятилъ жизнь. Это практическое дѣло есть рабочее движеніе. Какъ мыслитель — онъ естественнымъ образомъ взялъ на себя, главнымъ образомъ, такъ сказать, теоретическую сторону этого дѣла, теоретическую разработку идеи новаго, выступающаго на арену активной общественной жизни, класса. Научная разработка этой идеи есть дѣло весьма продолжительнаго времени, и не она составляетъ насущную задачу публицистики, задачу практическаго дѣятеля. Публицистъ долженъ давать разъясненія по всѣмъ вопросамъ, волнующимъ общество, независимо отъ того, допускаютъ-ли они въ данный моментъ научное разрѣшеніе или нѣтъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что онъ можетъ игнорировать науку и тѣмъ болѣе, противорѣчить ея твердо-установленнымъ положеніямъ! Сказаннымъ ему только открывается право идти дальше того, куда его привела наука систематическимъ приложеніемъ строгихъ методовъ изслѣдованія; право предугадывать законъ, еще недоступный доказательству; предсказывать явленіе, находящееся внѣ границъ точнаго предвидѣнія; высказывать обобщеніе, отъ котораго долженъ воздержаться ученый. На такое отклоненіе отъ строго-научнаго отношенія къ предмету имѣетъ право всякій человѣкъ, такъ какъ, во-1-хъ, въ немъ заложено стремленіе къ единству взглядовъ, къ объединенію всѣхъ его понятій немногими общими положеніями; во-2-хъ, цѣльная, хотя бы и не совершенно обоснованная, система воззрѣній служитъ важнымъ орудіемъ въ борьбѣ сталкивающихся на общественной аренѣ группъ.

Что касается разсматриваемаго случая—задача обоснованія идеи четвертаго сословія всего лучше могла бы быть выполнена на почвѣ экономическаго трактованія предмета. Это потому, что четвертое сословіе не выставило никакой самостоятельной идеи, способной руководить мыслителемъ-публицистомъ въ его работѣ; въ силу сказаннаго, соціально-политическое значеніе этого класса

нужно было искать не въ немъ самомъ, не въ его сознаніи, а подъ нимъ, въ томъ, что составляетъ его соціологическую основу. Этой основой является экономика общества, и четвертое сословіе казалось лучше другихъ классовъ объединеннымъ именно экономическимъ признакомъ.

Такимъ образомъ и собственное интеллектуальное влеченіе, и требованія практической жизни указывали Марксу на экономію, какъ на ту отрасль науки, которой онъ долженъ отдать свои силы, на экономическія отношенія общества, какъ на наиболѣе заслуживающія его вниманія. Его огромныя научныя заслуги въ этой области можно будетъ вполнѣ оцѣнить лишь по выходѣ третьяго тома „Капитала“; но здѣсь же онъ заимствовалъ основанія и для своихъ обще-соціологическихъ представленій, удовлетворяющихъ стремленію его ума къ созданію цѣльной объединенной системы воззрѣній и отвѣчающихъ его задачѣ философскаго обоснованія идеи рабочаго класса и той программы, какую надлежало выставить пролетаріату, выступающему на поле сознательной политической жизни. Самъ Марксъ прекрасно понималъ различіе научнаго достоинства своихъ экономическихъ и обще-соціологическихъ воззрѣній, а также субъективное, такъ сказать, происхожденіе послѣднихъ. Это видно изъ того, что къ ученому міру, съ научнымъ обоснованіемъ воззрѣній онъ обратился только въ качествѣ экономиста; свои же обще-соціологическія идеи, извѣстныя подъ именемъ идей экономическаго матеріализма, онъ развивалъ въ небольшихъ брошюрахъ или въ публикаціяхъ, окрашенныхъ рѣзкимъ партійнымъ цвѣтомъ. Высказанная нами мысль о томъ, что построеніе соціологической теоріи экономическаго матеріализма имѣло главной цѣлью не внесеніе въ ученый міръ новой руководящей идеи, явилось не по строго научнымъ соображеніямъ и не было основано на научной разработкѣ подлежащаго матеріала, а назначалось главнымъ образомъ pro domo sua — эта мысль находитъ подтвержденіе въ словахъ постояннаго сотрудника Маркса, Энгельса, о томъ, что сдѣланная ими обоими въ 40-хъ гг. попытка философскаго обоснованія вышеупомянутой теоріи показываетъ, „до какой степени недостаточны были тогда наши (Маркса и Энгельса) историко-экономическія свѣдѣнія“ Та же мысль подтверждается и разсказанной Энгельсомъ исторіей этой первой попытки Маркса

философски обосновать свои воззрѣнія. Эта попытка, въ формѣ критики послѣ-гегелевской философіи, была предпринята Марксомъ совмѣстно съ Энгельсомъ въ половинѣ 40-хъ гг. Сочиненіе было окончено, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не могло быть тотчасъ напечатано въ Вестфаліи, гдѣ было предположено его изданіе. Этого временнаго препятствія было достаточно для того, чтобы у авторовъ философскаго обоснованія матеріалистическаго объясненія исторіи исчезло намѣреніе познакомить съ этимъ обоснованіемъ читающій міръ. Мы тѣмъ охотнѣе предоставили грызущей критикѣ мышей раздѣлываться съ нашей работой.—говоритъ по этому поводу Энгельсъ.—что наша главнѣйшая цѣль—*выясненіе дѣла самимъ себѣ*—была достигнута. Этой работой, по выраженію того же автора, Марксъ и Энгельсъ „сводили счеты съ своей философской совѣстью".

Такимъ образомъ, Марксъ представляется намъ въ двухъ лицахъ: ученаго экономиста и диллетанта-соціолога, руководившагося въ своихъ построеніяхъ столько же требованіями своего мыслящаго „я", сколько и задачей обоснованія идеи пролетаріата. Въ качествѣ перваго онъ даетъ міру толстые ученые трактаты, заключающіе научно-обоснованныя теоріи, въ качествѣ второго—ограничивается тоненькими брошюрками съ блестящими гипотезами, которыя при дальнейшей разработкѣ могли бы превратиться въ научную теорію, но которыя могутъ и не выдержать научной критики или значительно видоизмѣниться подъ вліяніемъ послѣдней. Главнѣйшее назначеніе этихъ послѣднихъ гипотезъ — pro domo sua: для своего мыслящаго „я", для „выясненія дѣла самому себѣ"—съ одной стороны, для защиты извѣстнаго практическаго дѣла—съ другой. Гипотеза экономическаго матеріализма очень хорошо соотвѣтствовала послѣдней задачѣ, какъ она вырисовывалась въ Германіи.

Народныя движенія во Франціи всегда имѣли идеалистическую окраску и, можетъ быть, по этой причинѣ сопровождались незначительными практическими результатами. Вступая на этотъ же идеалистическій путь, только что зарождающееся нѣмецкое рабочее движеніе рисковало необдуманными революціонными вспышками устрашить буржуазію и дать ей удобные поводы для его искорененія. Замѣна-же идеалистическаго отношенія къ обществен-

ному процессу матеріалистическимъ толкованіемъ исторіи было вмѣстѣ съ тѣмъ шагомъ къ измѣненію революціонной точки зрѣнія въ вопросахъ практической жизни въ эволюціонную. Доктрина экономическаго матеріализма вмѣстѣ съ тѣмъ устраняла вредныя послѣдствія отсутствія у пролетаріата самостоятельной идеи, способной объединить начинающееся движеніе и дать ему идеологическое выраженіе. Она сама создала такую идеологію, которая примиряла самыя широкія перспективы болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго съ довольно-таки узкими, непосредственновытекающими изъ жизни, практическими задачами настоящаго. Неудивительно, если выросшая на этомъ ученіи соціалъ-демократія пользуется авторитетомъ только въ нѣмецкихъ странахъ и не имѣетъ успѣха ни въ Англіи, ни во Франціи. Въ Англіи рабочее движеніе давно стоитъ на практической, эволюціонной почвѣ и для теоретическаго обоснованія такого направленія не нуждается въ помощи нѣмецкой идеологіи (хотя эта идеологія и не противорѣчитъ его практическимъ задачамъ и потому возможно, что она получитъ здѣсь или въ другой странѣ болѣе или менѣе широкое распространеніе); французскій рабочій своимъ прошлымъ, повидимому, настолько воспиталъ въ себѣ дѣйствительную силу идеальной идеи и сознаніе своей исторической миссіи, что не можетъ примириться съ разъединеніемъ внутренней, идеальной и внѣшней, реальной жизни.

И такъ, Марксъ - ученый тѣсно сливался и переплетался съ Марксомъ-публицистомъ, теоретическимъ представителемъ новой активной общественно-политической силы. Его обще-соціологическія воззрѣнія и практическіе изъ нихъ выводы, которыми онъ примыкалъ къ дѣлу пролетаріата, не были механически связаны съ его экономическими теоріями, а интимно переплетались съ ними, какъ бы составляя одно цѣлое. Подобно тому, какъ нѣкогда строгая логика Рикардо, освѣтивъ экономическую дѣйствительность свѣтомъ буржуазнаго принципа, какъ бы отождествила экономическую науку съ теоріей буржуазіи, сдѣлала ее теоретическимъ опорнымъ пунктомъ практическихъ вожделѣній господствующаго класса, такъ политическая экономія Маркса слита съ идеей пролетаріата, освѣщаетъ прошлое и настоящее Европы, какъ процессъ, подготовляющій высшую форму соціальнаго строенія, имѣющую доставить гос-

подство и благополучіе трудящейся массѣ населенія. Поэтому, по общему представленію, политическая экономія вышла изъ рукъ Маркса настолько же соціалистической, насколько она казалась буржуазной въ твореніяхъ Рикардо. Такая репутація трудовъ Маркса весьма неблагопріятна для дальнѣйшихъ успѣховъ экономической науки; она отвращаетъ отъ открытій этого ученаго буржуазію, подобно тому, какъ специфическая репутація политической экономіи временъ Мальтуса и Рикардо отвращала отъ нея рабочее сословіе и лицъ культурнаго класса, стоящихъ за его интересы. Это послѣднее предубѣжденіе не отразилось особенно неблагопріятно на успѣхахъ науки, такъ какъ оно господствовало въ слояхъ, дававшихъ весьма ограниченное число ученыхъ. Иное слѣдуетъ сказать относительно нерасположенія къ Марксу. поелику это нерасположеніе распространено въ средѣ буржуазіи, а этотъ именно классъ продолжаетъ оставаться главнѣйшимъ поставщикомъ арміи ученыхъ, то неполное признаніе дѣйствительно научныхъ открытій Маркса мѣшаетъ дальнѣйшему развитію науки. Этимъ. по нашему мнѣнію, объясняется безплодность поклоненія, обращеннаго къ названному мыслителю, какъ экономисту. Ему поклоняются отщепенцы буржуазіи и представители пролетаріата, но боятся его ученія настоящіе патентованные ученые. Нельзя не пожелать, чтобы этотъ суевѣрный страхъ скорѣе разсѣялся, и чтобы люди научились отдѣлять доказанныя положенія системы Маркса отъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ или произвольныхъ его гипотезъ.

Въ своихъ экономическихъ работахъ, имѣющихъ теоретическій характеръ. Марксъ выполняетъ двойную задачу: онъ устанавливаетъ абстрактные законы экономической науки и примѣняетъ ихъ къ объясненію конкретной дѣйствительности. Говоря точнѣе, онъ посвятилъ свои научныя силы изслѣдованію капиталистическаго строя, завершилъ построеніе теоріи этого строя, начатое классическими экономистами и примѣнилъ абстрактные законы его къ объясненію экономической эволюціи Западной Европы, разсматриваемой какъ эволюція капиталистическая. Въ этой второй части работы Маркса замѣчательнымъ образомъ соединились двѣ характерныя черты: съ одной стороны экономическое развитіе Европы въ направленіи господства крупнаго, машиннаго капиталистическаго производства представляется слишкомъ категоричнымъ, не-

соотвѣтствующимъ дѣйствительному ходу дѣлъ (указанная тенденція въ сферѣ земледѣлія, напр., имѣетъ довольно ограниченное примѣненіе); съ другой—въ читателя вселяется бодрая увѣренность въ томъ, что господство капиталистическихъ отношеній составляетъ переходный моментъ въ исторіи, и что обращеніе капиталистическаго строя въ коллективистическій будетъ такимъ же необходимымъ шагомъ естественной эволюціи экономическихъ отношеній въ будущемъ, какимъ въ прошедшемъ былъ переходъ первобытнаго коммунистическаго строя въ индивидуалистическій народный, а затѣмъ въ капиталистическій.

Чрезмѣрная категоричность утвержденій Маркса относительно неизбѣжности и, такъ сказать, прямолинейности экономической эволюціи Западной Европы отъ мелкой народной формы промышленности къ крупной капиталистической, а отъ послѣдней къ крупной же народной, объясняется отчасти общей всѣмъ систематическимъ умамъ склонностью къ схематизму, отчасти философскимъ воспитаніемъ Маркса на гегелевской діалектикѣ, и его матеріалистической теоріей историческаго процесса, отчасти, наконецъ, интересами того практическаго дѣла, для котораго, между прочимъ, работалъ Марксъ. Дѣло это—организація пролетаріата, т.-е. класса, образующаго демократическій полюсъ капиталистическаго строя. Дабы частное дѣло этой категоріи трудящагося класса можно было обратить въ общее дѣло рабочаго населенія, слѣдуетъ доказать, что пролетаріатъ составляетъ ту именно форму послѣдняго, въ которую рано или поздно превратятся всѣ мелкіе самостоятельные производители или, покрайней мѣрѣ, подавляющее большинство ихъ. Послѣ такого доказательства, выступленіе на поле общественно - политической жизни фабрично-заводскаго рабочаго класса можетъ быть удобно разсматриваемо, какъ новый и уже окончательный моментъ исторической классовой борьбы; небольшая хотя бы кучка начинающихъ движеніе пролетаріевъ можетъ быть трактуема, какъ первообразъ всего будущаго народа; маленькій въ настоящемъ ростокъ—считаться залогомъ роскошнаго развитія. Такимъ пріемомъ, во-1-хъ, дѣлу пролетаріата завоевывается симпатія и обезпечивается сотрудничество многихъ идейныхъ людей культурнаго слоя общества; во-2-хъ, ослабляется противодѣйствіе его дѣлу той части буржуазіи,

которая, въ идеѣ по крайней мѣрѣ, способна признать законность стремленій рабочаго класса такъ-же систематически добиваться осуществленія своего права участія въ благахъ цивилизаціи, какъ этого нѣкогда добивалась буржуазія и которая успокоивается относительно своего собственнаго благополучія господствомъ среди пролетаріата доктрины, признающей за капитализмомъ историческія права на преобладаніе въ настоящемъ и въ ближайшемъ, по-крайней мѣрѣ, будущемъ, и, въ-3-хъ, выступающій на арену сознательной общественной жизни пролетаріатъ получаетъ готовую, соотвѣтствующую переживаемому моменту, идеологію, пополняющую недостатокъ въ немъ самостоятельно выработанной исторической идеи, окрашивающую идеальнымъ цвѣтомъ его личное дѣло, которое при другихъ обстоятельствахъ такъ бы и могло оставаться въ этомъ оголенномъ видѣ.

Послѣ сказаннаго становится понятнымъ и то поклоненіе, какое воздается Марксу, какъ основателю гипотезы историческаго матеріализма и построенной на ней теоріи исторической роли пролетаріата. Такое поклоненіе со стороны извѣстнаго рода лицъ совершенно понятно въ Германіи, гдѣ созданная Марксомъ идеологія дѣйствительно объединила, по крайней мѣрѣ, на время, и такъ сказать возвысила, идеализировала рабочее движеніе и тѣмъ содѣйствовала его быстрому развитію. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что указанное поклоненіе Марксу, какъ теоретическому обоснователю извѣстной практической идеи, не было безплоднымъ, было весьма плодоноснымъ. Но если и въ этой части работы Маркса разсматривать его идеи исключительно съ научной точки зрѣнія, то нужно будетъ признать, что поклоненіе ему, какъ творцу извѣстной системы, и здѣсь такъ же безплодно, какъ и въ области его научно-экономическихъ изысканій. Такъ, что касается вопроса о матеріалистическомъ объясненіи исторіи, слѣдуетъ сказать, что общая идея о важномъ значеніи для пониманія историческихъ явленій обращенія къ измѣненіямъ въ сферѣ экономическихъ отношеній представляетъ весьма большой научный интересъ, и ея примѣненіе разъяснитъ весьма многое въ развитіи общественно-политической жизни, такъ какъ до сихъ поръ на эту сторону предмета обращалось крайне недостаточное вниманіе. Теперь, отчасти благодаря Марксу же, экономическое

направленіе въ соціологіи и исторіи быстро распространяется и понемногу приноситъ свои естественные плоды. Поэтому, если мы говоримъ о научной безплодности ученія экономическаго матеріализма, то имѣемъ при этомъ въ виду не общую его идею, а частную форму, данную ей Марксомъ, систему его экономическаго толкованія исторіи, которая въ теченіи пятидесяти лѣтъ со времени ея появленія на свѣтъ божій измѣнялась лишь на столько, на сколько это было дѣлаемо самими основателями системы, не принадлежащими къ числу спеціалистовъ-историковъ, и какъ система, почти ничего не получила новаго отъ горячихъ поклонниковъ Маркса; она продолжаетъ оставаться на положеніи блестящей гипотезы, не дѣлая слѣдующаго шага въ научномъ развитіи идеи—не обращаясь въ научно-обоснованную теорію.

Мы сказали, что одной изъ научныхъ задачъ Маркса было приложеніе абстрактныхъ положеній теоріи капитализма къ объясненію экономической эволюціи Западной Европы, насколько таковая имѣла капиталистическій характеръ и что въ этомъ объясненіи онъ естественнымъ образомъ сгустилъ краски капиталистическаго теченія, какъ составляющаго спеціальный предметъ его изученія, и не надлежащимъ образомъ оцѣнилъ другое теченіе,— по крайней мѣрѣ, въ земледѣльческой области обнаруживающее упорное сопротивленіе капиталистическому потоку. По причинѣ указанной совершенно, впрочемъ, естественной односторонности теоретика и спеціалиста, формулированіе конкретнаго закона экономической эволюціи Западной Европы въ „Капиталѣ“, помимо воли автора, придало этому конкретному закону какъ бы общій характеръ, а его слѣпыми поклонниками прямо было принято за формулированіе универсальнаго закона экономической эволюціи общества. Такое недомысліе послѣдователей Маркса, несомнѣнно вредное въ научномъ отношеніи, не имѣло замѣтныхъ неблагопріятныхъ практическихъ послѣдствій въ Германіи, такъ какъ капиталистическое теченіе тамъ уже было все равно преобладающимъ, а практическая задача текущаго момента, согласно теоріи, о которой мы говоримъ, заключалась въ организаціи той общественной силы, которая должна была явиться противовѣсомъ капитализму, и въ этомъ отношеніи теорія только осмысливала и философски обосновывала движеніе, фактически возникшее въ этой

странѣ, т.-е. находилась въ достаточномъ соотвѣтствіи съ практикой. Но безусловное поклоненіе буквѣ ученія Маркса имѣетъ совершенно иное значеніе для странъ отсталыхъ, гдѣ капиталистическія отношенія господствуютъ еще только въ сферѣ обращенія, а измѣненіе отношеній производства не обнаруживаетъ совершенно опредѣленнаго направленія. Здѣсь толкованіе марксова — какъ онъ самъ назвалъ его, — „очерка происхожденія капитализма въ Западной Европѣ“, въ смыслѣ „историко-философской теоріи общаго хода развитія“ играетъ въ руку буржуазіи, поддерживаетъ теченіе, стремящееся къ экспропріаціи мелкаго самостоятельнаго производителя вообще, крестьянина въ частности. Къ числу такихъ отсталыхъ странъ принадлежитъ Россія, и нельзя не признать, что новѣйшій нѣмецкій рабочій социализмъ, благодаря своей узкой доктринѣ, обращается на нашей почвѣ въ буржуазизмъ.

Самъ Марксъ въ этомъ превращеніи, конечно, не причемъ. Когда онъ узналъ о томъ, что очеркъ въ его „Капиталѣ“ происхожденія капитализма въ Западной Европѣ его слѣпыми поклонниками обращается въ историко-философскую теорію общаго хода развитія, приложимую, между прочимъ, къ Россіи, и что изъ нея здѣсь дѣлаютъ практическіе выводы анти-общиннаго и антинароднаго характера, онъ счелъ нужнымъ протестовать противъ такого извращенія его идей и метода изслѣдованія и заявилъ, что подобное толкованіе его работъ онъ принимаетъ для себя за безчестіе. Къ сказанному мы прибавимъ, что упорная настойчивость поклонниковъ Маркса въ повтореніи той же ошибки является обиднѣйшимъ оскорбленіемъ памяти этого лица, какъ замѣчательнаго ученаго и мыслителя, потому что она доказываетъ полное невниманіе къ тѣмъ сторонамъ трудовъ Маркса, которыми опредѣляется его значеніе въ исторіи науки и которыми онъ завоевалъ себѣ безсмертіе. Главное достоинство работъ Маркса заключается въ томъ, что его теорія капитализма представляетъ нѣчто, настолько абстрактное и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько опредѣленное, что мыслящій читатель, во-1-хъ, не можетъ позабыть о томъ, что это — только абстракція и что для примѣненія ея къ объясненію какой-либо дѣйствительности требуется новая сложная работа, и, во-2-хъ, ясно, наглядно представляетъ себѣ планъ этой работы и

какъ бы порывается къ ней. Такой характеръ теоретическихъ работъ Маркса уничтожаетъ противорѣчіе между абстрактной политической экономіей и конкретными отраслями науки, свойственное классической политической экономіи, бывшее причиной даже отрицанія за послѣдней права именоваться наукой. И вотъ, ученіе, примиряющее абстрактную и конкретную точки зрѣнія въ экономической наукѣ, обращающее теорію въ свѣточъ для научныхъ изысканій конкретнаго характера, ученіе, обладающее такимъ неоцѣненнымъ достоинствомъ возбуждать активную работу мысли, вопіющее о томъ, что оно есть исходная точка для дальнѣйшихъ изслѣдованій, что безъ этихъ послѣднихъ оно есть нуль, потому что оно слишкомъ абстрактно, слишкомъ высоко стоитъ надъ каждой отдѣльной дѣйствительностью, такъ какъ совмѣщаетъ въ себѣ черты, *въ той или другой степени* свойственныя имъ всѣмъ, и что для объясненія каждой конкретной дѣйствительности требуется облечь этотъ абстрактный скелетъ плотью и кровью, *свойственными именно этой дѣйствительности*... такое гибкое и многообѣщающее ученіе объявлено узкимъ, неподвижнымъ, имѣющимъ совершенно опредѣленное *конкретное* содержаніе, способнымъ или одинаково прикрыть всякую дѣйствительность, или... быть разбитымъ, по несоотвѣтствію съ послѣдней. Трудно придумать что-либо, болѣе оскорбительное для научной славы великаго ученаго, чѣмъ этотъ вѣнокъ, сплетеный усердными руками его неосмысленныхъ поклонниковъ!

И такъ, абстрактная часть экономическаго ученія Маркса можетъ быть прилагаема къ объясненію текущей и до нѣкоторой степени грядущей дѣйствительности въ каждой странѣ, задѣтой капиталистическимъ потокомъ. Отсюда слѣдуетъ, что первымъ естественнымъ слѣдствіемъ примѣненія этого ученія къ какой-либо странѣ должно быть производство экономическихъ изслѣдованій, облачающихъ голую абстракцію въ соотвѣтствующій данной обстановкѣ костюмъ, изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью — постановкой абстрактной теоріи капитализма въ условія данной, конкретной среды—выведеніе конкретной формулы капитализма свойственной этой странѣ, находящейся въ особыхъ условіяхъ развитія въ отношеніи мѣста, времени, высоты культуры и т. д. Такая работа по отношенію къ Западной Европѣ или, вѣрнѣе, по отношенію къ Англіи,

сдѣлана Марксомъ же. Насколько представлялось бы полезнымъ произвести подобное изслѣдованіе для другихъ западно-европейскихъ государствъ, напр., хотя бы для Германіи, т.-е. насколько капиталистическая эволюція этой страны отличается отъ эволюціи англійской, и потому нуждается въ особой формулировкѣ,—мы судить не беремся. Но уже одно разнообразіе по данному вопросу взглядовъ относительно Россіи,—не говоря о реальномъ разнообразіи ея экономическихъ отношеній,— свидѣтельствуетъ въ пользу настоятельной необходимости вышеуказанныхъ изслѣдованій, которыми не только опредѣлился бы объемъ возможнаго распространенія капитализма въ Россіи, но и вѣроятно были бы внесены въ теорію капитализма нѣкоторыя поправки и дополненія.

Трудъ г. Николая — она и есть такая именно попытка примѣненія къ Россіи теоріи Маркса о капиталистической эволюціи промышленности. Нельзя сказать, чтобы это была первая попытка въ этомъ родѣ, но во всякомъ случаѣ—первая, сдѣланная несомнѣннымъ *экономистомъ*—марксистомъ. Въ этомъ обстоятельствѣ частью заключаются сильныя и слабыя стороны сочиненія названнаго автора. Смотря на окружающее съ точки зрѣнія законченной теоріи, г. Николай —онъ обезпечилъ теоретическую цѣльность своимъ выводамъ, а это значительно способствуетъ силѣ вліянія ихъ на читателя. Съ другой стороны, ограниченіе кругозора рамками теоріи капитализма помѣшало автору усмотрѣть въ жизни теченія, необнимаемыя этою теоріею, вслѣдствіе чего его построенія получили въ значительной степени схематическій характеръ и часто выражаютъ не столько фактическое положеніе дѣлъ, сколько одну изъ тенденцій русской экономической жизни. По той же причинѣ они представляются односторонними, а выводы изъ этихъ односторонніхъ представленій, распространяемые авторомъ на всю область явленій русской экономической дѣйствительности, нерѣдко оказываются, по меньшей мѣрѣ, произвольными, если не просто ошибочными; практическія же заключенія неизбѣжно получили характеръ утопіи.

Такимъ образомъ, разсматриваемое сочиненіе имѣетъ какъ бы двойственный характеръ: строго-научныя положенія, представляющіяся для всѣхъ обязательными, переплетаются съ выводами, сдѣланными изъ недостаточнаго числа посылокъ и какъ бы ослаб-

ляющими силу первыхъ положеній. Этимъ двойственнымъ въ научномъ отношеніи характеромъ аргументаціи автора объясняется и двойственность производимаго его книгой впечатлѣнія, въ силу которой въ ней находятъ подтвержденіе своихъ взглядовъ два исключающія другъ другъ воззрѣнія на русскую жизнь. Съ примѣрами такой двойственности мы познакомимся въ свое время.

II.

Разсматриваемый трудъ г. Николая —она состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: одного, посвященнаго земледѣлію, другого—фабрично-заводской промышленности. Тотъ и другой отдѣлы имѣютъ цѣлью, какъ мы сказали, изученіе развитія капиталистическихъ отношеній; а въ чемъ авторъ видитъ это развитіе въ той и другой областяхъ промышленности—явствуетъ изъ заглавія указанныхъ отдѣловъ. Первый изъ нихъ озаглавленъ; „капитализація земледѣльческихъ *доходовъ*“, второй: „капитализація *промысловъ*“. И такъ, хотя г. Николай —онъ и не изслѣдуетъ формы земледѣльческаго производства въ Россіи, это не мѣшаетъ ему держаться мнѣнія, что названное производство сохраняетъ мелкій характеръ, что капиталистическое теченіе выражается здѣсь не переорганизаціей труда, а отдѣленіемъ продукта труда отъ производителя; что здѣсь имѣетъ мѣсто не капитализація промышленности, а капитализація дохода. Эта послѣдняя капитализація, какъ извѣстно, совершается двоякимъ путемъ: прямымъ—отдѣленіемъ части продукта труда земледѣльца въ пользу собственника зе́мли, которую крестьянинъ обработываетъ въ качествѣ съемщика, и косвеннымъ—вовлеченіемъ этого продукта въ общій товарный оборотъ. Механизмъ перваго пути слишкомъ простъ для того, чтобы стоило подвергать его спеціальному изученію. Совершенно иное слѣдуетъ сказать о второмъ. Средствами отдѣленія продукта отъ производителя являются здѣсь такія почтенныя учрежденія, какъ банки и желѣзныя дороги, прямое назначеніе которыхъ заключается, повидимому, въ служеніи производству и производителю, въ избавленіи послѣдняго отъ необходимости отчужденія своего продукта при невыгодныхъ обстоятельствахъ и на невыгодномъ рынкѣ. Такъ дѣйствительно поставлено дѣло

на Западѣ, гдѣ имѣло мѣсто естественное, закономѣрное развитіе экономическихъ отношеній въ извѣстномъ направленіи. „Совокупность хозяйственныхъ условій, главнымъ образомъ обезземеленіе и изгнаніе сельскаго населенія, способствовала здѣсь развитію товарнаго производства; съ развитіемъ науки развивались и прикладныя знанія; съ развитіемъ послѣднихъ возрастала производительность труда. Но при товарномъ хозяйствѣ трудъ прилагается не на производство продуктовъ, нужныхъ самому производителю, а на производство товаровъ, удовлетворяющихъ потребности того, кто можетъ заплатить за нихъ. Мануфактуристъ-заводчикъ, фабрикантъ отправляются въ поиски за такими лицами. Но для этого требуется, во-первыхъ, перевезти товаръ,—для удовлетворенія этого требованія являются желѣзныя дороги; во-вторыхъ, получить деньги на дальнѣйшее производство — этому удовлетворяютъ банки. Какъ тѣ, такъ и другіе являются, поэтому, *результатомъ товарнаго обращенія*“ (Оч. пореф. хоз., с. 31). „Въ противуположность западно-европейской практикѣ, мы можемъ сказать, что развитіе желѣзныхъ дорогъ и банковъ въ Россіи не было вызвано массовымъ ростомъ производства. Но мы, разъ попавъ въ хозяйственную семью Европы, хотя и въ качествѣ младшаго члена, чтобы поддержать тѣнь своей хозяйственной самостоятельности, обратили наши силы не на развитіе самого производства, а на развитіе результатовъ производства, а именно—результатовъ капиталистическаго производства: банковъ и желѣзныхъ дорогъ“ (с. 33). Разъ мельница пущена въ ходъ, она, за отсутствіемъ зерна, станетъ перетирать всякій случайно попавшій межъ жернововъ предметъ. Такъ и созданныя у насъ, при отсутствіи товаровъ, средства обращенія послѣднихъ стали обращать въ товаръ предметы непосредственнаго потребленія производителя, начали функціонировать въ направленіи, какого не требовало производство, изъ средства помощи производителю обратились въ цѣль, а производителя обратили въ средство для своего процвѣтанія. Говоря другими словами, они заставили производителя продавать и покупать, т.-е. нести новый расходъ на поддержаніе механизма обмѣна, отдавать часть своего дохода капиталу, управляющему этимъ механизмомъ и наживающемуся около него. Таковъ второй путь капитализаціи

крестьянскаго земледѣльческаго дохода. „Въ то время какъ въ земледѣльческомъ производствѣ употребляются еще орудія каменнаго вѣка, для отдѣленія продукта отъ производителя примѣняются послѣдніе выводы науки“ (с. 73). Это довольно хитрая механика, и разъясненію этого именно механизма капитализаціи земледѣльческихъ доходовъ и посвященъ первый отдѣлъ труда г. Николая —она.

Какъ видно изъ вышесказаннаго, механизмъ капитализаціи земледѣльческихъ доходовъ есть въ то же время механизмъ товарнаго обращенія; поэтому первый отдѣлъ труда автора можетъ быть считаемъ посвященнымъ изученію механизма обращенія, и для многихъ читателей этой своей стороной онъ и представляетъ наибольшій интересъ. Изслѣдованіе авторомъ предмета съ этой стороны показало, что капиталистическое обращеніе въ Россіи покоится на земледѣліи, т.-е. на отрасли производства, имѣющей не капиталистическій, мужицкій характеръ. Капиталъ, категорически заявляетъ авторъ, въ земледѣльческомъ производствѣ „никакой роли не играетъ“ (с. 72); поэтому „какъ пассажирское желѣзнодорожное движеніе можно назвать мужицкимъ, такъ перевозка грузовъ держится, главнымъ образомъ, продуктами того же мужика-земледѣльца. Словомъ, желѣзныя дороги живутъ мужикомъ. Да и не однѣ желѣзныя дороги, банки живутъ тоже на его счетъ. Всѣ приведенныя нами данныя въ одинъ голосъ говорятъ рѣшительно тоже самое“ (с. 24). „Мужикъ здѣсь—синонимъ не наемнаго рабочаго,—ибо въ этомъ смыслѣ, нетолько у насъ. но и въ самыхъ капиталистическихъ странахъ все держится „мужикомъ“—а мелкаго хозяина-производителя, говорили мы по этому поводу въ другомъ мѣстѣ. То-есть, по мнѣнію г. Николая—она, капиталистическое производство у насъ развито такъ слабо, что почти не проявило своего существованія въ сферѣ общественно-экономической жизни, отличающейся наибольшимъ капиталистическимъ пошибомъ (товарномъ обращеніи)“ [1]). Такова сущность непосредственныхъ заключеній изслѣдованія автора о денежномъ обращеніи въ Россіи, выраженная положеніемъ „все живетъ мужикомъ“. Но кромѣ выводовъ изъ посылокъ, научно авторомъ

[1]) Судьбы капитализма, с. 301.

устанавливаемыхъ. г. Николай—онъ, какъ мы выше сказали, высказываетъ иногда заключенія, нетолько не вытекающія изъ его изслѣдованія, но противорѣчащія ему. Такъ, въ параграфѣ перваго отдѣла, озаглавленномъ „Выводы", имѣются, между прочимъ, такія строки.

„Кредитъ и желѣзныя дороги ускоряютъ обращеніе натуральнаго хозяйства въ денежное (это авторомъ доказано). Денежное же хозяйство—хозяйство товарное—есть хозяйство капиталистическое (?); слѣдовательно и кредитъ, и желѣзныя дороги ускоряютъ превращеніе хозяйственныхъ условій производства, при которыхъ производители являются собственниками орудій производства, въ такія условія, гдѣ производители становятся наемными рабочими" (с. 70—1). Это—новая посылка автора, истинность которой въ примѣненіи къ земледѣльческому производству Россіи опровергается духомъ и буквою всего предыдущаго изслѣдованія. Капиталъ въ земледѣльческомъ производствѣ „никакой роли не играетъ"—безапелляціонно заявляетъ авторъ; „земледѣльческое хозяйство не капиталистическое" (с. 40)—повторяетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Несмотря на это категорическое заключеніе, авторъ начинаетъ развивать мысль, что вышеприведенная имъ новая посылка—совершенно вѣрная для нѣкоторыхъ старыхъ странъ, развивавшихся при благопріятныхъ капиталистическому теченію условіяхъ, вслѣдствіе каковаго обстоятельства всѣ факторы соціальной жизни обращались на пользу капиталистической организаціи промышленности—что эта посылка въ равной мѣрѣ приложима и къ Россіи. Но такъ какъ прямой путь провѣрки этой идеи—сравненіе успѣховъ крупнаго и мелкаго земледѣльческаго производства—обнаружилъ бы ея ложность, то авторъ обратился къ косвеннымъ признакамъ, которые, разсматриваемые сами по себѣ, могутъ быть показателями успѣховъ капиталистическаго производства, но могутъ и не находиться ни въ какой связи съ послѣднимъ, и даже свидѣтельствовать о слабости организаціоннаго капиталистическаго теченія.

„Приложенію капитала къ землѣ, исполненію его исторической миссіи, у насъ мѣшаетъ Положеніе 19 февр., надѣлившее производителей орудіями труда. Капиталистическому же хозяйству, какъ мы видѣли, способствуетъ вся пореформенная государственно-

хозяйственная дѣятельность. Эти два взаимно уничтожающія направленія и составляютъ источникъ тѣхъ противорѣчій, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться. Теченіе капиталистическое, однако, видимо пересиливаетъ (?). Всѣ данныя говорятъ въ пользу того, что все большая и большая часть производителей экспропріируется: уменьшеніе доли производителя въ продуктѣ и увеличеніе доли капиталиста, происходящее на нашихъ глазахъ, заставляетъ все большую и большую часть первыхъ бросать землю, не „обряжать“ ее. При этомъ и въ самой общинѣ происходитъ весьма любопытное явленіе: нехозяйственнымъ крестьянамъ общество начинаетъ отводить худшую землю (все равно, не обрабатываютъ ее), сроки же передѣловъ земли хозяйственныхъ домовъ все увеличиваются и увеличиваются, такъ что мы присутствуемъ при актѣ превращенія общиннаго владѣнія въ индивидуальное“ (с. 71).

Если бы мы не знали. что эти строки написаны 15 лѣтъ тому назадъ, мы бы не съумѣли понять, какъ они могли сорваться съ пера такого знатока русскаго экономическаго быта, какъ г. Николай —онъ. Но и приведенное обстоятельство объясняетъ (да и то не вполнѣ) появленіе этихъ строкъ въ 1880 г., когда была впервые напечатана разсматриваемая часть труда г. Николая—она, но не въ изданіи, помѣченномъ 1893 годомъ. Въ первыя 10—15 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, дѣйствительно, наблюдалось бѣгство населенія нѣкоторыхъ мѣстностей нечерноземной полосы изъ деревень, сопровождавшееся запущеніемъ пашни. Но это—когда-то было и быльемъ поросло! Съ тѣхъ поръ движеніе населенія перемѣнило направленіе: въ теченіе 80-хъ гг. крестьяне возвращались въ покинутыя деревни, распахивали запущенную пашню и въ той самой Московской губерніи, ссылкой на которую авторъ подтверждаетъ свое мнѣніе о томъ, что „капиталистическое движеніе видимо пересиливаетъ“—теперь, вѣроятно, не осталось и десятой доли пустырей, образовавшихся 15 — 20 лѣтъ тому назадъ. Самъ авторъ на стр. 128 своего труда констатируетъ фактъ расширенія крестьянскихъ запашекъ „даже въ ущербъ чисто хозяйственнымъ соображеніямъ“. Также запоздало и утвержденіе автора относительно превращенія общиннаго землевладѣнія въ подворное. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ движеніе къ

передѣлу общинныхъ земель только-что начиналось, и потому существовалъ поводъ, если не основаніе, говорить о возрастаніи сроковъ передѣловъ и выводить отсюда любыя заключенія, напр., хотя бы заключеніе о разрушеніи общины. Послѣдующее время показало, на сколько нужно быть осторожнымъ съ такими обобщеніями. Теперь стремленіе къ передѣламъ сдѣлалось явленіемъ общераспространеннымъ; съ другой стороны выяснилось, что отсутствіе общихъ передѣловъ земли вовсе не доказываетъ обращенія общиннаго землевладѣнія въ подворное. есть цѣлые сплошные районы (напр. въ Тверской губерніи), гдѣ уравненіе землепользованія въ теченіи 30—40 лѣтъ достигается путемъ частныхъ передѣловъ, преимущества какового пріема заключаются въ томъ, что хозяева не лишаются періодически участковъ, съ которыми какъ бы сроднились. Въ виду высказанныхъ и прекрасно извѣстныхъ г. Николаю—ону фактовъ, мы можемъ только пожалѣть о томъ, что авторъ ослабляетъ силу *доказываемыхъ* имъ положеній допущеніемъ на страницы своего труда голословныхъ утвержденій противуположнаго характера. Этимъ онъ оказываетъ плохую услугу своимъ собственнымъ практическимъ пожеланіямъ и путаетъ читателя, довѣрчиво относящагося къ мнѣніямъ авторитетныхъ лицъ.

Въ „Выводахъ“ автора въ первомъ отдѣлѣ его труда найдутся еще положенія, не вытекающія изъ посылокъ, научно имъ установляемыхъ [напр., положеніе о томъ, что кредитъ способствуетъ только развитію кулаковъ, „но никакъ не можетъ служить производителю, будь этотъ производитель единичнымъ лицомъ или общиной“ (с. 76)]. Но такъ какъ эти положенія— чисто теоретическаго характера и приведены лишь для полноты воззрѣній автора, то мы и не считаемъ умѣстнымъ входить здѣсь въ ихъ разсмотрѣніе.

Трудъ г. Николая —она интересуетъ насъ, какъ попытка мыслящаго марксиста примѣнить теорію капитализма къ объясненію экономической эволюціи Россіи. Съ этой точки зрѣнія выводы перваго отдѣла „Очерковъ пореформеннаго хозяйства“, написаннаго въ 1880 г. и посвященнаго денежному обращенію, могутъ быть сведены къ нижеслѣдующему.

Послѣ освобожденія крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею

на началѣ общиннаго владѣнія не было предпринимаемо сколько-нибудь серьезныхъ мѣръ для возвышенія производительности народнаго труда, но зато всѣ силы были направлены на водвореніе у насъ той формы промышленности, какая торжествовала на Западѣ—крупной капиталистической. Въ этихъ видахъ мы всячески содѣйствовали постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и развитію кредита—какъ могучихъ средствъ, облегчающихъ процессъ капитализаціи промышленности. Дѣйствительность, однако, не оправдала нашихъ ожиданій. Правда, капитализація дохода въ главной отрасли нашей промышленности, земледѣльческой, подвигается весьма быстро впередъ, но сосредоточиваемые такимъ образомъ капиталы не обращаются на преобразованіе мелкаго производства въ крупное и не способствуютъ поэтому возвышенію производительности земледѣльческаго труда. Напротивъ того, вынужденный отдавать все большую и большую часть своего дохода на поддержаніе дорогого механизма товарнаго обращенія, построеннаго по всѣмъ правиламъ современнаго искусства,—крестьянинъ тѣмъ самымъ лишается средствъ для доступнаго мелкой формѣ производства усовершенствованія своего промысла, отчего земля не получаетъ ничего въ возвратъ извлекаемыхъ изъ нея питательныхъ веществъ, и производительность земледѣльческаго труда падаетъ. Таковы результаты заботъ о поднятіи производительности труда путемъ покровительства капиталистической организаціи послѣдняго. Что же касается причинъ неудачи этихъ заботъ, т.-е. причинъ неразвитія капиталистическаго производства въ Россіи—таковыя авторъ „капитализаціи земледѣльческихъ доходовъ“ видѣлъ, повидимому, въ существованіи общиннаго владѣнія землей. „Такъ какъ общинное начало препятствуетъ захвату капиталомъ земледѣльческаго производства, — говоритъ онъ,— то въ производствѣ онъ никакой роли и не играетъ“ (стр. 72). Очевидно, насколько недостаточно это объясненіе: мелкое производство обнимаетъ не только крестьянскія земли, но и большую часть помѣщичьихъ. Въ силу сказаннаго, не форма владѣнія землей, а другія причины мѣшаютъ крупной организаціи нашего земледѣлія. Объ этихъ причинахъ, однако, авторъ въ 1880 г. еще не упоминалъ, и ихъ правильная оцѣнка не могла быть сдѣлана на основаніи данныхъ, относящихся къ земледѣлію или къ

механизму товарнаго обращенія. Для разъясненія этого вопроса надлежитъ обратиться ко всей промышленной жиени въ ея совокупности, нужно поставить болѣе широко вопросъ о капиталистической эволюціи нашей страны. Такая постановка сдѣлана авторомъ лишь черезъ 13 лѣтъ послѣ обнародованія его труда, составившаго первый отдѣлъ разсматриваемой нами книги. Къ этой постановкѣ вопроса мы теперь и обратимся.

III.

Какъ мы это замѣтили выше, трудъ нашего автора можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ: какъ освѣщеніе русской дѣйствительности съ точки зрѣнія опредѣленной теоріи и какъ изслѣдованіе различныхъ сторонъ экономической жизни Россіи, имѣющее цѣнность само-по-себѣ, независимо отъ ихъ толкованія авторомъ.

Теоретическая часть тѣсно переплетена въ разсматриваемой книгѣ съ статистической. Цѣлыя страницы и десятки ихъ заняты изложеніемъ теоріи; обращеніе же къ фактамъ дѣлается или съ цѣлью разъясненія и подкрѣпленія теоретическихъ положеній, или въ видахъ освѣщенія дѣйствительности свѣтомъ теоріи. Объ задачи развиваются одновременно, поддерживая другъ друга, такъ что въ концѣ-концовъ представляется затруднительнымъ сказать: есть-ли книга г. Николая —она (II отдѣлъ) разъясненіе явленій русской жизни при помощи теоріи или изложеніе опредѣленной теоріи съ комментаріями къ ней, почерпнутыми изъ жизни? Соотвѣтственно такому взаимопроникновенію умозрѣнія и факта, въ случаяхъ полнаго согласія обѣихъ,—по причинѣ отсутствія заботы о констатированіи явленій, противорѣчащихъ теоріи или стоящихъ внѣ ея и благодаря формѣ изложенія теоретическихъ посылокъ, представляющей послѣднія какъ бы обобщеніями или даже констатированіемъ фактовъ—въ сознаніи читателя апріорные выводы (еще требующіе фактическаго подтвержденія) и данныя наблюденія не отдѣляются рѣзко другъ отъ друга; то, что вытекаетъ логически изъ абстрактнаго положенія, принимается за дѣйствительный фактъ: тенденція, стремленіе къ чему-то обращается въ осуществившееся явленіе.

Такой характеръ „Очерковъ нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства“ зависитъ, во-1-хъ, отъ слишкомъ большой вѣры автора въ свою теорію, во-2-хъ, отъ неполноты фактическихъ изслѣдованій русской жизни, не дающихъ возможности ни вполнѣ подтвердить правильность приложенія теоріи къ жизни, ни указать границы законнаго, такъ сказать, примѣненія теоріи.

Сущность воззрѣній автора на экономическую эволюцію Россіи, какъ она освѣщается теоріей, можетъ быть выражена нижеслѣдующимъ образомъ.

Первобытныя общества въ экономическомъ отношеніи характеризуются тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ рѣзкаго разъединенія занятій и что производство ведется не для обмѣна, а для непосредственнаго потребленія самихъ лицъ, составляющихъ хозяйственную единицу; обмѣнъ же продуктовъ между различными единицами играетъ третьестепенную роль. Съ теченіемъ времени, однако, товарное обращеніе развивается больше и больше, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и соціальная форма производства: мелкое народное производство превращается въ крупное капиталистическое. Пути этого превращенія и послѣдствія его для населенія данной области въ различныхъ странахъ различны, въ зависимости отъ условій, при которыхъ совершалось ихъ экономическое развитіе.

Общимъ результатомъ развитія было отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣльческой, вслѣдствіе каковаго обстоятельства земледѣльческое населеніе должно ограничиться сельскохозяйственной дѣятельностью. Это условіе имѣетъ весьма важное значеніе для судьбы самаго промышленнаго капитализма. На первыхъ порахъ оно обезпечиваетъ внутренній рынокъ для сбыта продуктовъ капиталистической обрабатывающей промышленности и этимъ дѣлаетъ возможнымъ первоначальное развитіе послѣдней. Но имъ же кладутся и очень ограниченные предѣлы ея распространенію, вынуждающія капитализмъ искать другихъ путей для своего развитія. Земледѣльческое населеніе, лишаемое подсобныхъ къ хозяйству занятій, иначе говоря, ограничиваемое въ приложеніи своего труда частью того времени, какое оно отдавало производству раньше, добываетъ соотвѣтственно меньше продукта, производитъ меньше стоимости и меньше можетъ потреблять предметовъ обрабатывающей промышленности. Заработная же пла-

та лицъ, занятыхъ въ этой послѣдней, сводится къ уровню средствъ простого существованія, и потому фабрично-заводскіе рабочіе не могутъ, въ свою очередь, представить запросъ на продукты, способный служить основаніемъ для широкаго распространенія предпринимательской системы промышленности. По высказаннымъ причинамъ, достигнувъ извѣстной степени развитія, капиталистическая промышленность не можетъ довольствоваться внутреннимъ рынкомъ, и ея дальнѣйшіе успѣхи зависятъ отъ того, найдетъ-ли она внѣшніе рынки для сбыта товара.

Россія выступила на путь капиталистическаго развитія въ такое время, когда техническая сторона капитализма достигла весьма высокаго совершенства, вслѣдствіе чего крупное производство могло очень скоро уничтожить мелкое, и первый періодъ этой эволюціи,—періодъ завоеванія капитализмомъ внутренняго рынка—могъ быть пройденъ весьма быстро. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не только нашла внѣшніе рынки занятыми, но и выступила на общій цивилизованному міру путь развитія въ такое время, когда борьба за рынки между дѣйствующими капиталистическими націями достигла высшей степени напряженія, когда чуть-ли не каждая страна претендуетъ на сбытъ своихъ товаровъ въ остальныя, которыя, въ свою очередь, стремятся къ тому же, и когда никто не находитъ другого выхода изъ этого положенія, какъ окруженіе себя таможенной стѣной. Попавъ въ эту общую свалку, Россія не имѣетъ никакихъ шансовъ заполучить сколько-нибудь значительные рынки, потому что главное орудіе въ борьбѣ за нихъ заключается въ поднятіи производительности труда, а въ этомъ отношеніи Россія неизмѣримо отстала отъ Англіи, Америки и др.

Но если бы, по неисповѣдимымъ судьбамъ исторіи, Россія оказалась побѣдительницей въ борьбѣ за внѣшніе рынки, то и этимъ она мало сдѣлала бы въ смыслѣ облегченія развитія капиталистической организаціи промышленности, потому что существующіе возможные внѣшніе рынки могутъ облегчить капиталистическую эволюцію области съ немногими десятками милліоновъ жителей, но не страны, подобной Россіи, населеніе которой перевалило за сто милліоновъ. Дѣйствительно „что можетъ принести намъ дальнѣйшее развитіе капитализма въ томъ даже случаѣ, если бы намъ удалось погрузить Англію въ море и самимъ занять

ея мѣсто? Англія одѣваетъ въ бумажныя ткани полміра (ей принадлежитъ половина веретенъ земного шара), и въ этой промышленности занято всего около 450 тыс. человѣкъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Для полученія количества угля, добываемаго Англіей, требуется всего около 500 тыс. рабочихъ. И такъ по всѣмъ производствамъ! Выходитъ, что даже въ томъ случаѣ, если бы мы заполучили значительную часть мірового рынка, все-таки капитализмъ не былъ бы въ состояніи эксплуатировать всю массу рабочихъ силъ, которую онъ теперь непрерывно лишаетъ занятія" (Оч., стр. 210—211). Но говорить о возможности серьезныхъ успѣховъ Россіи въ борьбѣ за рынки—значитъ удаляться въ область утопіи; оставимъ поэтому всякія на этотъ счетъ предположенія и остановимся на тѣхъ перспективахъ, которыя открываются Россіи съ ея настоящими промышленно-боевыми силами и которыя отчасти уже перешли въ область осуществившейся дѣйствительности.

Вопросъ, который намъ предстояло разрѣшить послѣ освобожденія крестьянъ, „заключался въ томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ развить свою собственную промышленность до того высокаго уровня, на которомъ она находится въ Западной Европѣ, чтобы не обратиться въ данниковъ странъ болѣе культурныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повысить экономическое благосостояніе всего народа? А мы отождествили понятіе о крупной современной промышленности съ понятіемъ о капиталистической формѣ ея и взглянули на предстоявшую намъ задачу такъ: чему должна быть принесена въ жертву наша народная промышленность, развитію-ли нашей собственной крупной капиталистической промышленности или англійской (т.-е. слѣдуетъ-ли держаться покровительственной таможенной политики или фритредерской)? Разъ вопросъ былъ поставленъ на эту почву,—а онъ былъ поставленъ именно такъ,—народная промышленность была осуждена на погибель, и мы занялись насажденіемъ своей собственной крупной капиталистической промышленности" (с. 330—331). Гибель народной промышленности могла бы и не считаться слишкомъ большимъ несчастіемъ, если бы она не вела къ пониженію и безъ того низкаго уровня благосостоянія населенія, и если бы она не сопровождалась сокращеніемъ національнаго богатства, т.-е. сокращеніемъ массы

производимыхъ продуктовъ, или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ медленнымъ возрастаніемъ абсолютной массы этихъ предметовъ. А у насъ именно наблюдается и то, и другое.

Неизбѣжность обѣднѣнія населенія при развитіи капиталистическаго производства явствуетъ изъ того, что, по мѣрѣ капитализаціи промысловъ, крестьянинъ лишается подсобныхъ къ земледѣлію занятій, т.-е., вмѣсто цѣлаго года, употребляетъ на добываніе предметовъ потребленія полгода. Продуктомъ этого полугодового труда онъ долженъ удовлетворить всѣ тѣ личныя и государственныя потребности, которыя въ прежнее время удовлетворялись трудомъ цѣлаго года, и удовлетворить не иначе, какъ отчуждая значительную часть его. Продуктъ этотъ—хлѣбъ, и потому результатомъ капитализаціи промысловъ было усиленное производство крестьянами хлѣба, вынужденная продажа его по пониженнымъ цѣнамъ, нормальная высота которыхъ къ тому же опредѣлялась на международномъ рынкѣ не стоимостью его производства въ Россіи, а цѣнами американскаго хлѣба, обусловливаемыми болѣе низкими издержками производства.

Благодаря сказанному, доходы сельскаго населенія уменьшались еще болѣе, расходы же его на государственныя потребности росли, а потому собственное потребленіе сокращалось. А такъ какъ крестьяне составляютъ громадно преобладающую часть населенія страны, то вмѣстѣ съ этимъ сокращался и спросъ на продукты національнаго производства, сокращалось и производство тѣхъ предметовъ, которые не имѣли внѣшняго сбыта, т.-е. большей части продуктовъ обрабатывающей промышленности. Но такъ какъ эта промышленность распадается на 3 части—домашнюю, кустарную и фабрично-заводскую,-изъ коихъ послѣдняя подлежитъ правильному, хотя и не совсѣмъ точному, учету, а вторая, и въ особенности первая, не подвергается періодической регистраціи; такъ какъ единственное слагаемое этой постоянно уменьшающейся суммы, подвергающееся учету, обнаруживаетъ довольно быстрое возрастаніе (подкрѣпляемое, прибавимъ кстати, ростомъ товарнаго движенія, происходящаго не отъ расширенія производства, а отъ развитія обмѣна), а о сокращеніи мелкой промышленности имѣются лишь неопредѣленныя словесныя заявленія,—то мы всѣ и принимаемъ за доказанное, что видимый ростъ ка-

питалистическаго производства есть именно ростъ нашей національной промышленности, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ процессомъ простого сосредоточенія опредѣленной, неизмѣняемой или даже сокращающейся суммы продуктовъ національнаго труда, не съ простымъ измѣненіемъ формы производства, а также съ расширеніемъ продукціи, съ быстрымъ возрастаніемъ національнаго богатства.

Упадокъ благосостоянія населенія—какъ ни печально это явленіе само по себѣ—можетъ и не препятствовать культурнымъ успѣхамъ страны, какъ не препятствовало обѣднѣніе рабочаго класса въ Англіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія громадному росту ея матеріальной и интеллектуальной культуры. Но если трудящееся населеніе образуетъ почти единственный рынокъ для сбыта туземныхъ товаровъ, и его обѣднѣніе поэтому равносильно застою національной промышленности,—въ то время, какъ малая продукція страны составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ быта—указанное обстоятельство является фатальнымъ для цѣлой страны, для всего государства. Дѣйствительно, культурное развитіе націи возможно лишь при большой затратѣ общественныхъ средствъ на распространеніе образованія, на подъемъ сельскаго хозяйства, на улучшеніе путей сообщенія и т. д. Средства же для всѣхъ этихъ расходовъ доставляются національнымъ производствомъ. Пока послѣднее растетъ—государство имѣетъ прочный источникъ для увеличенія своихъ расходовъ, и страна въ состояніи содержать ту массу интеллигентныхъ дѣятелей, которая служитъ проводникомъ культуры. Съ сокращеніемъ же продукціи, государственныя потребности не получаютъ должнаго удовлетворенія, культурныя силы страны остаются безъ примѣненія, а необходимыя потребности народной жизни безъ надлежащаго удовлетворенія. Этимъ создаются условія, задерживающія культурное развитіе націи, тянущія ее съ высшей ступени на низшую; а если нація и безъ того не принадлежала къ числу особенно-цивилизованныхъ—ей угрожаетъ опасность и вовсе отдѣлиться отъ семьи европейскихъ народовъ.

Указанныя необходимыя послѣдствія обѣднѣнія массы трудящагося населенія, при отсутствіи внѣшняго рынка для сбыта товаровъ капитализующейся промышленности, начинаютъ уже обна-

руживаться въ Россіи. Самымъ важнымъ проявленіемъ ихъ служитъ неподвижность или даже обратное движеніе производительности земледѣльческаго труда, обусловленное тѣмъ обстоятельствомъ, что крестьянское населеніе, все болѣе и болѣе ограничиваемое въ своихъ занятіяхъ сферой сельско-хозяйства, не только лишалось всякой возможности производить какія-либо затраты для возвышенія послѣдняго, но побуждалось къ усиленной эксплуатаціи естественныхъ силъ природы, благодаря чему земледѣліе было поставлено въ полнѣйшую зависимость отъ стихійныхъ процессовъ, а страна лишена возможности противодѣйствовать неблагопріятной комбинаціи стихійныхъ силъ. Указанное обстоятельство, въ совокупности съ полнымъ истощеніемъ хозяйственныхъ средствъ крестьянскаго населенія, было главной причиной голода 1891—92 гг., всѣ вредныя послѣдствія котораго для хозяйственнаго состоянія страны далеко еще не выяснились.

III.

Такова существенная часть содержанія „Очерковъ пореформеннаго развитія нашего общественнаго хозяйства". Если бы авторъ ограничился вышеизложеннымъ и при этомъ точно оговорилъ, что его задачей было—изученіе капиталистической эволюціи Россіи и ея вліянія на народное производство и благосостояніе, но что онъ не разсматривалъ не капиталистическаго теченія въ экономической жизни, какъ самостоятельнаго фактора послѣдней, и потому его выводы не полны, подлежатъ ограниченію и дополненію; если бы авторъ сдѣлалъ это—онъ остался бы на высотѣ того, что можно требовать отъ теоретика и былъ бы въ значительной мѣрѣ неуязвимъ для критики. Но г. Николай —онъ не ограничился посылками, представляющими несомнѣнную истинность, и выводами, связанными съ ними несомнѣнной логической цѣпью. Онъ слишкомъ послѣдовательно проводилъ теорію капитализма и тѣмъ далъ ей ненадлежащее распространеніе или, что тоже, неправильное толкованіе.

Дѣло въ томъ, что Марксъ посвятилъ свои силы изученію капиталистическаго строя, что выразилъ и заглавіемъ, даннымъ имъ своему главнѣйшему труду. Задачей названнаго мыслителя было

изучить этотъ строй въ статическомъ и динамическомъ отношеніяхъ, въ его исторіи и въ современномъ состояніи. При этомъ исторически онъ его изучалъ не на всемъ мірѣ, а въ немногихъ странахъ его наибольшаго распространенія, вѣрнѣе даже сказать, въ одной странѣ—классическаго капитализма—въ Англіи. Т.-е. онъ изслѣдовалъ капитализмъ, какъ силу торжествующую, организаціонную и прогрессивную, какъ силу, не только поборовшую силы антагонистическія, но и опредѣлившую новый періодъ прогрессивнаго развитія цивилизованнаго міра. Соотвѣтственно этому, эволюцію некапиталистическую онъ изучалъ лишь постольку, поскольку она предшествовала капиталистической, дала первые ростки капитализма и затѣмъ постепенно замѣщалась новымъ потокомъ, лучше отвѣчающимъ потребностямъ развивающагося общества. Но онъ не ставилъ своей задачей или не успѣлъ настолько подвинуться на своемъ пути, чтобы подвергнуть эволюцію народнаго производства спеціальному изученію и опредѣлить путь экономическаго развитія тѣхъ обществъ, гдѣ капиталистическая организація промышленности представляется невозможной и капитализму поэтому выпадаетъ на долю или играть подчиненную роль, или сдѣлаться факторомъ разрушенія, а не созиданія. Хотя самъ Марксъ, повидимому, и не считалъ капитилистическій принципъ за такой, который можетъ сдѣлаться прогрессивнымъ факторомъ развитія никакъ не на всемъ пространствѣ земного шара; хотя въ своей теоріи онъ ограничиваетъ господство этого принципа только во времени, а не въ пространствѣ, тѣмъ не менѣе, г. Николай —онъ оказался настолько самостоятельнымъ послѣдователемъ названнаго мыслителя, что не затруднился примѣнить основныя положенія его теоріи къ новымъ, оригинальнымъ условіямъ мѣста и времени и далъ выводы, потенціально заключающіеся въ этихъ посылкахъ, но съ внѣшней стороны какъ будто бы противорѣчащіе теоріи. Сдѣлавъ такіе выводы и внеся этимъ дополненіе въ теорію капитализма, г. Николай— онъ открываетъ поле для дальнѣйшаго развитія этой теоріи, какъ бы завершающей одинъ періодъ въ исторіи абстрактной политической экономіи, періодъ Смита-Рикардо-Маркса, вѣрнѣе говоря, открываетъ поле для новыхъ захватовъ теоретической экономической мысли. Тогда какъ до настоящаго времени всѣ протесты противъ абстрактнаго ха-

рактера классической политической экономіи въ научномъ отношеніи оказывались безплодными, потому что лишь ученіе о капиталистическомъ обществѣ (а классическая экономія есть именно теорія капиталистическаго строя) имѣло достаточно фактическихъ данныхъ для своего развитія и что остальныя наблюдаемыя формы экономическаго уклада рисовались лишь какъ формы, предшествующія формѣ капиталистической, — съ выясненіемъ того обстоятельства, что капиталистическая эволюція промышленности въ ея опредѣлившихся формахъ можетъ существовать лишь на ограниченномъ пространствѣ земного шара, и потому прогрессивное развитіе вновь примыкающихъ къ цивилизаціи странъ должно совершаться при ограниченномъ участіи капитала; выясненіе этого обстоятельства открываетъ наукѣ новыя перспективы — изученіе путей экономическаго развитія, отличныхъ отъ пути, которымъ шла западная Европа; даетъ возможность осуществленія положительной стороны того теченія, которое до настоящаго времени въ качествѣ научнаго могло проявиться лишь отрицательно: критикой односторонности направленія классической экономіи. Теперь теоретической экономіи открывается задача изученія законовъ некапиталистической эволюціи промышленности, и съ этой точки зрѣнія получаютъ новое освѣщеніе проявленія такой эволюціи въ Западной Европѣ, по условіямъ своего времени, вынужденныя стушеваться передъ силой капитализма, но которыя при другихъ обстоятельствахъ могли бы получить дальнѣйшее развитіе.

Г. Николай —онъ не сталъ на эту, единственно, какъ намъ кажется, правильную точку зрѣнія въ вопросѣ о невозможности для Россіи прогрессивнаго развитія подъ руководствомъ капитала и не сдѣлалъ признанія въ томъ, что исповѣдываемая имъ теорія не даетъ положительнаго отвѣта на вопросъ относительно путей, какими въ такихъ случаяхъ должно совершаться это развитіе, и что эти пути подлежатъ изученію обычными научными пріемами. Но онъ не далъ и опредѣленнаго указанія,-по крайней мѣрѣ, не развилъ его систематически — относительно дальнѣйшей экономической судьбы Россіи при стихійной, такъ сказать, эволюціи ея быта. На этотъ счетъ у него имѣются только нѣкоторыя отрывочныя замѣчанія, свидѣтельствующія, однако, о томъ, что въ системѣ воззрѣній автора относительно естествен-

наго хода процесса экономической эволюціи,—разъ только этотъ процессъ принялъ форму товарнаго хозяйства,—нѣтъ мѣста эволюціи некапиталистической, какъ самостоятельному явленію народной жизни; что товарное хозяйство, по его мнѣнію, неизбѣжно превращается въ хозяйство капиталистическое, а разъ появившись—послѣднее естественно поведетъ къ разрушенію производства народнаго.

Отождествленіе товарнаго хозяйства съ капиталистическимъ сдѣлалось общимъ мѣстомъ въ развиваемой авторомъ системѣ воззрѣній. Но если спросить, почему товарное хозяйство должно быть капиталистическимъ — отвѣта мы не получимъ. Можно, однако, сказать, что въ существѣ понятія автора о товарномъ производствѣ нѣтъ основаній для приравненія его къ капиталистическому. „Какъ общее правило, — говоритъ по этому предмету г. Николай —онъ,—предметы потребленія становятся товарами только потому, что представляютъ собою трудъ отдѣльныхъ лицъ или группъ отдѣльныхъ лицъ, занимающихся производствомъ вполнѣ независимо другъ отъ друга“ (с. 99). „Отдѣльное „лицо“ еще не значитъ „капиталистъ“ или „батракъ“! Точно также и въ дѣйствительной жизни товарное производство и капиталистическое—вещи разныя. Чтобы не останавливаться долго на этомъ предметѣ, напомнимъ, что въ товарный оборотъ вовлеченъ и продуктъ русскаго земледѣлія, а между тѣмъ, по сознанію самого автора, наше земледѣльческое производство есть производство не капиталистическое. Сказанное относится также къ мелкому земледѣлію Западной Европы и Америки. Товарное производство обратилось въ капиталистическое въ Западной Европѣ, гдѣ капитализмъ вообще имѣлъ благопріятныя условія для своего развитія. Поэтому-же товарное производство фигурируетъ, какъ капиталистическое и въ теоріи Маркса, какъ мы сказали выше, изучавшаго лишь капиталистическую эволюцію общества.

Отождествленіе товарнаго хозяйства съ капиталистическимъ и отсутствіе въ теоріи автора мѣста для самостоятельной некапиталистической эволюціи промышленности, разъ только она столкнулась съ капиталистической, было причиной появленія на страницахъ разсматриваемаго труда нѣкоторыхъ мыслей, нетолько немотивированныхъ, но и стоящихъ въ противорѣчіи съ другими

положеніями развиваемыхъ авторомъ воззрѣній. Мы уже видѣли, какъ въ первомъ отдѣлѣ книги, написанномъ 14 лѣтъ назадъ, г. Николай — онъ заявлялъ о происходящемъ, будто бы, процессѣ превращенія общиннаго владѣнія землей въ подворное. Мы говорилъ, что послѣдующія изслѣдованія крестьянскаго быта не подтверждаютъ этого мнѣнія; и въ новѣйшемъ трудѣ автора также мысль высказана уже не какъ результатъ наблюденій, а какъ предположеніе. „Наше историческое прошлое,— говоритъ авторъ, оставило намъ въ наслѣдство общину, которая, подъ давленіемъ капитализма и порожденныхъ имъ условій производства и обращенія, отдѣленія обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія, не въ состояніи обезпечить своимъ членамъ средствъ существованія. Поэтому, при существующихъ условіяхъ ей грозитъ неизбѣжная смерть „(с. 344). Почему смерть общины неизбѣжна— неизвѣстно. Если бы община мѣшала прогрессу промышленности— тогда такъ; но, по мнѣнію автора, она не только не препятствуетъ ему, но составляетъ необходимое его условіе. „Общинное землевладѣніе есть одно изъ основныхъ матеріальныхъ условій производства, на которомъ можетъ быть построено зданіе будущаго общественнаго хозяйства“; „а массовое обезземеленіе населенія указывало бы на канунъ нашей хозяйственной смерти“ (с. 144). При такихъ условіяхъ было бы вѣрнѣе сказать, что естественное уничтоженіе общины невѣроятно, ибо наше производство не можетъ вѣчно оставаться на уровнѣ суммы единичныхъ актовъ, а превращеніе его въ общественное при посредствѣ капитала—какъ это было на Западѣ—представляется невозможнымъ.

Такимъ же немотивированнымъ утвержденіемъ является и высказываемая иногда—въ противоположность доказываемому, — мысль о капитализаціи земледѣльческаго производства, вродѣ, напр., утвержденія, что земледѣліе „мало-по-малу переходитъ въ его (капитала) руки“, находящагося на той самой 332 страницѣ, гдѣ значится, что и „обработка частновладѣльческихъ полей производится по большой части крестьянскимъ инвентаремъ“ и что частновладѣльческія хозяйства „должны подчиняться гнету, подъ которымъ приходится работать крестьянину“, что „на продажныхъ цѣнахъ не могутъ не отразиться цѣны на крестьянскіе хлѣба“. Такимъ образомъ, изъ двухъ формъ сель-

скаго хозяйства—капиталистической и народной—не первая давитъ на вторую и угнетаетъ ее, а наоборотъ,—капиталистическое хозяйство страдаетъ отъ конкурренціи хлѣба крестьянскаго производства и потому естественнѣе ожидать не капитализаціи крестьянскаго, а декапитализаціи помѣщичьяго хозяйства.

Капиталистическое земледѣліе не имѣетъ и тѣхъ шансовъ на завоеваніе внутренняго рынка, какіе открываются крупной обрабатывающей промышленности—отстраненіе отъ производства мелкаго производителя. Крестьянинъ, лишаемый фабрикой подсобныхъ къ земледѣлію занятій, налегаетъ сильнѣе на сельское хозяйство и на доходы съ послѣдняго пріобрѣтаетъ фабрикаты. Если же его еще вытѣснить съ поля земледѣлія, то у него не останется никакихъ источниковъ существованія и не на что, слѣдовательно, будетъ купить хлѣба для поддержанія капиталистическаго хозяйства. По высказанной причинѣ, т.-е. потому что самостоятельный земледѣльческій промыселъ есть послѣднее прибѣжище трудящагося человѣка въ Россіи, онъ и не можетъ быть вырванъ изъ рукъ мелкаго производителя. Можно допустить что община рухнетъ и что крестьяне обезземелятся, но и обезземеленные они будутъ обработывать чужую землю въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ. Такъ дѣло стоитъ даже въ странѣ классическаго капитализма, ирландское населеніе которой представляетъ изъ себя фермеровъ, а не батраковъ. И это именно обстоятельство должно бы обратить вниманіе на неполноту теоріи капитализма, завершенной Марксомъ. Вмѣсто того, г. Николай—онъ распространяетъ эту теорію тамъ, гдѣ ей, очевидно, нѣтъ мѣста и гдѣ это распространеніе можетъ только ослабить ея дѣйствительное значеніе.

Произвольно упразднивъ, какъ незаслуживающіе вниманія, экономическіе процессы въ Россіи, имѣющіе некапиталистическій характеръ, и доказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что „капиталистическая форма производства и обращенія перестала соотвѣтствовать самымъ насущнымъ народно-хозяйственнымъ потребностямъ“ (с. 344) и что „это несоотвѣтствіе формъ производства съ потребностями большинства угрожаетъ губительными послѣдствіями и населенію, и всему *государству*“ (с. 345), г. Николаю—ону не осталось ничего больше, какъ въ самомъ государствѣ искать

помощи для спасенія Россіи отъ „хозяйственной смерти". По его мнѣнію, „не остается иного средства, какъ, опираясь на матеріальныя условія производства, унаслѣдованныя нами отъ историческаго прошлаго, прекратить ломку нашей вѣками сложившейся формы производства, основанной на владѣніи орудіями производства самими непосредственными производителями... и направить всѣ усилія на объединеніе земледѣлія и обработывающей промышленности въ рукахъ непосредственныхъ производителей, но объединеніе *не на почвѣ мелкихъ, разрозненныхъ производительныхъ единицъ*—что было бы равносильно увѣковѣченію (?) всеобщей посредственности, а на почвѣ созданія крупнаго общественнаго, обмірщеннаго производства, основаннаго на свободномъ развитіи общественныхъ производительныхъ силъ, на приложеніи науки и техники и имѣющаго въ виду удовлетвореніе дѣйствительныхъпотребностей и благосостоянія всего населенія" (с. 345—6).

Не мы будемъ возражать противъ основной мысли этого пожеланія, какъ программы здравой экономической политики въ Россіи. Мы сдѣлаемъ по этому предмету только два замѣчанія. Во-1-хъ, возложеніе *всѣхъ* надеждъ въ дѣлѣ экономическаго развитія на „политику" противорѣчитъ какъ духу основныхъ воззрѣній Маркса, такъ и положеніямъ, высказаннымъ г. Николаемъ —оном, изъ которыхъ, напротивъ того, слѣдуетъ, что и помимо политики, сама жизнь должна стремиться развиваться въ томъ направленіи, о которомъ, какъ о необходимомъ, заявляетъ авторъ. „Экономическая организація общества,—читаемъ мы на с. 303 разсматриваемаго труда—имѣя цѣлью удовлетвореніе потребностей существованія его членовъ, въ каждую историческую хозяйственную стадію своего развитія, приводитъ въ движеніе для достиженія этой цѣли тѣ силы, которыя, по условіямъ даннаго времени, въ состояніи достигнуть наибольшаго результата съ наименьшею тратою этихъ силъ". Въ исторіи западно-европейскихъ странъ на извѣстной ступени ихъ развитія новою, организующею хозяйство силою явился капиталъ, и онъ заставилъ все и вся покориться себѣ. Въ Россіи капитализмъ играетъ анти-хозяйственную роль. Это значитъ, что силы, кроющіяся въ народномъ производствѣ, покоющемся на коллективномъ, массовомъ творчествѣ, и двигавшія это производство по пути прогрессивнаго развитія до момента, когда об-

становка историческаго процесса дала возможность индивидуалистическому началу проявить въ формѣ капитализма гораздо болѣе производительной энергіи, нежели какую могло развить начало массовое—что эти силы въ обстановкѣ развитія, свойственнаго Россіи, не встрѣчаютъ естественнаго преемника, которому исторія могла бы безопасно вручить руководство дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. А не встрѣчая себѣ преемника, они должны сами продолжать дѣло поднятія производительности труда, которое, при настоящемъ развитіи науки, можетъ идти быстрѣе, нежели оно шло раньше. Мы употребляемъ „должны“ въ смыслѣ соціологическомъ, желая этимъ сказать, что таковъ естественный ходъ развитія, который можно, правда, искусственно задержать, но который прорвется при первой возможности. Если съ соціологической точки зрѣнія это вѣрно; если въ каждой данный моментъ приводятся въ движеніе силы, которыя, по условіямъ времени „въ состояніи достигнуть наибольшаго результата (въ дѣлѣ „удовлетворенія потребностей существованія членовъ общества“) съ наименьшею тратою этихъ силъ“, а изъ двухъ силъ, заявившихся какъ таковыя,—народной и капиталистической или массовой и индивидуальной—послѣдняя ведетъ въ Россіи къ наибольшей растратѣ хозяйственныхъ силъ,—то, очевидно, что въ экономической жизни нашего общества, рано или поздно, должна обнаружиться не только нецѣлесообразность силы капиталистической (что прекрасно показано г. Николаемъ—ономъ), но и сообразность силы, двигающей народное производство. Иначе говоря, вмѣстѣ съ отрицательными явленіями народной жизни, явленіями дезорганизаціи. вызываемыми несвоевременнымъ искусственнымъ развитіемъ узко-индивидуальнаго начала, мы должны ожидать встрѣтить— хотя менѣе выраженными, потому что оно не получаетъ поддержки со стороны культуры—и разнообразнѣйшія проявленія положительнаго теченія, теченія организаціоннаго, массоваго и лишь послѣ изученія этого теченія можемъ ставить окончательный приговоръ и предсказаніе относительно удручающаго нашъ общественный организмъ страданія. Очень можетъ быть, что недуги наши слишкомъ велики для того, чтобы быть исправленными естественнымъ историческимъ ходомъ вещей, и что для предупрежденія нашей исторической смерти или какихъ-либо необыкновенныхъ стихійныхъ катастрофъ, намъ остается только надѣяться на

героическое средство, рекомендуемое авторомъ (героическое только въ смыслѣ историко-соціологическомъ). Но, можетъ быть, жизненныя силы народныхъ массъ съ одной стороны, и нашей интеллигенціи — съ другой, настолько еще значительны, что процессъ экономическаго развитія можетъ продолжаться естественнымъ, эволюціоннымъ путемъ взаимодѣйствія жизни и науки. А на такомъ пути встрѣтятся съ равными правами крупное общественное производство и такъ презираемыя авторомъ „мелкія, разрозненныя производительныя единицы", встрѣтятся, конечно, не ради „увѣковѣченія" послѣднихъ, а въ интересахъ возможнаго въ *данный моментъ* „удовлетворенія потребностей существованія членовъ общества" (с. 303). Такое отношеніе къ предмету, повторяемъ, находится въ полномъ согласіи съ новѣйшимъ направленіемъ въ соціологіи, вообще, съ основными соціологическими воззрѣніями Маркса и г. Николая — она въ частности, и съ потребностями реальной жизни русскаго народа.

IV.

Мы изложили теоретическія основы воззрѣній г. Николая — она на экономическую эволюцію Россіи. Задача настоящихъ очерковъ лишаетъ насъ возможности прослѣдить, какимъ образомъ авторъ прилагаетъ свою теорію къ фактамъ дѣйствительной жизни, помощью какихъ пріемовъ и какія зависимости устанавливаетъ онъ въ отношеніяхъ русской дѣйствительности. На этотъ счетъ мы должны ограничиться немногими замѣчаніями.

Согласно основной мысли автора, успѣхи капиталистическаго производства въ Россіи еще не свидѣтельствуютъ о такихъ же успѣхахъ національной продукціи. За отсутствіемъ внѣшнихъ рынковъ для сбыта продуктовъ обработывающей промышленности, размѣры послѣдней въ Россіи опредѣляются внутреннимъ на нихъ спросомъ. А такъ какъ главный внутренній потребитель этихъ продуктовъ — мелкій земледѣлецъ, — постепенной капитализаціей промысловъ понемногу лишается возможности прилагать къ производству свой трудъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ прилагалъ его въ прежнее время, т.-е., такъ какъ его доходы сокращаются, то и внутренній спросъ на продукты обработывающей промышленности

также долженъ падать, почему всякое расширеніе капиталистической промышленности можетъ происходить только на счетъ соотвѣтствующаго сокращенія промышленности не-капиталистической—домашней и кустарной. „Сумма потребительныхъ стоимостей, произведенныхъ капитализмомъ, по самому условію его возникновенія, не можетъ превысить суммы потребительныхъ стоимостей, изготовлявшихся до его возникновенія“—заявляетъ на этотъ счетъ авторъ (с. 320). Развитію каждой отрасли производства, захваченной капиталомъ, „ставятся предѣлы потребительными нуждами общества, уже существовавшими до такого захвата и... потребительными нуждами общества, даже уменьшающимися“ (с. 321). Благодаря капиталистической формѣ, „общественное хозяйство не только не въ состояніи пользоваться всѣмъ прогрессомъ знаній, но, взятое въ цѣломъ, оно въ лучшемъ случаѣ находится въ застоѣ“ (с. 322).

Мы не можемъ согласиться съ такимъ выводомъ. Въ первой главѣ третьяго очерка достаточно развивалась мысль о томъ, что вопросъ о вліяніи капитализаціи народныхъ промысловъ на потребленіе массы населенія допускаетъ много рѣшеній, въ зависимости отъ условій, при которыхъ совершается эта капитализація. Такъ, въ Америкѣ, при очень высокой производительности фабрично-заводскаго труда и по причинѣ быстраго возрастанія успѣшности земледѣльческаго труда фермеровъ—зависѣвшаго отъ обилія дѣвственной почвы и широкаго приложенія къ сельскому хозяйству машинъ, — капитализація промысловъ могла сопровождаться значительнымъ возрастаніемъ потребленія земледѣльческаго класса. Въ Россіи же, гдѣ производительность крестьянскаго земледѣлія не только не увеличилась, но, можетъ быть, даже пала; гдѣ продукты фабрично-заводской промышленности стремятся достигнуть монопольныхъ цѣнъ; гдѣ возрастающая тяжесть налоговъ и растущая капитализація земледѣльческаго дохода и доходовъ кустарнаго производства сокращаютъ чистую выручку крестьянскаго труда, и гдѣ значительная часть населенія, по причинѣ искусственнаго задержанія его въ перенаселенныхъ мѣстностяхъ, прямо лишена возможности прилагать трудъ къ какому бы то ни было производству; въ Россіи результатомъ капитализаціи промысловъ весьма легко можетъ быть сокращеніе народ-

наго потребленія, сокращеніе національнаго богатства. Для окончательнаго разрѣшенія этого вопроса требуется цѣлый рядъ изслѣдованій, и трудъ г. Николая —она принадлежитъ именно къ числу тѣхъ, которые могутъ дать толчокъ производству этихъ изслѣдованій. Пожелаемъ же скорѣйшаго исполненія нашихъ предположеній, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о другой сторонѣ разсматриваемаго сочиненія.

Трудъ г. Николая —она отличается какъ остроуміевъ пріемовъ статистическаго изслѣдованія, такъ и большой точностью результатовъ вычисленія въ тѣхъ случаяхъ, когда масса требуемаго механическаго труда не представляла возможности произвести полный учетъ изучаемаго явленія и потому пришлось прибѣгнуть къ приблизительному вычисленію. Въ примѣръ сказаннаго мы можемъ привести опредѣленіе дохода желѣзныхъ дорогъ отъ перевозки хлѣбовъ (с. 198); точный подсчетъ этого дохода (путемъ исчисленія выручки по каждой перевозкѣ), сдѣланный правительственными учрежденіями, показалъ, что цифры автора на какіе-нибудь 10—15% отличаются отъ дѣйствительности. Стремленіе къ возможной точности учета всякаго явленія, допускающаго этотъ учетъ, вмѣстѣ съ правильностью пониманія авторомъ различныхъ зависимостей въ экономическихъ отношеніяхъ получили блистательное выраженіе въ одномъ случаѣ, когда г. Николай —онъ, на основаніи установленной имъ зависимости выпуска кредитныхъ билетовъ отъ потребностей крестьянскаго хозяйства утверждалъ, что дѣйствительный выпускъ этихъ билетовъ въ 1876 г. долженъ былъ быть больше, чѣмъ онъ показывался оффиціальными учрежденіями. „Кредитные билеты въ извѣстное время идутъ въ народъ, и именно въ это-то время выпускаются въ обращеніе —писалъ авторъ въ 1880 г.—И мы, на основаніи нашихъ таблицъ, положительно утверждаемъ, что они дѣйствительно были выпущены. Кѣмъ? Какъ? этого мы не знаемъ, но что ихъ въ обращеніи было больше того количества, которое показывалось, это мы утверждаемъ съ такою же положительностью, какъ если бы сами присутствовали при ихъ выпускѣ“ (с. 49). Впослѣдствіи въ „Ежегодникѣ кредитныхъ учрежденій“ было заявлено, что дѣйствительно сумма обращавшихся въ 1876 г. кредитныхъ билетовъ на 22 мил. р. превышала сумму, оспариваемую авторомъ (id).

Точность пріемовъ статистическаго изслѣдованія не даетъ, однако, полной гарантіи истинности получаемыхъ такимъ путемъ выводовъ, потому что эта истинность зависитъ также отъ вѣрности основного матеріала, надъ которымъ приходится оперировать. Въ этомъ отношеніи авторъ не всегда относится къ предмету съ должной критикой, а потому, при всей точности его собственныхъ пріемовъ вычисленія, выводы часто оказываются весьма сомнительными. Такъ, на с. 267 „Очерковъ“ находится утвержденіе, что если бы крестьяне владѣли всей частновладѣльческой землей, то ихъ доходъ отъ сельскаго хозяйства увеличился бы всего на 168 мил. р., или на 22%. Цифра 168 мил. р. выражаетъ доходъ землевладѣльцевъ отъ своихъ земель, исчисленный г. Николаемъ —оном на основаніи данныхъ Д-та Земледѣлія и сельскохозяйственной промышленности относительно стоимости производства главнѣйшихъ хлѣбовъ въ Россіи. Данныя эти собраны письменнымъ опросомъ землевладѣльцевъ и благодаря такому источнику своего происхожденія, отличаются преувеличеніемъ. По этимъ даннымъ, напр., выходитъ, что расходъ рабочей силы на десятину посѣва въ черноземной полосѣ составляетъ: для ржи 17,77 р., для пшеницы 26,4 р. Очень можетъ быть, что таковы именно расходы на трудъ въ нѣкоторыхъ наиболѣе благоустроенныхъ имѣніяхъ, ведущихъ хозяйство собственнымъ инвентаремъ и наемными рабочими; но если вспомнить, какая значительная часть помѣщичьей земли обрабатывается крестьянскимъ инвентаремъ, по цѣнамъ за всѣ операціи, кромѣ молотьбы, отъ 4 до 6 р. за десятину, то врядъ-ли можно усомниться въ томъ, что свѣдѣнія, надъ которыми оперировалъ г. Николай—онъ, преувеличены по крайней мѣрѣ въ $1^1/_2$—2 раза, если не больше, почему и доходъ крестьянъ отъ обработки помѣщичьихъ земель преувеличенъ на столько же, а слѣдовательно, вѣроятное возрастаніе ихъ дохода въ случаѣ, если бы они обработывали частно-владѣльческія земли на правахъ собственниковъ, было бы не менѣе, какъ 33—44%.

Неточность основныхъ данныхъ относительно главнѣйшихъ явленій русской хозяйственной жизни стоитъ на пути къ выводамъ всякаго изслѣдователя экономическаго положенія Россіи. Но это обстоятельство требуетъ и соотвѣтствующаго обращенія съ

матеріаломъ—правило, не всегда, однако, выполняемое авторомъ разсматриваемаго нами труда. Въ виду неточности данныхъ, о которой мы говорили выше, судить по измѣненіямъ этихъ данныхъ изъ года въ годъ о соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ регистрируемыхъ ими явленій можно только при условіи довольно рѣзкаго колебанія этихъ данныхъ. Это обстоятельство не всегда принимается авторомъ во вниманіе, и нерѣдко онъ оперируетъ надъ цифрами, какъ будто бы онѣ были совершенно точны.

Свои выводы относительно успѣховъ капиталистической промышленности въ Россіи г. Николай—онъ основываетъ на данныхъ, относящихся къ четырехлѣтію 1886—1889 гг. Въ этомъ мы видимъ большой недостатокъ, такъ какъ для правильнаго сужденія объ измѣненіи какого-либо явленія требуется наблюденіе въ теченіе гораздо болѣе значительнаго промежутка времени. Остановившись на указанномъ четырехлѣтіи, авторъ сдѣлалъ новый недосмотръ, не выяснивъ, какое значеніе имѣетъ это четырехлѣтіе въ общемъ ходѣ нашего промышленнаго развитія, насколько оно можетъ быть принято за выраженіе средняго темпа послѣдняго или уклоняется отъ него, и въ какую именно сторону. Безъ подобныхъ разъясненій рисуемое авторомъ положеніе дѣла капитализаціи промысловъ въ Россіи всякимъ читателемъ будетъ считаться положеніемъ среднимъ, обычнымъ и, благодаря этому, получится неправильное представленіе о предметѣ.

Дѣло въ томъ, что развитіе капиталистической промышленности въ Россіи, какъ и повсюду, совершается не прямолинейно, а волнообразно, причемъ, нисходящая полуволна значительно меньше восходящей, чѣмъ и обусловливается не простое колебаніе производства, а его возрастаніе. Такой полной послѣдней волной было у насъ восьмилѣтіе 1878—86 гг., когда восходящая полуволна, обязанная своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, необыкновенному подъему хлѣбныхъ цѣнъ, показала возрастаніе суммы производства въ теченіи 4-хъ лѣтъ съ 905 т. р. до 1.378 р., т.-е. на 473 т. р. или въ среднемъ на 13% въ годъ, а нисходящая полуволна дала сокращеніе производства на 70 мил. рублей. Въ общемъ за все семилѣтіе возрастаніе производства выражалось суммою въ 404 мил. р., что составитъ 6,4% въ годъ. 1886 г. былъ началомъ новой волны, а не-

ріодъ 1886—90 гг., по причинѣ нѣсколькихъ хорошихъ урожаевъ и возвышенія таможенной пошлины, представляетъ восходящую часть ея, за которой уже послѣдовало ея паденія. Въ это четырехлѣтіе общая сумма производства увеличилась съ 1.325 мил. р. до 1.656 мил. р., т.-е. на 330 мил. р. Абсолютное ежегодное возрастаніе (86 мил. р.) на 36 мил. р. или на $^1/_3$ меньше возрастанія, имѣвшаго мѣсто во время волнообразнаго подъема промышленности въ концѣ 70-хъ—началѣ 80-хъ гг.; и если изъ этого факта можно выводить какое-либо заключеніе относительно быстроты капитализаціи промысловъ, то лишь заключеніе о замедленіи таковой въ теченіе послѣдняго десятилѣтія; такъ, ежегодное возрастаніе капиталистической промышленности въ 1878—1882 гг. измѣрялось 13%, а возрастаніе ея въ 1886 — 90 г., отнесенное къ тому же 1878 г., составляло лишь 9%.

Въ заключеніе, повторимъ еще разъ, что разсматриваемый нами трудъ г. Николая —она подымаетъ много существенно-важныхъ вопросовъ русской экономической жизни и обладаетъ всѣми свойствами нужными для того, чтобы дать значительный толчокъ дѣлу изслѣдованія новѣйшаго періода въ нашемъ развитіи въ видахъ правильнаго освѣщенія того пути, по которому мы стремимся... въ неизвѣстное.

Марксизмъ буржуазный

I.

Мы охотно и внимательно наблюдаемъ западно-европейскую жизнь, такъ называемая политическая хроника составляетъ наиболѣе интересную и читаемую часть нашихъ газетъ, и тѣмъ не менѣе врядъ-ли можно сказать, что мы хорошо понимаемъ новѣйшія теченія западно-европейской исторіи. Сказанное относится, главнымъ образомъ, къ рабочему движенію и преимущественно той страны, рабочее движеніе которой насъ всего болѣе интересуетъ и, какъ мы думаемъ, наиболѣе намъ извѣстно,—Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не повторяется чаще, какъ мысль о быстрыхъ успѣхахъ соціализма въ Германіи; но если спросить,

что именно разумѣется подъ этими словами, то окажется, что рѣчь идетъ собственно объ организаціи пролетаріата, происходящей подъ знаменемъ соціалъ-демократизма. Отождествленіе успѣховъ организаціи рабочаго класса и успѣховъ соціализма, безъ ближайшаго изслѣдованія предмета, возможно при предположеніи, что или рабочій классъ самъ по себѣ не имѣетъ такихъ насущныхъ практическихъ задачъ, осуществленіе которыхъ путемъ настойчивыхъ организованныхъ усилій возможно на почвѣ существующаго строя, почему его организація можетъ имѣть только одну цѣль — замѣну существующаго общественнаго строя другимъ; или что нѣмецкій рабочій въ частности не интересуется практическими вопросами своего быта и можетъ быть подвинутъ къ организованной дѣятельности лишь болѣе или менѣе абстрактной идеей.

Первое предположеніе совершенно невѣрно. Рабочій классъ не менѣе всякаго другого заинтересованъ въ томъ или иномъ направленіи текущей жизни и своимъ участіемъ въ ней организованнымъ цѣлымъ выиграетъ больше всѣхъ другихъ классовъ, по той простой причинѣ, что до послѣдняго времени только онъ одинъ не участвовалъ въ этой жизни, какъ самостоятельная организованная сила; другіе же общественные элементы дѣйствовали какъ коллективныя цѣлыя, и потому распредѣленіе жизненныхъ благъ, которыя несетъ за собой цивилизація, происходило къ наибольшей выгодѣ этихъ классовъ и въ ущербъ классу рабочихъ. Дальнѣйшее возрастаніе благосостоянія владѣющихъ классовъ, поэтому, можетъ быть результатомъ только прогресса техники, соціальная же сторона жизни уже эксплуатирована ими настолько, насколько это вообще возможно. Рабочій же классъ, до сихъ поръ пользовавшійся крошками, падающими со стола пирующихъ, имѣетъ возможность, и при неизмѣнной техникѣ, достичь значительнаго улучшенія своего состоянія — матеріальнаго, умственнаго, политическаго, — воздѣйствуя на общественную сторону отношеній, занимая мѣсто въ ряду другихъ активныхъ силъ и тѣмъ измѣняя направленіе равнодѣйствующей этихъ послѣднихъ. Терять ему нечего, выиграть же онъ можетъ очень много; поэтому организація рабочаго класса, въ видахъ наилучшаго достиженія его практическихъ повседневныхъ цѣлей, дик-

туется рабочему элементарными положеніями практической политики. Еще менѣе вѣроятно предположеніе о томъ, что нѣмецкій рабочій можетъ одушевиться къ организованной практической дѣятельности лишь какой-либо высокой общечеловѣческой идеей, лишенной узко-классоваго характера. По крайней мѣрѣ, въ той части *практической* программы соціалъ-демократизма (кстати сказать, весьма мало отличающейся отъ программы радикальной буржуазіи), которая требуетъ теперь же организованной дѣятельности пролетаріата, фигурируютъ все положенія, имѣющія огромный практическій интересъ для рабочаго же класса. Эта программа, насколько она касается очередныхъ задачъ, есть программа, преслѣдующая интересы рабочаго класса въ современномъ, капиталистическомъ обществѣ; а попытка внести въ эту программу нѣчто сверхъ-классовое, нѣчто идеальное—въ видѣ, напр., предложенія выступить практически (а не платонически) противъ милитаризма (что казалось бы не невозможно для партіи, насчитывающей въ своей средѣ 20—25% взрослаго мужского населенія страны)—вождями соціалъ-демократіи была категорически отвергнута.

Если бы нѣмецкій соціалъ-демократизмъ былъ выраженіемъ соціализма, а не выступающаго на защиту своихъ интересовъ въ современномъ обществѣ пролетаріата, впервые познающаго свое значеніе, то,—поелику не всѣ же нѣмцы идеалисты,—рядомъ съ этой, преслѣдующей соціалистическія задачи, партіей мы бы видѣли еще болѣе сильную партію—рабочую, представляющую практическіе интересы неидеалистической части нѣмецкаго пролетаріата. Но такъ какъ подобной, сколько-нибудь видной рабочей партіи въ Германіи не существуетъ, и организація нѣмецкаго пролетаріата выражается въ ростѣ соціалъ-демократіи, то для объясненія этого явленія намъ предстоитъ выбирать между двумя слѣдующими предположеніями: или что каждый нѣмецкій рабочій, развившійся до пониманія необходимости въ интересѣ своихъ текущихъ нуждъ организованнаго участія въ современной жизни, становится вмѣстѣ съ тѣмъ соціалистомъ, почему движеніе чисто-рабочее и движеніе соціалистическое практически сливаются въ одно соціалъ-демократическое, и тогда дѣйствительно тѣ почти 2 милліона голосовъ, которые во время послѣд-

нихъ выборовъ поданы за соціалъ-демократическихъ депутатовъ, принадлежатъ настоящимъ соціалистамъ, выражающимъ этимъ избраніемъ одновременно свои идеалистическія симпатіи и сознаніе принадлежности къ отдѣльному классу; или что значительная, а можетъ быть, и большая часть указанныхъ 2 милл. голосовъ подана рабочими, отвлеченными идеалистическими идеями мало интересующимися, но, какъ и всѣ грѣшные люди, стремящимися къ наибольшему благополучію въ сей бренной жизни, начинающими сознавать, что это благополучіе—въ видѣ болѣе короткаго рабочаго дня, высокой заработной платы, большаго умственнаго развитія, признанія за ними человѣческаго достоинства со стороны хозяевъ-фабрикантовъ, еще продолжающихъ смотрѣть на нихъ сверху внизъ и т. д.,—скорѣе будетъ достигнуто, если они сомкнутся и, между прочимъ, станутъ проводить въ парламентъ депутатовъ, стоящихъ за ихъ интересы противъ интересовъ другихъ классовъ общества, а такими депутатами являются лица, представляемыя имъ, какъ соціалъ-демократы.

Врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что изъ двухъ высказанныхъ предположеній болѣе вѣроятнымъ слѣдуетъ считать второе. Въ подтвержденіе этого заключенія сошлемся на мнѣніе по подобному же вопросу относительно бельгійской соціалъ-демократической партіи редактора главнаго органа этой партіи—газеты „Peuple," Луи Бертрана. „Что служитъ—спрашиваетъ онъ—главнымъ двигателемъ успѣховъ нашей партіи? Тотъ ли коллективистическій идеалъ, который она преслѣдуетъ или ея программа неотложныхъ практическихъ реформъ?" „Лучшіе солдаты партіи,—такъ формулируетъ его отвѣтъ на вопросъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей"—стоятъ въ рядахъ ея во имя этого идеала; но не такъ обстоитъ дѣло съ массами. Для послѣднихъ несравненно большую роль играетъ непосредственное и немедленное улучшеніе тяжелыхъ условій ихъ существованія" („Р. В.", 1894 г., № 210). При такомъ взглядѣ на предметъ соціалъ-демократическое движеніе въ Германіи представится намъ, какъ осуществленіе стремленія рабочихъ къ организованной борьбѣ за тѣ самыя жизненныя блага, которыя раньше преслѣдовались ими разрозненно, причемъ, по историческимъ причинамъ, эта организація совершается подъ знаменемъ соціализма. Еслибы соціализмъ игралъ

въ этомъ движеніи роль не простого знака, отличающаго одну, опредѣленную организацію, если бъ онъ былъ движущей идеей, принципомъ, требующимъ отъ членовъ партіи извѣстнаго специфическаго служенія,—въ такомъ случаѣ соціалистическая партія отдѣлилась бы отъ общей рабочей, и масса пролетаріата, стремящагося къ лучшему благоустройству на почвѣ существующаго строя и мало думающаго объ идеальномъ будущемъ, образовала бы самостоятельную рабочую партію. Если бы организація рабочаго класса въ Германіи происходила самостоятельно. при незначительномъ участіи высшей интеллигенціи, то, дѣло, вѣроятно, такъ бы и устроилось, и главная струя рабочаго движенія представлялась бы намъ, какъ струя практическая, какъ рабочая струя современнаго капиталистическаго потока. Но такъ какъ рабочее движеніе въ Германіи развивалось подъ большимъ вліяніемъ интеллигенціи, а, по извѣстнымъ историческимъ причинамъ, пробужденіе симпатіи къ рабочему люду въ средѣ интеллигенціи привилегированнаго класса Западной Европы получило идейное выраженіе въ концепціи соціализма, то естественно, если этимъ цвѣтомъ соціализма окрашивалось и начавшее развиваться рабочее движеніе.

Рабочее движеніе въ Европѣ вообще на первыхъ шагахъ своего развитія было настолько ограничено, что рабочіе не чувствовали себя силой, способной заставить буржуазію подѣлиться съ ними частью наличныхъ житейскихъ благъ, а это фактическое ихъ безсиліе отразилось и въ представленіяхъ интеллигенціи созданіемъ построеній, наприм., о желѣзномъ законѣ заработной платы и другихъ, не допускающихъ мысли о возможности значительнаго улучшенія положенія рабочаго при существующемъ строѣ, и о необходимости полнаго преобразованія послѣдняго. Результатомъ сознанія рабочими своего фактическаго безсилія, въ совокупности съ вышеуказаннымъ отраженіемъ этого безсилія въ представленіяхъ сочувствующей имъ интеллигенціи, было то, что и сами рабочіе считали возможнымъ улучшеніе своего положенія лишь путемъ полнаго преобразованія существующихъ порядковъ, т.-е. они были искренними соціалистами. По мѣрѣ того, какъ исторія двигалась впередъ и обнаруживала съ одной стороны безплодность попытокъ рабочаго класса Европы внести радикальныя перемѣны

въ существующій соціальный строй, съ другой возможность успѣшной борьбы организованныхъ рабочихъ за лучшее удовлетвореніе ихъ потребностей на почвѣ существующихъ порядковъ, въ общемъ движеніи рабочаго класса должно было усилиться направленіе практическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникнуть примирительное по отношенію къ существующему строю направленіе и среди представителей идеи рабочаго класса въ интеллигенціи привилегированнаго общества. Это примиреніе выразилось въ томъ, что идея соціализма начала терять прежній практически-революціонный или, какъ нынѣ принято называть, утопическій характеръ, и создалось ученіе о томъ, что осуществленіе соціалистическаго строя не можетъ быть произведено въ каждый данный моментъ, по желанію той силы, въ рукахъ которой находится власть, а что оно можетъ быть только результатомъ естественной эволюціи общества и будетъ необходимымъ завершеніемъ совершающейся эволюціи, основной законъ которой именно и заключается въ движеніи отъ первобытнаго коммунистическаго строя, черезъ промежуточный индивидуалистическій съ его послѣдней, капиталистическою стадіей къ развитому коллективистическому строю, осуществляющему идею братства людей на основѣ всѣхъ тѣхъ завоеваній цивилизаціи, которыя до сихъ поръ удавалось сдѣлать человѣчеству лишь подъ условіемъ отказа отъ первобытнаго коллективизма и прохожденія сквозь тиски индивидуализма и капитализма. Но такъ какъ каждая крупная перемѣна общественныхъ отношеній, подготовляемая естественнымъ ходомъ вещей, осуществляется какимъ-либо классомъ, являющимся представителемъ новой идеи, то и грядущій коллективистическій строй долженъ имѣть своего представителя, и таковаго онъ находитъ въ современномъ пролетаріатѣ, всѣми отношеніями капиталистической стадіи развитія общества воспитывающемся для ожидающей его исторической миссіи. Задача переживаемаго момента заключается въ этомъ подготовленіи пролетаріата, въ его организаціи, подъемѣ его умственнаго состоянія и т. п.; преждевременныя же попытки осуществить будущій строй принесутъ только вредъ, а не пользу дѣлу освобожденія пролетаріата.

При такой позиціи, занятой соціализмомъ, принадлежность рабочаго къ его знамени не обязываетъ его ни къ какой дѣя-

тельности специфическаго характера, даже, напротивъ, даетъ философско-историческое обоснованіе тѣмъ его стремленіямъ къ пріобрѣтенію въ современномъ обществѣ политическаго, экономическаго вліянія и т. п., какія диктуются его сознанію простымъ, элементарнымъ, индивидуальнымъ эгоизмомъ. Принятіе идеи такъ называемаго научнаго соціализма, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріятно щекочетъ классовое самолюбіе пролетарія, ибо послѣдній является по этой идеѣ единственнымъ представителемъ прогресса въ данный моментъ исторіи Европы, не только имѣющимъ освободить самого себя, но и назначеннымъ для того, чтобы вывести на широкій путь правильнаго развитія погрязшихъ въ смертныхъ историческихъ грѣхахъ крестьянина и ремесленника. Неудивительно, поэтому, если рабочій классъ, какъ одинъ изъ столбовъ капиталистическаго зданія общества —хотя бы совершенно чуждый соціалистическихъ фантазій и мало даже интересующійся соціальными идеями въ ихъ внѣ-классовой оболочкѣ, но, въ качествѣ необходимаго элемента современнаго общества, стремящійся къ тому, чтобы въ распоряженіи благами жизни играть роль, пропорціональную его участію въ ихъ производствѣ,—охотно станетъ подъ знамя соціализма, столь удобное для объединенія разнообразныхъ теченій, могущихъ возникнуть среди рабочаго класса, какъ между собою, такъ и съ теченіями соціалистической интеллигенціи привилегированнаго общества и успливающее рабочее движеніе видным участіемъ въ немъ энергичныхъ и просвѣщенныхъ представителей послѣдней.

Рѣзко раздѣляя идеальную цѣль и реальныя средства, проповѣдуя безплодность практическаго, такъ сказать, отрицанія существующаго строя и настаивая на необходимости, напротивъ того, пользоваться средствами, выработанными и признанными этимъ послѣднимъ, для организаціи и распространенія вліянія пролетаріата,—новѣйшій, такъ называемый, научный соціализмъ примирилъ теоретическую революціонность соціалистической идеи съ практической обязательностью для каждаго быть вѣрноподданнымъ существующаго государства и этимъ предотвратилъ громадную растрату силъ молодого движенія нѣмецкихъ рабочихъ, весьма вѣроятную въ случаѣ, если бы соціалистическая идея среди интеллигенціи сохраняла прежній, такъ называемый, утопическій

характеръ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ упразднилъ и самую соціалистическую партію и, выразившись на практикѣ въ организаціи соціалъ-демократіи, оригинальнымъ образомъ раздѣлилъ свое служеніе демократизму и соціализму: онъ объединилъ и сильно двинулъ впередъ *демократическое* движеніе, унаслѣдованное имъ отъ радикальныхъ представителей современнаго общества, отъ радикальной буржуазіи, и обратилъ въ простое знамя для этого движенія нѣкогда революціонную идею *соціализма*.

И такъ, быстрый ростъ соціалъ-демократизма въ Германіи означаетъ, въ сущности, быстрые успѣхи организаціи рабочаго класса для систематическаго сознательнаго участія его въ общественно-политической жизни современнаго капиталистическаго строя, организаціи, по историческимъ причинамъ удобно совершающейся подъ знаменемъ соціализма, но которая, при другихъ условіяхъ, не теряя своего основного характера, могла бы идти и подъ какимъ-либо инымъ знаменемъ, наприм., хотя бы анархизма. Этимъ внѣшнимъ соединеніемъ элементовъ идеальнаго и реальнаго нѣмецкій рабочій показалъ, что, какъ настоящій нѣмецъ, онъ можетъ одновременно и предаваться мечтамъ, и практично устраиваться въ жизни. Благодаря такой способности къ раздвоенію, нѣмецкому пролетаріату обезпечена видная и опредѣленная роль въ ближайшемъ будущемъ его страны, а можетъ быть и всей Европы. Если абстрактной идеѣ отведено опредѣленное мѣсто въ жизненномъ ритуалѣ, а практическія задачи занимаютъ особое мѣсто, и между ними нѣтъ необходимаго сообщенія, ведущаго къ воздѣйствію одного на другое и къ возможности появленія самыхъ разнообразныхъ комбинацій идеальныхъ и реальныхъ элементовъ міросозерцанія, то этимъ обезпечена легкость заключенія союза между лицами одного положенія, во имя общихъ имъ практическихъ цѣлей. Люди, принадлежащіе къ одному, въ особенности подчиненному, классу, имѣютъ гораздо больше общихъ интересовъ, нежели частныхъ. Если при этомъ они достигли извѣстнаго развитія и сознаютъ необходимость достиженія удовлетворенія этихъ интересовъ путемъ солидарной дѣятельности, то они легко установятъ основы для необходимаго союза и быстро выростутъ въ крѣпкую организацію. Такими чертами характеризуется нѣмецкое рабочее движеніе, и благодаря ожидаю-

щимъ его успѣхамъ на полѣ борьбы съ буржуазіей за болѣе справедливое распредѣленіе благъ современной культуры, нѣмецкая соціалъ-демократія скажетъ не маловажное вліяніе на европейское рабочее движеніе вообще. Если же общія идеи и практическія задачи человѣкъ не можетъ оставить не соединенными; если общая идея потому и дорога ему, что ею опредѣляется практическая сторона его жизни, вслѣдствіе чего эта идея не можетъ ограничиться областью мечтаній, а будетъ стремиться ворваться въ текущую жизнь и передѣлывать ее по-своему,—то этимъ самымъ создаются условія не для соединенія людей, а для ихъ разъединенія. Ибо насколько практическій интересъ данной группы лицъ ясенъ, конкретенъ и въ силу этихъ своихъ свойствъ доступенъ и всеобщему пониманію, и солидарному его преслѣдованію; насколько и самая общая истина ясна, проста и тоже доступна пониманію весьма многихъ,—настолько невыясненными и спорными являются тѣ конкретныя соціальныя формы, которыя должны связать общую идею съ повседневною жизнью. Если поэтому выставляемыя мною практическія задачи общественной дѣятельности выводятся не изъ текущихъ моихъ интересовъ и потребностей, а изъ абстрактной идеи, которая для этого должна воплотиться въ какую-либо конкретную форму, то, за неимѣніемъ однообразнаго образца для такого воплощенія, разныя лица создадутъ разныя формы, т.-е. выставятъ разные принципы практической политики, разныя партійныя программы, и приверженность даннаго общества къ идеѣ явится, такимъ образомъ, моментомъ разъединяющимъ и, слѣдовательно, обезсиливающимъ его. Можетъ быть, именно этой идейностью французскаго рабочаго, развившеюся въ немъ въ теченіе столѣтняго участія въ политической жизни во имя широкаго принципа,—быть можетъ, утопіи,—и объясняется фактъ современнаго безсилія и малоорганизованности французскаго рабочаго класса, политически несравненно болѣе развитаго сравнительно съ пролетаріемъ нѣмецкимъ.

Такимъ образомъ, наша ближайшая и наиболѣе вліяющая на насъ въ послѣднее двадцатилѣтіе сосѣдка, въ отношеніи теоріи и практики рабочаго вопроса, представляется намъ въ такомъ видѣ. Рабочій классъ организуется необыкновенно быстро и подъ знаменемъ идей, имѣющихъ широкій, общечеловѣческій характеръ.

Въ теоріи замѣчается примиреніе соціализма съ капиталистическимъ строемъ западнаго общества, какъ съ совершившимся уже фактомъ, отъ котораго приходится исходить при построеніи гипотезъ о дальнѣйшей эволюціи Европы. При томъ направленіи, какое принято европейскою исторіей въ отдаленномъ прошломъ, развитой капиталистическій строй явился моментомъ, облегчившимъ объединеніе трудящагося населенія и вылившимъ его въ ту силу, которая можетъ быть принята за соціальную основу для слѣдующаго шага въ историческомъ развитіи. Новѣйшая соціалистическая теорія на Западѣ приняла это обстоятельство за основу для своихъ построеній и создала философско-историческое ученіе, во всѣхъ частяхъ согласованное съ тѣмъ положеніемъ, что пролетарій есть вѣнецъ прошедшаго развитія и исходный пунктъ будущаго. Пролетарій есть съ одной стороны результатъ, съ другой— орудіе капиталистическаго производства, и вотъ производственныя отношенія вообще положены теоріей въ основу историческаго развитія общества, а капиталистическое направленіе эволюціи этихъ отношеній — въ основу исторіи Европы. Пролетарій играетъ роль машины въ производствѣ, руководимомъ буржуазіей, и былъ до сихъ поръ простымъ матеріаломъ творческаго процесса исторіи,—и теорія ставитъ развитіе будущаго коллективистическаго строя въ зависимость отъ естественной эволюціи капиталистическихъ отношеній, а пролетарію отводитъ скромную роль исполнителя предначертаній исторіи въ тотъ моментъ послѣдней, когда плодъ настолько созрѣетъ, что самъ готовъ упасть на землю. Внѣ капиталистической эволюціи идетъ эволюція некапиталистическая, создающая самостоятельный классъ крестьянства, который тоже можетъ претендовать на активную и, пожалуй, преобладающую роль въ исторіи, — и вотъ эта эволюція узаконяется лишь какъ источникъ капиталистическаго потока, стремленіе ея отдѣлиться отъ этого послѣдняго квалифицируется какъ стремленіе реакціонное, представитель этого движенія — крестьянинъ—надѣляется всевозможными пороками, дѣлающими его неспособнымъ быть носителемъ прогресса, а „вываренный въ фабричномъ котлѣ“ пролетарій показывается изъ этого котла надѣленнымъ всевозможными добродѣтелями этическаго и политическаго характера, ставящими его на высоту, на которой онъ является единственнымъ возмож-

нымъ представителемъ слѣдующаго момента исторіи, имѣющаго осуществить царство свободы, равенства и братства. Такъ какъ всѣ эти дѣйствительные и воображаемые зародыши блестящаго будущаго созданы теченіемъ, въ которомъ капиталистическія отношенія играли видную и, по условіямъ уже осуществившагося процесса, необходимую роль, то соціализму оставалось только примириться съ капитализмомъ въ прошедшемъ, терпѣть его въ настоящемъ и тѣмъ энергичнѣе напасть на него... въ будущемъ. Организація пролетаріата, составляющая выдающуюся черту послѣднихъ десятилѣтій Европы, привѣтствуется теоріей, а современный моментъ историческаго процесса разсматривается ею, именно какъ подготовленіе къ этой послѣдней борьбѣ, имѣющей положить конецъ боевому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страдальческому періоду исторіи Европы и водворить на землѣ царство міра и благоволенія.

Такое отношеніе къ вопросу представляется совершенно естественнымъ со стороны направленія мысли, имѣющаго задачей теоретическое обоснованіе извѣстныхъ практическихъ требованій, извѣстной партійной программы. Партія всегда односторонняя, потому, что она является выраженіемъ одной, а не всѣхъ дѣйствующихъ общественныхъ силъ. Соціализмъ утопическій, какъ партія, былъ въ Европѣ представителемъ, главнымъ образомъ, фабрично-заводскихъ рабочихъ, какъ класса, наиболѣе обездоленнаго и раньше другихъ выступившаго на путь политической борьбы за свое благополучіе. Научный соціализмъ не только не отличается въ этомъ отношеніи отъ утопическаго, но, по историческимъ условіямъ,—по причинѣ того обстоятельства, что организація городского пролетаріата росла и росла, и естественно было ожидать, что именно этотъ классъ явится политическимъ наслѣдникомъ буржуазіи,—долженъ былъ сдѣлаться еще болѣе одностороннимъ, еще болѣе, такъ сказать, фабрично-заводскимъ. Естественно, если указанныя реальныя основы этого, повидимому, чисто-идеалистическаго явленія, предопредѣлили его содержаніе, и если эта односторонняя связь мысли и жизни выразилась построеніемъ односторонихъ же философско-историческихъ теорій.

Но представляется совершенно неестественнымъ распространеніе подобныхъ ученій въ Россіи, гдѣ пролетарій тонетъ въ массѣ крестьянства, и потому служеніе идеѣ пролетаріата требовало бы

обездоленія большей части населенія страны. При такихъ условіяхъ изъ теоріи, связывающей мысль съ жизнью и потому отвѣчающей одновременно и запросамъ идеальной природы человѣка, и практическимъ требованіямъ трудящихся массъ, ученіе превращается въ доктрину, разрывающую связь мысли и жизни, оскорбляющую наши идеальные порывы предложеніемъ мириться съ массой страданій, ожидающихъ русскій народъ въ теченіе неизбѣжнаго, будто бы, процесса выварки его въ фабричномъ котлѣ, игнорирующую реальные интересы реальныхъ массъ трудящагося люда, конструирующую, а не выясняющую прогрессивную эволюцію нашей страны, ломающую, а не развивающую жизненные процессы. А между тѣмъ эти ученія имѣютъ у насъ успѣхъ; и историческая логика вещей и идей не замедлила воздать имъ по достоинству.

Въ первое время распространенія разсматриваемой доктрины въ Россіи, въ своихъ практическихъ заключеніяхъ она имѣла демократическій характеръ. Но такъ какъ соціальная организація нашей страны совершенно затѣняетъ классъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, а въ качествѣ демократическаго элемента этой организаціи—въ противоположность тому, что наблюдается въ Западной Европѣ—выступаетъ крестьянство, то разсматриваемое нами ученіе, отрицающее историческую правомѣрность притязаній послѣдняго на соотвѣтствующее его численности участіе въ благахъ культуры,—ученіе, знающее только капиталиста и его работника, въ дальнѣйшемъ развитіи естественнымъ образомъ утрачиваетъ демократическій характеръ и разработываетъ тѣ стороны доктрины, соціальный смыслъ которыхъ заключается въ поддержаніи буржуазнаго теченія. Не будемъ говорить о всѣмъ извѣстномъ практическомъ заключеніи одного изъ представителей этого ученія въ Россіи (г. Струве), призывающаго наше общество пойти на „выучку къ капитализму“. Приведемъ другой примѣръ того же рода, извѣстный, вѣроятно, далеко не всѣмъ читателямъ. Въ одномъ изданіи, выкинувшемъ знамя „соціалъ-демократизма“, проводятся такія, напр., совершенно недвусмысленныя воззрѣнія.

„Господствующее въ средѣ русской интеллигенціи народническое ученіе соотвѣтствовало неразвитому состоянію нашихъ общественныхъ отношеній. Теперь, когда эти отношенія значительно развились и выяснились, народничество упало, увлекая за собой

и неразрывно сросшуюся съ нимъ интеллигенцію. Теперь „сплошной“ бытъ народа (когда это бытъ народа былъ сплошнымъ?) все болѣе уступаетъ мѣсто яркому противорѣчію интересовъ буржуазіи и пролетаріата (каково пониманіе современной злобы дня, въ которомъ не оказывается мѣста крестьянству!). Интеллигенція не съумѣла понять этого противорѣчія... Если современная интеллигенція не понимаетъ требованій жизни, то ея мѣсто займетъ новая. Эта новая интеллигенція не будетъ довольствоваться „сплошнымъ“ (?) прекраснодушіемъ народничества и положитъ въ основу своей программы ясно сознанные интересы того класса, которому она станетъ служить. Спрашивается только, какому классу станутъ служить новые интеллигентные дѣятели? Исторія другихъ странъ даетъ уроки. Новая интеллигенція въ огромномъ большинствѣ будетъ служить буржуазіи. Она проникнется сознательно буржуазными теоріями, которыя и замѣнятъ нынѣшнее безсознательно-буржуазное народничество. Конечно (слушайте!), сознательное и откровенное служеніе интересамъ буржуазіи все-таки неизмѣримо лучше нынѣшняго безцѣльнаго и безплоднаго нытья (?) народниковъ. Оно все-таки будетъ равносильно большому шагу впередъ въ нашемъ умственномъ развитіи. Безъ него не обойдется дѣло политической европеизаціи Россіи“. Но вездѣ есть исключенія. И хотѣлось бы думать, меланхолически заключаетъ нашъ нѣмецко-рощенный соціологъ, что въ нашей новой интеллигенціи будутъ и такіе люди, которые заблаговременно постараются подготовить пролетаріатъ къ роли, которая его ожидаетъ.

Кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, интересъ какого общественнаго класса явился вдохновителемъ приведенныхъ строкъ!.. Интеллигенція, сознательно выставляющая на своемъ знамени защиту интересовъ русскаго народа, т.-е. по преимуществу крестьянства, вредна! Интеллигенція же, сознательно проникнутая буржуазными тенденціями, полезна и желательна! Ей принадлежитъ будущее, и, лишь какъ исключеніе, допускается возможность существованія ничтожной, и поэтому ни на что ненужной, группы, отдѣляющейся отъ общаго буржуазнаго потока для служенія интересамъ низшаго слоя капиталистическаго общества! Ясно и очень ужъ плоско!

И такъ, читатель, несомнѣнно, что высокая сама по себѣ идея освобожденія трудящагося класса или, по терминологіи Маркса, „производителя“, въ той оболочкѣ, какую эта идея имѣетъ въ современной Германіи — несетъ въ другія страны, находящіяся въ иныхъ условіяхъ развитія, идею порабощенія народа игу капитализма. Откуда же это неожиданное и совершенно противуестественное явленіе?

II.

Теорія матеріалистическаго толкованія исторіи, по мысли ея основателей, какъ извѣстно, нисколько не упраздняетъ идеальныхъ стремленій человѣка и роли таковыхъ въ прогрессивномъ развитіи человѣчества. Эта теорія не говоритъ, что разумный человѣкъ долженъ искоренить въ себѣ порывы къ высокому и справедливому и сознательно замѣнить ихъ стремленіями, отражающими низкую дѣйствительность матеріалистическихъ отношеній. Понимать разсматриваемую теорію такимъ образомъ настолько же правильно, насколько основательно считать, что ученіе о физическомъ влеченіи половъ, какъ основѣ любви, требуетъ, чтобы разумный человѣкъ эмансипировался отъ той идеализаціи полового союза, которая составляетъ настоящую прелесть послѣдняго и видѣлъ въ подругѣ своего сердца исключительно самку или, по большей мѣрѣ, хорошую производительницу дѣтей. Если же находятся лица, проповѣдующія, во имя науки, такое именно отношеніе къ женщинѣ, то вы смѣло можете приписать эту проповѣдь не ихъ особой чувствительности къ вліянію знанія, а ихъ психическому складу, въ которомъ нѣтъ мѣста идеализаціи любви. Несмотря на это субъективное происхожденіе подобныхъ воззрѣній, настойчивая проповѣдь указаннаго отношенія къ женщинѣ можетъ имѣть вредное воспитательное вліяніе, такъ какъ она будетъ способствовать развитію въ молодомъ поколѣніи чувственной стороны половыхъ отношеній и задерживать развитіе идеальной. Таковы будутъ естественные результаты,—или, по крайней мѣрѣ, тенденція къ нимъ,—оголенія природы въ той сферѣ психической жизни человѣка, гдѣ матеріалистическая основа человѣческой организаціи скрывается подъ разнообразными проявле-

ніями стремленія человѣка къ идеалу и идеальному, стремленіями, въ общемъ не на столько сильными, чтобы не поддаваться вліянію проповѣди низменныхъ вожделѣній. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что обращать, гдѣ это возможно, каждое положеніе науки въ правило поведенія человѣка—значитъ извращать и истинный смыслъ знанія, и психическую природу человѣка. Иначе говоря, въ наукѣ, которая есть изслѣдованіе законовъ природы въ широкомъ смыслѣ этого слова, — вы вправѣ стремиться сводить всѣ явленія жизни къ предполагаемой простѣйшей матеріалистической ея основѣ; въ обращеніи же съ человѣкомъ вы обязаны считаться со сложной его психологіей, и иной способъ дѣйствія будетъ ложнымъ, нецѣлесообразнымъ, противоестественнымъ, противонаучнымъ, такъ какъ онъ будетъ основанъ на примѣненіи къ явленіямъ одного порядка законовъ дѣйствія явленій другого.

Оголеніе матеріалистической основы идеальнаго отношенія человѣка къ себѣ подобнымъ, къ обществу и общественнымъ формамъ—предполагая, что такова именно ихъ настоящая основа—оголеніе не въ смыслѣ научнаго констатированія извѣстной законосообразности общественныхъ явленій, а какъ поставленіе предполагаемой матеріалистической основы общественныхъ отношеній въ качествѣ верховнаго судьи соціальныхъ идей и программъ, въ качествѣ принципа, опредѣляющаго сознательную практическую дѣятельность человѣка; такое оголеніе можетъ не имѣть вредныхъ послѣдствій, т.-е. пройти какъ бы безслѣдно, тамъ, гдѣ матеріальное содержаніе соотвѣтствующей формулы предрекаетъ естественное, такъ сказать, механическое измѣненіе общественныхъ отношеній, выгодныхъ для меньшинства населенія, въ отношеніи, удовлетворяющія интересамъ трудящагося большинства, потому что въ этомъ случаѣ идеями, отражающими матеріалистическія отношенія, субъективнымъ выраженіемъ текущаго объективнаго процесса, будутъ признаваться именно идеи соціальной правды и общечеловѣческой справедливости, т.-е. идеи, выдвигаемыя идеальной стороной природы человѣка. При такихъ обстоятельствахъ идейные представители трудящагося большинства могутъ безъ опасенія давать любую формулировку, якобы объективнаго процесса, такъ какъ всевозможные предшествующіе мо-

менты послѣдняго заканчиваются въ этой формулировкѣ моментомъ, якобы объективно оправдывающимъ возникающія требованія рабочаго класса. Въ такомъ положеніи находится матеріалистическая доктрина соціалъ-демократизма въ Германіи, и читатель, конечно, понимаетъ, что трогательной поддержкой, оказываемой объективнымъ механическимъ процессомъ дѣлу освобожденія рабочаго класса въ этой странѣ, а слѣдовательно и дѣлу приближенія осуществленія идеальныхъ принциповъ правды и справедливости Германія обязана не далеко, будто бы, подвинувшемуся въ ней процессу механическаго объединенія рабочаго класса капитализмомъ для цѣлей новаго строя (Германія гораздо меньше капитализована и, слѣдовательно, менѣе подготовлена для новаго строя, нежели, напр., Франція и Англія, и однако ея рабочій классъ организуется во всякомъ случаѣ быстрѣе французскаго), а тѣмъ, что самъ этотъ объективный якобы процессъ конструированъ представителями рабочаго класса въ интересахъ послѣдняго, что „научная“ формулировка объективнаго процесса дѣлалась лицами, по идеальнымъ мотивамъ преданными интересамъ рабочаго класса и въ объективномъ процессѣ искавшими оправданія закономѣрности ихъ и его субъективныхъ стремленій. Что же касается соціалъ-демократической доктрины по существу—она во всѣхъ главныхъ частяхъ своихъ бездоказательна: никто не доказалъ и даже не пытался научно доказывать положенія о томъ, что капитализмъ есть необходимая переходная ступень въ развитіи всякой прогрессирующей страны, примкнувшей къ европейской цивилизаціи, а также и того, что за капиталистической стадіей будетъ слѣдовать соціалистическая и что настоящее время есть какъ бы переходная ступень отъ первой ко второй. Никто этого не доказалъ, а между тѣмъ нѣмецкой соціалъ-демократіи все это кажется несомнѣнно-доказаннымъ. И они у себя правы! Для нихъ все это доказано, но не объективной наукой, а ихъ субъективнымъ идеализмомъ! Для нихъ, для представителей современнаго нѣмецкаго соціальнаго идеализма матеріалистическая постановка соціальнаго вопроса выгодна, и потому они ее приняли. И если бы Германія была отдѣлена отъ остальнаго міра китайской стѣной или соприкасалась бы только съ западными, болѣе ея развитыми сосѣдями—ея постановка соціальнаго вопроса, очерчивающая пре-

дѣлы общечеловѣческой борьбы за истину и справедливость узкими рамками транскапиталистическаго хода исторіи, въ общечеловѣческомъ смыслѣ была бы безвредна. Но теперь,—когда важное событіе, случившееся въ одной странѣ, такъ или иначе отдается во всемъ мірѣ и производитъ особенно сильное впечатлѣніе на общества отсталыя и потому поучающіяся чужой мудростью, — узкая, матеріалистическая, почти филистерская постановка соціальнаго вопроса въ Германіи способна вызвать поверхностное волненіе, но не возбудить широкаго движенія, величайшаго напряженія нравственной энергіи въ передовой интеллигенціи обществъ, стоящихъ на другой ступени развитія,—какъ всякая передовая интеллигенція, способной воодушевиться высокими идеальными принципами, а не механическими счетами и расчетами, въ итогѣ имѣющими замѣну идеальныхъ порывовъ человѣка сознательнымъ служеніемъ хотя бы торжествующему, но все-таки злу, въ предположеніи, что этимъ будетъ достигнуто надлежащее удобреніе почвы для роскошныхъ, но, увы! проблематичныхъ соціальныхъ всходовъ будущаго.

И такъ, что нѣмцу здорово, то русскому — смерть! Соціологическая доктрина, послужившая къ усиленію демократическаго движенія въ Германіи, въ Россіи является поддерживающей теченіе буржуазное, и произошло это потому, что указанная доктрина, имѣющая характеръ объективно-соціологическаго построенія, претендуетъ на несвойственную такого рода построеніямъ роль руководителя человѣка въ практической дѣятельности.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ, какъ сказано, примѣръ смѣшенія понятій, перенесенія идей, относящихся къ одному ряду явленій, въ область явленій совершенно иного порядка. Предполагая, что соціологическая теорія соціалъ-демократизма вполнѣ истинна, т.-е. что основой всѣхъ видимыхъ явленій общественной жизни служатъ экономическія отношенія,—для пониманія этихъ явленій и для цѣлесообразнаго участія въ жизни недостаточно изученія экономическихъ отношеній въ прошломъ и настоящемъ, какъ недостаточно знанія физико-химическихъ процессовъ нервной системы для пониманія психической природы человѣка, несмотря на то, что первые лежатъ въ основѣ послѣднихъ. Если даже сущность историческаго процесса заключается въ измѣненіи экономи-

ческихъ формъ и законъ смѣны этихъ формъ научно установленъ, то этимъ далеко еще не разрѣшенъ вопросъ о пониманіи этого процесса и сдѣлано очень мало для того, чтобы практическое участіе личности въ текущей жизни получило раціональную, научную основу. Ибо сущность всякаго процесса есть нѣчто, лежащее слишкомъ глубоко для того, чтобы между нею и, такъ сказать, видимостью процесса установились непосредственныя отношенія, дѣлающія излишними промежуточныя между ними инстанціи. Такъ, хотя вы и знаете, что основой цѣны товара служитъ количество труда, затраченнаго на его производство, но этого знанія далеко недостаточно для пониманія явленій обмѣна и даже для уразумѣнія того, какимъ образомъ трудъ превращается въ опредѣленную сумму денегъ. Чтобы понять феноменъ цѣны и цѣлесообразно участвовать въ ея установленіи, вамъ нужно изучить тотъ общественный механизмъ, при посредствѣ котораго производственныя отношенія связываются съ мѣновыми, а также психическій процессъ, связывающій экономическую жизнь общества съ біологическими данными послѣдняго—потребностями человѣка. Только уразумѣвши всѣ эти отношенія, вы получаете возможность раціонально участвовать въ процессѣ установленія товарныхъ цѣнъ, при чемъ, во-1-хъ, вы никоимъ образомъ не достигнете того, чтобы ваша формула цѣны (трудъ и пр.) сдѣлалась сознательно выкидываемымъ знаменемъ рыночныхъ операцій и, во-2-хъ, въ противуположность тому, что представляется наиболѣе важнымъ для научнаго пониманія предмета—самыя цѣнныя услуги въ этомъ дѣлѣ вамъ окажутъ не ваши знанія сущности явленія, а пониманіе того, что совершается на его поверхности—изученіе механизма рынка и, еще болѣе, психическихъ двигателей человѣка, какъ дѣятеля этого послѣдняго. Это значитъ, что въ обыденной жизни и въ практической дѣятельности законъ сущности явленія уступаетъ первое мѣсто законамъ видимостей его.

Такимъ же образомъ и въ историческомъ процессѣ, составляющій сущность послѣдняго, законъ реализуется черезъ посредство извѣстнаго соціальнаго механизма, для пониманія котораго отъ изученія существенныхъ отношеній общества надлежитъ перейти къ изслѣдованію болѣе поверхностныхъ явленій его жизни,—явленій, обыкновенно именующихся соціальными, пониманіе ко-

торыхъ, въ свою очередь, невозможно безъ знанія психической природы человѣка. Для раціональнаго, такъ сказать, научнаго, участія въ практической жизни нужно опереться на механизмъ, а не на сущность историческаго процесса, т.-е. имѣть дѣло съ законами, совершенно отличными отъ законовъ существеннаго содержанія исторіи; а это, въ свою очередь, можетъ быть достигнуто только при условіи воздѣйствія на психику человѣка, при чемъ наибольшее практическое вліяніе будетъ оказано не ученымъ, понимающимъ сущность соціальныхъ отношеній или даже механизмъ проявленія таковыхъ, а лицомъ, плохо освѣдомленнымъ въ томъ и другомъ, но зато понимающимъ психическую природу человѣка и умѣющимъ воздѣйствовать на мотивы его дѣятельности.

Важнымъ политическимъ дѣятелемъ, имя котораго будетъ съ благодарностью повторяться потомствомъ, сдѣлается не тотъ, кто вѣрно понимаетъ сущность историческаго процесса, а кто хорошо вникъ въ механизмъ послѣдняго и изучилъ психику своихъ современниковъ. Сказанное подтверждается даже на примѣрѣ партіи, считающей, что она дѣйствуетъ наиболѣе рационально и научно—на примѣрѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Практическую силу этой партіи составляетъ вѣрное пониманіе не сущности общественныхъ отношеній (допустимъ, что соціологическая доктрина ея истинна), а механизма историческихъ перемѣнъ—каковой заключается въ борьбѣ классовъ, — и психологическихъ мотивовъ дѣятельности человѣка. Благодаря этому пониманію механизма исторіи, руководители партіи обратили все вниманіе на организацію рабочаго класса, самостоятельно выступающаго на этотъ путь, при чемъ не упустили изъ виду ни одного пріема, способнаго воздѣйствовать на психику организуемыхъ. Такъ, будучи сами убѣжденными соціалистами, т.-е. вѣрующими въ проповѣдываемый ими законъ историческаго развитія общества, они примиряются съ тѣмъ фактомъ, что ихъ боевая армія, т.-е. рабочая масса мало заботится о соціалистическомъ будущемъ человѣчества, и вступаетъ въ ряды партіи изъ-за текущихъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ соціализму, интересовъ. Они увѣрены въ своемъ безсиліи въ парламентѣ, но стремятся провести туда своихъ членовъ, находя это полезнымъ въ интересахъ пропаганды и агитаціи. Партія нерѣдко выставляетъ своихъ кан-

дидатовъ въ такихъ округахъ, гдѣ они, какъ ей извѣстно, будутъ навѣрное побиты, выставляетъ потому, что это даетъ ей возможность вызвать броженіе, работу чувства и мысли; потому что періодически повторяющійся подсчетъ голосовъ, поданныхъ за кандидата партіи, доказывающій ея успѣхи, дѣйствуетъ ободряюще на рабочую массу. Словомъ, соціологическая система партіи существуетъ на языкѣ ея руководителей, а въ дѣлахъ ихъ господствуетъ система, ни чѣмъ не связанная съ основной теоріей, система, признаваемая какъ послѣдователями, такъ и противниками соціологической доктрины руководителей партіи. Поэтому же и успѣхи организаціи пролетаріата въ той или другой странѣ не находятся въ зависимости отъ соціологической доктрины ея руководителей, иначе говоря, отъ большаго или меньшаго пониманія ими существа совершающагося процесса; равно какъ и достиженіе окончательной возможной цѣли рабочаго движенія—передачи руководительства промышленными предпріятіями въ руки общественныхъ учрежденій раньше можетъ осуществиться въ тѣхъ странахъ, рабочій классъ которыхъ организовывался безъ всякой мысли о достиженіи какихъ-либо соціалистическихъ цѣлей. Примѣръ сказаннаго представляетъ Англія, рабочій классъ которой никогда не заботился о проникновеніи въ сущность историческаго процесса и о познаніи закона экономической эволюціи, но раньше другихъ понялъ—въ чемъ заключается механизмъ общественныхъ измѣненій и раньше другихъ озаботился о своей организаціи. Результатомъ такого раціональнаго, но не основаннаго на научныхъ соображеніяхъ, поведенія его было то, что, во-1-хъ, онъ получилъ отъ государства, въ видѣ фабричныхъ законовъ, гораздо лучшую защиту своихъ интересовъ, нежели рабочіе другихъ странъ; во-2-хъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности (напр., каменноугольной) создались такія отношенія, что веденіе дѣла предпринимательскимъ путемъ становится почти невозможнымъ, и среди хозяевъ циркулируетъ мысль о передачѣ копей въ руки государства и перенесеніи своихъ капиталовъ въ другія промышленныя отрасли.

И такъ, въ практическомъ отношеніи большую важность имѣетъ пониманіе механизма историческаго процесса, а не закона эволюціи общественныхъ отношеній, и наибольшее вліяніе на теченіе

общественныхъ дѣлъ окажетъ тотъ, кто будетъ въ своихъ дѣйствіяхъ основываться на первомъ, а не второмъ. Въ силу сказаннаго,—такъ какъ практическія отношенія и составляютъ то, что называется историческимъ процессомъ, то,—съ объективной точки зрѣнія, первый дѣятель заслуживаетъ бо́льшаго одобренія, нежели второй. Еще менѣе слѣдуетъ считать умѣстной идею сознательнаго подчиненія открытому историческому закону психическихъ мотивовъ дѣятельности человѣка, какъ непосредственно-предшествующаго самой дѣятельности. Успѣхъ усилій, дѣлаемыхъ въ этомъ направленіи, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ повести къ ослабленію дѣйственной энергіи человѣка, къ замедленію темпа общественной жизни, т.-е. къ явленіямъ, свидѣтельствующимъ о пониженіи прогрессивной энергіи общества, и самый успѣхъ этой идеи, быть можетъ, служитъ отраженіемъ указаннаго пониженія. Сказанное находитъ себѣ подтвержденіе въ новѣйшей исторіи нашего общественнаго развитія, гдѣ наблюдается одновременное существованіе двухъ явленій: безцвѣтности въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ интеллигенціи и распространеніе въ ней якобы плодотворной доктрины, о которой идетъ рѣчь. Имѣя въ виду, что живая общественная жизнь и энергическая общественная дѣятельность группъ и отдѣльныхъ личностей служатъ средствомъ осуществленія бо́лѣе глубокихъ законовъ общественнаго развитія, — слѣдуетъ признать, что, съ объективной, соціологической точки зрѣнія, ослабленіе этой энергіи является обстоятельствомъ нежелательнымъ, и всякое вліяніе, способное повести къ этому ослабленію, съ объективной точки зрѣнія, должно быть признано не только вреднымъ, но и противо-научнымъ, выражающимъ соціальную ложь.

Каковы бы ни были закулисные двигатели историческаго процесса, форма его заключается въ борьбѣ человѣческихъ страстей, интересовъ и идеаловъ. Каждый участникъ этого процесса, воздѣйствуя на людей, долженъ обращаться къ этимъ даннымъ его психической природы, при чемъ наибольшее вліяніе можетъ быть оказано черезъ воздѣйствіе на идеальные мотивы человѣка, потому что личные двигатели и безъ того достаточно въ немъ сильны и что только идеальные мотивы способны возбудить его на величайшіе подвиги общественнаго характера. Чѣмъ разнообразнѣе

идеальные интересы въ обществѣ, тѣмъ большее количество вліяній возбуждаетъ идеалистическую, такъ сказать, энергію и тѣмъ больше разовьется дѣятельности, истекающей изъ идеалистическихъ мотивовъ. Поэтому, съ объективной точки зрѣнія, разнообразіе идеальныхъ мотивовъ является благопріятнымъ условіемъ общественнаго развитія. То же самое слѣдуетъ сказать и объ идеяхъ, распространяющихся въ обществѣ. Чѣмъ богаче общество идеями, и чѣмъ эти идеи шире и грандіознѣе, тѣмъ большее число лицъ и тѣмъ сильнѣе будетъ ими задѣто, тѣмъ больше освободится дѣйственной энергіи. Чѣмъ ограниченнѣе сумма идей, чѣмъ самыя идеи уже и низменнѣе, тѣмъ меньше будетъ ихъ вліяніе, тѣмъ слабѣе проявленіе энергіи, вызываемой идеальными порывами человѣка. Та же идея, которая доказываетъ тщету идеальныхъ порывовъ и закономѣрную своевременность водворенія свинства на землѣ, и выводитъ отсюда заключеніе о необходимости приспособленія къ требованіямъ этого свинства руководящихъ идей интеллигенціи и ея практическихъ программъ,—какою бы научно-истинной ни казалась эта идея—съ объективно-соціологической точки зрѣнія должна быть признана ложью, потому что успѣшное ея распространеніе имѣло бы слѣдствіемъ отстраненіе отъ постановки широкихъ общественныхъ задачъ категоріи лицъ, неспособныхъ поступиться своими идеальными стремленіями, ослабленіе освобождающейся общественной энергіи, т. е. ослабленіе интенсивности историческаго процесса.

Настоящій объективистъ-матеріалистъ понимаетъ, что для оцѣнки общественнаго значенія какой-либо личности или группы таковыхъ, слѣдуетъ обращаться къ разсмотрѣнію не ихъ идеологіи,—потому что одни и тѣ же существенныя соціологическія отношенія въ головахъ разныхъ людей отражаются, какъ сознательныя побужденія, очень различно,—а ихъ практическихъ программъ, которыя могутъ быть одинаковы у лицъ съ различнымъ идеологическимъ содержаніемъ и различны у тѣхъ, кто держится одинаковой философской, соціологической и этической системъ. Понимаетъ онъ и то, что психологическіе мотивы, приводящіе разныхъ лицъ къ одной и той же программѣ дѣятельности, весьма разнообразны, что здѣсь съ одинаковымъ успѣхомъ фигурируютъ „честолюбіе, восторженная любовь къ истинѣ и праву, личная

ненависть и даже всякаго рода прихоти" (Энгельсъ). Онъ воздержится отъ оцѣнки и психическихъ двигателей его современниковъ, и ихъ идеологическихъ системъ, потому что знаетъ, что тѣ и другія состоятъ на службѣ у законовъ исторіи, что они играютъ роль соуса, подъ которымъ, сообразно вкусу разныхъ лицъ, подается одно и тоже очередное блюдо исторіи. Для него важно одно: чтобы двигательные психическіе мотивы были достаточно разнообразны для привлеченія къ активному участію въ общественной жизни возможно большаго числа лицъ, и чтобы такимъ же разнообразіемъ отличались идеологическія системы, дабы придтись на всякій вкусъ и на всякій складъ ума и характера. Критиковать же эти системы съ точки зрѣнія ихъ логической состоятельности и тѣмъ болѣе отвергать ихъ всѣ, кромѣ одной, какъ единственно истинной, есть дѣйствіе, непозволительное для объективиста, такъ какъ, въ случаѣ успѣшнаго распространенія этой критики, многіе психическіе двигательные мотивы, не найдя подходящей имъ идеологической системы, служащей обоснованіемъ активнаго участія человѣка въ общественной жизни, будутъ дѣйствовать въ смыслѣ устраненія многихъ лицъ отъ такого участія, отчего борьба классовъ сдѣлается менѣе энергичной, историческій процессъ—болѣе, такъ сказать, вялымъ. Что касается программъ партій, то и здѣсь настоящій объективистъ-соціологъ прежде всего обратитъ вниманіе на ихъ отношеніе къ существующимъ интересамъ, и если найдетъ, что какой-либо классъ лицъ не представленъ на аренѣ общественно-политической жизни никакой программой, никакой партіей, то его дѣло о заботиться о пополненіи такого недостатка, безъ вниманія къ тому обстоятельству, принадлежитъ-ли этому классу будущее, или онъ обреченъ на уничтоженіе. Такой способъ дѣйствія объективиста-матеріалиста вытекаетъ изъ того, что, во-1-хъ, исторія по ученію соотвѣтствующей доктрины движется путемъ борьбы классовъ и потому для правильнаго хода историческаго процесса необходимо, чтобы общественныя средства борьбы, созданныя культурой, находились въ распоряженіи всѣхъ, а не нѣкоторыхъ только классовъ общества; во-2-хъ потому, что привлеченіе новыхъ лицъ, идей и интересовъ къ активному участію въ общественной жизни равносильно поднятію общественнаго пульса и поведетъ къ болѣе совершенной

работѣ претворенія въ новыя формы всего того, что составляетъ матеріалъ историческаго процесса. Изъ сказаннаго же ясно, какъ отнесется объективистъ-соціологъ къ задачамъ и программамъ различныхъ партій. Онъ признаетъ соціологически законно, такъ сказать, существующими и приносящими свою долю пользы дѣлу общественнаго развитія данной страны всѣ программы, отвѣчающія интересамъ существующихъ классовъ послѣдней.

Если же вы видите лицо, сражающееся, подъ знаменемъ объективизма, съ различными идеологическими системами, убѣждающее своихъ противниковъ принять систему, имъ защищаемую, какъ единственно объективно вѣрную; если во имя этой системы онъ не только отрицаетъ всякую другую идеологію, но и настаиваетъ на раціональности уничтоженія партій, служащихъ выраженіемъ опредѣленнаго экономическаго интереса и опредѣленнаго экономическаго класса, какъ интереса и класса, будто-бы осужденнаго на упраздненіе, то вы смѣло можете сказать, что передъ вами не объективистъ-соціологъ, а идеалистъ (въ философскомъ смыслѣ слова), эксплуатирующій въ пользу излюбленнаго имъ интереса понятіе объективнаго историческаго процесса.

III.

Изученіе явленій общественной жизни — насколько оно можетъ имѣть практическое значеніе — должно дать людямъ возможность болѣе легкаго достиженія тѣхъ цѣлей, которыя ими намѣчаются въ жизни и общій смыслъ которыхъ заключается въ удовлетвореніи ихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ потребностей, составляющихъ настоящую основу самаго общественнаго союза. Каковы бы ни были выводы даннаго поколѣнія ученыхъ, они не могутъ стать выше практическихъ задачъ времени, такъ какъ ихъ назначеніе — помогать людямъ на ихъ жизненномъ пути, а не коверкать жизнь въ угоду теоріи. Законный путь воздѣйствія науки на жизнь заключается въ вліяніи ея на сознаніе людей, а черезъ него и на измѣненіе постановки различныхъ практическихъ задачъ, на измѣненіе тѣхъ частныхъ цѣлей, которыя люди преслѣдуютъ въ жизни. Насильственное же предписываніе людямъ, во имя науки, того, а не другого поведенія или отказъ

въ помощи общества въ ихъ практическихъ дѣлахъ, — помощи, на которую они имѣютъ право, какъ члены этого общества, — есть безсмыслица, потому что люди соединились въ общественные союзы не ради отказа отъ своей иниціативы въ пользу авторитета науки, и не путемъ такого отказа достигли настоящаго развитія. Такія претензіи общественная наука не могла бы имѣть даже въ случаѣ, если бы она достигла идеальнаго совершенства, объяснила все прошедшее и предсказала будущее; тѣмъ болѣе сказанное относится къ современной наукѣ, не установившей даже основныхъ законовъ соціальной жизни и постоянно оступавливающейся впотьмахъ передъ частными проявленіями этихъ, неизвѣстныхъ ей, общихъ законовъ.

Не знаю, достигнетъ-ли наука когда-либо такого совершеннаго состоянія, что ея указанія будутъ безпрекословно приниматься къ свѣдѣнію, и она сдѣлается единственнымъ руководителемъ общества на пути его дальнѣйшаго развитія. Но несомнѣнно, что въ настоящемъ, въ ближайшемъ будущемъ, какъ и въ прошломъ, измѣненія общественныхъ отношеній совершались, совершаются и будутъ совершаться путемъ столкновенія интересовъ, чувствъ и идей отдѣльныхъ лицъ и группъ таковыхъ, при чемъ данныя науки служатъ однимъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ чувства и идеи, и однимъ изъ орудій борьбы. Это столкновеніе интересовъ, идей и чувствъ въ формѣ борьбы индивидовъ и классовъ составляетъ необходимый законъ общественной волюціи и было источникомъ прогрессивнаго развитія общества, а прекращеніе борьбы равносильно остановкѣ послѣдняго. Новое, идущее на смѣну старому, только потому и принимаетъ совершенныя формы, что къ этому его побуждаетъ сопротивленіе, встрѣчаемое имъ со стороны послѣдняго. Съ другой стороны, необходимость съ боя взять позицію, указываемую этому новому историческимъ процессомъ, служитъ пробнымъ камнемъ для испытанія того, дѣйствительно-ли новое, имѣющее претензію замѣнить старое, избрано для этого исторіей. И сколько новыхъ началъ не выдержали такого испытанія и были оставлены за штатомъ! Отсюда слѣдуетъ, что если бы даже мы несомнѣнно знали, что существующая форма жизни не устоитъ въ борьбѣ съ формой, идущей ей на смѣну, въ интересахъ прогресса, въ интересѣ болѣе совершеннаго развитія новой

формы мы должны все-таки желать, чтобы старая не уступила добровольно своего мѣста, а заставила взять его съ бою, а для этого нужно, чтобы она была вооружена всѣми средствами борьбы, какія наука предлагаетъ къ услугамъ человѣка. Сказанное становится тѣмъ болѣе необходимымъ, что, во-1-хъ, новое не во всѣхъ своихъ частяхъ, есть также лучшее, а старое—не во всемъ хуже новаго и, во-2-хъ, что старое не обречено на полное исчезновеніе, и что тѣ конкретныя формы, которыя будутъ приняты новымъ началомъ, явятся результатомъ взаимодѣйствія стараго и новаго. Такимъ образомъ, при разныхъ условіяхъ,—въ числѣ которыхъ находится и упорство, съ которымъ старое отстаиваетъ свое существованіе, а также стремленіе лучшаго стараго слиться съ лучшимъ новымъ,—могутъ произойти различныя комбинаціи новаго и стараго, т.-е. осуществиться болѣе совершенныя формы быта и менѣе совершенныя.

Мы видимъ, что и относясь къ вопросу съ точки зрѣнія интересовъ отдѣльныхъ лицъ, и разсматривая предметъ съ высоты общаго механизма историческаго развитія, одинаково приходишь къ заключенію, что назначеніе науки—не препятствовать, а способствовать тому, чтобы каждый членъ общества и каждая группа такихъ членовъ были вооружены всѣми доступными въ данное время человѣку средствами для борьбы за существованіе; поэтому, важной задачей общественнаго развитія является именно доставленіе каждому члену общества возможности пользоваться тѣми средствами, которыя раньше находились въ распоряженіи небольшихъ группъ — независимо отъ соображенія о томъ, какъ онъ этими средствами воспользуется. Движеніе въ этомъ направленіи, выражающееся въ демократизаціи науки и въ распространеніи самоуправленія, составляетъ характерную черту исторіи XIX вѣка, а успѣхи, достигнутые цивилизованнымъ міромъ на этомъ пути, дѣлаютъ менѣе и менѣе возможнымъ принудительное воздѣйствіе на жизнь доктрины, черезъ посредство группы лицъ, соединившихъ въ однѣхъ рукахъ знаніе и власть, но зато открываютъ возможность свободнаго усвоенія научныхъ истинъ и добровольнаго подчиненія руководящему вліянію науки со стороны массы людей, составляющихъ общество. Правильность такого направленія исторіи и соотвѣтствіе его интересамъ большинства доказывается

Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, благосостояніе населенія которыхъ несравненно выше европейскаго, не смотря на то, что въ отношеніи развитія соціальныхъ наукъ Европа значительно опередила Америку. Это доказываетъ, что въ настоящее время наиболѣе благотворное соціально-практическое значеніе имѣетъ не степень совершенства, достигнутаго общественными науками, не накопленіе знаній и не принудительное осуществленіе въ жизни якобы научныхъ рецептовъ, а распространеніе хотя бы умѣренныхъ знаній въ массахъ и вліяніе на ходъ жизни именно этихъ полуобразованныхъ массъ, а не кучки хотя бы самыхъ ученыхъ людей.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, при современномъ уровнѣ развитія соціальныхъ знаній, именемъ науки нельзя предписывать какой-либо странѣ пути, которыми предстоитъ ей идти въ ближайшемъ будущемъ, и формы жизни, которымъ она обязательно должна подчиниться, нельзя дать готовую формулу ея существованія въ настоящемъ и будущемъ, которую надлежало бы только принять къ свѣдѣнію и руководству, а живымъ людямъ оставалось бы только превратиться въ слѣпыхъ исполнителей велѣній науки. Научныя положенія являются данными, которыя, на ряду съ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ непосредственнаго наблюденія, съ настроеніями и идеями, переданными отъ отцовъ и дѣдовъ — служатъ матеріаломъ для вывода отдѣльными лицами и группами лицъ практическихъ положеній, руководящихъ ими въ дѣлѣ достиженія жизненныхъ цѣлей, диктуемыхъ ихъ чувствами, принципами и интересами. Чувства, идеи и интересы отдѣльныхъ лицъ — вотъ, съ практической точки зрѣнія, настоящіе дѣятели исторіи; знаніе — научное и не научное — доставляетъ матеріалъ для цѣлесообразнаго проявленія внутреннихъ мотивовъ дѣятельности человѣка во внѣшнемъ мірѣ. Какое употребленіе будетъ сдѣлано изъ открытаго наукой соотношенія между двумя общественными явленіями, это зависитъ отъ того, какими чувствами, идеями и интересами движется данная группа людей; а общественные результаты извѣстнаго научнаго открытія опредѣлятся тѣмъ, какая группа лицъ пользуется наибольшимъ вліяніемъ, какая лишена вовсе связи съ наукой. Такъ какъ знаніе внѣшняго міра въ широкомъ смыслѣ этого слова доставляетъ матеріалъ, изъ кото-

раго человѣкъ, такъ сказать, лѣпитъ формы своей жизни, и такъ какъ отъ матеріала зависитъ и совершенство этихъ формъ, то понятно, какую важность для благополучія человѣчества имѣетъ постоянный прогрессъ науки. Такъ какъ затѣмъ общественныя формы создаются не въ одной опредѣленной лабораторіи, а лѣпятся всѣми людьми, при чемъ каждый вкладываетъ въ общую работу то, что представляетъ наибольшій интересъ съ его ограниченной точки зрѣнія, что отвѣчаетъ его личнымъ чувствамъ, идеямъ и интересамъ, то понятно, какое важное значеніе для судьбы общественнаго развитія имѣетъ тотъ фактъ, будутъ-ли знанія, даваемыя наукой, распространяться равномѣрно среди всѣхъ членовъ общества, или они сосредоточатся въ нѣкоторыхъ слояхъ послѣдняго. Въ одномъ случаѣ направленіе общественнаго развитія сразу приметъ демократическій характеръ, т.-е. всѣ завоеванія общественности будутъ утилизироваться на пользу всей массы членовъ общества; въ другомъ — образуется рѣзкое распаденіе общества на классы съ преобладаніемъ небольшой группы лицъ, вооруженныхъ знаніемъ, которая эксплуатируетъ въ свою пользу главнѣйшія завоеванія науки.

Историческое развитіе человѣчества обыкновенно шло этимъ послѣднимъ путемъ сосредоточенія успѣховъ культуры въ одномъ классѣ общества, а это отражалось въ общественной жизни тѣмъ, что ея формы принаравливались преимущественно къ удовлетворенію интересовъ этого класса. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда послѣдній предпринималъ что-либо, имѣя въ виду потребности большинства населенія—его мѣропріятія оказывались сплошь и рядомъ неудачными, потому что наука не давала достаточныхъ данныхъ для того, чтобы такія мѣропріятія могли быть проектированы научнымъ, кабинетнымъ путемъ, а лица одного класса не могли настолько проникнуться идеями, чувствами и интересами другого, чтобы создать тѣ именно формы жизни, какія явились бы сами собой при свободномъ общеніи этого другого класса съ наукой. Лишь послѣ тысячелѣтнихъ опытовъ развитія общественной жизни при полномъ разрывѣ накопляемыхъ знаній и соціальнаго опыта съ большинствомъ населенія и сосредоточеніи ихъ въ небольшойгруппѣ лицъ—начался поворотъ въ сторону распространенія знанія въ массахъ, ведущаго къ возможности болѣе актив-

наго участія послѣднихъ въ общественной жизни. Но въ это время поле общественной жизни успѣло загромоздиться множествомъ формъ, созданныхъ историческимъ процессомъ, совершавшимся путемъ сосредоточенія культурной силы въ небольшомъ слоѣ лицъ. И эти формы служатъ огромнымъ препятствіемъ для благоустройства общества сообразно чувствамъ, идеямъ и интересамъ вновь привлекаемыхъ въ активному участію въ историческомъ процессѣ слоевъ населенія, тѣмъ болѣе, что распространеніе на эти слои знаній можетъ совершаться лишь крайне медленно.

Итакъ, мы присутствуемъ при началѣ такого періода въ исторіи цивилизованнаго міра, когда, благодаря всеобщему распространенію знаній, видное, а современемъ и преобладающее значеніе въ дѣлѣ созданія общественныхъ формъ будутъ имѣть интересы, идеи и чувства массы населенія, вслѣдствіе чего существующія формы жизни будутъ подлежать постепенному измѣненію въ направленіи лучшаго соотвѣтствія съ этими интересами, чувствами и идеями. Это измѣненіе будетъ совершаться, во-1-хъ, внесеніемъ въ формы, созданныя предшествующей исторіей человѣчества, — когда руководителемъ историческаго процесса былъ небольшой слой лицъ, вооруженныхъ всѣми орудіями, даваемыми культурой,—такихъ поправокъ, которыя, не упраздняя совершенно ихъ односторонняго, такъ сказать, характера, дѣлаютъ ихъ болѣе пригодными, чѣмъ это было прежде, для удовлетворенія потребностей массы; во-2-хъ, возбужденіемъ прогрессивнаго развитія въ тѣхъ формахъ быта, которыя нѣкогда— въ эпоху исторіи, предшествующую рѣзкому дифференцированію общества на классы, и когда общественныя отношенія слагались, такъ сказать, путемъ коллективной работы мысли и чувствъ всѣхъ членовъ союза — имѣли всеобщее распространеніе, или которыя явились въ дальнѣйшемъ историческомъ процессѣ какъ результатъ старой, еще не совершенно заглохшей демократической струи внизу общества, либо какъ послѣдствіе возродившихся демократическихъ теченій въ верхнихъ этажахъ общественнаго зданія. Страны цивилизованнаго міра значительно различаются по количеству и происхожденію этихъ демократическихъ организацій, имѣющихъ явиться исходными точками новаго періода исторіи человѣчества. Въ обществахъ, въ культурномъ отношеніи отста-

лыхъ, больше сохранилось учрежденій, созданныхъ массами въ первобытныя времена, когда эти массы оказывали бо́льшее вліяніе на теченіе общественной жизни, и появились аналогичныя имъ организаціи, какъ результатъ народнаго же творчества, въ послѣдующемъ періодѣ исторіи. Эти формы проявленія интересовъ, идей и чувствъ простыхъ массъ населенія, стоявшихъ внѣ вліянія науки, до сихъ поръ находились въ неразвитомъ состояніи, и новое теченіе историческаго процесса будетъ именно заключаться въ прогрессивномъ развитіи этихъ формъ. Въ странахъ, занимающихъ передовые посты цивилизаціи, большая часть организацій народнаго происхожденія исчезла, но, какъ результатъ демократическаго направленія мысли въ высшихъ слояхъ населенія, появились кое-какія формы, въ принципіальномъ отношеніи отвѣчающія интересамъ массъ и потому могущія служить исходнымъ пунктомъ новаго развитія.

Прилагая вышеразвитыя соображенія къ экономическимъ отношеніямъ въ обществѣ, мы должны сказать, что именно въ этой области всего больше проявляется тенденція къ разрушенію народныхъ формъ быта въ странахъ высокой культуры, и наилучше сохранились или даже вновь появились имѣющія демократическій характеръ учрежденія въ странахъ отсталыхъ. Въ передовыхъ государствахъ Европы аристократическое, такъ сказать, направленіе историческаго развитія экономическихъ отношеній, обязанное происхожденіемъ руководительству процессомъ небольшой, занимающей привилегированное положеніе, группой лицъ, не только не было смягчено, но значительно усилилось подъ вліяніемъ демократическихъ тенденцій въ привилегированномъ обществѣ, выразившихся измѣненіями преимущественно политическихъ общественныхъ формъ: уничтоженіе крупными производителями мелкихъ, скопленіе капиталовъ все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ получило особенное проявленіе именно въ XIX вѣкѣ и въ значительной степени, благодаря смягченію опеки государства надъ личностью. Поэтому, народнымъ массамъ западно-европейскихъ обществъ, выступающимъ въ послѣднее время на арену активнаго участія въ общественной жизни, приходится искать удовлетворенія своихъ экономическихъ интересовъ путемъ разнаго рода пристроекъ къ зданію, воздвигнутому не для нихъ, прихо-

*

дится приспособлять аристократическое сооруженіе къ демократическимъ обитателямъ, намѣревающимся устроиться въ немъ возможно удобнѣе. Насколько можно судить въ настоящее время, методы этого приспособленія старыхъ мѣховъ къ новому вину, въ ближайшемъ будущемъ будутъ состоять, во-1-хъ, въ увеличеніи доли, достающейся рабочимъ въ видѣ заработной платы, въ уменьшеніи продолжительности дневного ихъ труда на фабрикахъ, въ улучшеніи обстановки труда и т. п.; во-2-хъ, въ расширеніи участія массы населенія въ доходахъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій путемъ помѣщенія сбереженій въ кредитныя учрежденія и путемъ пріобрѣтенія акцій и облигацій различныхъ предпріятій. Быть можетъ, современемъ осуществятся и предположенія идеалистовъ и теоретиковъ о полномъ превращеніи аристократическаго зданія современной западно-европейской промышленности въ демократическое, но время этого превращенія далеко впереди, потому что для этого требуется слишкомъ высокое умственное развитіе рабочихъ и, что главное, не въ одной какой-либо странѣ, а во всемъ цивилизованномъ мірѣ, такъ какъ промышленная организація послѣдняго стремится принять международный характеръ.

Пріобщеніе къ наукѣ массы трудящагося населенія въ странахъ отсталыхъ, въ экономической сферѣ выразится, какъ мы сказали, возбужденіемъ прогрессивнаго развитія тѣхъ формъ быта, которыя явились результатомъ общественнаго проявленія интересовъ, идей и чувствъ этихъ массъ и которыя, по причинѣ невѣжества населенія, оставались до сихъ поръ въ полузачаточномъ состояніи. Къ числу подобныхъ странъ принадлежитъ и Россія, а въ числѣ формъ ея экономическаго быта, ждущихъ оплодотворяющаго прикосновенія науки, чтобы начать новый періодъ своего развитія — фигурируетъ община, какъ болѣе опредѣленное выраженіе соціальныхъ инстинктовъ русскаго народа.

Итакъ, согласно демократическому характеру новѣйшаго направленія въ исторіи цивилизованнаго міра, экономическія отношенія различныхъ странъ должны подвергнуться измѣненіямъ, дѣлающимъ ихъ болѣе соотвѣтствующими интересамъ трудящихся массъ—путемъ нѣкотораго приспособленія къ тому аристократическихъ формъ экономическаго быта въ однѣхъ странахъ и пу-

темъ возбужденія прогрессивнаго развитія въ демократическихъ учрежденіяхъ другихъ. Къ числу послѣдняго рода странъ принадлежитъ и Россія. Народныя массы Россіи до недавняго времени были погружены въ полное невѣжество, изъ котораго онѣ выходятъ очень медленно. Поэтому, участіе ихъ въ прогрессивномъ развитіи соотвѣтствующихъ ихъ интересамъ формъ быта далеко не достигаетъ той интензивности, какая представляется возможной по современному состоянію знаній. Поэтому же тѣмъ большая роль въ этомъ процессѣ должна бы принадлежать интеллигенціи высшихъ слоевъ населенія и правительству. Но въ это же время будетъ продолжать свое развитіе другая форма промышленной организаціи, направляемая интересами, идеями и чувствами другого класса населенія,—форма предпринимательская. Такимъ образомъ, намъ суждено присутствовать при параллельномъ развитіи двухъ формъ промышленной организаціи страны и самимъ принимать въ этомъ процессѣ участіе. Обѣ эти формы, насколько онѣ возникли естественнымъ путемъ, одинаково имѣютъ право на поддержку со стороны науки. Одна изъ этихъ формъ, уже въ силу только принадлежности ея представителей къ образованному классу общества, и находитъ эту поддержку въ размѣрахъ, зависящихъ отъ уровня нашего просвѣщенія. Отсюда слѣдуетъ, что нарочитыя мѣры общества и правительства должны быть направлены преимущественно на распространеніе вліянія просвѣтительной мысли на другую форму нашего экономическаго быта, представители коей принадлежатъ къ классу, разобщенному съ наукой. Такая обязанность остается на интеллигенціи страны даже въ томъ случаѣ, если бы названной формѣ предстояло въ дальнѣйшемъ историческомъ процессѣ совершенно уступить мѣсто формѣ противуположной, потому что, какъ мы это замѣтили выше, совершенство и прочность продуктовъ историческаго развитія зависитъ, между прочимъ, отъ энергіи борьбы новаго со старымъ, и что силою сопротивленія стараго новому обусловливаются и размѣры, въ какихъ лучшія стороны перваго войдутъ составными частями во вновь создаваемое зданіе общественнаго быта. Тѣмъ болѣе естественно ожидать дѣятельнаго участія общества и правительства въ процессѣ развитія народной формы производства въ томъ случаѣ, если эта форма, по условіямъ переживаемаго ци-

вилизованнымъ міромъ момента, имѣетъ больше шансовъ на прогрессивное развитіе, нежели ей противуположная, или, выражая ту же мысль съ другого конца, — если изъ данной обстановки мірового хозяйства выростаютъ огромныя препятствія широкому развитію въ новыхъ странахъ капиталистической формы общественнаго хозяйства. Въ этомъ случаѣ поддержаніе и возбужденіе прогрессивнаго движенія въ народной формѣ хозяйства является уже необходимымъ условіемъ для болѣе или менѣе быстраго культурнаго развитія страны вообще, такъ какъ это развитіе требуетъ большой затраты матеріальныхъ средствъ и потому должно основываться на болѣе или менѣе быстромъ экономическомъ подъемѣ страны.

Сказанное служитъ достаточнымъ оправданіемъ интереса, съ какимъ русское общество всегда относилось къ вопросу о будущей судьбѣ предпринимательской и народной формы промышленности въ Россіи и оживленія этого интереса въ послѣднее время, выразившагося, между прочимъ, появленіемъ нѣсколькихъ трудовъ, близко соприкасающихся съ этимъ предметомъ. Объ одномъ изъ такихъ трудовъ, проникнутомъ антикапиталистической тенденціей, мы говорили въ предыдущей главѣ; теперь же остановимся на сочиненіяхъ, развивающихъ теорію транскапиталистической или даже чисто-капиталистической эволюціи Россіи.

IV.

Попытки объясненія экономической эволюціи Россіи съ точки зрѣнія законовъ капиталистической эволюціи вообще, формулированныхъ Марксомъ, привели, какъ мы упоминали, къ заключенію, что господство капитализма въ Россіи,—въ противуположность тому, что было на Западѣ,—будетъ имѣть слѣдствіемъ не только обѣдненіе населенія, но и обѣдненіе страны, и что оба эти явленія неразрывно связаны другъ съ другомъ; т.-е. что это господство поведетъ къ экономическому, а слѣдовательно и культурному регрессу. Противное воззрѣніе, повидимому, не находитъ возможнымъ отвергнуть такія именно слѣдствія примѣненія къ объясненію русской дѣйствительности законовъ капиталистической эволюціи, а такъ какъ признаніе этихъ слѣдствій

ведетъ къ отрицанію законности примѣненія къ русской дѣйствительности заимствованнаго извнѣ стройнаго логическаго зданія, объясняющаго прошедшее, настоящее и предрекающаго будущее и основанной на немъ практической программы, то приходится или примириться съ этимъ послѣднимъ заключеніемъ, или отказаться отъ экономическаго ученія Маркса, или, не дѣлая открыто ни того, ни другого, дать объясненіе совершающимся въ Россіи явленіямъ, по возможности, не касаясь капитализма, апеллируя къ законамъ болѣе общимъ. Вотъ этотъ-то послѣдній путь, повидимому, и избираютъ пока не причисляющіе себя открыто къ буржуазіи противники теоріи самостоятельнаго экономическаго развитія Россіи. Но, выступая на этотъ путь, нужно порвать съ теоріей, лежащей въ основѣ научнаго соціализма, такъ какъ она есть именно теорія специфической, транскапиталистической эволюціи общества, а не ученіе о законахъ экономическаго развитія, общихъ всякому направленію такового,—разорвать и съ самимъ соціализмомъ. Обращеніе историческихъ проявленій развитія общества въ слѣдствія незыблемыхъ міровыхъ законовъ, съ переложеніемъ на нихъ отвѣтственности за бѣдствія, связанныя съ историческимъ процессомъ, характерно для буржуазныхъ направленій въ политической экономіи, стремившихся къ теоретическому обѣленію дорогого для нихъ строя. Теперь это теоретическое примиреніе съ капитализмомъ вводится въ ученія, считающія себя полною противуположностью ученіямъ буржуазнымъ, и это превращеніе соціалистической теоріи въ буржуазную поведетъ къ устраненію той дисгармоніи между теоретическими посылками и практическими заключеніями разсматриваемой системы міросозерцанія, которая составляла его характернѣйшую особенность, и снимаетъ съ экономическаго ученія Маркса обвиненіе въ союзѣ съ тенденціями практически-капиталистическаго характера. Мы можемъ только привѣтствовать это согласованіе теоретическихъ и практическихъ положеній одного изъ направленій общественной мысли и пожелать, чтобы странное сочетаніе въ ученіи соціалистическихъ мечтаній и буржуазныхъ вожделѣній завершило, наконецъ, свою естественную эволюцію и превратилось во что-нибудь опредѣленное: или пару, или ворону.

Процессъ упраздненія россійскими марксистами буржуазнаго толка экономической теоріи Маркса въ логическомъ отношеніи распадается на два момента: моментъ игнорированія сущности ученія, съ сохраненіемъ его терминологіи, и моментъ упраздненія также и этой послѣдней. Первую фазу продѣлалъ г. Струве, вторую А. И. Скворцовъ.

Что такое представляетъ собой ученіе Маркса и въ чемъ заключается отличіе этого ученаго отъ экономистовъ буржуазной школы, мы можемъ выразить слѣдующими словами г. Струве относительно параллели между Листомъ и Марксомъ. „Тотъ же самый процессъ, который интересовалъ Листа съ точки зрѣнія развитія *національной промышленности*, передъ Марксомъ являлся, какъ процессъ *соціальной* эволюціи, какъ развитіе *капитализма*“ (Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи, с. 182). „Если „Капиталъ“ Маркса, въ теоретическомъ отношеніи представляя дальнѣйшее развитіе и углубленіе положеній Рикардо, въ одно и то же время является широкой исторической картиной и соціально-политическимъ *обличеніемъ капиталистическаго строя*, то „національная система“ Листа—*побѣдная пѣснь* торжествующаго *товарнаго производства*, во всеуслышаніе провозглашающая его культурно-историческую мощь и побѣдоносное шествіе по всѣмъ языкамъ“ (с. 123—4). И такъ, Марксъ разработывалъ соціальную сторону капиталистической эволюціи и тѣмъ неизбѣжно становился обличителемъ капитализма. „Листъ—энергичный апологетъ товарнаго производства и капитализма; на соціальную сторону вопроса онъ не обращалъ вниманія“ (с. 122). Въ ученіи Маркса промышленная эволюція Европы представляется эволюціей специфической, капиталистической, несущей за собой страданіе и деградацію трудящагося класса („національное богатство, по самой природѣ своей, равнозначуще съ народнымъ бѣдствіемъ“, говоритъ онъ); у Листа и другихъ представителей буржуазнаго класса эта эволюція теряетъ специфическій характеръ и обращается въ общечеловѣческій, неизбѣжный, основанный на незыблемыхъ законахъ и благодѣтельный процессъ развитія національнаго богатства, какъ слѣдствіе организаціи товарнаго производства. Къ какому изъ двухъ направленій въ экономической наукѣ примыкаетъ г. Струве;

съ какимъ изъ двухъ именъ связываются его собственныя воззрѣнія на экономическую исторію человѣческаго рода?

Отношеніе г. Струве къ Листу совершенно опредѣленное. „Я не знаю книги, которая бы болѣе убѣдительно, чѣмъ „національная система", говорила объ исторической неизбѣжности и законности капитализма въ широкомъ смыслѣ слова", пишетъ онъ (с. 123). „Быть можетъ, именно буржуазная односторонность Листа и помогла ему съ такой логической силой формулировать свое *замѣчательное ученіе*" (с. 122). Это—не простое славословіе! Искренность восхищенія г. Струве „буржуазно-одностороннимъ" экономистомъ доказывается тѣмъ, что его точку зрѣнія онъ примѣняетъ къ объясненію экономической эволюціи Россіи. Иное слѣдуетъ сказать по предмету отношенія автора къ Марксу. Какъ это ни странно, но въ первомъ общедоступномъ обоснованіи россійскаго марксизма приходится видѣть отрицательное отношеніе къ Марксу, какъ экономисту! Г. Струве охотно останавливается на соціологической теоріи Маркса, то или другое достоинство которой ничего не убавитъ и не прибавитъ къ славѣ Маркса-экономиста, и „чисто-философское обоснованіе" которой, по сознанію г. Струве, „еще не дано" (с. 46). Онъ часто расшаркивается передъ Марксомъ-экономистомъ, благосклонно допускаетъ, что „противопоставленіе экономическаго прогресса современности ея соціальнымъ неустройствамъ имѣетъ, конечно, свои глубокія основанія и составляетъ безсмертную заслугу всей критики капиталистическаго строя" (с. 134). Но что кромѣ критики заключаютъ въ себѣ экономическіе труды Маркса, что новаго внесъ онъ въ пониманіе экономическихъ отношеній капиталистическаго строя—прямого отвѣта на это у г. Струве вы не найдете. Только собирая по крупинкамъ взгляды на этотъ счетъ автора, вы получите ясное понятіе о его отношеніи къ этому замѣчательному ученому, а вмѣстѣ съ тѣмъ уразумѣете и ту операцію общипыванія, какой подвергается послѣдній со стороны нѣкоторыхъ его россійскихъ послѣдователей.

Самая большая дань Марксу, весьма смахивающая на поруганіе, воздана г. Струве заимствованіемъ его терминологіи. Какъ извѣстно, Марксъ закончилъ построеніе теоріи капиталистическаго строя, какъ крупной организаціи производства, основанной, съ одной стороны, на соціальномъ факторѣ эксплоатаціи однимъ чело-

вѣкомъ другого, съ другой—на примѣненіи къ производству пара, машинъ и т. д. За Марксомъ въ этомъ вопросѣ послѣдовали нѣкоторые русскіе писатели и получили за это выговоръ отъ г. Струве. „Г. В. В.,—пишетъ онъ,—въ анализъ понятія „капитализмъ“ не вдавался, а заимствовалъ его у Маркса, который имѣлъ въ виду, по преимуществу, капитализмъ въ узкомъ смыслѣ, какъ уже вполнѣ сложившійся продуктъ отношеній, развивающихся на почвѣ подчиненія производства обмѣну, между тѣмъ для г. В. В. указанный анализъ былъ обязателенъ“ и т. д. (с. 247). Г. Струве поправляетъ не только г. В. В., но и Маркса, упраздняя специфическій смыслъ слова „капитализмъ“ и расширяя это понятіе до того, чтобы этимъ марксовскимъ терминомъ можно было покрыть Листовское понятіе товарнаго производства. Капиталистическій строй то же, что товарный строй — неоднократно внушаетъ читателю авторъ. Такимъ пріемомъ г. Струве достигаетъ нѣсколькихъ цѣлей: во-1-хъ, онъ втираетъ своимъ послѣдователямъ, въ оправѣ Маркса, листовскіе очки: во-2-хъ, у него оказывается готовый аргументъ противъ народнической теоріи самобытнаго экономическаго развитія Россіи: какая можетъ быть рѣчь объ избѣжаніи Россіей ступени—капитализма, когда послѣдній, въ видѣ товарнаго производства — уже совершившійся фактъ. Примемъ же это положеніе за исходную точку политики и постараемся извлечь изъ него наибольшія выгоды—пойдемъ на выучку къ капитализму въ узкомъ смыслѣ слова, капитализму крупныхъ фабрикъ и заводовъ!

Воздавъ своему учителю вышеприведенную дань (или поруганіе), г. Струве нашелъ, что оказалъ ему достаточную честь и достаточно зарекомендовалъ свою вѣрность знамени Маркса, а потому, не теряя ореола марксизма, онъ можетъ теперь заняться ощипываніемъ его теоріи. Мы видѣли, что, по сознанію г. Струве, экономическій трактатъ Маркса сдѣлался обвинительнымъ актомъ противъ капитализма. Читатель, можетъ быть, думаетъ, что эти обвиненія не совсѣмъ безосновательны и не вполнѣ объясняются личнымъ чувствомъ ихъ автора. Г. Струве на этотъ счетъ другого мнѣнія, и какъ же иначе: вѣдь самъ Листъ „энергичный апологетъ капитализма“! А если такъ, то утвержденіе Маркса, что вмѣстѣ съ ростомъ капиталистическаго производства „воз-

растаетъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплуатація" рабочаго класса—есть не болѣе, какъ злонамѣренная риторическая фигура. „Крайне неравномѣрное распредѣленіе, задерживающее экономическій прогрессъ, не создано капитализмомъ: оно перешло къ нему по наслѣдству изъ той эпохи, когда, по увѣренію экономистовъ-романтиковъ всѣхъ странъ и временъ, текли молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ" (с. 159). Сказанное вообще, приложимо и въ частности къ Россіи: „техническая нераціональность хозяйства, а не капитализмъ—вотъ тотъ врагъ, который отнимаетъ (и передаетъ капитализму?) хлѣбъ насущный у нашего крестьянства" (с. 224). По отношенію къ русскому мужику капитализмъ г. Струве проявляетъ особенную любезность, и въ этомъ отношеніи онъ составляетъ полную противоположность капитализму Маркса. Послѣдній, какъ извѣстно, обнаруживаетъ по отношенію къ мелкому производителю жадность волка и вѣжливость медвѣдя, и крупное производство Маркса также вѣрно побиваетъ мелкое, какъ воинъ, владѣющій ружьемъ Шаспо побѣждаетъ того, кто носитъ кремневое оружіе. Капитализмъ же г. Струве —кроткая овечка: онъ не рветъ свирѣпо добычу изъ рукъ русскаго мелкаго производителя, а вѣжливо беретъ то, отъ чего добровольно отказывается послѣдній. Такъ поступаетъ онъ съ домашнимъ производствомъ льняныхъ издѣлій: крестьяне перестали производить ленъ, и, слѣдовательно, бросили домашнее ткачество, а „петербургскій, московскій, владимірскій и лодзинскій капитализмъ, конечно, отвѣтили на это сокращеніе народнаго производства расширеніемъ своего. Иначе нельзя себя и представить всего процесса" (с. 228).

Теорія Маркса, какъ извѣстно, считаетъ законъ народонаселенія Мальтуса результатомъ господства капитализма; г. Струве несогласенъ съ этимъ (с. 183—4). Въ письмѣ къ г. Михайловскому Марксъ возмущается широкимъ толкованіемъ его формулы экономической эволюціи Западной Европы,—толкованіемъ, приписывающимъ ему мысль, что этой формулѣ „фатально должны подчиниться всѣ народы... чтобы придти къ такому экономическому строю, который обезпечиваетъ наибольшую свободу проявленія производительныхъ способностей общественнаго труда и всестороннее развитіе человѣка". Въ предисловіи же къ одному изъ

изданій своей рѣчи о гражданской войнѣ во Франціи, Марксъ заявляетъ, что если измѣнятся международныя промышленныя отношенія, русская община можетъ сдѣлаться исходной точкой развитія общественной формы труда, дѣлая такимъ образомъ излишнимъ руководительство процесса со стороны капитала. А россійскій послѣдователь этого ученаго, указывая много признаковъ приближенія поворотнаго пункта въ развитіи капиталистическихъ странъ, обѣщающаго то именно измѣненіе международной атмосферы, которое считается Марксомъ за условіе самобытнаго экономическаго развитія Россіи—тѣмъ не менѣе, заявляетъ, что „обобществленіе труда можетъ вырости *только* на почвѣ постепеннаго развитія народно-хозяйственныхъ принциповъ капитализма“ (с. 238), а къ русской общинѣ, этому „палладіуму народничества“ относится „нетолько скептически, но прямо отрицательно“ (с. 281) и вмѣсто развитія лежащаго въ ея основѣ принципа предлагаетъ пойти „на выучку къ капитализму“ (с. 288).

Таково отношеніе россійскаго марксизма къ экономическому ученію Маркса! Неудивительно поэтому, если въ „основныхъ выводахъ“ г. Струве (ст. 281—5), изложенныхъ въ формѣ положеній, кромѣ п.п. 11 и 12,—трактующихъ о вліяніи капитализма на политическое воспитаніе рабочаго и о будущемъ превращеніи капиталистическаго строя въ коллективистическій,—превращеніи, о коемъ на ст. 69 г. Струве отзывается, какъ о мнѣніи Маркса, не могущемъ „имѣть безусловно обязательнаго характера для всякаго изслѣдователя, хотя бы и принимающаго все остальное ученіе Маркса“—кромѣ этихъ пунктовъ, марксовскаго есть только одинъ терминъ „капиталистическій“. Существо же этихъ положеній заимствовано у Листа, Мальтуса, Рошера, у какихъ угодно буржуазныхъ экономистовъ, но только не у Маркса.

Другой марксистъ, А. И. Скворцовъ, оказался храбрѣе или искреннѣе г. Струве: онъ упразднилъ ненадлежащую терминологію и открыто разсматриваетъ процессъ экономической эволюціи не какъ процессъ капитализаціи промышленности, а какъ развитіе товарнаго производства, главныя основанія теоріи котораго положены не Марксомъ, а экономистами буржуазной школы.

Научное отреченіе отъ Маркса повело къ отрицанію и вытекающихъ изъ его теоріи заключеній практическаго характера.

Тогда какъ, по ученію Маркса, обращеніе капиталистическаго строя въ коллективистическій явится естественнымъ результатомъ крайняго развитія крупнаго капитализма, разбивающаго все населеніе страны на двѣ группы — небольшую кучку эксплуатирующихъ и огромную массу эксплуатируемыхъ — гг. Струве и Скворцовъ проповѣдуютъ такую государственную политику, которая создала бы въ Россіи мелкую буржуазію, экономически „крѣпкое крестьянство", нарожденіе котораго „окончательно отыметъ почву у всѣхъ народническихъ мечтаній (въ томъ числѣ и у мечтаній народниковъ-марксистовъ, ибо марксистъ не „струвистъ" — тоже вѣдь народникъ, но лишь, такъ сказать, отсроченный), такъ какъ оно осуществитъ самое опасное для нихъ совпаденіе интересовъ промышленной буржуазіи и экономически крѣпкаго крестьянства" (Струве, ст. 253). Такимъ образомъ, будучи въ научномъ отношеніи представителями буржуазной экономической школы, въ практическомъ отношеніи названные писатели являются типическими, но умѣренными буржуа.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ детальному разсмотрѣнію теоріи экономической эволюціи Россіи названныхъ авторовъ, подробно развитой въ книжкѣ г. Скворцова „Экономическія причины голодовокъ въ Россіи" [1]).

---

[1]) Что касается книжки г. Струве «Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи», то, по нашему мнѣнію, она стоитъ внѣ критики, или, вѣрнѣе говоря, она сама составляетъ свою критику. А именно, самъ авторъ сознается, что основная посылка развиваемаго имъ ученія еще не доказана, что и онъ, въ своей такъ называемой критикѣ чужихъ взглядовъ, не столько аргументируетъ, сколько противуставляетъ одну систему воззрѣній другой и, наконецъ, что онъ приступитъ къ критикѣ народничества, не ознакомившись «сколько-нибудь полно» съ литературою предмета, что въ дѣйствительности означаетъ ознакомившись съ ней очень неполно, такъ неполно, что выступить съ пріобрѣтеннымъ багажемъ въ печати позволительно только «заѣзжему нѣмцу», пищущему для нѣмцевъ. Благодаря незнанію предмета, авторъ не понимаетъ и тѣхъ обрывковъ литературы, которыми онъ пользовался, чтобы «ясно схватить идеи изучаемой доктрины», и потому доктрина схвачена хотя и «ясно», но не вѣрно, и подчасъ толкованіе авторомъ противнаго мнѣнія настолько тенденціозно, что невольно начинаешь заподозривать его добросовѣстность. Такая книга можетъ быть предметомъ наблюденія, какъ жизненный фактъ, но не вправѣ претендовать на критическое отношеніе къ заключающимся въ ней идеямъ, насколько онѣ, конечно, принадлежатъ самому автору, а не заимствованы имъ у другихъ. Какъ жизненному же факту, какъ признаку времени, мы посвятили книжкѣ г. Струве замѣтку въ № 47—9 «Недѣли» за 1894 г

Теорія буржуазнаго марксизма.

I.

А. И. Скворцовъ, авторъ подлежащей нашему разсмотрѣнію книжки, „Экономическія причины голодовокъ въ Россіи“, извѣстенъ ученому міру большимъ изслѣдованіемъ въ области экономіи земледѣлія „Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство“, въ которомъ онъ выступаетъ въ качествѣ послѣдователя экономическаго ученія Маркса и дѣлаетъ интересную попытку примиренія трудовой теоріи мѣновой цѣнности съ закономъ равенства прибыли во всѣхъ коммерческихъ предпріятіяхъ. Если къ сказанному прибавить, что А. И. Скворцовъ не самозванный экономистъ, а патентованный профессоръ сельскохозяйственной экономіи въ Новоалександрійскомъ институтѣ, то, кажется, этого достаточно для того, чтобъ отнестись съ большимъ интересомъ къ его попыткѣ обѣленія капитализма отъ взводимыхъ на него обвиненій,— попыткѣ, въ случаѣ удачнаго ея исхода, имѣющей огромный теоретическій и практическій интересъ, такъ какъ этимъ вносилось бы новое пониманіе въ область экономическихъ отношеній и давалось бы научное обоснованіе нашей экономической политикѣ послѣдняго тридцатилѣтія. Къ сожалѣнію, книжка г. Скворцова не даетъ удовлетворенія возбужденному ею интересу, и еслибъ этотъ трудъ появился лѣтъ 15 назадъ, то, конечно, кромѣ краткой рецензіи, онъ не обратилъ бы на себя другого вниманія литературы. Въ настоящее же время, при характерной для него путаницѣ понятій, къ труду автора приходится отнестись иначе.

Впрочемъ, и по мнѣнію самого г. Скворцова, его книжка заслуживаетъ особеннаго вниманія. Дѣйствительно, послушаешь его, такъ ни наше общество вообще, ни отдѣльные его представители ничего не понимаютъ въ явленіяхъ, остановившихъ на себѣ вниманіе автора. Въ нашемъ обществѣ нѣтъ „яснаго представленія по отношенію къ той эволюціи, которая совершается въ настоящій моментъ въ русской экономической жизни“ (стр. VII), „не существуетъ яснаго представленія ни о причинахъ, вызывающихъ переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, ни сознанія неизбѣжности такого перехода“ (стр. 35); длинноземеліе или рас-

тянутость крестьянскихъ земель, наблюдаемая въ нѣкоторыхъ районахъ Россіи, есть факторъ, который обыкновенно „совершенно игнорируется какъ защитниками, такъ и противниками общины“ (стр. 116), и только г. Скворцовъ обратилъ на него должное вниманіе (вспомните, читатель, какъ вамъ набивалъ оскомину этимъ длинноземелiемъ г. Заломановъ!) „даже наиболѣе спокойные и наиболѣе серьезные изслѣдователи крестьянскаго вопроса... односторонне и, можно сказать, легкомысленно относились и относятся до сихъ поръ къ вопросу объ измѣненіи земледѣльческой культуры“ (стр. 71); такой же легкомысленный писатель, какъ г. Николай—онъ, „совершенно не понимаетъ значенія условій сбыта продуктовъ для прогресса земледѣльческаго производства“ (стр. 39) и т. д., и т. д. Самъ г. Скворцовъ, конечно, все знаетъ и все понимаетъ, и чтобы „разъяснить другимъ эти недоразумѣнія и вмѣстѣ указать причины совершающейся эволюціи“, а также предложить мѣры, имѣющія „значеніе лишь постольку, поскольку онѣ составляютъ логическій выводъ изъ предшествующаго имъ изслѣдованія причинъ явленія“ (стр. VII), онъ и предпринялъ рядъ очерковъ, изъ коихъ первый является въ видѣ разбираемой нами книжки.

Что же знаетъ и понимаетъ г. Скворцовъ и какъ разъясняетъ онъ свое пониманіе другимъ?

Вмѣстѣ съ значительною частью нашего общества г. Скворцовъ знаетъ, что главною причиной голодовокъ 1891 — 92 гг. является бѣдность населенія, не имѣющаго никакихъ запасовъ про черный день. Но онъ понимаетъ то, чего не разумѣютъ другіе,—что для возможности предупрежденія голодовокъ слѣдуетъ изыскивать не „причину частнаго факта, обѣдненія“, а „искать общей причины совершающейся эволюціи“ (стр. 2). Видите, какъ широко, а главное, безобидно поставленъ авторомъ вопросъ о голодовкахъ! Причинами обѣдненія крестьянъ являются общія условія, міровые законы,—что подѣлаешь? Впрочемъ, широкое основаніе нужно г. Скворцову лишь пока онъ имѣетъ дѣло съ чужими объясненіями голодовокъ и мѣрами, предлагаемыми для предупрежденія таковыхъ въ будущемъ: облегченіе податной тягости, лежащей на крестьянахъ, расширеніе ихъ землевладѣнія и переселеніе избыточнаго населенія на окраины государства. Когда же,

послѣ изложенія „общей причины совершающейся эволюціи“, оказалось, что эта причина, по своей общности, въ нашемъ частномъ русскомъ дѣлѣ ничего объяснить не могла, то г. Скворцовъ, ничуть не смущаясь, послѣдовалъ тому самому методу, который только что отвергнулъ,—обратился къ исканію „причины частнаго факта, обѣдненія“ крестьянъ. Но и здѣсь, вмѣсто того, чтобы, согласно значенію, придаваемому имъ „общей причинѣ эволюціи“, обратить, прежде всего, вниманіе на конкретныя формы проявленія этой причины въ Россіи и либо принять, либо опровергнуть мнѣніе, приписывающее обѣдненіе русскаго народа капиталистической эволюціи нашей промышленности,—авторъ предпочелъ болѣе спокойный, хотя и менѣе почетный, пріемъ — взвалить всѣ бѣды на туже злосчастную, отвѣтственную за всѣ грѣхи общества, правительства и народа, общину.

Г. Скворцовъ начинаетъ свой трудъ разборомъ предлагаемыхъ для поднятія благосостоянія населенія мѣръ: облегченія лежащей на немъ финансовой тяжести, расширенія крестьянскаго землевладѣнія и переселенія крестьянъ. Здѣсь интересно отмѣтить степень чуткости нашего автора къ практическимъ запросамъ крестьянскаго быта. Исторія русскаго народа, какъ извѣстно, есть исторія его разселенія. До освобожденія крестьянъ правительство само участвовало въ этомъ процессѣ; послѣ же реформы, произведшей радикальныя измѣненія русскаго строя и уже по одному этому способной значительно потрясти общественный организмъ, переселенія крестьянъ, — этотъ испытанный клапанъ, по временамъ открывавшійся при значительныхъ затрудненіяхъ народной жизни,—по соображеніямъ недальновидной политики, были пріостановлены, что повело къ искусственному скученію населенія въ мѣстностяхъ, гдѣ не было поля для приложенія его труда, каковое обстоятельство, конечно, не могло благотворно повліять на ростъ благосостоянія. Это было, наконецъ, понятно правительствомъ; но лишь только оно заикнулось о поощреніи переселеній, какъ ученый доктринеръ уже бьетъ набатъ и грозитъ всяческими отъ этого бѣдствіями. Дѣло въ томъ, что по закону той „общей причины эволюціи“, которую намъ обѣщаетъ выяснить авторъ, благосостояніе выселеннаго въ Сибирь населенія будетъ обезпечено лишь въ томъ случаѣ, если „соединить эти области желѣзными

дорогами со всемірнымъ рынкомъ, т.-е. съ Западною Европой, черезъ Россію“ (стр. 26); если же это будетъ сдѣлано, то сибирскій хлѣбъ затопитъ рынокъ, цѣны его упадутъ ниже стоимости производства въ Россіи и въ результатѣ будетъ „крушеніе зерновыхъ крестьянскихъ хозяйствъ срединной черноземной полосы“ (стр. 33). Въ виду возможности такихъ бѣдствій, авторъ и предупреждаетъ „не относиться къ этому дѣлу легкомысленно“ (стр. 23), „относиться къ этой мѣрѣ осторожно“ (стр. 32).

„И такъ, ни путемъ покупки земли съ цѣлью увеличенія надѣловъ на мѣстѣ, ни путемъ переселенія избытка земледѣльческаго населенія на окраины государства, ни финансовыми реформами мы не рѣшимъ поставленной задачи, т.-е. не достигнемъ существеннаго и прочнаго поднятія благосостоянія нашихъ крестьянъ,—заключаетъ г. Скворцовъ.—Лица, видящія въ этихъ мѣрахъ радикальныя средства для излѣченія нашихъ экономическихъ недуговъ, упускаютъ, именно, изъ виду вліянія рынка“, не придаютъ настоящаго значенія перевороту, совершающемуся въ экономическихъ отношеніяхъ Россіи,—перевороту, „который есть ничто иное, какъ переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному“ (стр. 34). „У насъ весьма нерѣдко высказываются крайне странныя мнѣнія о причинахъ замѣны натуральнаго хозяйства денежнымъ, особенно, если послушать такъ называемыхъ народниковъ,—продолжаетъ г. Скворцовъ.—Это, говорятъ намъ, тлетворное вліяніе капитализма въ связи съ милитаризмомъ (?) колеблетъ устои народной жизни и вызываетъ развитіе хищническихъ и индивидуалистическихъ инстинктовъ среди крестьянства. Вся суть дѣла, будто бы, въ томъ, что распустили, дали волю кровопійцѣ-кулаку, который пришелъ, соблазнилъ мужика блескомъ монеты и такимъ образомъ вырвалъ у него хлѣбъ, а потомъ отобралъ у него и монету, соблазнивъ кумачевою рубахой“ (стр. 35). Вѣрный своему девизу — выбирать наиболѣе слабаго, пожалуй, даже глуповатаго, какъ въ данномъ случаѣ, противника, не останавливаясь, если нужно, передъ созданіемъ такового при помощи не особенно, впрочемъ, богатой фантазіи,—г. Скворцовъ, въ посрамленіе невѣжества „такъ называемыхъ народниковъ“, беретъ на себя разъясненіе и безъ того совершенно яснаго вопроса о томъ, „какъ слагается и чѣмъ вызывается переходъ отъ

прежняго натуральнаго хозяйства къ денежному, мѣновому", причемъ онъ умудрился придать рѣшенію вопроса такую простоту которая совершенно поглотила его ясность.

Натуральное хозяйство характеризуется стремленіемъ удовлетворять всѣ потребности семьи трудомъ ея членовъ (стр. 37). Отдѣльное хозяйство лѣтомъ добываетъ себѣ хлѣбъ, а въ свободное отъ земледѣлія время занимается производствомъ различныхъ другихъ предметовъ потребленія для себя, а иногда и для продажи на ближайшемъ рынкѣ (стр. 42). Существованіе такого строя обусловливалось зртруднительностью, при грунтовыхъ дорогахъ. посылать товаръ на отдаленные рынки, каковое обстоятельство препятствовало болѣе или менѣе широкому развитію общественнаго раздѣленія труда, вслѣдствіе чего „разнообразныя занятія должны были скучиваться на возможно-малой площади, что, въ концѣ-концовъ, сводилось къ соединенію чуть не всѣхъ видовъ производства въ предѣлахъ одной семьи или общины" (стр. 37). Такой строй не могъ, по мнѣнію автора, отличаться особою высотой техники производства. „Нужно именно помнить,—говоритъ г. Скворцовъ,—что натуральное хозяйство есть *всегда нераціональное* земледѣльческое хозяйство. Натуральное хозяйство никогда не выполняетъ одного изъ важнѣйшихъ правилъ раціональнаго земледѣлія, которое гласитъ: производи *только тѣ растенія*, которыя соотвѣтствуютъ мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ" (стр. 39). Что хочетъ этимъ сказать авторъ—не совсѣмъ ясно: растенія, совершенно не соотвѣтствующія мѣстнымъ условіямъ, не могутъ быть воздѣлываемы, потому что не будутъ давать урожая; очень мало соотвѣтствующія условіямъ невыгодно воздѣлывать въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ, такъ какъ это будетъ весьма мало производительная затрата труда; поэтому вышеприведенное опредѣленіе понятія „раціональность" въ сельскомъ хозяйствѣ должно быть понимаемо, повидимому, въ томъ смыслѣ, что таковая требуетъ, чтобы воздѣлыванію подвергались только тѣ растенія, которыя *наиболѣе* соотвѣтствуютъ мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ. Лишь при такомъ толкованіи мысли автора дѣлается понятнымъ, почему „натуральное хозяйство есть всегда нераціональное земледѣльческое хозяйство". Въ самомъ дѣлѣ, если понятіе раціональности

допускаетъ воздѣлываніе растеній, *сколько-нибудь* соотвѣтствующихъ мѣстнымъ условіямъ почвы и климата, каковыхъ для всякой почвы насчитывается нѣсколько, то, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, земледѣлецъ, при натуральномъ хозяйствѣ, будетъ имѣть возможность, не нарушая требованій раціональности, выбрать для воздѣлыванія 3 — 5 растеній разнаго рода, удовлетворяющихъ разнообразнымъ потребностямъ его несложнаго быта. Если же признавать раціональнымъ культивированіе лишь растеній, *наиболѣе* подходящихъ къ мѣстнымъ условіямъ, и воздѣлываніе на ряду съ ними растеній, менѣе соотвѣтствующихъ этимъ условіямъ, считать за доказательство нераціональности хозяйства, въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, натуральное земледѣліе не можетъ быть раціональнымъ. Соблюденіе такого правила раціональности при условіи натуральнаго хозяйства привело бы къ тому, что „нѣкоторые продукты получались бы въ излишнемъ сравнительно съ потребностями хозяйства количествѣ и, не находя сбыта, служили бы бременемъ для хозяйства; съ другой стороны, явился бы недостатокъ въ продуктахъ, безусловно необходимыхъ, которые, притомъ, при отсутствіи рынка, нельзя добыть какимъ-либо образомъ извнѣ. Эти-то обстоятельства, — продолжаетъ г. Скворцовъ, — вынуждаютъ хозяина производить тѣ продукты, которые не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ условіямъ, и ограничивать производство такихъ, требованія которыхъ *наиболѣе* соотвѣтствуютъ этимъ условіямъ, иначе говоря—вести нераціональное хозяйство“ (стр. 40).

Съ замѣною грунтовыхъ дорогъ желѣзными для континентальныхъ странъ открывается возможность ограничиться производствомъ для отдаленныхъ рынковъ растеній, наиболѣе соотвѣтствующихъ мѣстнымъ условіямъ, и получать изъ другихъ районовъ продукты, добываніе которыхъ на мѣстѣ обходится слишкомъ дорого. То же самое явленіе наблюдается и въ сферѣ обрабатывающей промышленности, гдѣ происходитъ уничтоженіе кустарнаго производства подъ вліяніемъ конкурренціи привозимыхъ издалека дешевыхъ предметовъ фабрично-заводской выдѣлки. Такимъ образомъ развивается превращеніе натуральнаго хозяйства,—при которомъ главнѣйшая масса производимыхъ предметовъ потребляется семьей самого производителя,—въ мѣновое или денежное, характеризуемое тѣмъ, что и продукты чьего-либо

производства, и предметы потребленія отчуждаются и пріобрѣтаются на рынкѣ. „Не останавливаясь здѣсь на другихъ причинахъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, мы полагаемъ, — говоритъ г. Скворцовъ, — что и сказаннаго достаточно, чтобъ имѣть право сдѣлать выводъ, что этотъ переходъ является неизбѣжнымъ результатомъ экономическаго развитія и не можетъ быть остановленъ никакими искусственными мѣрами, сколько бы ни плакали гг. народники о разрушеніи устоевъ народной жизни“ (стр. 43).

Изъ приведенной тирады читатель можетъ усмотрѣть, что переходъ хозяйства изъ натуральной формы въ денежную вызываетъ слезы у какихъ-то народниковъ, которымъ ученый профессоръ сдѣлалъ честь избраніемъ въ противники для своей игры въ полемику. Чего же горюютъ эти плакальщицы и о какомъ „разрушеніи устоевъ“ печалуются они въ то время, какъ въ разъясненіи, данномъ г. Скворцовымъ, сущности и причинъ разсматриваемой эволюціи нѣтъ указаній ни на разрушеніе устоевъ, ни на „тлетворное вліяніе капитализма въ связи съ милитаризмомъ“, а имѣется только заключеніе объ увеличеніи производительности труда и возростаніи массы производимыхъ предметовъ. въ обмѣнъ за которые получается и большая масса предметовъ потребленія, т.-е., согласно разъясненію нашего автора, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому сопровождается такими измѣненіями продукціи, которыя должны бы имѣть слѣдствіемъ подъемъ, а не упадокъ народнаго благосостоянія. Если же въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто противное, и оно приняло такіе размѣры, что нашъ авторъ вынужденъ писать жиденькую книжку объ экономическихъ причинахъ голодовокъ въ Россіи и мѣрахъ къ ихъ устраненію, то спрашивается, полную-ли картину метаморфозы русскаго быта представилъ г. Скворцовъ въ своемъ изложеніи причинъ перехода натуральнаго хозяйства въ денежное? Происходитъ-ли при этомъ переходѣ только развитіе общественнаго раздѣленія труда, формы же производства, формы и степень эксплуатаціи производителя остаются неизмѣнными, доля трудящагося въ общемъ національномъ продуктѣ сохраняетъ прежніе относительные размѣры и, сообразно поднявшейся производительности труда, лишь увеличивается въ количествѣ предметовъ потребленія? Не наблю-

дается-ли одновременно съ превращеніемъ натуральнаго хозяйства въ денежное тенденція къ разъединенію производителя съ орудіями его труда, къ возростанію доли продукта, отчуждаемой трудящимися въ пользу другихъ классовъ общества? Не наблюдается-ли при этомъ вынужденное бездѣйствіе массы народа, лишаемаго подсобныхъ, при земледѣліи, зимнихъ занятій, вытѣсняемаго изъ деревень въ города, гдѣ онъ энергично ищетъ сколько-нибудь обезпеченнаго заработка? Превращеніе натуральнаго хозяйства въ денежное не происходитъ-ли подъ флагомъ капитализма и не это-ли руководство процессомъ служитъ причиной того явленія, что измѣненія, долженствующія вести къ возростанію національнаго богатства, имѣютъ слѣдствіемъ упадокъ народнаго благосостоянія? Не на почвѣ-ли этого обѣдненія народа и необезпеченности его существованія покоится и разрушеніе устоевъ народной жизни, и не правы-ли поэтому „такъ называемые народники“, когда они горюютъ о падающихъ устояхъ и негодуютъ на „тлетворное вліяніе капитализма“?

Всѣ эти вопросы для нашего автора—пустое мѣсто. Этотъ авторъ, „претендующій представиться читателямъ въ качествѣ послѣдователя Маркса“ (выражаясь словами, которыми г. Скворцовъ предполагаетъ уязвить г. Николая—она), о „тлетворномъ вліяніи капитализма“ слыхалъ, повидимому, главнымъ образомъ, изъ устъ народниковъ низшаго разряда или же умышленно (и вполнѣ благоразумно) уклонился отъ встрѣчи съ такимъ представителемъ идей „тлетворнаго вліянія капитализма“ и реставраціи народныхъ устоевъ, какимъ является вышеупомянутый авторъ *Очерковъ пореформеннаго общественнаго хозяйства въ Россіи*, предпочитая имѣть дѣло съ миѳическимъ представителемъ этой идеи, повидимому, плохо различающимъ капитализмъ отъ милитаризма!

И такъ, задавшись цѣлью объяснить причины экономическихъ затрудненій, переживаемыхъ нашею страной, и обратившись для этого къ процессу, считаемому имъ за основной, — къ процессу, составляющему проявленіе закона, общаго всему цивилизованному міру, нашъ авторъ и разсматриваетъ этотъ процессъ, какъ будто бы изучаетъ его въ качествѣ именно процесса общечеловѣческаго, внѣ связи съ опредѣленными условіями мѣста и времени. Онъ слѣ-

дитъ за даннымъ явленіемъ, какъ за соціологическимъ закономъ вообще, а не какъ за историческимъ фактомъ въ частности. Онъ поступаетъ такимъ образомъ, какъ будто бы пишетъ изслѣдованіе „о вліяніи парового транспорта на сельское хозяйство вообще“, а не производитъ изученіе „экономическихъ причинъ голодовокъ въ Россіи“. Въ общемъ изслѣдованіи въ „области экономики земледѣлія“, какимъ является предшествующій трудъ г. Скворцова [1]), можно ограничиться развитіемъ основной идеи, безъ указанія конкретныхъ соціальныхъ формъ ея осуществленія въ той или другой странѣ. То же самое относится къ случаямъ, когда кто-либо задается цѣлью изученія проявленія одного общаго соціологическаго закона въ исторіи опредѣленной страны, напр., если бы г. Скворцовъ поставилъ себѣ задачей прослѣдить вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство Россіи. Но когда цѣлью изслѣдованія является столь сложный вопросъ, какъ упадокъ кресльянскаго благосостоянія въ одной опредѣленной странѣ, каковое явленіе,—при дѣйствіи однообразныхъ *общихъ* законовъ исторической эволюціи,—въ разныхъ странахъ можетъ происходить отъ несходныхъ частныхъ условій проявленія этихъ законовъ, и которое можетъ совершенно отсутствовать, то игнорировать конкретный процессъ осуществленія общаго закона (въ данномъ случаѣ превращенія натуральнаго хозяйства въ денежное), пренебрегать тѣми соціальными формами, которыми онъ проявляется въ жизни и которыя такъ или иначе отражаются на благосостояніи цѣлыхъ классовъ и отдѣльныхъ группъ населенія,—значитъ не понимать различія между общимъ и частнымъ, абстрактнымъ и конкретнымъ, между соціологіей и исторіей. Въ нашемъ случаѣ, впрочемъ, указанное явленіе можетъ быть объяснено тѣмъ, что г. Скворцовъ, написавъ три года назадъ большую книгу о вліяніи парового транспорта на сельское хозяйство и представляя себя въ этой книгѣ большимъ новаторомъ, никакъ не можетъ до сихъ поръ освободиться отъ излюбленной и, какъ ему кажется, оригинальной идеи о преобладающемъ вліяніи въ экономической исторіи развитія сѣти желѣзныхъ дорогъ. И вотъ онъ носится съ этою идеей, гдѣ только предположитъ вліяніе указаннаго факто-

[1]) *Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство*

ра—ослѣпляется имъ до забвенія другихъ, болѣе важныхъ условій *данной* эволюціи и, вмѣсто изслѣдованія имъ самимъ поставленнаго вопроса: „какія *силы* и въ какомъ направленіи дѣйствуютъ въ настоящее время опредѣляющимъ образомъ на нашу экономическую жизнь“ (стр. VII), онъ ограничивается изученіемъ одного *условія* эволюціи въ новѣйшее время—развитія рельсовыхъ путей сообщенія.

И такъ, по ученію одного изъ марксистовъ новѣйшей формаціи, съ научной точки зрѣнія вполнѣ законно, при изслѣдованіи вопроса о благосостояніи населенія и положеніи крестьянскаго хозяйства въ цивилизованной странѣ на исходѣ XIX вѣка, игнорировать соціальную форму промышленной организаціи, именуемую капиталистической. Какъ же въ такомъ случаѣ объясняетъ печальные результаты русской экономической исторіи этотъ представитель одной изъ разновидностей россійскаго марксизма (бѣдный Марксъ, если бы онъ только зналъ, что дѣлается у насъ во имя его!)?

II.

Мы остановились на томъ моментѣ экономической эволюціи Россіи, когда, подъ вліяніемъ открывшагося рынка, нераціональное, по опредѣленію г. Скворцова, натуральное земледѣльческое хозяйство превращается въ раціональное, мѣновое, т.-е. такое, при которомъ воздѣлыванію подлежатъ растенія, всего лучше отвѣчающія мѣстнымъ условіямъ. „Первымъ слѣдствіемъ происходящихъ измѣненій является крайнее однообразіе земледѣльческаго производства. Желая производить только тѣ продукты, которые находятъ наиболѣе легкій сбытъ на рынкѣ, и культивировать только тѣ растенія, которыя доставляютъ наибольшее количество наиболѣе цѣннаго рыночнаго товара, земледѣлецъ, въ концѣ-концовъ, сосредоточиваетъ свое вниманіе на небольшой группѣ растеній, требованія которыхъ, по имѣющимся опытнымъ даннымъ, въ наибольшей степени отвѣчаютъ мѣстнымъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ“ (стр. 44). Читатель понимаетъ, что въ этомъ выражается высшая степень развитія мѣнового хозяйства, и если экономическій прогрессъ заключается въ „необходимомъ“

подчиненіи всего хозяйственнаго строя законамъ мѣнового хозяйства, которые „направляютъ экономическую жизнь по данному пути со стихійною силой“, если „задача экономической политики состоитъ не въ томъ, чтобы бороться, съ этою стихіей“, ибо „такая борьба была бы только безплодною растратой общественной силы и не привела бы къ цѣли“; если, „наоборотъ, экономическая политика должна стремиться облегчить достиженіе тѣхъ результатовъ, которые должны явиться необходимымъ послѣдствіемъ воздѣйствія факторовъ, направляющихъ экономическую жизнь“ (стр. VI),—словомъ, если переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному „является неизбѣжнымъ результатомъ экономическаго развитія и не можетъ быть *остановленъ* и тѣмъ болѣе, конечно, возвращенъ вспять, прибавимъ мы отъ себя) никакими искусственными мѣрами, сколько бы ни плакали гг. народники о разрушеніи устоевъ народной жизни“, то ясно что идеаломъ, къ которому неуклонно стремится наше хозяйство, является производство одного растенія наилучше отвѣчающаго требованіямъ почвы и климата,—осуществленіе высшаго принципа мѣнового хозяйства: продавай все что производишь, и покупай все, что потребляешь. Этотъ идеалъ уже почти осуществленъ въ западныхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго Союза и въ большинствѣ нашихъ степныхъ хозяйствъ, которыя „не малое время производили исключительно пшеницу“ (стр. 44). Фермеры запада Америки настолько полно осуществили „необходимый“ законъ экономической эволюціи, что они продаютъ даже тѣ продукты хозяйства, которые имъ самимъ необходимы, и затѣмъ покупаютъ ихъ переработанными въ другую форму. „Фермеръ продаетъ свой скотъ и покупаетъ свѣжее мясо или солонину, онъ продаетъ своихъ свиней и покупаетъ ветчину и свинину, онъ продаетъ свои овощи и фрукты и покупаетъ ихъ обратно въ видѣ консервовъ“.

Г. Скворцовъ утверждаетъ, что безпрепятственное развитіе разсматриваемаго процесса грозитъ полнымъ разрушеніемъ устоевъ народной жизни, „сколько бы ни плакали“ о томъ „гг. народники“. Къ счастью для устоевъ, къ плакальщикамъ присоединился самъ г. Скворцовъ, и своя рука владыка, „необходимый“, „направляющій наше экономическое развитіе процессъ“, „не могущій быть остановленъ никакими искусственными мѣрами“, не

только былъ остановленъ въ его побѣдоносномъ шествіи, но и со стыдомъ обращенъ вспять. Произошло это очень просто, такъ просто, что является непонятнымъ, какъ это гг. народники могли плакать о разрушеніи народныхъ устоевъ (если только таковое есть результатъ простого, не осложненнаго неудобными соціальными формами процесса развитія денежнаго хозяйства) и не догадались, что развитіе мѣновыхъ отношеній не есть единственный направляющій факторъ экономической эволюціи, что онъ комбинируется съ другими вліяніями, способенъ подчиняться очень многимъ силамъ, дѣйствующимъ вмѣстѣ съ нимъ или появившимся впослѣдствіи, и что если одинъ изъ такихъ, болѣе его могущественныхъ, факторовъ, наприм., хотя бы законъ экономической выгоды, лежащій въ основѣ самого мѣнового хозяйства, потребуетъ, то мѣновое хозяйство, достигнувъ извѣстной ступени развитія, можетъ подвергнуться обратной метаморфозѣ, и весь строй приблизится къ той ступени, отъ которой онъ нѣкогда отдалился. Впрочемъ, можетъ быть, гг. народники и не настолько невѣжественны, чтобы не знать только-что высказаннаго элементарнаго положенія экономической науки, и такъ неожиданно явившееся имъ утѣшеніе со стороны профессора Скворцова не произведетъ на нихъ особенно освѣжающаго впечатлѣнія! Какъ бы то ни было, а только нашъ авторъ не доволенъ „стихійною“ прямолинейностью процесса развитія мѣнового хозяйства и совершенно резонно рекомендуетъ обращеніе къ „искусственнымъ“ мѣрамъ для обузданія неразумной стихіи.

Дѣло въ томъ, что вызываемая процессомъ развитія мѣнового хозяйства односторонность земледѣльческаго производства „является крайне пагубной для хозяйства“. Пагуба этой односторонности зависитъ отъ двухъ условій: во-первыхъ, неурожай, если таковой случится, при однообразіи культуръ, отражается слишкомъ тягостно на доходахъ хозяина, тѣмъ болѣе, что, во-вторыхъ, постоянство цѣнъ на земледѣльческіе продукты—результатъ обусловленной развитіемъ удобныхъ путей сообщенія возможности быстро передвигать грузы изъ одной мѣстности въ другую—не дозволяетъ нѣсколько пополнить потери въ количествѣ производимаго продукта возвышеніемъ цѣны на полученную массу послѣдняго. „Такъ какъ постоянство цѣнъ является не-

обходимымъ слѣдствіемъ улучшенія транспортныхъ условій и устранить этотъ факторъ хозяинъ не въ силахъ, то ему остается только приспособить хозяйство такимъ образомъ, чтобъ это обстоятельство, по возможности, меньше вредило ему". А для достиженія этого результата надлежитъ увеличить разнообразіе въ производимыхъ продуктахъ (стр. 48). Высказавъ такое требованіе, г. Скворцовъ вспомнилъ, что оно какъ будто противорѣчитъ тому началу раціональности, какое онъ недавно считалъ присущимъ мѣновому хозяйству сравнительно съ натуральнымъ, потому что при введеніи нѣсколькихъ культуръ, вмѣсто одной, лучше всего отвѣчающей мѣстнымъ условіямъ, придется растеніе, наиболѣе подходящее для данной почвы, замѣнять такими, которыя менѣе ей соотвѣтствуютъ. Не желая лишать мѣнового хозяйства ореола раціональности, г. Скворцовъ рѣшился упразднить то понятіе раціональности, какое имъ самимъ дано раньше и которое такъ фатально для производителя эксплуатируется стихійнымъ процессомъ эволюціи мѣнового хозяйства, и даетъ новое содержаніе этому понятію, примѣнимое къ новой фазѣ экономическаго развитія общества. „Дѣло въ томъ,—говоритъ онъ,—что вышеприведенное требованіе технической раціональности должно уступить требованіямъ раціональности экономической. Это значитъ: можно и должно культивировать такія растенія, которыя хорошо мирятся съ условіями почвы и климата данной страны, но только до тѣхъ поръ и въ томъ размѣрѣ, пока и поскольку это выгодно. Поэтому, земледѣлецъ хозяйничалъ экономически-раціонально, когда при затруднительности транспорта онъ производилъ, прежде всего, все необходимое для *удовлетворенія собственныхъ потребностей*... Точно также экономически-раціонально поступитъ онъ, когда, съ улучшеніемъ условій сношеній и переходомъ къ денежному хозяйству, введетъ въ культуру растенія, *хотя и не вполнѣ отвѣчающія естественнымъ условіямъ* его хозяйства, но дающія продуктъ, находящій себѣ при новыхъ условіяхъ обезпеченный сбытъ и уравновѣшивающій его доходъ въ различные годы" (стр. 50).

И такъ, если есть раціональность техническая и раціональность экономическая, и первая, при здравомъ умѣ и памяти хозяина, должна подчиняться второй; если натуральное хозяйство

нарушаетъ требованія раціональности технической, но за то удовлетворяетъ положеніямъ раціональности экономической, а стихійное развитіе мѣнового хозяйства ведетъ къ явленію обратному: подчиненію начала экономической раціональности принципу раціональности технической, что имѣетъ слѣдствіемъ такія неудобства новой формы хозяйства, которыя ведутъ къ необходимости путемъ сознательнаго воздѣйствія на процессъ возстановить престижъ раціональности экономической,—словомъ, если натуральное земледѣліе всегда экономически-раціонально, а мѣновое хозяйство должно быть насильственно введено въ рамки этой раціональности, составляющей верховный принципъ экономической дѣятельности человѣка, то спрашивается, для какой цѣли, кромѣ приниженія натуральнаго хозяйства передъ мѣновымъ, понадобилось нашему автору раньше толковать о томъ, что „натуральное хозяйство есть всегда нераціональное земледѣльческое хозяйство“, что возможность удовлетворенія требованія раціональности дается лишь съ развитіемъ денежнаго хозяйства и т. п.?

И такъ, односторонность мѣнового земледѣльческаго производства должна быть упразднена по соображеніямъ экономическимъ. Хотя эта односторонность явилась результатомъ вліянія факторовъ, „направляющихъ экономическую жизнь по данному пути со стихійною силой“, и хотя задача экономической политики состоитъ, по мнѣнію автора, „не въ томъ, чтобы бороться съ этою стихіей“, тѣмъ не менѣе, онъ предлагаетъ именно вступить въ борьбу съ агрикультурными послѣдствіями стихійно развившагося явленія. Посмотримъ теперь, насколько авторъ удержится на точкѣ зрѣнія неустранимости стихійно дѣйствующихъ общественныхъ признаковъ мѣнового хозяйства; не признаетъ-ли онъ необходимымъ вмѣстѣ съ агрикультурною стороной новѣйшаго хозяйства подвергнуть сознательному регулированію и общественную его сторону, не откажется ли отъ положенія, что экономическая политика должна имѣть цѣлью только содѣйствіе „устраненію извѣстныхъ обстоятельствъ, мѣшающихъ нормальному (т.-е. стихійному?) ходу эволюціи формъ хозяйства“ и „уменьшенію количества страданій и жертвъ, необходимо сопровождающихъ всякій крупный шагъ въ экономической эволюціи“ (стр. VII)?

Мы знаемъ, что задачей нашего автора является изученіе

причинъ совершающейся экономической эволюціи Россіи и тѣхъ силъ (равно какъ и ихъ направленія), которыя дѣйствуютъ въ настоящее время опредѣляющимъ образомъ на нашу экономическую жизнь. Причину эволюціи онъ видитъ въ развитіи желѣзныхъ дорогъ, вмѣстѣ съ пароходами связавшихъ весь цивилизованный міръ въ непрерывную линію парового транспорта и этимъ обратившихъ его въ одинъ, всемірный товарный рынокъ. Направляющая сила заключается въ требованіи рынка, опредѣляющаго, кто долженъ производить и продавать такой-то товаръ, кто иной. Именно, повинуясь велѣнію этой силы, наше земледѣліе приняло „крайне пагубное для хозяйства“ одностороннее направленіе, побудившее г. Скворцова рекомендовать измѣненіе дѣйствующей системы земледѣлія на другую, плодосмѣнную. По основной мысли автора—о невозможности направленія экономической жизни общества по произволу (стр. VI), слѣдовало бы ожидать, что, поставивши экономической политикѣ страны задачу, диктуемую разумомъ, онъ обратится къ „направляющей силѣ“ съ запросомъ о томъ, дозволитъ-ли она разрѣшить эту задачу и какими именно конкретными средствами. Но объ этой-то силѣ авторъ и не подумалъ и, вмѣсто нея, самъ продиктовалъ разрѣшеніе задачи, въ которомъ вліяніе „направляющей“ силы частью игнорируется, частью совершенно упраздняется. Мы знаемъ, что рынокъ представляетъ спросъ преимущественно на зерно, и это-то властное его требованіе и опредѣлило одностороннее направленіе современной земледѣльческой культуры Россіи и Америки; господинъ же Скворцовъ предлагаетъ рынку, вмѣсто зерна, принимать корнеплоды, мясо и масло. Именно, при той системѣ плодосмѣна, какая предлагается авторомъ для крестьянскаго хозяйства черноземной полосы, которое въ настоящее время „только продажей зерна и можетъ добыть столько денегъ, сколько крестьянинъ долженъ заплатить въ видѣ податей и сборовъ“ (стр. 60)—хозяинъ „почти не отчуждалъ бы зерна... Главными же продуктами, доставляемыми имъ на рынокъ, будутъ корнеплоды и продукты скотоводства: масло, мясо свиное и баранье или живыя животныя“ (стр. 59). Къ вопросу о рынкѣ авторъ обратился лишь послѣ того, какъ ему было сдѣлано возраженіе, что предлагаемая имъ высота интензивности сѣвооборота не соотвѣтствуетъ

нашимъ условіямъ. Такое возраженіе,—отвѣчаетъ онъ,—имѣло бы значеніе въ прежнее время, когда при дурныхъ путяхъ сообщенія хозяинъ долженъ былъ работать, главнымъ образомъ, для мѣстнаго рынка. Теперь же, „при условіи легкости сношеній, даваемой развитіемъ путей сообщенія, избытки (сверхъ потребности мѣстнаго рынка) всегда, можно сказать, найдутъ сбытъ, лишь бы продуктъ былъ дешевъ. Дешевизна же продукта обусловливается, на первомъ мѣстѣ, раціональностью производства, т.-е. соотвѣтствіемъ его мѣстнымъ условіямъ, главнымъ образомъ, климату“ (стр. 63). Такой отвѣтъ на вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли въ задачахъ хозяйства принимать въ разсчетъ требованія рынка,—этой, по мнѣнію автора, главнѣйшей экономической силы новѣйшаго времени,—равносиленъ отрицанію его, въ какой бы то ни было мѣрѣ, направляющаго значенія. Находя, съ своей стороны, что рынокъ является одной изъ дѣйствительно направляющихъ экономическое развитіе силъ и что его велѣнія обязательны для хозяина,—по крайней мѣрѣ, въ той мѣрѣ, въ какой онъ работаетъ для продажи, — мы не можемъ отнестись равнодушно къ обнаруженному авторомъ небреженію разсматриваемаго фактора эволюціи и постараемся за него выяснить вопросъ о томъ, допускаетъ-ли рынокъ то рѣшеніе сельскохозяйственной задачи современнаго момента, какое предложено выше.

Введеніе предлагаемаго г. Скворцовымъ интензивнаго сѣвооборота будетъ имѣть слѣдствіемъ не замѣну производства зерна другими продуктами, а присоединеніе къ тому количеству зерна, какое земледѣлецъ добываетъ въ настоящее время, извѣстнаго количества корнеплодовъ, масла, мяса и т. п. (смотри разсчетъ на стр. 18—20 и 53—4). Поэтому затрудненія, испытываемыя въ настоящее время міровымъ хозяйствомъ вслѣдствіе переполненія рынка его продуктами (и не однимъ только зерномъ, а и другими предметами) послѣ предложеннаго преобразованія усугубятся, цѣны на сельскохозяйственные предметы падутъ еще больше, положеніе производителей сдѣлается болѣе тяжелымъ. Иначе говоря, коль скоро, въ дополненіе къ произведенному нынѣ русскимъ земледѣльцемъ зерну, на рынокъ поступитъ такая масса другихъ продуктовъ земледѣлія, какую можетъ выкинуть, при введеніи интензивнаго хозяйства, стомилліонная земледѣльческая

страна, если при этомъ доступъ этой массѣ на всемірный рынокъ не будетъ закрытъ искусственно,—то міровое хозяйство ожидаетъ неминуемый кризисъ. А такъ какъ поступленіе такой массы на рынокъ не можетъ быть сдѣлано внезапно, т.-е. угнетающее вліяніе русскихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ на цѣны будетъ обнаруживаться постепенно, по мѣрѣ интензированія нашего земледѣлія, а пониженныя цѣны затруднятъ и начавшееся преобразованіе хозяйства, то естественно сдѣлать заключеніе, что, при исключительной зависимости отъ рынка или, что то же, беря за основаніе реформы принципъ мѣнового хозяйства,—проектъ т. Скворцова, какъ общая, а не исключительная мѣра, не получитъ осуществленія. Если отложить въ сторону утопическое предположеніе о томъ, что масло, мясо, корнеплоды и т. п. мы будемъ производить дешевле нашихъ соперниковъ и вытѣснимъ ихъ съ межнароднаго рынка, и признать за болѣе вѣроятное, что, какъ и въ производствѣ зерна, мы будемъ въ этомъ отношеніи стоять позади Америки, Австраліи и тѣмъ болѣе тѣхъ новыхъ странъ экстензивнаго хозяйства, которыя постепенно колонизуются европейцами, — въ такомъ случаѣ экономическимъ основаніемъ преобразованія нашего хозяйства не можетъ служить обмѣнъ его продуктами на мировомъ рынкѣ, и остается надежда на то, что этимъ основаніемъ будетъ внутренній рынокъ, который, въ случаѣ надобности, мы можемъ защитить отъ иностранной конкурренціи покровительственными и защитительными пошлинами. Но что представляетъ изъ себя внутренній рынокъ для продуктовъ сельскаго хозяйства? „Наше городское населеніе,—отвѣчаетъ за насъ г. Скворцовъ,—составляетъ, насколько извѣстно, не болѣе 20% всѣхъ жителей и, говоря вообще, въ массѣ оно столь же бѣдно, какъ и крестьянство“ (стр. 9). Правда, авторъ считаетъ полезнымъ, чтобы процентъ горожанъ въ Россіи повысился до 35% населенія, какъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, и для достиженія этого результата онъ не прочь отъ обезземеленія „нѣкоторой части крестьянскаго населенія“, такъ какъ нельзя доказать, „что безземелье само по себѣ представляетъ зло, наличность котораго не покрывается выгодами лучшей земельной культуры“ (стр. 115). Обезземеленіе „нѣкоторой части“ крестьянъ можетъ и не быть зломъ, если, вмѣсто земли, без-

земельные получатъ новое орудіе производства, хотя бы это послѣднее принадлежало другому человѣку. Такъ какъ г. Скворцовъ, съ своей стороны, не показываетъ существованія такого орудія, довольствуясь отсутствіемъ доказательствъ противнаго у тѣхъ лицъ, которыхъ ему благоугодно было на сей разъ избрать въ свои оппоненты, то намъ опять приходится замѣнить автора и поискать источника заработка для обезземеливающагося населенія (которое, кстати сказать, г. Скворцовъ устраиваетъ опять на землѣ же) въ условіяхъ имъ самимъ поставленной задачи. Здѣсь мы подходимъ къ самой интересной, чтобы не сказать—курьезной, части экономической системы автора.

Говоря о современныхъ порядкахъ общиннаго землевладѣнія, г. Скворцовъ характеризуетъ ихъ, какъ систему „равненія съ приведеніемъ всѣхъ къ нищенству“ (стр. 115). Въ этомъ авторъ, можетъ быть, и правъ; но если средній доходъ русскаго крестьянина есть доходъ нищаго, а та огромная масса населенія, которая стоитъ ниже средняго уровня, обречена на положеніе хуже нищенскаго, то вина этого падаетъ не на равненіе, а на тѣ условія, которыя задерживаютъ развитіе производительности народнаго труда и экономическаго распоряженія получаемымъ крестьяниномъ валовымъ доходомъ. Поэтому-то лица, стоящія за сохраненіе „равненія“, какъ одного изъ цѣнныхъ «устоевъ народной жизни», и которымъ ученый профессоръ считаетъ нужнымъ придать титулъ „такъ называемые“,—какъ бы извиняясь въ томъ, что онъ допускаетъ на страницы своей книги терминъ „народники“, или въ томъ, что роняетъ выражаемую этимъ терминомъ идею, соединяя съ нимъ такихъ безшабашныхъ людей,—эти лица, не довольствуясь господствомъ у насъ общинной формы землевладѣнія, настаиваютъ на рядѣ такихъ реформъ, которыя подымали бы средняго русскаго крестьянина изъ его теперешняго состоянія. Въ числѣ этихъ реформъ находятся и считаемыя авторомъ недостаточными или „опасными“: преобразованіе податной системы, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія (но не при помощи коммерческаго кредита, каковое средство разсматривается г. Скворцовымъ, а настоящимъ государственнымъ путемъ) и организація переселенія крестьянъ. Но рядомъ съ этими мѣрами „такъ называемые“ считаютъ необходимымъ радикальное измѣненіе нашей экономической

политики въ такомъ направленіи, которое способствовало бы, во-первыхъ, поднятію производительности текущаго народнаго труда и, во-вторыхъ, производительной организаціи потенціальнаго народнаго труда, нынѣ растрачиваемаго населеніемъ, благодаря разрушенію національной промышленности. При этомъ „такъ называемые", въ качествѣ членовъ русскаго общества, по утвержденію г. Скворцова, не имѣющаго „яснаго представленія о причинахъ совершающейся эволюціи" (ст. VII), не считаютъ нужнымъ преклоняться передъ какими-либо конкретными экономическими фетишами, но за то признаютъ для себя обязательнымъ слѣдовать элементарнымъ, т.-е. наиболѣе общимъ, экономическимъ законамъ.

Профессоръ Скворцовъ считаетъ себя компетентнымъ: 1) въ качествѣ апробованнаго ученаго разъяснять обществу то, чего оно не понимаетъ, 2) въ качествѣ именно А. И. Скворцова преподать поученіе и другимъ патентованнымъ ученымъ, которые не съумѣли внести въ общество правильнаго понятія о текущей жизни, 3) въ качествѣ недодѣланнаго марксиста—удобно приспособиться между двухъ стульевъ, т.-е. не доводить ни одного экономическаго закона ни до его основныхъ посылокъ, ни до его послѣднихъ результатовъ, а отмахиваться отъ тѣхъ и другихъ нѣкоторыми частными формулами, выражающими дѣйствіе общихъ законовъ въ данной исторической обстановкѣ. По мнѣнію г. Скворцова, „бѣда именно въ томъ, что изыскиваютъ причину частнаго факта, *обѣдненія* русскаго населенія, вмѣсто того, чтобы искать общей причины совершающейся экономической эволюціи" (стр. 2). Поищемъ же, гдѣ причины совершающейся экономической эволюціи и въ чемъ заключается сама эта эволюція?

III.

Насколько можно понять автора, современная экономическая эволюція есть развитіе мѣнового хозяйства, а причина ея—господство парового транспорта. Дальше этого экономическій анализъ г. Скворцова не идетъ, что даетъ намъ право заключить, что или развитіе парового транспорта считается авторомъ результатовъ дѣйствія причинъ не экономическихъ, подлежащихъ вѣдѣнію иныхъ научныхъ дисциплинъ, или, что паровой транспортъ

явился результатомъ экономическихъ обстоятельствъ далекаго прошлаго, не существующихъ въ настоящемъ и потому подлежащихъ изслѣдованію экономической исторіи, тогда какъ г. Скворцовъ занимается настоящимъ, а не прошедшимъ. Послѣднее мнѣніе, однако, отвергается авторомъ, разъясняющимъ, что преобладающее значеніе въ міровой исторіи паровой транспортъ получилъ лишь въ самое новѣйшее время. Приходится поэтому допустить, что остановка анализа причинъ современной экономической эволюціи у границъ желѣзнодорожной сѣти была слѣдствіемъ мнѣнія г. Скворцова, что развитіе этой сѣти не входитъ въ область явленій экономическихъ, что оно подлежитъ вѣдѣнію, наприм., инженернаго искусства. Но, можетъ быть, дѣло обстоитъ и не такъ. Можетъ быть, скромность автора въ отношеніи глубины и широты изслѣдованія современнаго экономическаго быта объясняется его нежеланіемъ сѣсть на одинъ, опредѣленный стулъ. Можетъ быть, онъ чувствуетъ, что, поставивъ вопросъ объ экономическихъ причинахъ господства парового транспорта, нельзя будетъ обойти историческую форму мѣнового хозяйства, форму капиталистическую, а разъ только вспомнишь объ этомъ козлѣ, то хотя и сдѣлается понятнымъ исчезновеніе овощей въ огородѣ народнаго хозяйства, но за то утратится безобидность объясненія „причинъ совершающейся эволюціи“. Можетъ быть, въ виду указанныхъ, инстинктивно двигающихъ имъ мотивовъ, авторъ предпочелъ остановиться на срединѣ изслѣдованія и, вмѣсто обѣщаннаго указанія „силъ, дѣйствующихъ опредѣляющимъ образомъ на нашу экономическую жизнь“, включилъ все въ формулу, выражающую не параллелограмъ экономическихъ силъ и не причину, а самый процессъ эволюціи, и обратилъ эту подчиненную высшей силѣ формулу мѣнового хозяйства въ кумиръ, ему же поклонишася.

Но наука не оставляетъ безнаказанными такія произвольныя, тенденціозныя извращенія методовъ ея изслѣдованія и устанавливаемыхъ ею законовъ, и она вдвойнѣ покарала г. Скворцова, заставивъ его сжечь то, чему онъ поклонился, и поклониться тому, что онъ сожигалъ.

Мы видѣли, какъ онъ возмущается противъ передѣловъ земли за приведеніе всѣхъ крестьянъ къ равенству нищихъ, и знаемъ, что, по системѣ воззрѣній сторонниковъ общины, за нищенскимъ

состояніемъ населенія долженъ слѣдовать равномѣрный и непрерывный подъемъ его благосостоянія. Система же воззрѣній г. Скворцова возводитъ нищенское состояніе народа въ идеалъ, закрѣпляетъ его „стихійными“ законами мѣнового хозяйства.

На страницахъ 18—20 своего труда г. Скворцовъ дѣлаетъ разсчетъ дохода средняго крестьянскаго хозяйства черноземной полосы при существующей системѣ земледѣлія, каковой доходъ позволяетъ хозяину кое-какъ поддерживать свое существованіе и продавать продуктовъ на 38 р., изъ коихъ 25 руб. уходятъ на подати, а 13 руб. остаются на покупные предметы потребленія. Сдѣлавъ этотъ разсчетъ, авторъ прибавляетъ, что „здѣсь никакъ нельзя обойтись безъ посторонняго заработка, а таковой долженъ быть мѣстный“, т.-е. обработка помѣщичьей земли за плату или путемъ ея аренды, а также кустарные промыслы, эпоха процвѣтанія которыхъ, по мнѣнію автора, проходитъ, „ибо только весьма немногія мастерства, не допускающія сколько-нибудь значительнаго примѣненія машинъ, могутъ еще держаться въ конкурренціи съ фабричнымъ производствомъ“ (стр. 21). Какъ бы то ни было, но пока держатся подсобные при земледѣліи промыслы, взятый авторомъ для разсчета крестьянинъ, въ дополненіе къ доходу отъ хозяйства на своемъ надѣлѣ, имѣетъ сторонній заработокъ въ нѣсколько десяткокъ рублей, который мы, ради приведенія крестьянина къ нищенскому состоянію, примемъ тоже въ 13 р., такъ что его запросъ къ рынку будетъ измѣряться суммою въ 26 р.

Начиная передѣлывать нашъ промышленный строй по правиламъ мѣнового хозяйства, требующаго, какъ извѣстно, спеціализаціи занятій, и превращая наше трехполье въ плодосмѣнъ, г. Скворцовъ вычисляетъ (стр. 53—4), что, за удовлетвореніемъ своей потребности въ пропитаніи, у того же средняго крестьянина останется для продажи продуктовъ на 51 руб., а за вычетомъ изъ нихъ 25 р., отходящихъ въ казну, и 5 р. на покупку семянъ клевера, онъ будетъ имѣть для пріобрѣтенія всѣхъ другихъ предметовъ матеріальнаго потребленія и духовной культуры 21 рубль серебромъ или, при принимаемомъ авторомъ составѣ его семьи въ 6 человѣкъ, 3 р. 50 к. на человѣка. „И такъ, взявши минимальные урожаи,—побѣдоносно восклицаетъ г. Скворцовъ,—мы приходимъ къ выводу, что владѣлецъ шести десятинъ, при

нашемъ сѣвооборотѣ, можетъ быть *настоящимъ хозяиномъ* и почти *не нуждаться* въ постороннемъ заработкѣ, а по скольку онъ будетъ имѣть его, онъ можетъ вводить улучшенія въ свое хозяйство и сдѣлать нѣкоторый запасъ про черный день неурожая". Такимъ образомъ, посторонній заработокъ,—по мнѣнію г. Скворцова относительно смысла мѣнового хозяйства, могущій быть только явленіемъ случайнымъ, — будетъ достаточенъ лишь для нѣкоторыхъ измѣненій въ хозяйствѣ; нормальнымъ же, такъ сказать, потребительнымъ доходомъ крестьянина, выдаваемымъ ему мѣновымъ строемъ общества, будетъ 3 р. 50 к., т.-е. сумма, меньшая той, которую онъ тратитъ на пріобрѣтеніе рыночныхъ предметовъ потребленія въ настоящее время. (26 р.) когда онъ, по мнѣнію автора, влачитъ жалкое существованіе нищаго. И такъ, ради кумира мѣнового хозяйства, требующаго, чтобы русскій мелкій земледѣлецъ лучше оставался въ полуголодномъ, можно сказать, въ полудикомъ состояніи, нежели посвящалъ свободное отъ сельскохозяйственныхъ занятій полугодіе производству предметовъ своего непосредственнаго потребленія, т.-е. расширилъ границы примѣненія натуральнаго хозяйства,—г. Скворцовъ преклонился передъ нищенствомъ, возвелъ печальный фактъ отсталости настоящей русской культуры въ вѣнецъ будущаго культурнаго развитія Россіи, когда плодосмѣнная система зацвѣтетъ на всемъ пространствѣ необъятной Русской земли! Поклонившись въ честь мѣнового хозяйства тому нищенству, которое онъ раньше сожигалъ, г. Скворцовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, поджегъ тотъ принципъ мѣнового хозяйства, которому такъ беззавѣтно поклонился. Именно, вся его система плодосмѣна, рекомендуемая русскому крестьянскому хозяйству, на самомъ дѣлѣ основана не на расширеніи, а на съуженіи поля примѣненія принципа мѣнового строя. Въ самомъ дѣлѣ, хотя реформированное хозяйство дастъ крестьянину денежнаго дохода на 13 р. больше, нежели дореформенное, но такъ какъ при этомъ послѣднемъ хозяйствѣ крестьянинъ имѣетъ еще сторонній заработокъ не менѣе, какъ въ 13 руб., то его требованія къ рынку, т.-е. дань, платимая имъ принципу мѣнового хозяйства, сохраняетъ въ обоихъ случаяхъ одинаковые абсолютные размѣры. Что же касается отношенія ко всему доходу, то реформированное хозяйство стоитъ на низшей ступени развитія мѣнового строя, не-

жели дореформенное, такъ какъ сумма производимыхъ имъ предметовъ, потребляемыхъ семьей самого производителя, уже въ силу разнообразія добываемыхъ предметовъ, увеличивается; въ частности укажемъ на потребленіе сала, которое, при настоящемъ состояніи крестьянскаго хозяйства, земледѣлецъ долженъ пріобрѣсти на рынкѣ на сумму около 18 р., а послѣ его реформированія будетъ производить самъ.

Если помнитъ читатель, мы остановились на выясненіи вопроса о томъ, дозволитъ-ли рынокъ произвести то преобразованіе русскаго земледѣлія по правиламъ плодосмѣна, какое во имя законовъ развитія мѣнового строя считается необходимымъ г. Скворцовымъ, и пришли къ заключенію, что такое преобразованіе на всей территоріи русской страны требуетъ созданія внутренняго рынка для продуктовъ значительно усиленной введеніемъ интензивныхъ системъ производительности земли. Мы знаемъ и то, что искомый рынокъ, по правиламъ пропагандируемаго авторомъ мѣнового строя, можетъ быть данъ только населеніемъ неземледѣльческимъ и что для увеличенія этого класса г. Скворцовъ считаетъ полезнымъ обезземелить приблизительно около четвертой части теперешнихъ хлѣбопашцевъ, и мы взяли на себя неблагодарную задачу поискать въ системѣ г. Скворцова занятій для этой безземельной массы народа. Прослѣдивши же проповѣдываемую авторомъ систему промышленной переорганизаціи нашей страны, мы убѣдились въ томъ, что, во-первыхъ, эта система построена на расширеніи поля примѣненія натуральнаго хозяйства, какъ извѣстно, сокращающаго потребность въ рынкѣ; во-вторыхъ, что преобразованное крестьянское хозяйство предъявитъ запросъ на продукты обработывающей промышленности въ размѣрѣ 3 р. 50 к. въ годъ на одну крестьянскую душу. Изъ любезности къ автору, утроимъ это требованіе и, все-таки, окажется, что 60-ти-милліонное земледѣльческое населеніе Россіи образуетъ рынокъ для сбыта предметовъ не сельскохозяйственной промышленности размѣрами въ 600 милл. руб., т.-е. почти втрое меньше той суммы, на какую сбываются продукты нашихъ фабрикъ и заводовъ въ настоящее время и при которой городское населеніе составляетъ всего половину того процента, какой считается авторомъ приличнымъ жертвоприношеніемъ его излюбленному кумиру. Какъ видитъ

читатель, экономическая система г. Скворцова, на ряду съ закрѣпленіемъ нищенскаго состоянія—матеріальнаго, а, слѣдовательно, и духовнаго—нашего крестьянства, ведетъ еще къ сокращенію той производительности, какой уже достигла наша страна, т.-е. къ изгнанію населенія изъ городовъ въ деревни и села, къ возстановленію натуральнаго хозяйства, и все это совершается послѣ того, какъ были примѣнены мѣры, имѣющія цѣлью созданіе прямо противуположныхъ порядковъ, т.-е. это происходитъ какъ бы совершенно стихійно. Зная же отъ г. Скворцова, что „задача экономической политики состоитъ не въ томъ, чтобы бороться съ этою стихіей", а въ томъ, чтобы „стремиться облегчить достиженіе тѣхъ результатовъ, которые должны явиться необходимымъ послѣдствіемъ воздѣйствія факторовъ, направляющихъ экономическую жизнь", мы не затруднимся указать задачи здравой экономической политики въ нашей странѣ.

По причинѣ географическаго положенія Россіи, земледѣльческій сезонъ продолжается у насъ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, а для большей половины страны отъ 4 до 6 мѣсяцевъ. Въ силу сказаннаго, огромное большинство нашего рабочаго люда, занятаго въ сельскохозяйственной промышленности, можетъ отдавать земледѣльческимъ работамъ не болѣе 4—6 мѣсяцевъ въ году. А такъ какъ производительность земледѣльческаго труда,—и при настоящемъ состояніи хозяйства въ Россіи, и при той высотѣ, какой оно можетъ достигнуть въ неслишкомъ отдаленномъ будущемъ—не даетъ работающему въ этой области, въ качествѣ наймита или самостоятельнаго хозяина, возможности доходомъ полугодового труда прилично содержать семью въ теченіе цѣлаго года и тѣмъ болѣе доставлять государству средства для удовлетворенія вѣчно растущихъ его потребностей, то представляется необходимость въ томъ, чтобы, на ряду съ земледѣльческимъ занятіемъ, русскій рабочій имѣлъ и промысловое. Этимъ предопредѣляется характеръ промышленной организаціи Россіи, удовлетворяющей естественнымъ условіямъ нашего отечества, т.-е. одному изъ факторовъ, непреодолимо „направляющихъ экономическую жизнь". Организація эта должна удовлетворять требованіе комбинаціи земледѣльческаго и промышленнаго труда, добывающей и обрабатывающей промышленности. А если такъ, если по условіямъ, предъ-

явленнымъ къ нашей исторіи неумолимыми законами природы, русскій земледѣлецъ долженъ быть, въ то же время, и промышленнымъ рабочимъ, т.-е. рѣзкое отдѣленіе земледѣльческаго труда отъ неземледѣльческаго представляется невозможнымъ, то невозможно и то громадное развитіе городского населенія на счетъ сельскаго, какое составляетъ характерную черту соціальнаго быта Западной Европы.

Но такая организація промышленности, при которой половину года фабрика работаетъ, а половину стоитъ, не позволяетъ производить продуктъ съ наименьшими допускаемыми техническими условіями затратами, почему, при капиталистической организаціи производства, продуктъ такой промышленности не можетъ конкуррировать на отдаленномъ и тѣмъ болѣе на международномъ рынкѣ съ продуктами, доставляемыми другими странами. Что же касается организаціи не-капиталистической, то такая конкурренція вполнѣ возможна, такъ какъ, даже при отсутствіи прибыли въ предпріятіи,— если рыночная цѣна товара даетъ работающему возможность имѣть только обычную или даже хотя бы пониженную заработную плату,—то это уже прямой для него выигрышъ, такъ какъ, не участвуя въ этой работѣ, онъ долженъ бы былъ провести зимнее полугодіе въ бездѣйствіи, т.-е. долженъ былъ бы довольствоваться доходомъ, полученнымъ отъ земледѣлія. Такимъ образомъ опредѣляется вторая черта организаціи русской промышленности, предписываемая ей другимъ факторомъ, „направляющимъ экономическую жизнь“,—закономъ мѣнового хозяйства: въ нашей экономической организаціи весьма видную роль должны играть предпріятія, не гонящіяся за прибылью во что бы то ни стало,—предпріятія общественнаго характера (государственные, земскіе заводы и фабрики) и артельнаго.

Мы видѣли выше, что современное положеніе русской земледѣльческой промышленности, продиктованное развитіемъ мѣнового хозяйства и нашею техническою отсталостью, крайне невыгодно для производителя, и что одною изъ ближайшихъ задачъ русской экономической жизни является задача преобразованія сельскаго хозяйства въ направленіи увеличенія массы и разнообразія производимыхъ предметовъ. При исключительной или преимущественной работѣ на рынокъ, это преобразованіе крайне затруд-

няется или растягивается на весьма продолжительный періодъ времени, такъ какъ при этомъ требуется сокращеніе производства тѣхъ предметовъ, на которые существуетъ спросъ на рынкѣ (что и опредѣлило настоящій характеръ хозяйства), и расширеніе культуръ, имѣющихъ пока ограниченный сбытъ. Иначе говоря, подобное преобразованіе хозяйства большой территоріи требуетъ измѣненія въ потребленіи цивилизованнаго міра (современное мѣновое хозяйство работаетъ на международный рынокъ), каковое измѣненіе совершается крайне медленно и мало зависитъ отъ сельскохозяйственныхъ условій и задачъ, возникающихъ въ какой-либо отдѣльной странѣ. Напротивъ того, напряженность конкурренціи заставляетъ страны-производительницы земледѣльческихъ продуктовъ принимать всевозможныя мѣры для согласованія интересовъ своего хозяйства съ требованіями мірового потребленія, и та страна побѣдитъ въ борьбѣ за рынокъ,—иначе говоря, примиритъ требованія раціональности земледѣлія и мѣнового хозяйства,—которая построитъ преобразованіе своего земледѣлія на запросѣ рынка или съумѣетъ измѣнить мировое потребленіе сообразно требованіямъ своего хозяйства. Россія не представляется такою искусною промышленною страной, отъ которой можно было бы ожидать нужныхъ для нея воздѣйствій на мировое потребленіе, поэтому осторожнѣе будетъ сдѣлать заключеніе, что, при живомъ участіи въ международной торговлѣ продуктами земледѣльческой промышленности, наша страна будетъ испытывать огромныя затрудненія въ дѣлѣ предстоящаго преобразованія хозяйства по правиламъ агрономическаго искусства.

Такія затрудненія испытывала бы наша страна въ случаѣ, если бы господствующимъ типомъ ея хозяйства было капиталистическое, работающее исключительно для сбыта. Иначе складываются условія хозяйства при мелкой организаціи землепользованія. Въ этомъ случаѣ главнѣйшимъ рынкомъ для сбыта продуктовъ земледѣлія служитъ семья самого земледѣльца, отъ которой зависитъ измѣнить свое потребленіе сообразно требованіямъ хозяйства, тѣмъ болѣе, что это измѣненіе есть измѣненіе къ лучшему: переходъ отъ однообразія питанія къ разнообразію, отъ недостаточнаго потребленія къ достаточному. Такимъ образомъ, распространеніе самостоятельнаго народнаго земледѣлія, а не предпринима-

тельскаго—таково новое требованіе, предъявляемое нашей промышленной организаціи со стороны противорѣчія между закономъ мѣнового хозяйства, настаивающаго, чтобы производитель добывалъ тѣ продукты, какіе спрашиваются потребителями, и требованіями рациональнаго земледѣлія—введенія достаточнаго разнообразія культуръ.

Суммируя все вышеизложенное, мы имѣемъ право сказать, что здравою экономическою политикой въ Россіи, соотвѣтствующею какъ естественнымъ условіямъ нашей страны, такъ и общественной обстановкѣ, созданной новѣйшими условіями мірового хозяйства, будетъ развитіе самостоятельнаго народнаго и общественнаго (не-капиталистическаго) производства на почвѣ единенія земледѣльческаго и промышленнаго труда.

Всякому, однако, понятно, что наканунѣ XX столѣтія нельзя говорить, какъ о желательной. о той технической формѣ народнаго производства, какая выработана предшествующею нашею исторіей, и что одновременно съ заботой о развитіи народной промышленности, какъ таковой, въ число задачъ экономической политики должна входить забота о развитіи кооперативной формы народнаго труда. Смотря съ этой точки зрѣнія на предметъ, слѣдуетъ считать весьма благопріятнымъ условіемъ нашего экономическаго развитія подчиненіе большей части крестьянскаго землевладѣнія общинному началу, какъ потому, что этимъ подчиненіемъ устраняется одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ соединенію мелкихъ участковъ въ одно цѣлое для примѣненія кооперативныхъ формъ производства,—препятствіе, стоящее на пути прогрессивнаго развитія крестьянскаго земледѣлія на западѣ Европы,—такъ и потому, что вызываемое этою формой общеніе односельцевъ по предмету различныхъ хозяйственныхъ дѣлъ пріучаетъ ихъ къ солидарной хозяйственной дѣятельности,—обстоятельство, имѣющее особую важность именно въ Россіи, гдѣ склонность къ свободному образованію болѣе или менѣе прочныхъ союзовъ выражена весьма мало, и самая организація этихъ союзовъ обставлена всевозможными препятствіями.

Даже устраняя точку зрѣнія равномѣрности распредѣленія житейскихъ благъ и оставаясь исключительно на почвѣ возрастанія національнаго богатства, слѣдуетъ, все-таки, сказать, что отно-

ситься равнодушно къ раздробленію чуть-ли не единственной существующей у насъ соціальной формы, воспитывающей населеніе для совмѣстнаго преслѣдованія различныхъ практическихъ цѣлей, можно было бы лишь въ томъ случаѣ, еслибъ обстановка нашего экономическаго развитія благопріятствовала принудительному объединенію раздробленныхъ песчинокъ единаго соціальнаго тѣла въ кооперативныя формы, если бы прогрессивное развитіе нашей промышленности было обезпечено подчиненіемъ ея руководству капитала. Но, какъ мы это только-что видѣли, условія, при которыхъ приходится развиваться Россіи, не благопріятствуютъ организаціи разрозненной дѣятельности ея трудящагося населенія въ формы промышленности, имѣющія общественный характеръ, при посредствѣ предпринимательскаго капитала. А если такъ, то такая организація должна достигаться, во-первыхъ, вполнѣ свободнымъ соединеніемъ отдѣльныхъ мелкихъ производителей; во-вторыхъ, соединеніемъ ихъ при посредствѣ законно-существующихъ общественныхъ учрежденій—общины, земства и т. п. Принимая во вниманіе все вышесказанное,—да и вообще въ виду очевиднаго преимущества соединенной дѣятельности надъ разрозненной и въ виду той опасности, какая грозитъ мелкому изолированному производителю въ борьбѣ за существованіе,—врядъ-ли можно сомнѣваться въ желательности вящаго развитія, а не съуженія хозяйственнаго взаимодѣйствія членовъ общиннаго союза; что же касается вопроса о разрушеніи самого этого союза, то таковой можетъ быть законно поднятъ лишь при вполнѣ доказанной неспособности его отвѣчать на требованія времени, вслѣдствіе чего этотъ союзъ служилъ бы только тормазомъ развитія, которое должно идти путемъ ничѣмъ нестѣсняемой инициативы отдѣльныхъ хозяевъ. Такъ отнесся бы къ вопросу всякій чуткій къ жизненнымъ вліяніямъ человѣкъ, но не такъ отнесся къ нему кабинетный жрецъ мѣнового хозяйства въ его современной исторической формѣ. А. И. Скворцовъ.

IV.

Не знаю, читатель, знакомо-ли вамъ появившееся нѣсколько лѣтъ назадъ произведеніе одного доморощеннаго философа, озаглавленное *Соціализмъ, какъ причина вырожденія крестьян-*

ской лошади? Но если бы такое произведеніе было вамъ и неизвѣстно, это не помѣшало бы вамъ сдѣлать вполнѣ правильное заключеніе, что никакой связи между соціализмомъ и вырожденіемъ крестьянской лошади авторомъ не установлено, и что самое большее, что можно ожидать встрѣтить въ названной брошюркѣ, это—указаніе на фактъ отощанія крестьянскаго скота, съ одной стороны, и на существованіе въ Россіи общинной формы землевладѣнія, выдаваемой за проявленіе соціализма,—съ другой. Авторъ вышеназванной книжки—захолустный русскій помѣщикъ, мало прикосновенный не только къ наукѣ, но и къ простой грамотности, и потому его попытка взвалить на общину всѣ бѣды русской жизни привела лишь къ комической выходкѣ, истинный характеръ которой выдается самимъ заголовкомъ книжки. Но если за развитіе той же основной мысли возьмется ученый мужъ, то онъ можетъ настолько запутать ее всякими хитросплетеніями, что ея основной, комическій тонъ можетъ быть уловленъ лишь послѣ длинной процедуры распутыванія, а если при этомъ, вмѣсто сенсаціоннаго заголовка, вродѣ, наприм., *Община, какъ причина всѣхъ бѣдъ русскаго крестьянства*, авторъ дастъ своему произведенію названіе *Экономическія причины голодовокъ въ Россіи и мѣры къ ихъ устраненію*, то невнимательный читатель потеряетъ всѣ внѣшніе признаки, по которымъ въ новомъ произведеніи онъ могъ бы узнать повтореніе старой идеи о связи соціализма съ вырожденіемъ крестьянской лошади. Такимъ ученымъ, задавшимся цѣлью обосновать идею, предвосхищенную у него смоленскимъ помѣщикомъ, является профессоръ Новоалександрійскаго института А. И. Скворцовъ, а трудомъ, заключающимъ это обоснованіе, разбираемый нами 1-й выпускъ его *Экономическихъ этюдовъ*.

Въ заключеніе этого труда авторъ такъ формулируетъ главнѣйшія основанія своего изслѣдованія. „Экономическое положеніе нашего крестьянства, особенно центральныхъ черноземныхъ областей, таково, что голодовки грозятъ сдѣлаться хроническими. Причины этого явленія слѣдуетъ искать не въ однихъ только малыхъ надѣлахъ и обремененіи крестьянъ платежами, а также и въ современныхъ порядкахъ общиннаго землепользованія... и въ несоразмѣрной величинѣ поселковъ и образующемся, благодаря

этому, длинноземельѣ. Это общинное землепользованіе съ передѣлами, черезполосицей и возникающею отсюда принудительною обработкой препятствуетъ улучшенію земледѣльческой техники... Радикальное улучшеніе экономическаго положенія крестьянства срединной черноземной полосы, при сохраненіи общиннаго землепользованія въ его настоящемъ видѣ, невозможно ни путемъ прикупки на мѣстѣ земли, ни путемъ выселенія на окраины избытка земледѣльческаго населенія... Спасеніе крестьянскаго хозяйства заключается въ переходѣ къ болѣе раціональной системѣ хозяйства... Чтобы сдѣлать возможнымъ этотъ переходъ, необходимо радикально измѣнить современный порядокъ пользованія общинными землями въ томъ смыслѣ, чтобы совершенно уничтожить всякіе передѣлы и переверстки и отвести въ пользованіе каждаго хозяина опредѣленную площадь, по крайней мѣрѣ, полевой земли, которая, составляя нераздѣльное хозяйство, передается по наслѣдству, въ видѣ такового, безъ раздробленія" (стр. 179—182).

Заключенія, какъ видитъ читатель, настолько рѣшительны и, вслѣдствіе этой рѣшительности, несовмѣстимы съ духомъ истиннаго ученаго, слишкомъ хорошо понимающаго ограниченность имѣющихся въ его распоряженіи методовъ наблюденія соціальныхъ явленій и потому склоннаго придавать своимъ выводамъ характеръ большей или меньшей вѣроятности, а не безусловной истинности,—что ими совершенно опредѣленно устанавливается духовная связь новоалександрійскаго ученаго со смоленскимъ помѣщикомъ, открывшимъ истинныя причины вырожденія крестьянской лошади. Поэтому мы можемъ насчетъ ихъ удовлетвориться вышесказаннымъ, воздерживаясь отъ оцѣнки этихъ заключеній по существу. Замѣтимъ только, что авторъ не только не *доказалъ* основной мысли своего утвержденія, заключающейся въ томъ, что общинные порядки землепользованія, дѣлая невозможнымъ возвышеніе сельскохозяйственной культуры, являются главною причиной голодовокъ въ Россіи, но и *не доказывалъ* ее, хотя и употреблялъ иногда выраженія, свидѣтельствующія, будто бы, о противномъ тому, что мы утверждаемъ. Общій смыслъ его длинной и скучной, потому что безплодной, полемики съ приверженцами русской общины заключается въ развитіи мысли, что общинное землепользованіе *задерживаетъ* земледѣльческій прогрессъ, по

не безусловно ему препятствуетъ, такъ какъ авторъ не отвергалъ тѣхъ улучшеній крестьянскаго хозяйства, какія наблюдаются въ нечерноземной полосѣ Россіи, не отрицалъ тѣхъ весьма интензивныхъ системъ полеводства, какія существуютъ, напримъ., подъ Москвой, въ ростовскомъ огородномъ районѣ и т. д., и которыя весьма мирно уживаются съ общими и частными передѣлами земли. Если бы г. Скворцовъ имѣлъ въ виду не теоретическій вопросъ о преимуществахъ общиннаго или индивидуальнаго землепользованія въ дѣлѣ поднятія сельскохозяйственной культуры, а практическій вопросъ о томъ, служитъ-ли наша община дѣйствительною (а не возможною) причиной низкаго состоянія крестьянскаго хозяйства, въ такомъ случаѣ онъ не удовлетворился бы возобновленіемъ стараго теоретическаго спора и повтореніемъ давно высказанныхъ и никого не убѣдившихъ аргументовъ, а обратился бы къ районамъ распространенія общиннаго и личнаго землевладѣнія, сравнилъ бы состояніе хозяйства на поляхъ того и другого, доказалъ бы, что обнаруженное различіе обусловливается разницей въ порядкахъ землепользованія. Но онъ этого не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать, такъ какъ прекрасно зналъ, что подобное сравненіе не приведетъ ни къ чему, и былъ убѣжденъ, что русскій крестьянинъ, владѣющій землей на личномъ правѣ, не можетъ быть прогрессивнымъ агрикультурнымъ дѣятелемъ, такъ какъ не имѣетъ нужныхъ для этого знаній. Это убѣжденіе г. Скворцовъ высказалъ на стр. 182 своего труда, когда, порекомендовавши уничтоженіе современной общины, онъ въ заключеніе прибавляетъ: „но все это будетъ только первый шагъ къ поднятію благосостоянія крестьянъ. Чтобы развитіе шло дальше нормальнымъ порядкомъ, необходимо *учить народъ* улучшеннымъ пріемамъ культуры“. Но если безъ вліянія науки поднятіе крестьянской культуры представляется невозможнымъ, а отъ состоянія культуры зависитъ и благосостояніе населенія; если затѣмъ крестьянинъ общинникъ и подворникъ одинаково невѣжественны и потому оба должны оставаться на низкой ступени экономической состоятельности, то, спрашивается, сообразно какому закону логики авторъ считаетъ себя вправѣ утверждать, что причиной этого низкаго экономическаго состоянія русскаго народа, зависящаго, по его мнѣнію, отъ первобытной культуры

земли, является община, что „сохраненіе существующихъ общинныхъ порядковъ будетъ поддерживать всѣ тѣ условія (т.-е. невѣжество народа?), которыя вызвали недавніи голодъ“ (стр. 133). Что, кромѣ духа его смоленскаго предшественника, привело г. Скворцова къ такому заключенію?

Какъ бы то ни было, а теперь читателю понятно, почему, вмѣсто апостеріорнаго доказательства положенія о томъ, что причиной голодовокъ въ Россіи является община, г. Скворцовъ предпочелъ вступить въ теоретическія пререканія съ писателями-общинниками, а по поводу указываемыхъ послѣдними фактовъ общиннаго улучшенія сельскохозяйственной культуры онъ счелъ за лучшее повторять мысль о томъ, что, при полной свободѣ распоряженія хозяина своимъ участкомъ, сельскохозяйственный прогрессъ могъ бы идти быстрѣе. Останавливаясь нѣсколько на этой системѣ трактованія предмета, мы должны подчеркнуть выгодную сторону такой позиціи для противниковъ общины, заключающуюся въ томъ, что они окажутся правыми всегда, даже въ случаѣ, если бы жизнь шла совершенно противно ихъ утвержденіямъ. Но этой-то причинѣ, конечно, г. Скворцовъ и считаетъ умѣстнымъ ограничиться перетряхиваніемъ старыхъ аргументовъ pro и contra общины. Тридцать лѣтъ назадъ, на основаніи нѣкоторыхъ теоретическихъ положеній одни писатели утверждали, что община совмѣстима съ сельскохозяйственнымъ прогрессомъ, другіе—что она задерживаетъ необходимыя преобразованія и потому такъ или иначе будетъ снесена историческимъ ходомъ вещей. Черезъ тридцать лѣтъ на ряду съ благополучнымъ существованіемъ общины,—несмотря на многія неблагопріятныя для нея условія неагрикультурнаго характера,—констатируется фактъ уже начавшагося движенія впередъ общиннаго хозяйства, причемъ дѣлаются указанія на то, что община обнаруживаетъ большую гибкость въ этомъ дѣлѣ, что въ однихъ случаяхъ она является руководителемъ движенія, къ другихъ—отказывается отъ многихъ своихъ правъ, въ видахъ возможно болѣе полнаго освобожденія отдѣльныхъ хозяевъ отъ стѣсненій, налагаемыхъ общинными узами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, устанавливается и то положеніе, что мелкое личное землевладѣніе вовсе не проявляетъ большей энергіи въ дѣлѣ сельскохозяйственнаго прогресса. Въ отвѣтъ на это начинается

повтореніе старыхъ аргументовъ на новый ладъ... Вы говорите, что въ общинѣ начался процессъ измѣненія сѣвооборота со введеніемъ травосѣянія; но, спрашивается, почему этотъ процессъ не начался раньше? Очевидно, „самые факты служатъ наилучшимъ подтвержденіемъ того, что община является *значительнымъ* тормазомъ для введенія улучшеній". Въ приводимыхъ вами фактахъ общиннаго перехода къ новымъ порядкамъ есть „случаи или два, въ которыхъ травосѣяніе послѣ введенія должно быть оставлено", очевидно, что „община является помѣхой улучшенію" (стр. 93 — 96). На основаніи фактовъ дѣйствительности вы утверждаете, что, въ случаѣ согласія большинства членовъ общины на введеніе какого-либо преобразованія общиннаго характера, это преобразованіе будетъ осуществлено во всемъ хозяйствѣ даннаго союза, т.-е. всеобщее введеніе извѣстнаго улучшенія обезпечено здѣсь лучше, нежели въ томъ случаѣ, когда оно зависитъ отъ доброй воли всѣхъ хозяевъ. Но, спрашивается, „сколько же времени нужно для убѣжденія большинства? Конечно, если для этого требуется 1—2 года, то съ этимъ еще можно мириться, но мы видимъ на дѣлѣ, что при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ (?) для этого требуются цѣлыя десятилѣтія (авторъ здѣсь подразумѣваетъ фактъ, что въ Калинскомъ уѣздѣ. Тверской губ., еще въ 40-хъ годахъ „были помѣщики, которые сѣяли клеверъ", а крестьяне стали вводить у себя травосѣяніе лишь въ 80-хъ годахъ). При свободѣ же распоряженія оказалось бы, что принявшіе новые порядки богатѣютъ, а остающіеся при старыхъ порядкахъ бѣднѣютъ. Это, безъ сомнѣнія, явилось бы несравненно сильнѣйшимъ аргументомъ, чѣмъ всякія убѣжденія" (стр. 109) и т. д.

Такимъ образомъ, приводимые вами факты прогрессивныхъ теченій въ общинномъ хозяйствѣ не отвергаются, существованіе большей быстроты этихъ теченій въ хозяйствѣ мелкихъ личныхъ собственниковъ не утверждается, но это нисколько не мѣшаетъ еще и еще повторять, что „пока существуетъ общинное землепользованіе съ принудительною обработкой, черезполосицей и передѣлами, введеніе раціональнаго сѣвооборота... не пойдетъ съ *желательною* быстротой... Сохраненіе же существующихъ общинныхъ порядковъ будетъ поддерживать всѣ тѣ условія, которыя вызвали недавній голодъ". Пройдетъ еще тридцать лѣтъ. Община

сдѣлаетъ еще шагъ впередъ (какъ она дѣлаетъ нынѣ такой шагъ въ отношеніи внутреннихъ распорядковъ, напр., введенія болѣе справедливыхъ системъ разверстки земли); травосѣяніе и корнеплоды окажутся, можетъ быть, общераспространеннымъ явленіемъ на общинныхъ поляхъ. Но г. Скворцовъ или еще болѣе усовершенствованный представитель идеи „соціализма и вырожденія крестьянской лошади“ можетъ съ полнымъ правомъ стоять на томъ же аргументѣ, что при личномъ землевладѣніи все это могло бы совершиться значительно быстрѣе. Наконецъ, если путемъ естественной эволюціи общинная Россія съ теченіемъ времени окажется стоящей на всей высотѣ агрикультурныхъ требованій, г. Скворцову или его преемнику останется только,—по примѣру доктора, встрѣтившаго больного, давно приговореннаго имъ. по всѣмъ правиламъ науки. къ смерти, живымъ и здоровымъ,—развести руками и воскликнуть: falsch curirt! — и затѣмъ продолжать старую пѣсню о томъ, что, „все-таки, при свободѣ распоряженія участками, хозяева“ и т. д.

Да, г. Скворцовъ, если Россіи суждено избавиться отъ удручающихъ ее бѣдствій, то, конечно, она достигнетъ этого не примѣненіемъ тѣхъ средствъ, которыя, со смѣлостью невѣжды или апломбомъ ограниченной академической мудрости, рекомендуютъ сильнымъ міра сего лица, забывшія о живыхъ людяхъ и видящія только формулы, истинный характеръ которыхъ они, къ тому же, плохо понимаютъ, а при помощи мѣръ, которыя ваша доктринерская схоластика должна считать неправильнымъ способомъ лѣченія общественной болѣзни!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе.

I **Роль рынка** 1

II **Что такое цѣнность** 43

III. **Капиталистическая эволюція промышленности:**

Капиталистическій законъ производства, распредѣленія и потребленія 102

Характеръ капиталистической промышленности. 152

Вспомогательныя средства капиталистической эволюціи . . . 179

IV. **Русскій марксизмъ:**

Марксизмъ научный 208

Марксизмъ буржуазный 246

Теорія буржуазнаго марксизма 286